

С. М. СОЛОВЬЕВ

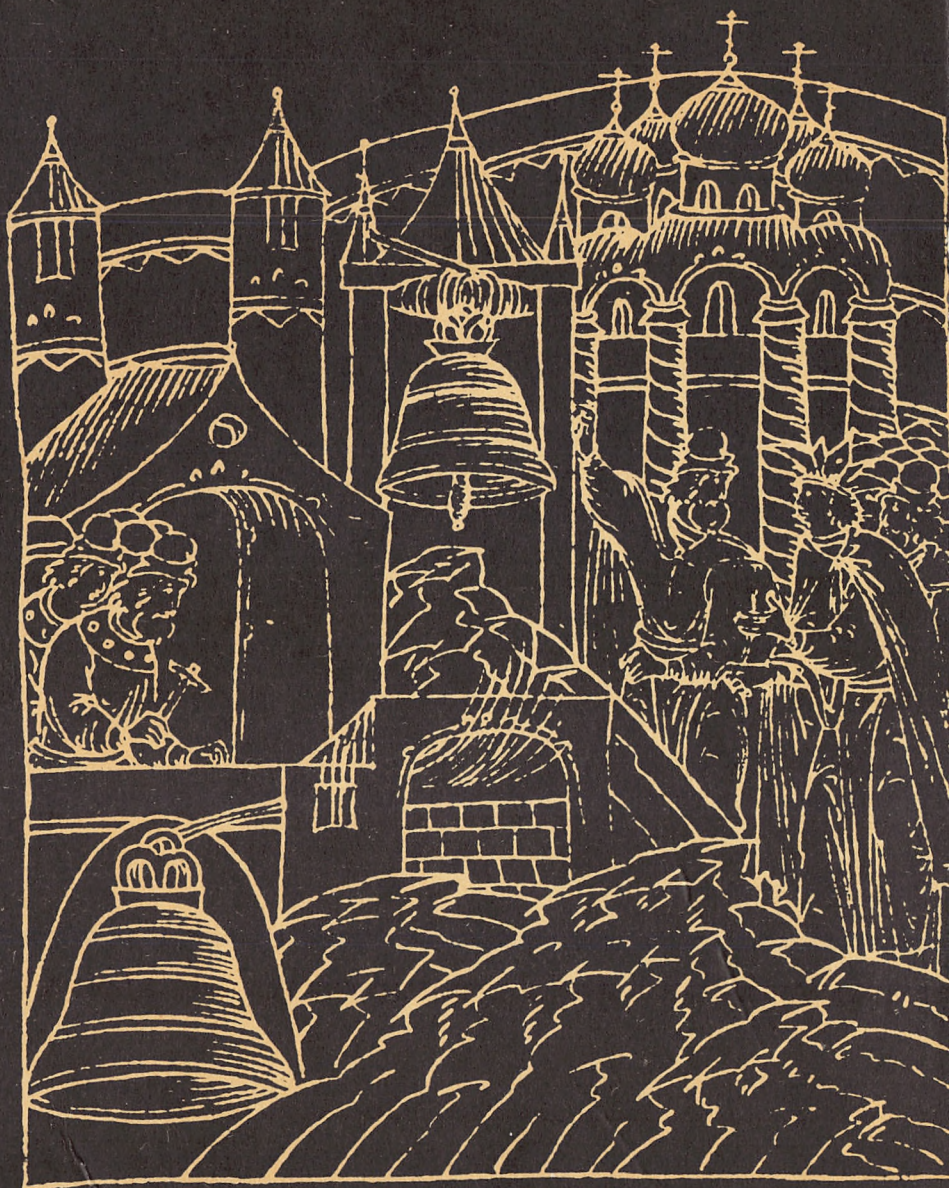
Летописцы Отечества

С. М. СОЛОВЬЕВ

Общедоступные
чтения
о русской истории

Летописцы
Отечества

С.М. СОЛОВЬЕВ

Общедоступные
чтения
о русской истории

Автор очерка о жизни и творчестве
С. М. Соловьева и комментариев
кандидат исторических наук И. В. ВОЛКОВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
"РЕСПУБЛИКА"

1992

ББК 63.3(2)5

С60

Серия "Летописцы Отечества"
издается под общей редакцией
доктора исторических наук Н. И. ПАВЛЕНКО

Соловьев С. М.

С60 **Общедоступные чтения о русской истории/ Авт. очерка
и коммент. И. В. Волкова. — М.: Республика, 1992.— 350 с.:
портр. — (Летописцы Отечества).
ISBN 5—250—01361—9**

Работа С. М. Соловьева "Общедоступные чтения о русской истории" красочно, в популярной форме излагает основные события прошлого нашей страны — с IX до середины XIX в. О жизни и творческом пути крупнейшего дореволюционного историка России С. М. Соловьева подробно рассказывает И. В. Волкова. Автор раскрывает его отношение к волнующим и сегодня проблемам реформы и революции, государства и общества, личности и народа, закономерности и свободы исторического выбора, права и ответственности; показывает стремление С. М. Соловьева понять настоящее и воздействовать на него.

Для всех интересующихся историей России.

С 050302000—077 85—93
079(02)—92

ББК 63.3(2)5

ISBN 5—250—01361—9

© Издательство "Республика", 1992

Летописцы Отечества

Общеизвестен интерес читателей к истории нашей Отчизны. Он в значительной степени удовлетворяется опубликованием трудов дореволюционных и советских историков. Знакомство с жизнью и творческой деятельностью самих ученых, воссоздававших прошлое, и является одной из основных задач серии "Летописцы Отечества", первая книга которой предлагается вниманию читателей.

Широкой читательской аудитории известна "История государства Российского", но она мало осведомлена о творческом и жизненном пути ее автора — Николая Михайловича Карамзина. Все интересующиеся прошлым знают "Историю России с древнейших времен", но далеко не все из них имеют представление о том, как создавался этот фундаментальнейший труд, какие препятствия приходилось преодолевать автору, как встречены были его труды современниками и затем оценены потомками. То же самое можно сказать о популярном и плодотворном историке второй половины XIX века Николае Ивановиче Костомарове, о знаменитом Василии Осиповиче Ключевском и других.

Очерками об этих ученых мы попытаемся создать картину исторической науки в лицах, раскрыть, если это возможно, творческую лабораторию каждого из них. Написанные достаточно выразительно, с привлечением впечатляющих фактов из личной жизни и научной деятельности, очерки, посвященные ученым-историкам, должны быть доступны неспециалистам, широким читательским кругам, интересующимся прошлым нашего Отечества. Это — первая задача.

Вторая задача, сугубо научная, предусматривает пересмотр традиционных в советской историографии оценок историков и их трудов, порой несправедливо игнорируемых в наше время. Мы не намерены оспаривать сложившуюся классификацию историков по направлениям в историографии: дворянское, охранительное, буржуазное, народническое и др. Но безоговорочно причисление того или иного историка к отдельным направлениям нередко сопряжено с упрощенчеством и следованием далеко не бесспорным стереотипам. Так, Василий Васильевич Крестинин и Иван Иванович Голиков — историки-любители второй половины XVIII века — подаются как зачинатели буржуазной историографии. Однако в их трудах отсутствует критика существовавшей социально-экономической и политической системы. Крестинин осуждал не систему, а лиц в этой системе.

За Н. И. Костомаровым в иные времена прочно закрепилась репутация основоположника украинского национализма. Анализ трудов ученого приводит к мысли, что он таковым не был. Едва ли не самым важным критерием для зачисления историка в лагерь националистов является его отношение к Мазепе. В действительности же одни из лучших сочинений Костомарова — "Мазепа"

и "Мазепинцы"— не оставляют сомнений в отрицательном отношении автора к изменнику.

Столь же сомнительна оценка отечественной историографии конца XIX— начала XX века как показателя кризиса буржуазной исторической науки, о чем подробнее будет сказано ниже.

Задачи издания определили и его жанр — очерки должны сочетать строгую научность, опираться на добротные источники и отбор проверенных фактов, с доступностью изложения, созданием живых, а не иконописных образов подвижников-ученых, наделенных не одними только добродетелями.

В. О. Ключевскому принадлежит афоризм: "В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли". Впрочем, добавим от себя, мысли тоже отражены в книгах. Поэтому в центре внимания авторов очерков об ученых должны стать их труды: книги, статьи, публикации документов. Вместе с тем важно проследить, как вызревали замыслы книг и заложенных в них мыслей, как возникали и оттачивались взгляды ученых, какие силы им противостояли, какова была атмосфера их материально-го и духовного бытия.

Перед читателями предстанут яркие и самобытные личности историков со своеобразными чертами характера, укладом личной и семейной жизни. У одной работа над историческими сочинениями отнимала львиную долю времени и энергии, все остальное их не интересовало или почти не интересовало. К их числу можно отнести Н. Г. Устрялова и особенно В. О. Ключевского. Другие историки не замыкались в рамках узких профессиональных интересов и активно участвовали в общественно-политической жизни страны. Среди их знакомых и приятелей можно встретить не только историков, но и художников, публицистов, писателей, актеров, с которыми они без труда устанавливали контакты. Такие историки олицетворяли целый пласт культурной жизни общества. К их числу относится прежде всего М. П. Погодин, поддерживавший знакомство и приятельские отношения с А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, А. Н. Островским, М. С. Щепкиным и другими. Погодин был историком, издателем журналов, публицистом, писателем, коллекционером, путешественником.

Одни историки в молодости грешили участием в оппозиционных движениях, но в зрелые годы отходили от них. К ним относятся В. О. Ключевский и Н. И. Костомаров. Другие, напротив, начинали историками, а затем пускались в бурный водоворот политической борьбы. Таковыми были Б. Н. Чичерин и особенно П. Н. Милоков.

Одни историки преуспевали, их жизнь не омрачалась лишениями и невзгодами, они пользовались поддержкой правительства, других правительство преследовало за их политические убеждения и ставило в такие условия, что они были вынуждены прекратить занятия историей. К последним относится А. П. Шапов, посланный в глухое забайкальское село, где и погиб талант ученого.

Одни ученые отличались творческим долголетием и огромной работоспособностью (М. П. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский), другие уходили из жизни в раннем возрасте, не успев исчерпать своих незаурядных творческих возможностей (Н. П. Павлов-Сильванский).

Каждая книга серии будет состоять из двух разделов: в первом автор сообщит биографические сведения об ученом, проследит его творческий путь,

изложит этапы формирования исторической концепции, определит место учебного историографии; второй раздел, по объему более пространственный, будет состоять из полностью или частично печатанных трудов ученого, его мемуаров и переписки, если таковые сохранились, свидетельств современников о нем. Можно не сомневаться, что раздел, в котором будут даны забытые или впервые публикуемые источники и сочинения, вызовет у читателей не меньший интерес, чем содержание первого раздела.

Кого считать летописцем Отечества? Прежде всего профессиональных историков, авторов разнообразных исследований событий и явлений прошлого. Не вызывает сомнений включение в список летописцев Отечества корифеев исторической мысли дореволюционной поры, классиков отечественной истории — Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Имена этих историков не нуждаются в представлении.

Вслед за ними идет плеяда историков, чья популярность среди читательской публики не идет ни в какое сравнение с названными выше именами, но чьи труды составили значительный вклад в историю науки. Речь идет об историках-концептуалистах, авторах оригинальных построений истории нашей страны. К ним относятся В. Н. Татищев, М. П. Погодин, Б. Н. Чичерин, Н. И. Костомаров, А. П. Шапов, П. Н. Милюков, Д. И. Иловайский, Г. В. Плеханов, М. Н. Покровский. Каждый из них — ученый со своим пониманием исторического процесса.

Далее следует плеяда крупных историков, чьи имена запечатлены в историографии не столько трудами концепционного содержания, сколько фундаментальными исследованиями частных проблем: Н. Г. Устрялов, Н. Ф. Дубровин, И. Е. Забелин, В. И. Семецкий, С. Ф. Платонов, М. М. Богословский, Ю. В. Готье и другие.

Еще одна группа историков занималась археографией (опубликованием источников) и источниковедением (методикой исторического исследования). Среди них самыми крупными были И. Н. Болтин, М. Т. Каченовский, П. М. Строев, А. А. Шахматов.

Сложнее выбрать летописцев Отечества среди советских историков. Скорее всего, выпадут из их числа многие историки СССР. Большинство их трудов, как обобщающих, так и монографических, содержат столько отступлений от подлинной истории, что подлежат кардинальной переоценке. Что касается специалистов, занимавшихся историей дореволюционной России, то не все они поддавались безоговорочному воздействию конъюнктуры и поступались научной совестью. Некоторые из них подвергались давлению командно-административной системы и преследовались за научные убеждения. Другие должны были менять проблематику, переходить на изучение менее острых сюжетов. Среди них С. Б. Веселовский, Б. П. Козьмин, М. Н. Тихомиров, А. П. Окладников, Б. А. Романов, А. А. Зимин, А. Я. Аврех и другие.

Важнейшим элементом творчества ученого-историка являются его воззрения, приведенные в соответствующую систему, получившую наименование концепции. Мы не станем излагать концепции историков и тем самым предвирать содержание будущих книг. Однако один момент заслуживает упоминания. Речь идет о разнообразии взглядов дореволюционных специалистов на историческое прошлое представителями не только одного направления, но и одной школы. Так, у основателей государственной школы (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев) можно обнаружить существенные

расхождения в оценке важнейших этапов истории страны. Представители так называемого охранительного направления в русской историографии (И. Д. Иловайский, М. П. Погодин) не только не следовали слепо друг за другом, но и остро полемизировали между собой. Многочисленные ученики В. О. Ключевского высказывали оценки, существенно отличавшиеся от тех, которые давал их учитель. Достаточно, например, вспомнить взгляды Ключевского и его ученика М. М. Богословского на петровские преобразования или воззрения С. Ф. Платонова и В. О. Ключевского на время правления Ивана IV. Так оно и должно быть, ибо, во-первых, плох тот ученик, который усердно повторяет все сказанное учителем. Во-вторых, разнообразие суждений и оценок — критерий наличия в науке творческих индивидуальностей, талантливых ученых, способных выявлять не только новые источники и описывать новые факты, но и генерировать новые идеи в науке.

Встает вопрос об отношении советских историков к наследию их предшественников.

Советская историография, руководствуясь жесткими схемами и догмами, недооценивала своих предшественников, творивших в XIX — начале XX века. Оценка достижений дореволюционных историков была однозначной: признавались добытые ими факты, но отменялась интерпретация ими этих фактов и все их суждения концепционного плана.

За временем конца XIX — начала XX века прочно утвердилась репутация периода кризиса буржуазной исторической науки. И это вопреки тому, что в эти десятилетия жили и творили такие корифеи русской исторической мысли, как В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, Н. П. Павлов-Сильванский, П. Н. Милюков и многие другие. Ими написаны блестящие исследования, не утратившие научного значения и в наши дни. Как совместить расцвет исторической науки, связанный с именами талантливых исследователей, с понятием ее кризиса?

Выход был найден в толковании понятия "кризис". Социальной основой его считалась утрата буржуазией ранее выполняемой ею "относительно прогрессивной" роли в жизни общества. Конкретное проявление кризиса — в отказе от признания поступательного и закономерного хода истории, от исторического монизма, игнорирование истории народных масс, классовый борьбу и революционного движения, враждебное отношение к марксизму и т. д.

В этом далеко не полном перечне признаков кризиса буржуазной исторической науки есть немало натяжек и огульных оценок. Анонимный характер текстов, отсутствие имен историков, олицетворявших кризис буржуазной историографии, позволял промахи одного историка переносить на всю историческую науку. Можно ли утверждать, что В. О. Ключевский отказывался от закономерностей в истории, П. Н. Милюков не признавал поступательного движения в истории (вспомним его теорию использования человечеством ресурсов), а С. Ф. Платонов отрицал социальные противоречия в обществе как одну из предпосылок Смуты? Мы никак не можем взять в толк (даже если еще появятся десятки трудов на эту тему), как можно считать, наряду с названными именами историков, А. А. Кизеветтера, М. М. Богословского, А. Е. Преснякова и других исследователей представителями науки, находившейся в состоянии кризиса!

Полностью отвергая "концепции буржуазных историков", многие советские историки нередко вместе с водой выплескивали и ребенка. Придерживаясь тезиса о решающем воздействии базисных явлений на надстройку, а также

классовой борьбы на историю общества, советские историки порой настолько упрощали это взаимодействие, что скатывались на позиции экономического материализма и вульгарного социологизма. Это лишало их возможности дать убедительное объяснение причин и условий возникновения единого государства, крепостного права, абсолютизма, движения декабристов и т. д.

Дореволюционные историки исходили из определяющего воздействия на жизнь общества размера территории и почвенно-климатических условий. Советская историография хотя на словах и признавала воздействие этих факторов, но упоминала о них скороговоркой, без конкретного раскрытия форм их воздействия на исторический процесс. Между тем без пристального исследования этой проблемы невозможно объяснить многие явления в истории нашего Отечества, например причины отсталости России. Ее связывали с монголо-татарским игом, но на ликвидацию его последствий достаточно было максимум одного века, между тем в последующие столетия отсталость не сокращалась, а увеличивалась. Причина этого — грандиозные размеры территории, представлявшие, по сути, безграничные возможности для экстенсивного развития производительных сил (возможность забрасывать истощившие плодородие земли и осваивать новые районы), не стимулировали совершенствование ни агротехники, ни систем земледелия. Напомним в связи с этим главную особенность истории России, сформулированную С. М. Соловьевым и повторенную В. О. Ключевским: история России — история страны, которая колонизируется. Ошибался ли Соловьев, когда писал о бродяжничестве населения по бескрайним просторам и обусловленном этим закрепощении крестьян?

Вряд ли целесообразно продолжать трактовать историю России только в рамках общих закономерностей исторического развития и отрицать ее специфику по сравнению со странами Западной Европы. Унифицированный подход к изучению исторических судеб всех стран и игнорирование особенностей России не принесли успеха. Между тем дореволюционные историки всех направлений признавали специфику истории России.

Мы остановились на некоторых изъянах советской историографии с единственной целью — подчеркнуть ошибочность признания достижений дореволюционной историографии лишь в области накопления фактов и решительного отрицания всех ее успехов концепционного плана. Стремление все оценивать наоборот по сравнению с дореволюционными историками было привнесено в советскую историографию М. Н. Покровским и его последователями, а затем закреплено "Кратким курсом истории ВКП(б)". На последнем воспитывалось не одно поколение историков, и его положения и оценки настолько прочно внедрились в их умы, что и спустя три десятилетия после развенчания "Краткого курса" они все еще полностью не вытравлены из их сознания.

Историки во все времена творили не в вакууме. Они подвергались воздействию, по крайней мере, трех факторов, вызывавших эволюцию их взглядов. Изменение во взглядах происходило под влиянием развития самой исторической науки: накопление знаний, открытие новых источников вынуждало историков менять оценки, корректировать прежние представления. В голову приходит хрестоматийный пример: открытие в 1951 году берестяных грамот в Новгороде А. В. Арциховским и продолжателем его дела В. Л. Янинным позволило внести существенные изменения в представления историков о распространении грамотности среди населения Новгорода, о социальной структуре общества, о быте новгородцев и т. д.

Еще один пример относится к эволюции взглядов Г. В. Плеханова, обусловленной углубленным изучением предмета. В опубликованной в 1895 году брошюре "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю" он придерживался ортодоксально-марксистского воззрения на производительные силы и производственные отношения как определяющие факторы исторического процесса. В 1914—1916 годах, работая над "Историей русской общественной мысли" и вплотную занявшись русской историей, Плеханов круто изменил свое отношение к идеям историков государственной школы. Вслед за С. М. Соловьевым он стал придавать огромное значение в истории России географическому фактору, которому ранее отводил второстепенную роль.

В других случаях творчество историка подвергалось воздействию общественно-политической среды; общество, находясь в непрерывном движении, переоценивало события давно прошедших времен, выдвигало перед историками новые задачи, нацеливало на исследование сюжетов, не интересовавших предшествующие поколения специалистов. Так, польское восстание 1863 года возбудило интерес к прошлому Польши, к истокам, его вызвавшим. В ответ на запросы общества возникли работы, посвященные истории Польши: "История падения Польши" С. М. Соловьева (1863), "Польский вопрос" М. П. Погодина (1867), "Последние дни Речи Посполитой" Н. И. Костомарова (1870). Интерес к истории земских соборов на Руси подогревался кануном реформ второй половины XIX века, а также выборами и деятельностью Дум в начале XX века. Двухсотлетие со дня рождения Петра Великого было отмечено "Публичными чтениями о Петре Великом" С. М. Соловьева.

Исторические воззрения и концепции изменялись, наконец, под влиянием философских систем, вооруживших историков теоретическими знаниями, необходимыми для осмысления прошлого. Именно смена философских взглядов, исповедуемых историками, позволила им перейти от описания фактов к их осмыслению, к установлению причинной связи между явлениями и к расстановке их в определенной последовательности. Переход от исторических знаний к науке и совершенствование исторической науки осуществлялись благодаря переходу от провинциализма, когда все объяснялось божественным промыслом, к рационализму, от него — к различным течениям идеалистической философии, венчал которую Гегель, а затем — к историческому материализму.

Можно привести множество примеров, когда одни и те же события и факты у историков разных поколений получали несхожую, а порою и диаметрально противоположную оценку. Н. М. Карамзин появление опричнины объяснял необузданным характером Ивана IV, патологическими свойствами его безнравственной души, склонной к разврату и душегубству. Здесь виден отпечаток сентиментализма.

С. М. Соловьев обнаружил в опричнине определенный исторический смысл — она возникла ради утверждения государственного начала, противостоявшего родовым отношениям. Соловьев не отрицал бессмысленность жестоких форм борьбы нового со старым, но считал их порождением суровой эпохи.

В. О. Ключевский придерживался взглядов, близких Карамзину: он тоже считал опричнину бессцельной затеей, "плодом чересчур пугливого воображения царя". Она ничего не изменила, ибо была направлена не против системы, а против лиц — на смену уничтоженным приходили такие же другие.

С. Ф. Платонов, как и Соловьев, считал опричнину целенаправленным действием Ивана IV, но его взгляд несколько отличался от оценок Соловьева — опричнина была, по его мнению, нацелена на истребление

княжат, которых царь "выводил" из принадлежавших им родовых владений и сслил на других землях, в земщине. Наследственные гнезда княжат он зачислял в опричнину. Выселение княжат в земщину, где они не имели опоры, ослабляло их силы и влияние, что способствовало укреплению самодержавия.

До середины 50-х годов нынешнего столетия советская историография видела в Грозном выдающегося государственного деятеля и военачальника, внесшего громадный вклад в создание централизованного государства. Царь вел борьбу с боярством ради укрепления самодержавия, он был грозным для врагов централизации, но пользовался неистребимой любовью народа. При этом замалчивались вопиющие насилия опричников, кровавые оргии самого царя, дикие проявления опричного террора, разграбление Грозным и его опричниками Твери и Новгорода.

С середины 50-х годов советская историография произвела переоценку опричнины: новые исследования убедительно утвердили тезис о том, что в годы опричного террора истреблялись не только княжата и бояре, и доказали, что террор лишил жизни помимо княжат множество дворян, крестьян, горожан и самих опричников. Признавая некоторые успехи в централизации при Грозном, современные исследователи отмечают, что она наводила ужас на страну, сопровождалась ее разорением и дорого обошлась народным массам.

Такой же разноречивой была оценка влияния монголо-татарского ига на судьбы Руси. Н. М. Карамзин придавал монголо-татарскому игу двойное значение. С одной стороны, оно влекло "нравственное уничтожение людей. Забыв гордость народную, — продолжал Карамзин, — мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая татар, более обманывали и друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженнее нагlostям иноплемennых тиранов". С другой стороны, "несомнительны", как писал Карамзин, и "благотворные следствия ига: оно способствовало возвышению Москвы и укреплению позиций православного духовенства на Руси".

С. М. Соловьев придавал первостепенное значение не внешним влияниям на историю страны, а происходившим в ней внутренним процессам. Поэтому он, в отличие от Карамзина, придерживался диаметрально противоположного взгляда на роль монголо-татарского ига. По сути, он отрицал за ним как положительное, так и негативное влияние на историю страны. "Монголы остались, — рассуждал он, — жить вдалеке, заботились только о сборе дани, насколько не вмешивались во внутренние отношения, оставляя все как было, следовательно оставляя в полной свободе действовать те новые отношения, какие начались на севере прежде них".

Своеобразную позицию в освещении этого вопроса занимал М. Н. Покровский. Он утверждал, что монголо-татары по сравнению с Русью находились на более высокой ступени развития материальной и духовной культуры и поэтому оказали благотворное воздействие на Русь, заимствовавшую у них налоговую и денежную системы, организацию вооруженных сил и т. д.

Внимание же советской историографии было приковано исключительно к негативным последствиям монголо-татарского ига. Комплекс письменных источников, находившихся в поле зрения дореволюционных историков, пополнился вещественными памятниками, добытыми в археологических экспедициях. Благодаря им советскими исследователями доказано, что нашествие сопровож-

далось превращением городов в пепел и уводом в рабство ремесленников. Неверным оказалось и утверждение, что монголо-татары, хотя и вопреки своей воле, осуществляли объединительную политику. В действительности они руководствовались лозунгом "разделяй и властвуй", натравливанием одних князей на других и пристально следили, чтобы ни один из них не усилился.

Вся дореволюционная историография враждебно относилась к крестьянским войнам, однако причины негативного отношения были различными. Историками дворянского лагеря бунты осуждались на том основании, что всякое выступление против царя, бояр и дворян считалось выступлением против помазанника Бога на земле и против установленных Богом порядков. С. М. Соловьев рассматривал крестьянские войны сквозь призму борьбы двух начал: государственного и анархического. Под анархическим он подразумевал выступление казаков, этих, по его мнению, одичавших единоплеменников, дезертиров, бегством на окраины уклонявшихся от тягот, бремя которых несло остальное население. Выступления казачества Соловьев осуждал, поскольку они были направлены против государства, являвшегося творцом исторического процесса: казаки сопротивлялись планомерному наступлению государства на их автономию, а также стремлению этого государства унифицировать порядки на окраинах с порядками остальной территории России.

Г. В. Плеханов тоже негативно относился к крестьянским восстаниям, но по другой причине: по его мнению, крестьяне боролись за сохранение старых, закостеневших порядков, против проникновения в хозяйство товарно-денежных отношений.

Советские историки, как хорошо известно, положительно оценивали крестьянские войны, посвятили им фундаментальные исследования, выявили и опубликовали огромное количество новых источников. Признавая заслуги советской исторической науки в изучении крестьянских войн, надлежит упомянуть, на наш взгляд, по крайней мере, о трех встречающихся в литературе сомнительных положениях.

Первое из них относится к оценке конечных результатов крестьянских войн — они именуются антифеодальными. Однако антифеодальными могли быть только буржуазные революции — только они в случае победы могли сопровождаться заменой феодальных порядков буржуазными. Крестьяне, как известно, в силу многих причин своего бытия не могли "изобрести" новых общественно-экономических отношений и политической системы. Крестьяне в ходе восстаний боролись не против системы, а за ее улучшенный вариант, воплощенный в идее "хорошего" царя и вельмож, не против феодально-крепостнических порядков, а за смену лиц в этих порядках.

Безо всяких на то оснований Булавинское восстание 1707—1708 годов на Дону возведено в ранг крестьянской войны. Это не что иное, как дань конъюнктуре, стремление иметь крестьянских войн "числом поболее". В действительности восстание на Дону и по целям, и по движущим силам было типичным казачьим выступлением.

Говоря об историческом значении крестьянских войн, историки долго и упорно твердили о том, что они расшатывали феодально-крепостническую систему, объективно способствуя развитию буржуазных отношений. Но ведь известно: после подавления крестьянских войн дворянство не только реставрировало старые порядки, но и укрепляло их как совершенствованием административной системы, затруднявшей возможность новых крестьянских выступлений, так и увеличением повинностей в пользу барина. Но, отказавшись

от тезиса о "расшатывании", историки при рассмотрении проблемы значения крестьянских войн так и не дали должного ее освещения.

С оценкой исторического значения крестьянских войн тесно связана их идеализация и игнорирование их разбойного характера, сопровождавшегося разрушением материальной и духовной культуры, а также нравственности. Если и признавалось разрушение сельского хозяйства и городских промыслов, то нанесенный им ущерб списывался на счет польско-шведской интервенции (речь идет о крестьянской войне начала XVII в.). Что касается движений Разина и Пугачева, то негативные их стороны остались за пределами интересов авторов специальных монографий. Достоинно, например, сожаления, что в трехтомном сочинении, освещающем крестьянскую войну под предводительством Е. И. Пугачева, объемом в 111 печатных листов, не нашлось места даже для маленького параграфа о сожжении восставшими металлургических заводов на Южном и Среднем Урале, разграблении помещичьих усадеб, разрушении городов и т. д.

Любопытная ситуация сложилась при освещении жизни и деятельности царей. Дворянская историография оценивала каждого из них с апологетических позиций, касалось ли то Павла I, Александра I или Николая I. Но уже буржуазные историки давали царствованиям неоднозначную, более сложную и, следовательно, более близкую к науке оценку: намечались разные периоды царствований и разные этапы в проводимой царями политике — от либеральной до консервативной и охранительной. Цари выглядели более или менее живыми людьми, с достоинствами и недостатками. Советские историки возвратились к одноплановой характеристике царей, но, в отличие от апологетической дворянской историографии, изображали их людьми тупыми, надменными, наделенными пороками и лишенными каких-либо добродетелей. Екатерина II представлена женщиной лицемерной и коварной, жизненное кредо которой состояло в том, чтобы скрывать свое неприятие передового и покровительствовать реакционному. Все это прикрывалось либеральными фразами и демагогией, вводившими в заблуждение передовых мыслителей Европы.

Тупым, ограниченным и самовлюбленным монархом представлен Николай I. Этот царь, с легкой руки А. И. Герцена, окрещен Николаем Палкиным, что было взято на вооружение советской историографией. Между тем он был многоликим, и на разных этапах его царствования можно обнаружить всю гамму красок — от либеральных до реакционных.

Вопрос о царствованиях затронут в связи с тем, что советская историография, как известно, одной из главных своих задач всегда считала раскрытие исторических закономерностей в конкретных их проявлениях, вся история была втиснута в жесткие рамки ее изучения по формациям: исследованию отживавшего свой век старого и зарождения в его недрах нового. Отсюда и появление множества историков, занимавшихся поисками нового и старого, и их трудов, внешне напоминающих пособие по арифметике — столько в них цифр и суждений, чего стало меньше и чего — больше.

Игнорировать изучение закономерностей, разумеется, не следует, как не следует игнорировать значение царствований. Петр Великий занимал трон 43 года, из которых на активную деятельность падало три десятилетия; Екатерина II правила страной 34 года, Александр I — четверть столетия, его брат Николай I — 30 лет. Ясно, что продолжительные царствования накладывали свой отпечаток на внутрен-

ную жизнь государства и его внешнюю политику. Царь в соответствии с мерой своей просвещенности и понимания задач, стоявших перед страной, формировал "команду", если так можно выразиться, интеллектуальный центр, генерировавший идеи и с благословения монарха претворявший их в жизнь.

Вспоминается в связи с этим фраза, оброненная Петром Великим, к сожалению доступная пониманию далеко не всех монархов: "Славу королям создают их министры". Достаточно вспомнить плеяду блестящих сподвижников Петра, выдающихся деятелей скатертинского царствования, членов Негласного комитета и знаменитого М. М. Сперанского, чтобы сделать вывод об умении подбирать соратников из талантливых людей.

Рядом с названными царями поставьте имена Анны Иоанновны и Павла I с мрачными фигурами из их окружения: Э. Бирона, графа Кутайсова. Но и эти персонажи тоже показательны, поскольку и они характеризуют время, точнее, безвременье. Их царствования хотя не столь продолжительны, но достаточно колоритны, и личности Анны Иоанновны, Павла I, Николая II невозможно спутать с каким-либо другим лицом, занимавшим трон. Они тоже создавали эпохи, правда с негативной оценкой.

Короче, коль наша наука признает роль личности в истории, то возникает естественная надобность показать эту роль в ее конкретных проявлениях. Но для этого надо изыскать способ, как сочетать принцип периодизации истории и раскрытие в ней закономерностей с влиянием личности на исторический процесс.

Краткий и вследствие этого схематичный обзор концепций (в нем опущена, например, эволюция взглядов) некоторых историков, а также показ разнообразия в оценке одних и тех же событий и явлений преследуют единственную цель — объяснить переход от плюрализма (как принято ныне говорить) мнений в дореволюционной историографии, блиставшей яркими индивидуальностями, к ее серому единообразию и упрощенчеству в советское время. Но прежде чем перейти к характеристике концепции советской историографии, необходимы предварительные замечания.

Особенность развития науки в XX веке, в том числе и исторической, состоит в ее дроблении, узкой специализации и появлении в ней новых отраслей на стыке наук. В наше время исчезли историки широкого профиля (прежде всего академическая наука; среди преподавателей границы специализации значительно шире, но работники высшей школы обременены такой нагрузкой, что среди них не могут появиться ни Соловьев, ни Ключевский), достаточно компетентные, скажем, в истории Киевской Руси, в проведении крестьянской реформы 1861 года и в истории Великой Отечественной войны. Узкая специализация, наметившаяся еще в дореволюционные годы, привела к возникновению нового типа историков, профессиональные знания которых ограничены исследованиями истории каких-либо столетий, а внутри столетий — изучением какого-нибудь социального слоя (дворянства, боярства, горожан, крестьян), либо отрасли экономики (промышленность, сельское хозяйство, торговля), либо отдельно взятых комплексов хозяйств (помещичьи и монастырские вотчины, промышленные хозяйства), либо, наконец, отдельных регионов страны (Нечерноземный центр, Черноземье, Поволжье, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток и т. д.). Еще большую раздробленность в специализации можно обнаружить среди историков советского общества.

Узкая специализация лишает историка возможности охватить весь комплекс протекавших в стране процессов, получить более или менее глубокое представление о тенденциях развития общества в целом и тенденциях развития отдельных его элементов. Последним историком, пытавшимся осмыслить историю дореволюционной России в целом, был М. Н. Покровский, умерший еще в 1932 году (хотя с точки зрения профессиональной это был слабый историк, компилятор, а не исследователь; выдвинутой им концепция малоубедительна).

Отсутствие историков, способных осмыслить весь процесс — от культуры и быта до внешней политики в их взаимодействии — на протяжении более чем тысячелетней истории страны, было восполнено коллективным творчеством. Концепция стала предметом раздумий и разысканий не одного историка, а целого коллектива. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на оглавление либо на список участвовавших в написании таких фундаментальных трудов, как "Очерки истории СССР" периода феодализма, "Всемирная история", "История СССР", "История Москвы", а также учебников по истории СССР для университетов и пединституты.

Знакомство с содержанием коллективных трудов дает основание для наблюдения: чем многочисленнее авторский коллектив, тем больше несуразностей, противоречивых утверждений и уязвимых мест в трактовке внутренней и внешней политики, в описании положения трудового населения и народного творчества и т. д.

Непрерывное условие участия в коллективном труде — унификация взглядов, единство концепции, которой обязаны придерживаться все авторы коллективного труда. Иначе и не должно быть, ибо невозможно себе представить, чтобы в подобном труде участвовали историки, придерживающиеся разных взглядов, например такие яркие и творческие индивидуальности, как В. О. Ключевский и П. Н. Милоков. В советской исторической науке утвердилось, если так можно выразиться, хоровое исполнение исторических сочинений, причем на самом примитивном уровне одногласного пения.

В основе монолитности взглядов советских историков лежали положения исторического материализма. Он предусматривает приоритет материальных условий жизни общества над духовными, зависимость надстроечных явлений от базисных, а также материалистическую диалектику. К непрерывным элементам исторической концепции относилось рассмотрение явлений сквозь призму формационной структуры общества: первобытно-общинной формации, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и социалистической.

Каковы положения, на которых покоилась советская историческая наука? Их несколько, но мы остановимся на двух, едва ли не самых главных. Первое из них можно формулировать так: что-то развивалось и что-то разлагалось. Внутри разлагавшегося первобытно-общинного строя возникали рабовладельческие или феодальные отношения. Со временем феодальные отношения тоже вступали в стадию разложения, внутри их зарождался, а затем развивался капиталистический способ производства. Он тоже приходит в дряхлость и в результате революции замещается самым прогрессивным строем — социалистическим.

Суть второго тезиса состоит в следующем: положение трудящихся изначально было тяжелым, в последующие столетия оно непрерывно ухудшалось. Если посмотреть на коллективные труды 40—50-х годов, то формулу "положение крестьян ухудшилось" можно обнаружить через каждые несколько стра-

ниц. Нелепость этого постулата была вскоре обнаружена, ибо надо было исходить из тезиса, что крестьяне, скажем, в Киевской Руси жили в роскошных дворцах, владели несметными стадами скота и совершенными орудиями труда, позволявшими возделывать огромные массивы земли. На смену примелькавшимся терминам пришли другие, например "петля крепостничества затянулась туже", "нищета возросла". Была даже предпринята попытка подвести под тезис об ухудшении положения крестьян научную базу: утверждалось, что Россия не то в конце XVI, не то в начале XVII века вступила в нисходящую стадию феодализма, главным признаком которой было отсутствие условий для простого воспроизводства крестьянского хозяйства. Нисходящая стадия феодализма продолжалась вплоть до победы капитализма в 1861 году, т.е. не менее двух с половиной столетий, в течение которых сменилось десять поколений.

Вряд ли утверждение об отсутствии условий для простого воспроизводства крестьянского хозяйства нуждается в аргументированном опровержении— всякому, кто мало-мальски знаком с природой крестьянского хозяйства, известно, сколь болезненно оно реагирует на неблагоприятные климатические условия и прочие стихийные бедствия. Если к этому добавить все усиливавшийся социально-экономический гнет, приводивший крестьянина к неизбежному разорению, то к реформе 1861 года от крестьянина должны были остаться одни воспоминания.

В советской историографии прочно утвердился еще ряд стереотипов. Они выражались, например, в непременно позитивной оценке внешнеполитических акций правительства, в утверждении об исконной дружбе русского народа со всеми остальными народами в составе России без учета близости языка, религии, производственной деятельности, быта, о добровольном вхождении почти всех других народов в состав России и т. д.

Формулы о развитии и разложении, ухудшении положения трудящихся и обострении классово-борьбы крайне удобны для коллективных трудов не только благодаря своей простоте и доступности, но и благодаря заложенным в них возможностям рассматривать явления в динамике. Автор, продолжающий текст своего предшественника, манипулировал понятиями подобно спортсмену, передающему эстафетную палочку, и непременно делал вывод об "ухудшении", об успехах в развитии нового и шагах на пути гибели старого и конечно же об обострении классово-борьбы. В итоге сложились стереотипы, внедренные в обобщающие труды, в учебники.

Как они появились?

Истоки их связаны с деятельностью М. Н. Покровского, твердо насаждавшего марксистское, с его точки зрения, понимание истории. Занимая высшие административные посты в сфере исторической науки, он отказался от услуг самых квалифицированных историков дореволюционного времени. Более того, он подвергал их преследованиям. К тому же одними из первых, на кого обрушились удары репрессивного режима Сталина, были историки: в 1929 году по надуманным обвинениям подверглись репрессиям такие историки, как С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, С. В. Бахрушин, М. К. Любавский и другие.

На смену установкам Покровского, господствовавшим в историографии 20-х годов, пришли постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1934 и 1936 годов о преподавании гражданской истории в школах и об учебниках истории, фронтально вывлекшие высказывания классиков марксизма-ленинизма, отно-

сящиеся к истории России, наконец, "Краткий курс истории ВКП(б)". В исторической науке пыльным цветом расцвели догматизм, начетничество и цитатничество.

Мыслям, высказанным К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным несколько десятилетий, а то и более столетия назад, придавалось значение истины в последней инстанции, которой надлежало следовать неукоснительно и безоговорочно. Справедливость требует отметить, что многие оценки классиков марксизма-ленинизма, бесспорно, соответствуют истине. Но беда уже не классиков, а историков состояла в том, что высказывания В. И. Ленина, относящиеся к пореформенной России, когда она вступила в эру капитализма, они слепо переносили на XVII и даже XVI столетия, когда существовала совсем иная социально-экономическая структура. Равным образом суждения Маркса и Энгельса об истории западноевропейских стран механически переносились на историю России. Наконец, историки не всегда проводили грань между высказываниями В. И. Ленина, вытекавшими из генеральной направленности сочинения, и высказываниями, если так можно выразиться, случайными, которые тоже возводились в ранг абсолютной истины. Примером широкого использования такого рода высказываний может служить часто цитируемый текст из одного из первых трудов Ленина "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?", в котором он писал о том, что в России примерно в XVII веке началось формирование всероссийского рынка и установление буржуазных связей, о том, что хозяевами этого процесса были капиталисты — купцы.

Этим высказыванием руководствовались сотни историков, изучавших социально-экономическую структуру общества в России в XVII веке, появилось несколько монографий и множество статей, было защищено немало диссертаций. В качестве основного источника для изучения всероссийского рынка использовались таможенные книги, производился утомительный подсчет зарегистрированных актов купли-продажи товаров, прослеживались торговые связи отдельных городов с периферией, а также с близкими и более или менее отдаленными регионами страны, и добытыми цифрами подтверждалась мысль Ленина о всероссийском рынке. Кстати, все работы на эту тему имеют иллюстративное значение, ибо картины всероссийского рынка они не создают. Научному изучению этой проблемы положил начало опубликованный в середине 70-х годов труд, авторы которого использовали совсем иной источник и иную методику его исследования¹.

Эта же цитата давала основание многим историкам писать о зарождении капиталистических отношений в XVII веке. Сила традиции в ее использовании столь велика, что, вопреки отсутствию реальных "ростков капитализма", "элементов капитализма", некоторые историки упорно продолжают опираться на нее и поныне.

О живучести традиции и прочности укоренившихся стереотипов свидетельствует хотя бы такой факт: в одной монографии, опубликованной не два десятилетия назад, а в 1990 году (!), имеется глава: "Ленинская концепция всероссийского рынка..."² А сколько статей обнародовано о ленинской концепции истории феодальной России! Все они написаны по одному и тому же рецепту изошренного толкования нескольких высказываний В. И. Ленина, возведенных в ранг догм. Ленину, таким образом, приписывается роль историка феодальной России, на которую он, будучи

политическим и государственным деятелем, как известно, никогда не претендовал.

Другой пример. Маркс и Энгельс, анализируя условия возникновения абсолютной монархии, писали о ее формировании при равновесии сил между разлагавшимися феодальными сословиями и набиравшим силу классом буржуазии. Государство при этом выступало посредником между соперничавшими силами.

Это наблюдение К. Маркса, похоже, относившееся к Франции, механически переносилось на Россию, где в годы формирования абсолютизма отсутствовала буржуазия, а феодальные сословия не разлагались, а консолидировались. Купцы и промышленники даже при Екатерине II выступали не противниками крепостнических порядков, а их горячими сторонниками, требуя дворянских привилегий — права владеть крепостными.

Влияние цитат и постановлений не шло, однако, ни в какое сравнение с воздействием на судьбы исторической науки "Краткого курса истории ВКП(б)". Именно оттуда историки должны были заимствовать все оценки событий, явлений, политических и государственных деятелей с конца XIX века до года опубликования "Краткого курса". В итоге историки были низведены до роли иллюстраторов "Краткого курса".

Условия, созданные историкам, обрекали историческую науку на застой или заторможенное развитие. Иначе и не могло быть, ибо выводы заранее известны и отпадала необходимость изощряться в анализе источников и поисках системы доказательств. Если автор выдвигал концепцию, не укладывавшуюся в прокрустово ложе официальных взглядов, то можно было быть уверенным, что его труд никогда не будет опубликован. Здесь на страже соблюдения стереотипов стояли идеологические органы партии и цензура. Она, как известно, существовала и до революции, но цензура сталинских времен не ограничивала свою роль запретами, она через систему рецензирования и издательского редактирования предписывала автору, как надо интерпретировать собранные им факты.

Не меньшее значение имела самоцензура — автор знал, что ему дозволено и чем он должен пожертвовать, чтобы его детище увидело свет.

Два примера из числа тех, что подтверждают факт преследования историков, отклонившихся от стереотипов. Первый связан с именем А. А. Зимины.

Бесспорно, одаренный историк, А. А. Зимины наперекор почти всей историографии и литературоведению считал "Слово о полку Игореве" не оригинальным, а подражательным сочинением, возникшим не в XII, а в XVIII веке. Называл он и автора "Слова" — некоего монаха Ионы Бывковского.

Если бы историческая наука развивалась по спонтанным законам, если бы допускалась терпимость мнений, то концепция Зимины не вызвала бы такого переполоха среди академической бюрократии, какой произошел в 1963—1964 годах. Тем более что у А. А. Зимины были предшественники, высказывавшие близкие к нему взгляды как в дореволюционное, так и в советское время.

Последующие события развивались так. Рукопись Зимины была тиражирована в нескольких десятках экземпляров, каждому из них, как архисекретному документу государственной важности, был присвоен номер. Рукопись под расписку роздали избранному кругу специалистов, которые в мае 1964 года участвовали в закрытом ее обсуждении. Дерзость Зимины была осуждена, отменена его научная командировка в Болгарию, а монография не опубликована и поныне.

Мы не беремся судить, прав Зимин или его оппоненты. Но в нормальной обстановке скептицизм А. А. Зими́на дал бы толчок дальнейшему комплексному изучению источника и не сопровождался бы организацией судилища.

Другой пример, еще более выразительный и трагичный по своим последствиям, связан с так называемым новым направлением. Группа специалистов по истории СССР конца XIX — начала XX века (П. В. Волобуев, К. Н. Тарновский, А. Я. Аврех, Л. М. Иванов, И. Ф. Гиндин, В. В. Абрамов и другие) после XX съезда КПСС, приоткрывшего возможность для отказа от ряда стереотипов в оценке предьстории и истории Октябрьской революции, пришла к выводу, что степень зрелости общества и ее материальных предпосылок явно завышалась, более широким был первоначально блок политических и классовых сил, совершивших революцию, и т. п. Это было покушение на освещающую идеологическую концепцию.

Учитывая это обстоятельство, случай с Зиминным выглядел детской забавой — там вопрос касался глубокой древности и затрагивал интересы сравнительно небольшой группы специалистов, здесь шла речь об основополагающем тезисе — о готовности страны к строительству социализма и о союзе пролетариата и беднейшего крестьянства как главной силы Октябрьской революции, т. е. о генеральных постулатах официальной пропаганды. Там дискуссия, сколь она ни была несовершенной, все же велась в лоне науки, здесь идеи новонаправленцев расценивались идеологической диверсией, к их носителям приклеивался ярлык ревизионистов и на их разгром была мобилизована вся мощь пропагандистского аппарата. Там дискуссия была организована Отделением истории АН СССР, здесь "дискуссия" проходила в Отделе науки ЦК КПСС. Там в дискуссии участвовали хотя и специально подобранные, но все же знатоки вопроса, здесь — чиновники с научными степенями, далекие от проблематики, которой занималось новое направление.

С самой резкой речью против новонаправленцев на этом совещании выступил академик А. Л. Нарочницкий. Она была вполне оценена организатором проработки нового направления, и специалист по новой истории был назначен директором Института истории СССР АН СССР.

За совещанием, состоявшимся в марте 1973 года, последовала административная расправа: директор Института истории СССР член-корреспондент АН СССР (ныне академик) П. В. Волобуев был освобожден от должности и отправлен в "ссылку" в Институт истории естествознания и техники АН СССР, профиль которого не имеет никакого отношения к научным интересам "ссылного". Блестяще защищенная докторская диссертация талантливого ученого К. Н. Тарновского была отклонена ВАКом. К. Н. Тарновский и А. Я. Аврех были переведены из сектора империализма в другие подразделения Института истории СССР, ничего общего не имевшие с их научными интересами. Почти все новонаправленцы были практически отлучены от науки, продолжалась их проработка в периодической печати, причем подвергавшихся шельмованию историков лишили права отвечать. Так печально сложилась судьба подлинных ученых, не разделявших мнения о том, что русский капитализм по уровню и типу не отличался от западноевропейского: в России существовала такая же социальная структура общества, как на Западе, и пережитки крепостничества после реформы 1861 года не оказывали существенного влияния на экономику и социальный строй страны.

У читателя может возникнуть вопрос: неужели и впрямь труды сотен, а быть может, и тысяч советских историков, занимавшихся отечественной

историей, бесследно пропали для науки, неужели за семьдесят с лишком лет существования советской историографии, когда сменилось несколько поколений историков, среди них не было талантливых специалистов?

Спешу засвидетельствовать — советская историография обогатилась, вопреки условиям, препятствовавшим этому обогащению, множеством ценных и талантливых исследований по отечественной истории, в особенности после XX съезда КПСС. Появились работы по ряду запрещенных ранее тем: по революционному народничеству, истории церкви, истории буржуазных и мелкобуржуазных партий, политике царского и Временного правительств. Увидели свет монографии на полузапрещенные темы, связанные с историей эксплуататорских классов (дворянство, буржуазия), консервативными течениями в общественно-политической мысли, историей государства и т. п. Золотой фонд советской историографии составили работы по изучению становления феодальных отношений на Руси, получившие всмирное признание результаты раскопок в Новгороде, выяснение пагубного влияния на Русь монголо-татарского ига и опричнины. Усилиями многих историков выявлены новые сведения об экономике страны на протяжении XVI — начала XX века: сельском хозяйстве, промышленности, торговле, финансах, деятельности монополий. Пристальному изучению подверглась крестьянская реформа 1861 года — было напечатано множество локальных исследований о ее проведении в губерниях, а также обобщающие труды о реформе в масштабе всей страны. Велики заслуги советских историков в исследовании политической истории начала XX века, а также Февральской революции.

Особо должна быть отмечена работа по выявлению и обнаружению советскими историками конкретного материала по истории советского общества. Здесь невозможно назвать проблемы, по которой усилиями историков советского общества не были бы введены в научный оборот новые источники и извлеченные из них новые факты. Другое дело, что этот материал должным образом не осмысливался и подгонялся под декретированные сверху оценки. Свидетельства источников, не соответствовавшие этим оценкам, беспардонным образом игнорировались. Редко какому историку удавалось преодолеть эти оценки, подняться до научных обобщений концептуального плана и переосмыслить богатейший фактический материал. М. Н. Покровскому приписывали фразу, которую он вроде бы никогда не произносил, но которой, как подтверждает все его творчество, твердо руководствовался: "История есть политика, опрокинутая в прошлое". Эта формула в годы борьбы со школой Покровского и ее наследием на словах резко осуждалась, а на деле вошла в плоть и кровь исторической науки, превращенной в важный участок идеологического фронта. Это не вина историков, а их беда.

Однако немало историков проявляли энтузиазм в удовлетворении сиюминутных потребностей конъюнктуры и с легкостью необыкновенной высказывали диаметрально противоположные оценки событий прошлого. Напрашивается пример с оценкой движения Шамиля, подававшегося одним и тем же автором то английским агентом, то героем освободительного движения. Вспоминается и самый беспардонный фальсификатор достижений в области науки и техники в дореволюционной России — В. В. Данилевский. Напомним, что его сочинения, основанные на неопубликованных источниках отечественных архивов и игнорировавшие источники зарубежных архивов, давали повод для выводов о том, что над многими изобретениями в России работали раньше, чем в странах Западной Европы. Между тем сочинения этого автора, не удовлет-

ворявшие элементарным требованиям профессионализма, были неоднократно, в угоду текущему моменту, отмечены Государственными премиями.

Все это, вместе взятое, привело к тому, что народ утратил веру в подлинность того, о чем писали советские историки. Явным свидетельством этого неверия служит спрос интересующихся отечественной историей на сочинения не советских, а дореволюционных авторов. Едва ли можно сомневаться, что при освобождении истории от обязанностей слуги идеологии она восстановит утраченное общественное значение и среди советских историков появятся свои Карамзины и Соловьевы, Ключевские и Костомаровы.

*Доктор
исторических наук
Н. И. Павленко*

Примечания

¹ Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский рынок XVIII — начала XIX века. Опыт количественного анализа. М., 1974.

² См.: Вилков О. Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1990.

И. В. Волкова

СЕРГЕЙ
МИХАЙЛОВИЧ
СОЛОВЬЕВ

Очерк
жизни
и творчества

ПЕРВЫЕ ШАГИ

”5 мая 1820 года в одиннадцать часов пополудни, накануне Вознесения, у священника Московского коммерческого училища родился сын Сергей, слабый, хворый недоносок, который целую неделю не открывал глаз и не кричал” — так начинал свое жизнеописание Сергей Михайлович Соловьев¹. Благодаря заботам родни ребенок окреп и с течением времени не только сравнялся в физическом развитии со сверстниками, но и стал многих перегонять. Живой и любознательный мальчик, к тому же младший ребенок и единственный сын, стал всеобщим любимцем. Стоит ли говорить, что на нем сосредоточились помыслы и надежды родителей, которые изо всех сил старались создать условия для развития ребенка, порой поступаясь ради этого традициями своей среды.

Не в меньшей степени, чем родителям, своим безмятежным детством Сергей был обязан неприметному в доме лицу — старой няньке Марье. Бывшая крепостная, немало повидавшая на своем веку, она оказала сильное влияние на его характер. Глубоко верующая русская крестьянка поначалу даже больше, чем отец-священник, укрепляла в ребенке почтение к религии. Бесхитростные рассказы Марьи о собственных злоключениях, неизменно оканчивающиеся хвалой Господу, наставляли ребенка в вере прочнее, чем слова любого искушенного законоучителя. В спокойной и непринужденной домашней обстановке закладывались принципы всей дальнейшей жизни Сергея.

Много значило и окружение из учеников и преподавателей Коммерческого училища на Остоженке, где квартировала семья Соловьевых. Постоянно соприкасаясь с этим кругом, мальчик узнавал быт и нравы российского купечества и мещанства. Такими контактами в значительной степени объяснялась горячая симпатия Сергея смолоду к ”среднему” сословию — прообразу будущей деловой и предприимчивой России. Надо заметить: демократический дух был присущ всей семье Соловьевых; там людей различали не по чинам и званиям, а исключительно по личным достоинствам.

Хороший пример для сына являл отец, Михаил Васильевич. Получив некоторое образование в стенах Славяно-греко-латинской академии, он в продолжение всей жизни пополнял знания, совершенствовался в языках, древних и новых, подбирал личную библиотеку. Мать будущего историка, Елена Ивановна, урожденная Шатрова, была дочерью чиновника, прошедшего нелегкий путь по ступеням служебной лестницы до получения дворянского звания. Растить дочь ему, однако, не пришлось. Он рано умер: простудился на морозе, встречая императора Павла I в одном мундире. Вырастил и выдал замуж его дочь родственник — Авраам Шумилин, занимавший высокий пост архиепископа Ярославского и Ростовского. Воспитанница церковного служителя и жена священника, Елена Ивановна тем не менее не жаловала духовенство и предпочитала общество светских людей. Она была яркой сторонницей светского образования и для собственных детей. Именно ее твердая решимость вывести сына в люди на светском поприще и настойчивость в достижении этой цели в конечном счете и определили судьбу будущего историка.

Поначалу, как было заведено среди духовенства, Михаил Васильевич записал восьмилетнего сына в духовное училище, что размещалось в Петровском монастыре. При этом, согласно договоренности отца с администрацией училища, основное учение мальчик должен был проходить дома под наблюдением старших. В училище предстояло являться только для сдачи экзаменов. Однако и такой щадящий режим оказался для ребенка неприемлем. Уже после первого посещения училища он проникся отвращением к его порядкам. Духовное училище сильно проигрывало даже в сравнении с Коммерческим. Гнетущее впечатление на новичка произвели ученики и учителя. Первые — своей неотесанностью и невежеством, вторые — грубостью и жесткостью, рукоприкладством, доведенным до изощренного садизма. Став однажды невольным свидетелем экзекуции над провинившимся учеником, домашний ребенок боялся переступить порог училища.

Не посещая систематически занятий и не имея постоянного контроля над собой, Сергей начал заметно отставать от программы. Учеба явно не шла впрок; это в конце концов осознал и отец и отказался от видов на посвящение своего отпрыска в духовный сан. В 1833 году, к общему удовольствию сына и жены, Михаил Васильевич забрал Сергея из духовного училища и стал хлопотать о зачислении его в светское учебное заведение. Выбор пал на Первую гимназию.

Тринадцатилетний мальчик всей душой жаждал основательного образования. Познания, почерпнутые им к тому времени, были отрывочны, а по некоторым предметам и вовсе поверхностны. Он был весьма начитан для своих лет, однако его начитанность страдала отсутствием всякой системы. Его воображение пленяли романы Анны Радклифф, Вальтера Скотта, рыцарская повесть "Гуак, или Непреоборимая верность". Нравились ему и произведения русских писа-

телей — В. Т. Нарезного, М. Н. Загоскина. Чем дальше, тем больше его захватывали исторические сюжеты. Настольными книгами для него стали труды И. Н. Басалаева, французского историка К. Ф. — Кс. Милота и конечно же выдающийся труд Н. М. Карамзина "История государства Российского", не менее двенадцати раз прочитанный им к моменту поступления в гимназию². Столь же досконально изучил он и многотомное сочинение Жозефа де ла Порта "Всемирный путешествователь, или Познание Старого и Нового Света...". При поступлении в гимназию своими обширными познаниями он изумил учителя истории и географии. В то же время результаты по точным дисциплинам, прежде всего математике, оказались куда более скромными. Это создало некоторую сложность при зачислении его в гимназию. И все же рубикон был перейден: в 1833 году Сергей Соловьев поступил в третий класс Первой московской гимназии.

Открывалась новая глава в его биографии.

Начало 30-х годов XIX века было важным периодом в истории Первой московской гимназии. С 1831 года в ней шло преобразование всего учебного процесса в соответствии с новым Уставом гимназий 1828 года. Создатели и проводники Устава (министры А. С. Шишков, К. А. Ливен, С. С. Уваров) преследовали откровенно реакционные цели: усиление сословной разграниченности образования, насаждение классицизма и охранительных начал в преподавании³. Была пересмотрена и вся программа обучения. Исключались естественные науки (кроме физики), разделы прикладной математики. В то же время заметно усиливалось преподавание латинского и немецкого языков. И все же, несмотря на крупные недостатки, Устав 1828 года принес много положительных перемен: упорядочил учебный процесс, ввел систему в преподавание ведущих дисциплин⁴.

В Уставе делалась попытка отчасти защитить достоинство учащихся. Телесные наказания не отменялись, однако допускались лишь в первых трех классах — только в "особом месте" и в присутствии инспектора. В старших классах за серьезный проступок ученика исключали из гимназии⁵. Новые порядки заставили подтянуться и учеников, и учителей. О том, как сказались эти нововведения на положении дел в Первой гимназии, свидетельствовали сами ее питомцы. Еще в конце 20-х годов XIX века, по словам одного из ее выпускников, А. Милюкова, "нравы учащейся молодежи и отношение к ней гимназического начальства представляли какое-то смешение крайнего произвола с не менее крайней терпимостью. С одной стороны, не только директор и инспектор, но даже учителя могли бить и сечь учеников сколько угодно; с другой стороны, ученики спокойно оставались по пять лет в одном классе, играли во время уроков в шашки... и ходили на Москву-реку — летом купаться, а зимой участвовать в кулачных боях. Все это делалось явно и почти не преследовалось"⁶.

После введения в действие Устава 1828 года обстановка в гимназии буквально за год-два совершенно изменилась. Соловьев, поступивший учиться в 1833 году, не застал той всеобщей распущенности, которая царила здесь несколько лет назад.

Должность директора с 1830 по 1852 год занимал М. А. Окулов, исключительно светский человек, штатский генерал, камергер. К своим подопечным директор относился сердечно, управляя ими скорее по-отечески, нежели по-директорски. В день его именин все пансионеры получали от него в подарок сласти, нередко по праздникам — билеты в театр. Впрочем, занятый не только делами гимназии, но и надзором за уездными и начальными училищами Московской губернии, Окулов не слишком глубоко вникал в учебный процесс. Бразды правления находились в руках инспектора, должность которого была введена новым Уставом. Первым инспектором стал адъютант Московского университета и старый учитель Первой гимназии М. И. Беляков. Он проявил себя истинным патриотом родного учебного заведения. Стараниями его был улучшен состав надзирателей, усилено преподавание языков.

Первая гимназия быстро шла в гору благодаря крепким связям с университетом. Для некоторых учителей гимназическая кафедра становилась стартовой площадкой для последующей профессорской карьеры. Иные преподаватели совмещали преподавание в гимназии со службой в университете. Бывало, гимназистов экзаменовали известные университетские профессора — Н. И. Надеждин, М. Г. Павлов и другие. Сотрудничеству университета с гимназией содействовал попечитель учебного округа, соединявший в своих руках управление двумя учебными заведениями. В 1835 году должность попечителя занял николаевский вельможа граф С. Г. Строганов. С его приходом началась "малая оттепель" в истории Московского университета и прикрепленной к нему гимназии. За двенадцать лет попечительства Строганов сделал немало полезного. Приверженность дворянству не мешала ему ценить знания и талант в людях, не принадлежавших к его кругу. Он чтит людей слова, чести, не выносил невеж и подхалимов.

Уход Строганова с поста попечителя в 1847 году, в канун февральской революции во Франции и разгула реакции в России, резко обозначил границу между истекшими двенадцатью годами и надвигающейся черной полосой в жизни московских центров просвещения.

В лице Строганова будущий историк России обрел мудрого наставника и покровителя на всю жизнь. Зайдя как-то в гимназию, Строганов встретил там мальчика, на котором невольно останавливался взгляд. "...Белый, розовый, с большими голубыми глазами, настоящий розанчик, — описывая его Строганов, — а затем мне его представили как первого ученика. С того времени... я не терял его из виду". Почти полвека Строганов внимательно, с одобрением следил за ростом своего воспитанника.

Благодаря созданной попечителем атмосфере Сергей не ощущал своей чужеродности в заведении, предназначенном для детей дворян и чиновников. Учителя и гимназисты оказывали ему прием соответственно проявленным способностям. Особо заметно они были у Соловьева по русскому языку и словесности, которые вел П. М. Попов. Запомнившийся многим ученикам угрюмым педантом⁸, он оставил светлый след в памяти Сергея. Попов первым из учителей обратил внимание на его незаурядные интеллектуальные способности и привлек к нему внимание других педагогов.

Единственная наука, которая Соловьеву давалась с трудом, была математика. Неладья с ней доставляла неприятности. Но и с этим он справился: помог толковый репетитор-старшеклассник и собственное упорство. С четвертого класса Сергей оставался первым по успеваемости. Легко и радостно было подростку совершать ежедневный путь от Остоженки, где жила семья, к Пречистенке, на которой размещалась гимназия. Так незаметно прошли пять лет учебы в гимназии. Близился выпуск. Традиционно экзамены заканчивались торжественным актом: учителя, иногда и учащиеся, произносили речи на заранее определенную тему. В 1838 году выступление с речью на тему "О необходимости изучения древних языков для успешного изучения языка отечественного" было поручено Соловьеву. С этим заданием он успешно справился — речь была одобрена педагогическим советом гимназии и слушателями. Публичное слово выпускника было данью признательности гимназии и одновременно прощанием с ней.

Соловьевский (по счету тридцать восьмой) выпуск Первой гимназии получил право зачисления в университет по итогам сдачи выпускных экзаменов в гимназии. Сергей оказался на студенческой скамье. В его жизнь вошли новые люди. Но прежде состоялось еще одно знакомство, оставившее глубокий след в его сознании.

Свое последнее гимназическое лето Сергей провел в Никольском, подмосковном имении князя М. Н. Голицына, — в качестве домашнего учителя княжеских отпрысков. Из скромной обстановки родительского дома юноша сразу же перенесся в чопорный и чуждый ему быт богатого барского дома. Именно здесь, в кругу сиятельного семейства, он впервые познал горький вкус неравенства. Сословная спесь в этой семье проявлялась особенно резко. Ведя праздное существование, Голицыны чувствовали себя чужеземцами в своем отечестве. В доме все, за исключением прислуги, разговаривали по-французски. Русский язык, которому Соловьев обучал детей князя, воспринимался ими как мертвый. Нетрудно представить, как негодовал молодой разночинец, когда в его присутствии осмеивали то, что было ему дорого с детства. Естественной реакцией в этих условиях стало горячее русофильство, за которое домашний учитель снискал прозвище *m-r Russe*⁹. Общение

Соловьева с этим кругом прекратилось с окончанием дачного сезона и возвращением в Москву. Между тем, тяжелый осадок от летних впечатлений 1838 года остался надолго. Все пережитое им тогда даст себе знать позднее.

Московский университет по праву занимал первое место среди отечественных центров просвещения. Сильный своими традициями, спаянностью профессорской корпорации, демократическими началами, он успешнее других учебных заведений противостоял натиску николаевской реакции. В 30-е годы XIX века в профессорский корпус Московского университета влились свежие силы. То были молодые ученые, прошедшие стажировку за границей. Они расковывали критическую мысль, будили бунтарские настроения учащейся молодежи.

В глубоких и смелых исканиях предводительствовала группа профессоров-западников: античник Д. Л. Крюков, экономист А. И. Чивилев, правоведы П. Г. Редкин и Н. И. Крылов, историк и юрист К. Д. Кавелин, историк-медиевист Т. Н. Грановский. Горячие поклонники гегелевской философии, знатоки европейской историографии, они своим преподаванием бросали вызов черной "уваровской" партии, представленной историком М. П. Погодиным, словесниками С. П. Шевыревым и И. И. Давыдовым. Между ними сразу же вспыхнула острая вражда.

М. П. Погодин, С. П. Шевырев, в молодости не чуждые политического фрондерства и контактов с передовым общественным движением, с годами все больше откатывались на реакционные позиции. В конце 30-х годов XIX века они были ревностными проводниками теории официальной народности и верными сподвижниками автора этой теории — министра народного просвещения С. С. Уварова. В то время, когда их молодые коллеги пришли к выводу об общности путей развития России и Запада, они все еще толковали об особых началах отечественной истории.

Погодин находил, что в отличие от Запада Россия развивается на основе гармонии интересов верховной власти и народа. Подобным отношениям, по его словам, в немалой степени способствовал сам характер русского народа, безропотный и незлобивый. Если верить Погодину, то податливость, покорность народа властям в конечном счете обусловили закрепощение крестьян в России¹⁰. Подобно своему титулованному шефу, Уварову, в крепостном праве он видел могучее древо, глубоко вросшее в национальную почву и не поддающееся выкорчевыванию¹¹. Концепция Погодина служила иллюстрацией антинаучной, консервативно-утопической триады Уварова — "самодержавие, православие, народность". В равной степени эта концепция воплощала подход к изучению отечественной истории, за который ратовал шеф жандармов А. Х. Бенкендорф: "Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается до будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение"¹².

Те представления, которые истово насаждала реакционная профессура, развенчивала группа профессоров-западников. Контраст воззрений двух группировок стал особенно наглядным после того, как в 1839 году в коллектив преподавателей университета вошел Т. Н. Грановский. За плечами Грановского к тому времени была трехлетняя стажировка в Берлинском университете, близкое знакомство с научной и культурной жизнью европейских стран. К моменту возвращения на родину он до конца осознал и цель своей жизни: зимой 1837/38 года у постели смертельно больного друга Н. В. Станкевича Грановский дал клятву посвятить свои лучшие годы просвещению соотечественников как залог освобождения русского народа. По меткому определению А. И. Герцена, Грановский "историей делал пропаганду". В его лекциях всегда находилось место для сочувственного изображения жизни низших классов общества — рабов и феодально-зависимых крестьян. Напротив, с нескрываемым осуждением он отзывался о тех, кто утверждал свою власть через насилие и страх. Он привлекал внимание и к тем эпохам, когда от людей, творцов истории, требовался отказ от мирных способов достижения цели, но и предупреждал об опасности злоупотребления насилием¹³.

Решительно разошлись молодые ученые с профессорами старого закала и в вопросах методологии. Первые, восприняв передовой опыт европейской науки, особенно гегелевскую диалектику, вышли на более высокий уровень понимания истории, чем их старшие коллеги. Грановский был убежден в том, что историческая наука должна стремиться в первую очередь к уяснению законов человеческого развития и использовать в этих целях всю сумму методов, известных науке: историко-географический, антропологический, сравнительно-исторический, статистический и др.¹⁴

На иных принципах был основан метод Погодина, названный им самим "математическим". Суть его состояла в отказе от авторского истолкования фактов. От историка требовалось суммирование признаков явления, запечатленных в источнике. По справедливому замечанию советского историографа Н. Л. Рубинштейна, сам исторический вывод для Погодина превращался в "своеобразный количественный итог"¹⁵. Те мыслительные операции, которые для других ученых были лишь промежуточной стадией исследования, для Погодина становились самоцелью. Немудрено, что, начав с подобного "математического" анализа, он пришел к признанию иррациональности исторического процесса и вере в его предначертанность свыше. "Ни одна история не заключает в себе столько чудесного, если можно так выразиться, как российская, — провозглашал Погодин. — Все в России оборачивалось во благо, даже смерть царевича Дмитрия в Угличе: не пресекился род московских князей, не было бы Романовых, не было бы Романовых, не было бы Петровских реформ"¹⁶.

Еще большей замшелостью веяло от витийства единомышленников Погодина — Шевырева и Давыдова. Рассуждая о неприемлемости для русского ума духовной пищи "гнилого" Запада, они призывали вернуться к национальным "истокам". "Святая вера наша, мудрые законы, из исторической жизни нашей развившиеся в органическую систему, прекрасным языком... дивная история славы нашей: вот из чего должна развиваться наша философия", — писал И. И. Давыдов¹⁷.

Итак, университетская жизнь ставила Соловьева перед необходимостью выбора между двумя различными научными и общественно-политическими направлениями. Какому же из них отдать предпочтение? Казалось бы, точек соприкосновения с кругом либералов-западников у Соловьева больше, чем с компанией регроградов. На деле все выходило сложнее. Испытав на себе обаяние личности Грановского, он, однако, не примкнул тогда к его сторонникам. Даже много лет спустя, вспоминая студенческие годы, Соловьев не мог удержаться от некоторого укора: "Грановский, как и Крюков, не был самостоятелен... лень заставляла его закапывать свой блестящий талант"¹⁸. В глазах Соловьева, привыкшего смолоду трудиться без оглядки на какие бы то ни было внешние обстоятельства, даже короткие периоды упадка духа и работоспособности у Грановского были непростительной слабостью. Прохладное отношение сквозило и в отзыве Грановского о Соловьеве. Историк И. Е. Забелин, встретившийся с Грановским зимой 1841/42 года, воспроизвел в своем дневнике его мнение: "Указал на Бодянского и Соловьева, которого он не высоко ставил по таланту и говорил, что он умный, но узкий человек"¹⁹. Впоследствии это мнение изменилось. В свою очередь Соловьев, узнав ближе Грановского, проникся к нему самой горячей симпатией. Знание взаимных недостатков, как показали последующие годы, не помешало им понять друг друга и двигаться в одной упряжке вплоть до самой кончины Грановского.

Не смог в те годы Соловьев в должной степени понять и оценить историков скептической школы. Ее глава, престарелый М. Т. Каченовский, начавший карьеру еще в XVIII веке, не утратил бойцовских качеств и на закате дней. "Любопытно было видеть этого маленького старичка с пергаментным лицом на кафедре: обыкновенно читал он медленно, однообразно, утомительно; но как скоро явится возможность подвергнуть сомнению какой-нибудь памятник письменности славян или какое-нибудь известие, старичок вдруг оживится и засверкают карие глаза под седыми бровями, составлявшие единственную красоту у невзрачного старичка"²⁰. Каченовский убеждал своих молодых слушателей в необходимости критически проверять сведения источника, освобождать исторические писания от вымысла и неточностей. В нарушении этих заповедей Каченовский обвинял историков консервативно-охранительного направления, не щадил даже Карамзина. Заблуждаясь в отдельных случаях (скажем, Каченовский относил Киевскую Русь к периодам "баснословным", погруженным во тьму для последу-

ющих исследователей), он вносил здоровое начало сомнений и поиска в историческое исследование.

Спустя много лет после окончания университета Соловьев посвятит Каченовскому очерк в "Биографическом словаре профессоров и преподавателей Московского университета". Характеристика научной и педагогической деятельности историка будет выдержана в превосходной степени. Соловьев признается, что, пользуясь опытом Каченовского, он постигал идеи историзма, закономерности, взаимосвязи исторических явлений²¹.

Как же получилось, что в студенческие годы Соловьев был разлучен с теми направлениями в науке, которые питали его мысль во все последующие годы? На то, по-видимому, было несколько причин. Сыграло свою роль различие в специализации: если профессора-западники занимались всеобщей историей, то студент-старшекурсник Соловьев, по его же собственным словам, — "всем русским, русскою историей, русским языком, историею русской литературы"²². Эти предметы почти полностью были отданы на откуп Погодину и его единомышленникам. Так что Соловьев, естественно, оказался в их лагере. К тому же благонамеренный Шевырев, влиятельный чиновник Министерства народного просвещения Погодин могли стать более надежной опорой студенту, нежели их младшие коллеги, вызывавшие косые взгляды начальства. Конечно, не следует преувеличивать меркантильных соображений Соловьева, однако не следует и отрицать их.

В 1840 году, еще до окончания университета, Соловьев добился признания за собой и своим родом прав дворянства²³. Получение этих прав несколько упрочивало его положение, но еще не открывало перед ним перспектив на будущее. Он мечтал заниматься наукой и тем зарабатывать на жизнь. Покровительство Погодина в этом плане обещало многое.

Были и другие мотивы, побуждавшие Соловьева искать расположения профессора русской истории. Погодин, с его корнями в народной крестьянской среде (сын крепостного, выкупившегося на свободу), с широкими связями в русской литературе (знакомец Пушкина, друг Гоголя), привлекал Соловьева неординарностью. Соловьев исправно посещал его лекции, не стеснялся порой вступать в диалог: "Бывало, он начнет что-нибудь читать по Карамзину, а я ему подсказываю: "Вот тут-то, Михаил Петрович! В примечаниях есть важное указание". Товарищи прозвали меня суфлером Погодина"²⁴. Заметив любознательного студента, Погодин пригласил его домой, любезно принял и разрешил пользоваться личной библиотекой.

Надо полагать, Погодину было хорошо известно первое крупное студенческое сочинение Соловьева "Феософический взгляд на историю России". Оно было подготовлено в 1841 году в семинаре С. П. Шевырева. Студенты, учившиеся у Шевырева, были обязаны в назначенный срок представлять свои сочинения и переводы, которые трижды

в году публично обсуждались в аудитории. Согласно требованиям преподавателя, любое подобное сочинение должно было состоять из трех частей: изложения общего взгляда на предмет, подробного освещения сути и обобщения²⁵. На примере таких работ Шевырев стремился обучить студентов азам исследовательского труда.

Как и другие слушатели, Соловьев был обязан учитывать требования своего наставника как по части оформления, так и по части идейного содержания работы. Это наложило отпечаток на раскрытие затронутых в ней проблем. Выбранный им для заглавия термин "феософия" должен был подчеркнуть предопределенность особой роли России в судьбах человечества. В противовес гегелевской теории о движении мировой истории с Востока на Запад Соловьев подчеркивал выдающуюся роль славянства в прошлом и настоящем. Он не только защищал равноправность западноевропейских народов и славян, но даже настаивал на преимуществах последних. В качестве доказательства ссылался на тезис дворянской историографии о призвании князей в России в противоположность завоеванию ими власти на Западе. Из этой посылки студент Соловьев вслед за официальными историографами делал вывод о невозможности оппозиции самодержавию в России: "Славяне никогда не были покорены... потому у славян никогда не было идеи неравенства, отсюда совершенная невозможность революции"²⁶. Между царем и народом, утверждал автор, существует "духовная, таинственная связь"²⁷. Особые качества русского народа наложили на него священную обязанность "быть вечным восприемником народов при святой купели крещения во Христа... воспитывать дикие народы Азии"²⁸.

Положения соловьевского сочинения прямо перекликались с суждениями Погодина. Вполне в духе Погодина, привлекая идею божественного промысла, Соловьев объяснял и раздробление Руси на уделы и княжеские междоусобицы, и перенос политического центра государства на северо-восток, в Смутное время, и междуцарствие. В связи с этим возникал вопрос: в какой мере содержание рукописи отражало собственные взгляды Соловьева, а в какой — было продиктовано желанием попасть в тон мнениям влиятельных профессоров? Можно предположить, что отдельные стороны официальной доктрины импонировали Соловьеву. К их числу, по-видимому, относилась идея о своеобразии исторического развития России в ее религиозной оболочке. Но вместе с тем нельзя не заметить и существенных расхождений с охранительной концепцией. В студенческом сочинении Соловьева были довольно подробно представлены такие догматы, как "самодержавие" и "православие", а вот о "народности", или, иначе говоря, о крепостном праве, не упоминалось вовсе. Можно предположить, что такое умолчание означало принципиальное несогласие с официальными установками.

Различия прослеживались и в понимании русского мессианства. В официальной трактовке оно простиралось на Западную Европу,

в трактовке Соловьева — ограничивалось цивилизующей ролью России по отношению к азиатским народам. Наконец, диссонансом с официальной идеологией, отвергавшей немецкую классическую философию, звучала похвала Гегелю в начале сочинения: "...всего больше Гегелю принадлежит слава систематического построения мыслительного рассматривания истории. Последний философ произнес истину неоспоримую, что всякий народ должен иметь свою историю и, следовательно, должен иметь свою философию истории"²⁹.

Вероятно, чуть опытного педагога подсказывало Погодину, что этот юноша не позволит водить себя на помочах. Поэтому, сблизившись с талантливым учеником, профессор еще долго присматривался к нему и не торопился выдавать своих векселей.

В 1842 году, когда подходил к концу срок обучения Соловьева, Погодин начал поговаривать о скором уходе из университета и даже составил список своих возможных преемников из числа одаренных выпускников. В списке значился и Соловьев, однако последовательность кандидатур была явно не в его пользу. В первую очередь Погодин горячо рекомендовал ориенталиста В. В. Григорьева, во вторую — будущих известных археографов Н. В. Калачова и А. Ф. Бычкова и лишь в конце упомянул Соловьева. Некоторая сдержанность отношения Погодина к Соловьеву проявилась и на выпускном экзамене по русской истории. После блестящего ответа Соловьева, отмеченного всеми присутствовавшими, Погодин сказал: "Рекомендую г. Соловьева — это лучший студент курса по русской истории, один из лучших во все продолжение моей профессорской службы; не скажу: лучший из всех — были прежде и другие такие же"³⁰.

Погодин фактически устранился от активного участия в судьбе своего ученика. Соловьеву предстояло самому решать свое будущее.

Неожиданная помощь пришла от попечителя С. Г. Строганова: брат его — граф А. Г. Строганов, — отъезжая на длительный срок с семьей за границу, приискивал для своих детей домашнего учителя. На это место попечитель и рекомендовал Соловьева. Принять предложение было непросто: с одной стороны, не улыбалась перспектива зависимого положения в барском доме, с другой — манила возможность повидать чужие края, закрыть прорехи своего и родительского бюджета — ведь жалованье назначалось немалое — 1200 франков в год.

Он отправился в путешествие в июне 1842 года. Первые впечатления ошеломили неискушенного туриста. После переезда через Балтику и выхода на берег в Травемюнде все окружающее показалось ему "земным раем". На некоторое время удалось задержаться в Берлине. Там он посетил лекции знаменитого Фр. Шеллинга. Слышал и видел других ученых знаменитостей Германии: церковного историка А. Ненандера, географа К. Риттера, историков-медиевистов Ф. Раумера и Л. Ранке³¹. Теперь он представлял в лицах немецкую науку, к которой издавна питал глубокое почтение.

Проехав через Теплиц, Дрезден, Веймар, Франкфурт, Майнц, Кельн, Брюссель, Соловьев наконец оказался в Париже. Здесь предстояло осесть надолго, по крайней мере до следующего лета — чета Строгановых выбрала Париж своим постоянным местопребыванием. После короткого периода обустройства жизнь в Париже приобрела четкий ритм. Потекли дни, похожие один на другой, но вместе с тем чрезвычайно насыщенные. Занятый у Строгановых было немного, и после полудня домашний учитель был предоставлен самому себе. Он отправлялся в Королевскую библиотеку и работал там до трех часов пополудни. После возвращения из библиотеки до обеда, подававшегося в шесть часов, занимался у себя в комнате: разбирал бумаги и вел записи. Вечерами читал книги и журналы. Так закладывался железный распорядок дня, от которого Соловьев уже не отступал в течение всей жизни. Более или менее продолжительный отдых допускался только в воскресные дни. Утром, напившись молока, он шел в русскую церковь, в конце Елисейских полей. После обедни у священника церкви Д. С. Вершинского сходились пить чай все русские среднего сословия.

Впрочем, личные контакты Соловьева были весьма ограничены. Сближению с посланцами университета мешали вполне понятные чувства: еще не притупившаяся обида на *alma mater*, отринувшую одного из лучших своих выпускников. Общению же с аристократами препятствовали и неравенство положения, и неприязнь к этой среде. В письмах к родным было немало колких замечаний о невежестве, паразитизме, холодном равнодушии к отечеству "большого света".

Сильное раздражение в Соловьеве возбуждал образ мыслей, да и весь уклад жизни Строгановых. Глава семьи, Александр Григорьевич Строганов, уступал старшему брату как по умственным способностям, так и по человеческим качествам, хотя и превзошел его в карьере. Генерал-губернатор черниговский, харьковский, полтавский, в 1839—1841 годах министр внутренних дел России, женатый на дочери знаменитого сотрудника Александра I В. П. Кочубея, Строганов принадлежал к бюрократическому олимпу николаевской империи. С его высот в 1841 году пришлось неожиданно спуститься на землю — Николай I, убедившись в служебной непригодности своего министра, дал ему отставку. Оказавшись внезапно не у дел, экс-министр и его супруга убивали время в досужих сплетнях, интригах, злобном шипении на Россию. Развлечением для графа в Париже служили посещения анатомического театра, для графини — отношения с иезуитами, легко заманивавшими в свои сети искательниц приключений. Немудрено, что в этих условиях в Соловьеве с новой силой вспыхнуло русофильство. Им, как щитом, юноша пытался заслониться от влияния людей, расторгнувших духовную связь с родиной. Эти настроения в нем подогревались обстановкой нагнетания страха перед Россией и славянством, которую создавали в 40-е годы XIX века в Европе английс-

кие алармисты и немецкие националисты. В юноше росло обостренное ощущение принадлежности к своей расе, желание способствовать сплочению сил славянских народов.

Его русофильство всячески старался укрепить М. П. Погодин, не выпускаявший из виду бывшего ученика. Между ними завязалась оживленная переписка. Казалось, их отношения начали наполняться доверительностью и сердечностью. Соловьев изливал душу, делился научными планами в письмах к наставнику, держал его в курсе занятий славянской историей. "Восемь месяцев, проведенных в Париже, — отчитывался Соловьев в начале июля 1843 года, — были посвящены мною изучению средней истории, этих седин дней творения нового общества, с постоянным приложением к миру славян и Руси"³². У него уже наметилась и тема магистерской диссертации. "Может быть, я проговоривался Вам в Москве, — продолжал Соловьев в том же письме, — что любимый мой предмет — отношение дружин завоевателей (Готской, Гуннской, Варяго-Русской, Чешской, Ляшской и других) к славянским общинам, что хотел я прежде сделать предметом моей диссертации, но теперь вижу ясно, что это должно быть предметом многолетних исканий, и потому хочу выбрать предмет гораздо ограниченный, именно хочу писать о двух Иванах— III и IV"³³.

Несмотря на то что по зрелом размышлении была выбрана тема из русской истории, изучение славянского прошлого не приостановилось. Последовательно продвигаясь вперед в этой области, к концу своей поездки Соловьев собрал значительный фактический материал, о чем и извещал Погодина в конце января 1844 года.

Заинтересованному отношению Соловьева к развитию отечественного славяноведения в немалой степени способствовало его личное знакомство летом 1843 года с деятелями чешского возрождения: В. Ганкой, П. Шафариком, Ф. Палацким. Открытость и гостеприимство славян, их заботы о сохранении родного языка и культуры, надежды на помощь "старшего брата" — России произвели сильное впечатление на Соловьева. Приняв близко к сердцу интересы славян, Соловьев бурно радовался известиям из России "об успешном ходе словенщины в нашем факультете". "То была мне райская весть", — признавался он Погодину, с удовлетворением добавляя: "...впечатление Праги начинает наконец пересиливать в наших молодых людях впечатление Берлина"; "Прага нужна для Москвы, а Москва для Праги, и оба города — два ока миру словенскому"³⁴.

Находясь вдали от России, Соловьев тосковал по ней. Встреча со славянами, обращавшими свои взоры к России, еще более разбередила его душу. Ностальгия придавала особую окраску его размышлениям о долге и чести русского ученого. "Что до меня, то где бы я ни был, никогда не перестану профессионально русскую историю, то есть русское сознание, кричать русским голосом на весь крещеный мир"³⁵.

С этих позиций была написана большая статья "Парижский университет", с которой Соловьев дебютировал на страницах погодинского журнала "Москвитянин". Ее весьма положительно встретили сторонники журнала. Она же дала Погодину повод заметить в письме к Шевыреву: "Соловьев обещает нам прекрасного в нашем духе исследователя"³⁶.

Действительно, статья давала основания для признания ее автора приверженцем направления "Москвитянина". Вполне в духе теории официальной народности Соловьев ставил и решал вопрос о главном назначении университетского образования: оно должно быть нацелено прежде всего на формирование в молодых людях национального "глазомера", необходимого для правильной оценки всех сторон общественной жизни. "Стыд тому семейству, из которого молодой человек выходит без наследия, без имени отеческого, заклеянный печатью чужеродности в поступках, мыслях и словах"³⁷.

Идеализируя жизнь в России и критикуя порядки на Западе, автор указывал на глубокие различия в умственном складе европейцев и русских: у западноевропейских народов сильно выражено разделение мысли и чувства, философии и религии; в духовной же жизни русского народа была и есть удивительная гармония³⁸. В своей статье Соловьев выступал с антикатолических позиций, объявляя истинной формой христианства лишь православие. Враждебное отношение к католицизму и противопоставление католического Запада православному Востоку были свойственны и славянофилам, разрабатывавшим теологическую философию русской истории и ставившим будущее России в зависимость от судеб православия³⁹.

По первому впечатлению от статьи в начинающем авторе угадывался единомышленник Погодина, возможный союзник славянофилов. Характерно, что сразу после выхода в свет статьи Погодин стал рассматривать Соловьева как собственного парижского корреспондента "Москвитянина", направлять ему указания.

В глазах западников публикацией "Парижский университет" Соловьев окончательно скомпрометировал себя. Положение его значительно осложнилось, об этом он с горечью писал родителям: "...молодые (теперь уже старые) профессора, то есть немецкая партия, не могут быть расположены ко мне, ибо я оставил их знамена и предался Руси: не могут ласково смотреть на меня потому, что считают клиентом Погодина; наконец, не могут уважать моих достоинств, ибо я оканчиваю свой курс не в Берлине, по их мнению средоточии всей премудрости".

Вышло, однако, так, что и Шевырев с Погодиным, ответственные за судьбу питомца, не захотели оказать ему действительной поддержки из-за инертности своего мышления. "Что касается до старых, — замечал Соловьев, — то они никак не могут вмести в свою многоочученую голову, как можно быть профессором 25 лет, что, впрочем, если

я каким-нибудь способом попаду на место Погодина, будет явлением до сих пор беспрецедентным”⁴⁰. Порой Погодин сознательно старался умирить пыл воспитанника, рвущегося к серьезному научному труду. Так, в ответ на его просьбу дать совет относительно диссертации он прямо заявлял: ”О диссертации думать нечего: довлет днєви злоба его” — и порекомендовал писать ”побольше статей”⁴¹. Мотив этих неискренних советов лежал на поверхности: в случае быстрой защиты диссертации Соловьев становился первым претендентом на профессорскую должность, и тогда рушились замыслы Погодина о возобновлении преподавания. Летом—осенью 1844 года, после того как стало известно о желании попечителя С. Г. Строганова поставить во главе вакантной кафедры Соловьева, Погодин буквально атаковал Соловьева советами... не спешить с возвращением в Россию.

И все-таки положение не было так безысходно, как казалось Соловьеву. В запасе оставался один-единственный, но тем не менее реальный шанс изменить ситуацию: следовало представить на суд коллег диссертацию и дожидаться их откликов.

Магистерская диссертация, представленная Соловьевым в начале 1845 года, вскоре после возвращения домой, мгновенно подняла его акции среди университетских ученых. Разумеется, те научные идеи, которые были заложены в диссертации и которые привлекли на его сторону даже бывших противников, возникли не вдруг — они вынашивались долгое время. На старших курсах университета и позже — за границей — Соловьев усиленно занимался самообразованием. В процессе интенсивных занятий складывались его замыслы, зрела концепция. По мере того как Соловьев все дальше продвигался в своих изысканиях, все более явно обозначался его отрыв от погодинской школы. Окончательное размежевание с ней становилось неизбежным уже не в силу личных причин, а вследствие принципиальных разногласий по важнейшим научным вопросам. Следы напряженной работы мыслы Соловьева того периода хранят его тетради с конспектами прочитанных книг и собственными заметками. Перелистаем их страницы.

Еще студентом Соловьев поражал своих товарищей и преподавателей необыкновенной начитанностью в области истории и философии. Подобно большинству своих сокурсников, всерьез увлекался идеями Гегеля. Прочитав ”Философию истории”, он, по собственному же признанию, ”на несколько месяцев сделался протестантом”⁴². Впрочем, рьяным гегельянцем он не стал. ”Отвлеченности были не по мне; я родился историком”, — объяснял он позже свое охлаждение к Гегелю⁴³. Самое же главное — усвоенная им гегелевская диалектика еще не давала надежной точки опоры в осмыслении истории. Общую схему развития, взятую у Гегеля, надлежало наполнить конкретным содержа-

нием. На решение этой задачи Соловьев затратил несколько лет самостоятельных занятий.

Едва покончив с университетским курсом, он снова с головой ушел в чтение разнообразных исторических источников и научных трудов. За 1842—1844 годы скрупулезно изучил труды немецкого историка И. Гердера, высоко оценив выдвинутую им теорию расового деления человечества, начатки антропологического учения, содержащиеся в его работах⁴⁴. Простудировал труды Л. Ранке, Г. Ф. Крейцера, Б. Нибура, географа К. Риттера.

Из прочитанных им сочинений немецких историков следует особо выделить монографию К. Д. Гюльмана "История происхождения словес в Германии", а также "Историю Оснабрюка" Ю. Мёзера, в которой позднее некоторые консервативные историки усматривали зачатки материалистического понимания истории. Конспекты Соловьева отражают его глубокое знакомство с немецкой "описательной" (романтической) школой в историографии. Знал он и сочинения немецких историков "школы права" — Ф. К. Савиньи и И. Г. Эйхгорна: они повлияли на дальнейшую разработку его концепции государственного развития.

Жизнь Соловьева в Париже в начале 40-х годов располагала к серьезному изучению французской философской и исторической литературы. Он посещал лекции известных профессоров Ш. Ленормана, Ж. Мишле, Э. Кинэ, Ф. Минье, А. Тьера, Ф. Гизо; под впечатлением услышанного обращался к их трудам. Не остался он равнодушен и к тем направлениям философской и политической мысли Франции, которые только начинали завоевывать популярность. Скорее всего, именно тогда, в бытность в Париже, и состоялось его знакомство с философией позитивизма, в частности с учением О. Конта. Столь же живо интересовали Соловьева общественно-политические концепции эпохи Просвещения, идеи утопического социализма. Однако более других его увлекали теории французских историков периода Реставрации. Пиетет перед именами Ф. Гизо и О. Тьерри, чьи концепции определили направление его штудий в начале 40-х годов, Соловьев пронес через всю жизнь.

Вслед за французскими историками он обращался к так называемым актам завоеваний в древней истории европейских государств. Через призму отношений завоевателей и побежденных он пытался рассмотреть весь последующий исторический процесс, включая и Новое время. В силу этого проблемы складывания народностей (этногенеза) и их отношений приобретали для него первостепенную важность и остроту.

Разработка вопросов этногенеза, столкновений народов в истории древнего мира имела четко обозначенный прикладной характер. Она служила своеобразным инструментом познания общественных отношений, который Соловьев стремился применить к раскрытию внутренних

процессов развития восточнославянского общества. Поэтому он особенно внимательно вчитывался в исследования польского историка Р. Губе о древнем славянском праве, в книгу П. Шафарика "Славянские древности", подробно анализировал сочинение Ю. Венелина "Скандинавонимия и ее поклонники". Соловьев резко возражал против недооценки инородных примесей в славянском этногенезе, против представлений об изолированном развитии славян. После определенных колебаний он все же распространил тезис о "завоевании" на древнерусскую историю.

При всей своей спорности это положение оказало благотворное влияние на дальнейшие исследования Соловьева. С одной стороны, это признание подводило прочный фундамент под основополагающую идею единства исторического развития России и стран Западной Европы. С другой — давало ключ к пониманию социальных противоречий в исторической действительности Нового времени. Характерно, что именно в этой плоскости лежали главные интересы ученого в начале 40-х годов.

Внимание Соловьёва было сосредоточено прежде всего на истории третьего сословия, борьбе буржуазии за политические права, поведении дворянства и королевской власти в период назревания революционного кризиса в конце XVIII века, самом развитии революционного процесса 1789—1794 годов. Его восприятие исторической борьбы буржуазии основывалось на обостренном чувстве сопереживания. Расходясь во мнении с Ф. Гизо и А. Тибодо о положении третьего сословия в социальной иерархии, он выводил свою формулу, в которой без труда можно уловить нотки сословной гордости: "...нельзя сказать, что третье сословие есть все общество; за исключением знати и духовенства, среднее сословие произошло из народа — это так, но не было народ, чернь, то была мещанская аристократия, могущественная, ибо незамкнутая, популярная, ибо народного происхождения, но все-таки элемент господствующий, избранный цвет"⁴⁵.

Касаясь Генеральных штатов*, созданных в 1560 году, Соловьев отмечал: "...в продолжение всего собрания одно среднее сословие поддерживало национальное достоинство, противоборствуя тому, чтобы иностранцы не вмешивались в дела"⁴⁶. В условиях разложения феодальных порядков и морального вырождения знати буржуазия представлялась ему единственной спасительной силой, ее поведение — воплощением исторической необходимости. Он с одобрением отзывался о брошюре Сийеса, о сформулированном в ней кредо революционной буржуазии. В самих революционных действиях 1789 года он видел торжество исторической справедливости.

Совершенно очевидно, что уже в начале 40-х годов Соловьев в полной мере осознавал перспективу капиталистического развития

* Генеральные штаты — высший орган сословного представительства в феодальной Франции.

России. Сам факт обращения историка России к всеобщей истории определялся его пониманием запросов российской жизни. Поэтому с такой настойчивостью он старался выявить внутренние силы, способные реализовать наметившуюся тенденцию развития России, пытался проследить действие общих закономерностей в истории России и стран Западной Европы.

Уже тогда он высказал соображение об общности институтов средневековых общин во Франции и крестьянского мира в России. С европейской предбуржуазией — *"beste Manne, gute Manne, gische Manne"** — он отождествлял категорию русского населения, определяемую как *"житья люди"*.

Размышляя о русской истории, Соловьев говорил о договорном происхождении государственности, о зависимом положении первых правителей. Как у некоторых европейских народов, так и у *"наших варягов"*, отмечает он, в древности существовал обычай изгонять неугодных правителей из их владений⁴⁷. Однако с течением времени эта традиция нарушилась. Историк замечал: *"...жители городов Галлии мало заботились о том, кто из потомков Хлодвига будет править ими, сдавались первому пришедшему"*. Наблюдение о том, что чаще всего властью распоряжались авантюристы, ставившие превыше всего собственные мелкие интересы, Соловьев распространял и на русскую историю: *"Так точно было и у нас во время княжеских междоусобий"*⁴⁸.

Образование в дальнейшем централизованных государств Соловьев также связывал с волей и стремлениями народа и, исходя из этого, давал определение самой королевской власти: *"Королевская власть — должность и не наследственная собственность... вначале суверенный народ создал законы для выражения своей воли... государство — дело народа (res publica)"*⁴⁹. Отсюда он делал категоричный вывод, что *"деспотизм есть дурное правление, что для государства существуют правила высшие, чем воля короля, и что нация должна участвовать в делах общественных"*⁵⁰. В финале правления Бурбонов (в конце XVIII в.) он усматривал прямой результат нарушения указанных принципов. Уроки кризиса и падения власти Бурбонов вызывали его на серьезные размышления о судьбах российского самодержавия.

Сюжет из русской истории включался и в рассмотрение столкновений дворянской и буржуазной идеологий предреволюционной Франции. В характеристику взглядов идеолога французских аристократов консервативного историка А. Буленвилье вводилось любопытное сравнение: *"Это был дворянин (вроде нашего Карамзина), который отыскивал в истории документы о свободе дворянства против власти королевской и презирал народ"*⁵¹. В острой борьбе идей Соловьев отчетливо различал борьбу противоборствующих тенденций общественного развития.

Итак, уже в начале 40-х годов XIX века проявилась буржуазная

* *"Лучшие люди, добрые люди — богатые люди"* (нем.).

закваска убеждений Соловьева. Он по праву мог бы подписаться под словами почитаемого им О. Тьерри: "Разночинец по происхождению, я требовал, чтобы разночинцам была возвращена их доля славы в истории"⁵².

Узнав вкус заработанного хлеба, изведав тяжелую обязанность подлаживаться под нравы и вкусы сильных мира сего, Соловьев ощутил кровное сродство с тем подавляющим большинством людей, которые в трудах и лишениях обрели права: "...для нас, которые должны пробиваться сами, путь пожертвований есть путь единственный; к нам слова Христа прикладываются обратно: во время молодости мы должны позволить другим себя подпоясывать и вести, куда не хотим, чтобы в старости поясаться самим и ходить свободно, куда ни пожелаем"⁵³.

В 40-е годы закладывался сильный антиаристократический комплекс идей Соловьева. Ориентация молодого историка, вначале проступавшая под налетом русофильских настроений, вскоре приобрела более чистую окраску. Неумеренное русофильство стало для него переходящим, неприятие же господства дворян осталось навсегда. Более того, свое враждебное отношение к дворянству он пытался оправдать законами природы. Вот что писал он в комментариях к труду П. Шафарика: "Известно, что между животными помесь ненавидится, но вместе с тем есть единственное средство к улучшению породы, а в человечестве — самая человечественная, ведущая к своеобразному развитию, а сомкнутость аристократическая — самая отвратительная"⁵⁴.

От вопросов, поставленных в конспектах и заметках Соловьева начала 40-х годов, вел прямой путь к его обеим диссертациям — магистерской и докторской. В них он предпринял попытку проследить истоки государственного и общественного быта современной России, выявить внутренние пружины ее развития на протяжении всей истории. Не случайно обе диссертации были посвящены "отношениям" действующих лиц русской истории, через которых он пытался постичь логику и смысл исторического процесса.

Глава

II

НА ПОДСТУПАХ К ГЛАВНОМУ ТРУДУ

После двух лет, проведенных за границей, Соловьев возвращался домой вполне сложившимся ученым, способным к разрешению сложных научных задач. Однако право на серьезное занятие наукой и педагогическую деятельность в Московском университете ему пришлось отстаивать в нелегкой борьбе.

В январе 1845 года начались магистерские испытания. Для Соло-

вьева они складывались неудачно. Зная о пристрастном отношении к себе ряда экзаменаторов, сам соискатель не всегда сохранял хладнокровие и выдержку. Но дело было не только в этом. Справедливости ради надо отметить: его знаний по некоторым предметам (политическая экономия, статистика) было недостаточно для отличных оценок.

Итоги экзаменов Соловьева доставили удовольствие его недоброжелателям и искренне огорчили его покровителя С. Г. Строганова. Тем не менее решающий акт борьбы был впереди — предстояло обсуждение диссертации. Собравшись с силами, Сергей продолжал готовиться к магистерскому диспуту. В марте 1845 года диссертация "Об отношениях Новгорода к великим князьям" была представлена на рассмотрение специалистов.

Исследование Соловьева охватывало значительный отрезок прошлого — от так называемого "начала русской истории" в IX веке до присоединения Новгорода к Москве в конце XV века при Иване III. Судьбу Новгородской республики автор рассматривал в связи с развитием института княжеской власти в Северо-Восточной Руси и новых городов как ее опорных пунктов. Падение Новгорода в январе 1478 года, как полагал историк, было предрешиено успехами централизаторской политики московских князей, крепнувшими государственными связями, идущими на смену средневековому сепаратизму. Диссертация Соловьева, выполненная в непривычной для классической науки первой половины XIX века манере, на базе непривычных еще понятий, вызвала неоднозначную реакцию читателей.

С работой внимательно ознакомились М. П. Погодин и К. Д. Кавелин. Первый долго уклонялся от какой-либо резолюции и, только когда вышли все сроки, нехотя черкнул два слова: "Читал и одобряю". Второй рецензент, наоборот, едва закрыв труд, поспешил распространить о нем самый благоприятный отзыв. Вопреки ожиданию, Кавелин усмотрел в содержании диссертации "совершенно противоположное славянофильскому образу мыслей"¹. Это заключение коренным образом изменило положение Соловьева: оно растопило лед в его отношениях с западной партией. Опираясь на ее поддержку, он и возглавил кафедру русской истории.

Спустя два года, в 1847 году, Соловьев защитил докторскую диссертацию "История отношений между князьями Рюрикава дома".

На передний план его исторических разработок выдвигалась проблема политической власти, вырастающей из форм родового быта в княжеской среде. Наблюдая за переменами в положении великих князей, Соловьев подразделял исторический процесс на несколько периодов: первый — от призвания Рюрика в IX веке и до вокняжения Андрея Боголюбского в XII веке, второй — от Андрея Боголюбского до начала правления Ивана Калиты в XIV веке; третий — от Ивана Калиты до прихода к власти Ивана III в XV веке; четвертый — от Ивана III до пресечения династии Рюриковичей в конце XVI века. Соловьев решительно отбросил устаревшее деление средневековой

истории России на так называемые "норманнский", "удельный", "монгольский" периоды, не раскрывавшие, по его словам, "естественную внутреннюю связь явлений, непосредственное преемство форм". Диссертация Соловьева пролагала путь к пониманию исторического процесса через постижение его внутреннего содержания, ускользавшего от историков, занятых преимущественно внешней, событийной стороной прошлого.

Блестящая защита докторской еще выше подняла авторитет Соловьева среди коллег и всех любителей истории. В 1850 году он был утвержден ординарным профессором Московского университета. Перед молодым исследователем открывались блестящие перспективы. Его наперебой зазывали журналы, старались приблизить к себе общественно-политические группировки. Сам же ученый, добившись успеха, был теперь не прочь отдалиться и более живому делу. Мало-помалу его втягивал водоворот общественной жизни 40-х годов.

Соловьев вошел в круг западников, среди которых обрел друзей и единомышленников. С 1846 года стал навещать и к славянофилам. Сближение со славянофилами произошло до известной степени случайно. Однажды, встретясь с К. С. Аксаковым, Соловьев сочувственно отозвался о его драме "Освобождение Москвы в 1612 г.". Теплые слова запали в душу автора. Расположение Аксакова к Соловьеву возросло еще больше после получения от него послания в стиле русских грамот XVII века. Восторгу Аксакова, услышавшего язык живой допетровской Руси, не было предела. Желая доставить удовольствие новому знакомому, Соловьев продолжил серию этих писем, которые с неизменным успехом зачитывались на собраниях славянофилов.

Сергей стал часто бывать в гостеприимном доме Аксаковых. Там он познакомился с другими членами славянофильского кружка. Ему импонировали патриотизм, глубокий интерес славянофилов к русской истории, к православной церкви. Он принял горячее участие и в некоторых литературно-научных мероприятиях славянофилов, внес свою лепту в подготовку сборника статей 1845 года — совместного издания славянофилов и западников. Сотрудничество Соловьева со славянофилами продолжалось при создании двух томов "Московского ученого и литературного сборника", выпущенных в 1846—1847 годах, и "Московского сборника" 1852 года. В двух последних сборниках Соловьев уже в единственном числе представлял западнический лагерь. Заинтересованные читатели могли спросить: чьи же идеалы в конечном счете ему ближе — славянофильские или западнические? Вопрос о позиции талантливого историка в споре западников и славянофилов волновал обе стороны, ибо означал потерю для одной из них и приобретение для другой. По свидетельству искусствоведа-западника В. П. Боткина, "даже назначен был как-то вечер, чтобы выслушать его *profession de foi**, но до сих пор вечер не состоялся"².

* Символ веры (*франц.*).

До поры до времени и сам Соловьев не видел необходимости отказываться от разнообразных контактов. "Жилось мне тогда весело, — вспоминал он о второй половине 40-х годов, — с обеих сторон, и с востока, и с запада, меня уважали, ласкали; фимиам, который мне воскурjali со всех сторон, мне очень нравился"³. Нет, он не был особенно падох на леств. Просто, испытываю досаду на свое незавидное положение еще в недавнем прошлом, теперь, когда ситуация изменилась, он пытался продлить миг триумфа. К этому примешивалось еще одно обстоятельство: будучи устроен иначе, чем застрельщики идеологических баталий, он не мог взять в толк, какой прок от постоянных пререканий и взаимных выпадов.

В какие-то моменты Соловьев брал на себя функцию миротворца, стараясь удержать враждующие кланы от взаимных запальчивых выходов⁴.

Иногда выступал посредником между двумя направлениями. Такое случилось 11—12 марта 1849 года. Он получил в спешке написанную записку Т. Н. Грановского. Тот сообщал об аресте Ю. Ф. Самарина, просил прислать адрес Аксаковых, чтобы немедленно переправить им письмо, привезенное ночью из Петербурга, и назначал Соловьеву свидание в университете⁵.

Суть дела, о котором Грановский кратко уведомлял Соловьева в записке и, надо полагать, более подробно при разговоре с глазу на глаз, заключалась в следующем. Известный московский славянофил Ю. Ф. Самарин был арестован 5 марта 1849 года за намеренное распространение своей рукописи "Письма из Риги". В этом сочинении Самарин нападал на остзейское дворянство немецкого происхождения и критиковал царских наместников края за снисходительное, с точки зрения автора-славянофила, отношение к немецкому меньшинству, а также за недостаточные меры по насаждению русской государственности. В свободном рассуждении Самарина было усмотрено "якобинское направление". Реакция правительства выразилась в словах, сказанных Николаем I во время личной беседы с Самариним 17 марта 1849 года: "Вы поднимали общественное мнение против правительства; это готовилось повторение 14 декабря"⁶. По делу Самарина был привлечен и арестован открыто выражавший ему сочувствие И. С. Аксаков. Несмотря на относительно благополучное завершение (и Самарин, и Аксаков вскоре были выпущены на свободу), эта история получила широкую огласку. Для деятелей общественного движения она послужила новым напоминанием о постоянно нависающей угрозе правительственных репрессий, для властей — очередным поводом прижать либеральную интеллигенцию. По-видимому, Грановский располагал какими-то конкретными сведениями о назревающих неприятностях для московской профессуры, о чем и собирался поведать Соловьеву.

В условиях, когда бал правила реакция, распался навязчивым страхом перед оппозицией, заниматься историей и литературой день

ото дня становилось труднее. Гром над головой мог грянуть в любую минуту. В тот период Соловьеву представлялись особенно нежелательными раздоры в либеральном лагере. При всем благородстве своей позиции он тем не менее оставался в одиночестве. Идейная эволюция славянофильства и западничества с неизбежностью вела к трениям, балансирование на стыке двух течений становилось невозможным.

Вопрос о том, с кем идти дальше, не вызывал у Соловьева колебаний. Всеми научными взглядами, жизненными принципами он был связан с западническим лагерем. Даже в период наиболее тесного общения со славянофилами идейной близости с ними не возникало. Рассуждая об одних и тех же проблемах, отталкиваясь порой и от общих посылок, они приходили к разным выводам. Наглядным подтверждением служит записная книжка Соловьева 1848 года, запечатлевшая его размышления об устройстве быта восточных славян и влиянии на него религиозного начала. Правомерно предположить, что толчком к этим размышлениям послужили занимавшие тогда славянофилов поиски "соглашения религии и общества"⁷. Славянофильская концепция соединяла православие и общинное начало, рассматривая их развитие как двуединый процесс. На этой основе строились социально-политические теории славянофилов, сочетавшие черты религиозной утопии с проповедью бесконфликтного, отличного от западноевропейского, пути развития. Общинное начало, дополненное церковным, по мнению славянофилов, воплощало созидательную силу "земли". С учетом этой силы славянофилы искали формулу примирения государственных и народных интересов.

Иначе к этим вопросам подходил Соловьев. По его словам, православию выпестовало в славянском характере такие черты, как равнодушие к мирской власти, собственности. Славяне стремились к тому, чтобы "сложить с себя бремя власти на князя, предводителя дружины"⁸. По этой причине духовность народа, пробужденная православием, полностью растворилась в государственной жизни. Иные, внесударственные формы общественного самовыражения остались в русской истории невостребованными, ибо воля народа и правительства совпадали. Соловьев ссылался и на конкретные примеры подобного единства царя и подданных: "...выезд из Москвы в 1812 год... когда опасность сблизила царя с народом, представитель народа явился достойным провозгласителем народного характера, когда сказал: "Я отращу себе бороду и уйду в Сибирь с народом"⁹.

Государственная точка зрения Соловьева противоречила славянофильскому подходу к истории. Дальнейшая жизнь показала их глубокие расхождения по целому ряду научных и общественно-политических проблем. Соловьев искренне желал сохранить со славянофилами добрые отношения: он по-прежнему оставался верен принципу — не сжигать доколе возможно за собой мосты. Однако идейные разногласия нарастали столь быстро, что о прежней лояльности не могло

быть и речи. В 1856 году Соловьев открыто выступил против славянофилов в полемике, завязавшейся между их печатным органом "Русская беседа" и западническим журналом "Русский вестник". Он вызвал злобные нападки на себя — несколько разгромных выступлений подготовил К. С. Аксаков. Журнальная полемика 50-х годов показала, какая глубокая пропасть пролегла между недавними друзьями. Отныне и навсегда их пути разошлись.

Прочнее оказались узы дружбы, соединившие Соловьева с членами западнического кружка Московского университета. В годы давления реакции на просвещение, в особенности после революции 1848 года в Европе, этот кружок стал центром духовной жизни Москвы. Его общепризнанным главой был Т. Н. Грановский. Большим авторитетом пользовались юрист и историк К. Д. Кавелин, историк и педагог П. Г. Редкин, журналист П. М. Леонтьев, историк и литератор П. Н. Кудрявцев, философ и журналист М. Н. Катков и другие. При поддержке Т. Н. Грановского Соловьев вошел в кружок и занял в нем достойное место. Грановский неизменно старался ободрить и поддержать молодого коллегу на важных для него этапах жизненного пути. После выступления Соловьева с пробной лекцией в университете он во всеуслышание заявил: "Мы все вступили на кафедру учениками, а Соловьев вступил мастером своей науки"¹⁰. Узнав в 1850 году об утверждении его в должности ординарного профессора, Грановский первым из сослуживцев поздравил Соловьева¹¹.

На первый взгляд спаянный кружок Грановского состоял из людей, разных по воззрениям. Впервые это проявилось в так называемой крыловской истории 1846—1847 годов. Поводом к скандалу послужило недостойное поведение преподавателя римского права Н. И. Крылова в семейном кругу. Родственники его жены (урожденной Корш) подтвердили давно ходившие слухи о взяточничестве Крылова. Профессора Редкин, Кавелин (оба также были женаты на сестрах Корш), Е. Ф. Корш — в то время редактор "Московских ведомостей", издававшихся при Московском университете, и Т. Н. Грановский обратились к попечителю С. Г. Строганову с жалобами на Крылова. Однако тот остался фактически ненаказанным. В знак протеста обвиняющая сторона подала прошение об отставке.

Большинство современников, ставших свидетелями данного инцидента, видели в нем чисто семейную неурядицу, участие же Грановского объясняли дружеской близостью к семейству Коршей.

Но было и другое отношение к событиям, выраженное одним из преданных друзей Грановского: "Грановский и близкие ему товарищи желали возвысить достоинство преподавателя до идеального нравственного значения, не только поучать, но и воздействовать собственным примером"¹².

Жизнь подтвердила заключение Грановского: нравственное падение Крылова — симптом духовного разложения человека. Несколь-

кими годами позже Крылов сомкнулся с воинствующей реакцией, выступил с панегириками "петербургскому богу", как назвал А. И. Герцен Николая I, требовал полицейской расправы с инакомыслием¹³.

Что касается остальных профессоров-западников, то в их отношении к крыловской истории ярко проявились черты, присущие в той или иной мере всему либеральному лагерю: отказ от открытого противодействия реакции, перевод соображения личной безопасности над принципом, разрыв между словом и делом. Не избежал этой двойственности и Соловьев. "Дальновидные" расчеты — нежелание ставить под угрозу научную карьеру, стремление избежать ненужного риска накануне женитьбы — перевесили возмущение.

И все же при всей своей половинчатости и нерешительности либеральное движение 40-х — первой половины 50-х годов составляло реальную оппозицию самодержавию. Более того, объективное влияние либеральных профессоров на общественную мысль было гораздо радикальнее их собственных взглядов. Это влияние всеми средствами пытались ограничить власти предрежащие. В 1847 году попечитель Московского учебного округа С. Г. Строганов, весьма расположенный к Соловьеву, пытался воспрепятствовать публичной защите его докторской диссертации, опасаясь напльва посторонних слушателей и непредсказуемого поведения аудитории. Имена Т. Н. Грановского, С. М. Соловьева и П. Н. Кудрявцева фигурировали в материалах следственной комиссии по делу М. В. Буташевича-Петрашевского и членов его кружка. В тот период правительственные круги, обеспокоенные революционными событиями в Европе 1848—1849 годов, проявляли особую нервозность и подозрительность при любом отклонении от официальной идеологии. Либеральная профессура в полной мере испытала на себе этот гнет. Мнения своей среды хорошо передал Соловьев: "Нам, русским ученым, достанется за эту революцию!"¹⁴

Как и в деле декабристов, следственная комиссия 1849 года пыталась установить в "заговоре идей" истоки самих идей. Особое внимание ее привлекло письмо члена кружка поэта А. Н. Плещеева к С. Ф. Дурову от 26 марта 1849 года. Среди наиболее выдающихся явлений интеллектуальной жизни Москвы Плещеев выделял университетские лекции Грановского, Кудрявцева и Соловьева¹⁵.

О заинтересовавших следственную комиссию профессорах был сделан запрос тогдашнему попечителю учебного округа Д. П. Голохвастову. Однако ответ Голохвастова, вставшего за честь мундира, был положительным: "В образе жизни всех их ничего предосудительного не известно". По его отзыву, они вполне корректны с начальством, со студентами в "непозволительные связи не входили", "что касается до духа и направления их лекций, то с этой стороны также ничего вредного не заметно"¹⁶. Отметим, что характеристика попечителя была составлена одновременно на трех профессоров. По-видимому, Голохвастов особенно не ломал головы в отношении формы и в то же время

бессознательно отражал общественное мнение, для которого Соловьев, Грановский и Кудрявцев образовывали своеобразный триумвират.

Чрезмерная мнительность не позволила московскому генерал-губернатору А. А. Закревскому положиться на характеристику Голохвастова — он настаивал на внезапном обыске у Грановского и Кудрявцева, однако комиссия ограничилась учреждением на первых порах секретного надзора над ними¹⁷. Обратим внимание, что уже на втором этапе возбужденного дела, т. е. после получения ответа Голохвастова, в протоколах следственной комиссии речь шла уже только о Грановском и Кудрявцеве. Соловьев выбыл из числа подозрительных лиц, и наблюдение за ним установлено не было.

Объяснение этого факта может быть двояким. Во-первых, Соловьев был действительно гораздо сдержаннее в проявлении своих убеждений и более замкнутым в личной жизни.

С другой стороны, мнения сановников, слабо разбиравшихся в оттенках различных общественных течений, отличались крайним субъективизмом и подчас приводили к курьезным выводам. Например, тот же Закревский в 1858 году в донесении шефу жандармов В. А. Долгорукову называл в числе неблагонадежных лиц М. П. Погодина, аттестуя его как "корреспондента Герцена, литератора, стремящегося к возмущению". Возможно, именно недостаточная компетентность чиновников, занимавшихся делом московских профессоров, спасла Соловьева от преследований.

Между тем представления властей об оппозиционности либералов были явно завышенными. Даже в моменты наивысшего накала критических настроений в обществе те не посягали на идею монархии, революционным призывам противопоставляли требования реформ. Идеология революционных демократов была им столь же чужда, как и взгляды махровых реакционеров.

Это положение равным образом относилось и к Соловьеву, и к Грановскому. Революционная программа общественного переустройства, выдвинутая А. И. Герценом, вызывала у обоих отрицательную реакцию. Оба считали ее несбыточной и даже вредной, в особенности для молодежи, легко усваивавшей "ложные" идеи. Разница, однако, состояла в том, что при принципиальных политических расхождениях Грановский до конца своей жизни сохранял дружеские чувства к Герцену, в то время как Соловьев стал относиться к нему отрицательно и как к человеку.

Вообще следует отметить: между мнениями Грановского и Соловьева прослеживалось заметное сходство даже в оттенках. Оба с крайней антипатией относились к Николаю I и деспотическим методам его правления, оба испытывали на себе гнет реакционной политической системы. Оба остро переживали неудачи России в Крымской войне, хотя и разделяли пораженческие настроения передовой общественности. С внешнеполитическим поражением мыслящая часть русского

общества связывала надежды на внутренние перемены к лучшему. Вспоминая о настроениях той поры, Соловьев несколько лет спустя отмечал в своих автобиографических "Записках", что, испытав горечь непривычных для русского оружия поражений, он еще больше страшился победы. Описывая свою встречу с Грановским в день получения известия о смерти Николая I, которая вызвала у них надежду на потепление политического климата в стране, Соловьев записал слова коллеги: "Нет ничего удивительного, что он умер, удивительно то, что мы с вами живы"¹⁸. В этой формулировке выразилось как чувство облегчения, так и ощущение постоянно нависавшей над ними угрозы в годы николаевского царствования.

Оба — Соловьев и Грановский — в 50-е годы откровенно выражали неприязнь к учению славянофилов и идеологии революционеров-демократов, усматривая и в том и в другом отступление от здравого смысла. Влияние Грановского на Соловьева было глубоким и многогранным. Направляющая рука старшего товарища давала о себе знать и в присущем Соловьеву профессиональном почерке. От русской школы медиевистов, прежде всего от Грановского, происходила склонность Соловьева к изучению истории разных народов, к широким историческим сравнениям и обобщениям.

Как и Грановский, Соловьев не был чужд влиянию западноевропейской науки, охотно и много учился у ее корифеев — Нибура, Ранке, Риттера, Гизо, Тьерри, Конта. Однако увлечение популярными на Западе идеями и теориями не перерастало у русских ученых в эпигонское следование им. Проявляя значительную широту взглядов и самостоятельность, Грановский и Соловьев последовательно отстаивали диалектический и сравнительно-исторический методы изучения, призывали к познанию законов исторического развития народов.

Соловьева и Грановского сближало представление о высоком общественном призвании исторической науки. Это выразилось в стремлении подключить ее к решению жгучих общественных вопросов, в готовности всякий раз использовать свой научный авторитет для поддержки передовых общественных начинаний и, наоборот, для сопротивления казенщине, мракобесию, косности. В этом плане дружественный союз Грановского и Соловьева в глазах коллег и учеников — яркий пример служения науке во имя гуманных целей. "Они старались воспитывать в своих слушателях сознание вечных законов исторического развития, уважение к прошлому, стремление к улучшению и развитию в будущем; они старались пробудить сознание того, что успехи гражданственности добываются трудным и медленным процессом"¹⁹, — вспоминал их младший коллега К. Н. Бестужев-Рюмин.

Особенно наглядно подобный подход к науке проявился во время назревания крупных общественных перемен, придавших многим историческим вопросам политическую остроту и злободневность. Обстановка ожидания правительственных реформ толкала молодого уче-

ного на поиск новых путей просветительской работы. Соловьев пытался перестроить учебный процесс по профилю своей кафедры еще задолго до того, как свежий ветер перемен ворвался в университетские аудитории. Так, приступая к преподаванию в Московском университете, он намеревался довести общий курс лекций до новейших времен²⁰. Насколько полно ему удалось тогда осуществить задуманное, судить трудно — материалы курса не сохранились, известно только, что в 1846/47 учебном году Соловьев прочитал первый спецкурс по истории царствования трех первых государей из дома Романовых²¹, а в 1847/48 учебном году — по эпохе Петра I²². В 1854/55 учебном году на юридическом и историко-филологическом факультетах он уже читал курс новой русской истории, охватывавший период с начала XVIII века "до настоящего времени"²³. Подобные курсы для архаичного университетского образования были в диковинку.

Сразу же после защиты докторской диссертации Соловьев решил выступить с публичными лекциями, выбрав довольно большой отрезок времени — от летописного призвания варягов в 862 году до утверждения на престол Михаила Романова в 1613 году. Не находя в представленной Соловьевым программе лекций повода для отказа, министр просвещения С. С. Уваров 29 сентября 1848 года дал разрешение на чтение лекций, но одновременно распорядился о специальном наблюдении за ними. Однако несколько дней спустя, передумав, наложил запретительную резолюцию на прошение Соловьева²⁴.

Развернувшаяся в 40-е годы XIX века научная деятельность Соловьева вызывала беспокойство властей, несмотря на то что никаких формальных поводов к тому как будто бы не было. Думается, что не последнюю роль в этом сыграло явное для окружающих тяготение Соловьева к периодам, близким к современности. Уже в дореформенное время в своей лекторской работе Соловьев вплотную подходил к дозволенным цензурой хронологическим границам в изучении прошлого, а в ряде случаев и переходил их.

Общественный интерес к работе Соловьева возрастал по мере того, как он в своих изысканиях и публикациях приближался к XVIII столетию. Это отразилось и в адресованной ему записке профессора истории и политэкономии Московского университета А. И. Чивилева, помеченной 13 января 1848 года. Приведем ее текст: "Милостивый государь Сергей Михайлович! Носится слух, что Вы, по окончании междуцарствия, приступите к дому Романовых. Если это правда, то от души поздравляю Вас и желаю самых лучших результатов. Ваш сердечный почитатель А. Чивилев"²⁵.

Однако противодействие со стороны цензуры и реакционной бюрократии не позволило Соловьеву в предреформенный период развернуть работу, к которой он готовился с первых самостоятельных шагов в науке. В письме к редактору "Отечественных записок" А. А. Краевскому он прямо писал о том, что не решался "приняться за разбор

многовекового периода”, зная наперед, что его труд не будет пропущен цензурой²⁶. В особенности, как это видно из переписки с Краевским, он старался уберечь от удара свои работы по XVII—XVIII столетиям.

В 1848 году, одновременно с началом работы над “Историей России”, Соловьев принялся за крупное сочинение о Н. М. Карамзине и его “Истории государства Российского”. Однако горький опыт публикации статьи о городах XVII века, до неузнаваемости заредактированной, заставил его отложить рукопись статьи о Карамзине до лучших времен. Возобновляя работу над ней в 1853 году по настойчивой просьбе Краевского, Соловьев по-прежнему мало рассчитывал на успех. “Статья моя не панегирик, — писал он Краевскому, — и если внесут в устав новый пункт — не писать о К(арамзине) ничего, кроме похвалы, — то лучше не печатать”²⁷.

К началу 1852 года у Соловьева были готовы две обширные статьи по XVIII веку (“Характеристика иностранных писателей русской истории XVIII в.” и “Характеристика иностранных путешественников по России, начиная с XVI в.”), которые он предложил “Отечественным запискам”. И снова опасение цензурного вмешательства вынудило его изменить замысел. Окончательный вариант, подготовленный для печати, был умышленно составлен из “одних голых географических известий”²⁸. Было изменено даже название работы²⁹.

Историческая действительность николаевской России задержала становление талантливого историка новой научной школы на базе той проблематики, которую принесла с собой эта школа. Разработка истории XVII—XIX веков в условиях пореформенного времени имела иное политическое звучание. В определенной мере на это повлияло перерождение российского либерализма, коснувшееся и Соловьева. Не исключено, однако, что развитие его творчества в пореформенные десятилетия пошло бы другим путем, если бы существовала возможность проявить себя в избранной области еще тогда, когда он был полон надежд и смелых замыслов. Продолжая эту гипотетическую мысль, можно высказать предположение, что и результаты этой деятельности были бы внушительнее.

Думается, что некоторые природные задатки Соловьева, своевременно не востребованные, остались втуне. Не потому ли он был обделен в зрелые годы темпераментом публициста, артистизмом лектора, что эти способности подавлялись прежде, чем они успели раскрыться? Превращение пылкого, раскованного в мыслях и словах юноши в подобранного внешне и внутренне ученого мужа 50-х годов дает основания так думать. Пример Соловьева с достаточной очевидностью убеждает: ученый в не меньшей степени, чем художник, нуждается в отлаженной обратной связи с той культурной средой, к которой обращено его творчество. Искусственная изоляция от этой среды, подобно отсутствию воздуха, чревата угасанием важнейших функций научного труда.

Только в 1851 году, наряду с четырьмя другими профессорами Московского университета, он выступил с небольшим циклом публичных лекций — “Взгляд на установление государственного порядка в России до Петра Великого”. В публичных лекциях Соловьев, по существу, держал отчет перед кругом своих читателей и судей о проведенных исследованиях и наметках на будущее. Сама формулировка темы (“взгляд”) указывала на определенную предварительность заключений историка, но вместе с тем и на попытку концептуального осмысления всего периода. Особое внимание он уделял тем фигурам и явлениям в жизни восточнославянского общества, которым принадлежала организующая роль. То были князь — “нарядник земли”, дружина — носительница сословного начала и сила, наравне с княжеской властью, способствующая росту городов, налаживанию обмена между городским населением и крестьянством. Это и христианская церковь, духовно скрепившая союз племен под властью князя. Наконец, это — собственность великого князя, которая по мере распространения на новые и новые области подтачивала родовые отношения в княжеском доме. Оформление сильного государства в результате этих процессов Соловьев расценивал как главное достижение многовековой истории славянства. По отношению к судьбам государственной власти интерпретировались главные события последующего времени. Так, Смутное время вслед за официальной версией XVII столетия преподносилось как следствие “пресечения благочестивого царского корени” и незаконного захвата власти Годуновым, а восстановление твердого монархического правления в 1613 году — как результат сознательного стремления народа к обустройству державы. Новыми показателями государственных успехов в XVII веке Соловьев называл отмену местничества в 1682 году, заведение полков иноземного строя, зарождение светского образования, установление более тесных контактов России с соседними странами³⁰. В 1851 году Соловьев пытался уже охватить “взглядом”, отличным от предшественников, и XVII столетие. Разумеется, еще не все было учтено в этой картине. Многие оценки предстояло уточнить. Само выступление Соловьева прошло не вполне гладко. Кое-кто из слушателей, в частности известный западник В. П. Боткин, нашел, что на фоне других ораторов Соловьев выглядел бледно: “...прочел неудачно: он не имеет дара слова и говорит утомительно”³¹. И все же Соловьев имел полное право на удовлетворение. Его идеи заинтересовали специалистов. Даже Погодин, преодолев неприязнь к талантливому ученику, признал ценность сделанных Соловьевым наблюдений и выводов.

Для Соловьева одобрение коллег было тем более важно, что к тому времени на стапеле, готовый к спуску в широкое книжное море, стоял первый том “Истории России с древнейших времен”. Вполне понятно, что загодя он не желал ставить в известность об этом коллег и знакомых. Знай о предстоящем событии, Погодин не обмолвился бы добрым

словом о докладе Соловьева! Непросто далась Соловьеву публикация первого тома. В непростые отношения с предшественниками и современниками ставил он Соловьева. И все же успех публичных лекций окрылял его. Автор видел, как ждала и жадно поглощала историческая мысль результаты его изысканий.

Глава

III

НЕЗНАКОМАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

Ранее Соловьеву казалось: достаточно составить добротный курс лекций для студентов и, слегка переработав его, издать для широкой публики. По мере того как накапливался опыт, выяснялась невыполнимость подобного плана — хороший лекционный курс должен был опираться на глубокую самостоятельную проработку отечественной истории. Так созрел замысел "Истории России". Отныне большую часть времени и сил ученый отдал этой работе.

Соловьев брался за дело, обладая солидной подготовкой. К тому времени он в совершенстве владел техникой исследовательской работы. Уже на подступах к труду отчлливо видел его концептуальную схему. Она была апробирована в двух диссертациях, монографической статье "О родовых отношениях между князьями Древней Руси", опубликованной в "Московском литературном и ученом сборнике" за 1846 год, в публичных лекциях 1851 года. К началу 50-х годов имя Соловьева было хорошо известно в научных кругах. И все же молодой исследователь предвидел, что его труд будет тяжело пробивать дорогу. Он в полной мере отдавал себе отчет в том, что автору подобного труда неизбежно предстоит столкнуться с сопротивлением чиновников и коллег, считавших его затею совершенно неоправданной. По их убеждению, все возможное в этой области уже сделал Н. М. Карамзин. Как заявлял М. П. Погодин, Карамзин, проложив столбовую дорогу в историографии, на долю преемников оставил лишь "идти по мелким тропам и расследовать разные отрасли жизни наших предков"¹.

Панегиристы Карамзина во главе с П. А. Вяземским, Д. Н. Блудовым, М. П. Погодиным приложили немало стараний, чтобы придать выходу в свет первого тома "Истории России с древнейших времен" характер скандальной сенсации². Тотчас же после появления книги zaangażированные критики принялись наперебой чернить и автора и сочинение. В самом невыгодном свете оно было представлено царской семье: отосланный через попечителя А. С. Назимова подарочный экземпляр не был удостоен высочайшего внимания, а в ответ на отсылку второго тома в 1852 году свыше пришло указание не беспокоить августейших особ впредь до окончания всего труда³.

Нападки, которым Соловьев подвергся в самом начале своего предприятия, вынудили его обороняться. Еще готовя к печати первый том, он включил в предисловие небольшой историографический экскурс. Соблюдая научный этикет, Соловьев в весьма комплиментарных выражениях отзывался об историках прошлого, начиная с В. Н. Татищева и заканчивая Н. М. Карамзиным. Остановившись на их попытках систематизировать события и установить грани русской истории, он заявлял, что успешнее других эту задачу решил Карамзин. "Система Карамзина, несмотря... на неточность определения характера периодов... остается лучшей не только в сравнении с предшествующими системами, но и в сравнении с попытками последующих писателей систематизировать русскую историю. Важное значение "Истории государства Российского" состоит именно в том, что автор ее был более летописцем, чем историком, что он, не увлекаясь систематизированием, оставался в главном ходе повествования верен летописи"⁴. Однако настоящее мнение Соловьева было в корне противоположным. В конце концов сознательное лукавство показалось Соловьеву непристойным, и в окончательной редакции он выбросил данный отрывок.

Более откровенно ученый решил высказать свое мнение о Карамзине-историке в серии историографических статей, предпринятой в первой половине 50-х годов. Основываясь на подходе историков прошлого к своему предмету, Соловьев различал два ведущих направления — "рационалистическое" и "риторическое", или "литературное". К первому он относил труды В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера, М. М. Щербатова, И. Н. Болтина. Их усилиями, как замечал Соловьев, "выведена строгая наука". Благодаря им наука была вооружена эффективными средствами познания и поставлена на прочные основы рационализма. Тем самым был заложен фундамент поступательного научного развития в XIX веке. Другое дело — историки, видевшие в прошлом лишь калейдоскоп занимательных и поучительных сюжетов. Они использовали исторический материал как иллюстрацию к готовым выводам, по большей части нравоучительного толка, и не слишком заботились о достоверности приводимых сведений. К разряду таких писателей он относил М. В. Ломоносова, А. И. Манкиева, В. К. Тредиаковского, Ф. А. Эмина, И. П. Елагина. К этому же направлению, как силился показать Соловьев, тяготел и Н. М. Карамзин. Собственно, весь цикл историографических очерков Соловьева был продуманно нацелен на то, чтобы подвести читателя именно к такому выводу.

Тот же мотив пронизывал серию специальных статей Соловьева, которые печатались в "Отечественных записках" с 1853 по 1856 год под заголовком "Н. М. Карамзин и его "История государства Российского". Если в первой статье автор, по его же словам, еще пытался придать "некоторый вид панегирика, чтобы смягчить первое впечатление"⁵, то в последующих высказывал свое мнение без оков впечатлений.

Автору "Истории государства Российского" Соловьев предъявлял обвинение в том, что он описывал исторические события как художник, а не объяснял их как историк. Так, проблема возвышения Ростово-Суздальского княжества у Карамзина фактически сводилась к прославлению добродетели Андрея Боголюбского; в качестве основной причины борьбы Ярослава Мудрого с Новгородом у Карамзина выступал характер Ярослава — "надменный и мстительный". В объяснении исторического процесса концепция Карамзина, по мнению Соловьева, очень заметно уступала более ранней, татищевской концепции. В труде великого предшественника Соловьев усматривал и другой, непростительный, с его точки зрения, недостаток — недооценку одних периодов и деятелей истории и переоценку других, в частности времени правления Ивана III⁶.

В автобиографических записках Соловьева просматривался еще один нюанс: карамзинская концепция как бы смыкалась с писаниями адептов теории официальной народности. Такой взгляд имел под собой основания. Под флагом теории официальной народности выступали Шевырев и Погодин — ревностные защитники Карамзина. Именно со стороны Шевырева на магистерском диспуте Соловьева прозвучал упрек в отсутствии ссылок на Карамзина как на великого предшественника⁷. В 1851 году не кто иной, как Погодин, организовал травлю в печати молодого ученого. Эти приводящиеся обстоятельства еще более усиливали неприятие Соловьевым карамзинского направления. Без сомнения, некоторые жесткие суждения Соловьева о Карамзине, вынесенные под впечатлением злопыхательства карамзинистов, были несправедливы. Однако в своем главном практическом выводе ученый не ошибся: творение Карамзина, которое буквально произвело переворот в представлениях современников об отечественном прошлом, четверть века спустя безнадежно устарело в плане идей и методологии.

Равным образом не устраивал взыскательного читателя середины XIX века и другой опыт систематического изложения русской истории, принадлежавший Н. А. Полевому. Желая преподнести читателям иную, отличную от карамзинской, историю России и оповестив об этом уже самим названием своего труда — "История русского народа", Полевой не сумел, однако, удержаться на заявленных позициях. Неудача его опыта дала повод для колких насмешек недоброжелателей. Погодин ернически вопрошал, чем же, собственно, сочинение Полевого отличалось от произведения Карамзина, и сам же давал язвительный ответ: "...у Карамзина написано: глава, положим, 1 — Рюрик, глава 2 — Олег, глава 3 — Игорь; а у нового историка просто: главы 1, 2, 3. У Карамзина Игорь пошел на Царьград, а у нового историка: руссы пошли на Царьград"⁸.

Однако научный выход самого Погодина, по меркам Соловьева, был и того беднее. Рецензируя четвертый том труда Погодина "Исследования, замечания и лекции о русской истории" (М., 1850), он не

мог удержаться от хлестких замечаний в адрес погодинских штудий. "Механический", по определению Соловьева, труд Погодина в области изучения начальной истории Руси увенчался лишь отрицательным результатом — выводом об отсутствии определенных форм быта у восточных славян⁹. При всей уязвимости погодинского метода для критики тот вряд ли заслуживал такого строгого и безапелляционного суда, которому его подвергал Соловьев. Безусловно, сказывалась вражда к Погодину. Не давалась Соловьеву даже видимость академического объективизма, коль скоро речь заходила о бывшем наставнике. И все-таки, несмотря на предвзятость, в выкладках Соловьева содержалось известное рациональное зерно.

Большинство сочинений дворянских историков XVIII и первой половины XIX века, по мнению Соловьева, страдало несовершенством научного анализа материала и скудным теоретическим осмыслением истории. Преодолеть недостатки прошлой историографии было призвано новое поколение русских ученых середины XIX века, к которому причислял себя Соловьев. Критичное отношение его к предшественникам, разумеется, не означало, что свой труд он создавал в полном отрыве от традиций отечественной науки. Прочные связующие нити тянулись к нему от купеческих историков второй половины XVIII века — В. В. Крестинина, М. Д. Чулкова, И. И. Голикова, содействовавших своими изысканиями повороту историографии от изучения "государей и политики" к изучению истории наций во всем многообразии их развития¹⁰.

Сильное влияние на Соловьева оказал младший современник Карамзина — профессор Дерптского университета И. Эверс. В 1826 году вышел знаменитый труд Эверса "Древнейшее право руссов", которому Соловьев отводил чрезвычайно важное место в становлении своих взглядов. "Эта книга составляет эпоху в моей умственной жизни, — писал он, — ибо у Карамзина я набирал только факты; Карамзин ударял только на мои чувства, Эверс ударил на мысль; он заставил меня думать над русской историей"¹¹.

Основное внимание в работе Эверса было сосредоточено на выявлении внутренних закономерностей развития общества. Он был первым в русской науке, кто сформулировал идею о господстве родового быта в древнерусском государстве. Согласно представлениям Эверса, человечество последовательно прошло в своем развитии через несколько форм общности. Первой и исходной, как полагал Эверс, была семья во главе с хозяином дома, второй — род со старейшиной, третьей — племя во главе с вождем и, наконец, народность, возглавляемая правителем. Таким образом, Эверс попытался связать исторический процесс с эволюцией общественной организации от простейших форм (семья и род) до высших (государство). В отличие от других дворянских историков, Эверс разглядел в государстве продукт длительного исторического развития, а не воплощение воли тех или иных правителей¹².

Теория родового быта и его постепенного перерастания в государственные отношения была подхвачена Соловьевым, К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичериным. Между всеми тремя возник тесный контакт, позволивший им общими усилиями довольно быстро освоить новый подход к истории. Первый камень в фундамент новой концепции был заложен Кавелиным, опубликовавшим в первой книжке журнала "Современник" за 1847 год статью "Взгляд на юридический быт Древней Руси". В статье Кавелина социологическая схема Эверса получила дальнейшее развитие. В основе русской истории, согласно представлениям автора статьи, лежало всеобъемлющее родовое начало. Исчерпав себя, оно уступило место семейственному и вотчинному началам. В свою очередь, вотчинное право послужило ростком новых отношений, из которых со времени Ивана Калиты стала выковываться государственная власть московских великих князей. По мере утверждения государственного единства падала общественная роль института семьи и выдвигалось на первый план значение личности. Процесс становления государственного быта и формирования типа активной, раскованной в своих поступках личности, по мнению Кавелина, растянулся на два столетия — от Ивана IV до Петра I. Реформы Петра I способствовали утверждению России на общих с Западной Европой основах исторического развития¹³. Первым свободным, европейски образованным человеком в России Кавелин считал Петра I; оформление абсолютистского государства рассматривал как важнейший итог его царствования и одновременно условие дальнейшего плодотворного исторического развития народа.

Значение государственного фактора было усилено в концепции Чичерина. Его магистерская диссертация "Областные учреждения России в XVII в.", завершенная в 1853 году, была посвящена доказательству беспримерно высокой созидательной миссии самодержавия в отечественной истории. Громадность территории страны, ее малая заселенность, однообразие и простота занятий населения, постоянная угроза внешних нападений, по словам Чичерина, обусловили жизненную потребность в крепкой центральной власти. Родовой быт в начале восточнославянской истории, гражданские союзы в эпоху средневековья — это лишь подготовка мощной государственной организации, явившейся в России устроительницей общественно-политических институтов и даже экономического уклада¹⁴. Историческая концепция государственной школы приняла в трудах Чичерина логически законченное выражение.

Соловьев многое воспринял из концепции государственников и внес свою лепту в ее разработку. Тем не менее между ними образовались определенные различия. Это обнаружилось уже в 1851 году по выходе в свет первого тома "Истории России". Соловьев в большей степени, чем его ученые-коллеги, оценил роль объективных факторов для исторического процесса. На особое место он поставил значение

географических условий. С точки зрения географии страны показал предопределенность зарождения русской государственности и наиболее интенсивного хозяйственного освоения земель в центре Среднерусской возвышенности.

В том же первом томе историк подчеркнул, что возглавить процесс объединения русских земель и создания крепкого централизованного государства суждено было именно Москве в силу особенностей ее географии и природы. Прежде всего, Москва была "сосредоточивающим пунктом", "местом соединения севера с югом... находилась прямо между двумя племенами, из которых, главным образом, составилось народонаселение русское, между племенем славянским и финским"¹⁵. Наконец, в природно-климатических условиях центрального пространства России Соловьев увидел и решающий фактор, повлиявший на характер деятельности и форму организации туземного населения. "Скупая на дары", природа этих мест приучала жителей к упорству и твердости, не обещая скорой награды за вложенный труд: "...понятно, что народонаселение с таким характером в высшей степени способно положить среди себя крепкие основы государственного быта, подчинить своему влиянию племена с характером противоположным"¹⁶.

В сравнении со средой обитания западноевропейских народов суровую природу Центральной России Соловьев называл "мачехой", а не "матерью" для коренных жителей. В неравенстве изначальных условий развития он видел и естественные причины отставания России от стран Западной Европы. Русскому народу пришлось вести жестокую борьбу за выживание и в полном смысле слова отвоевывать жизненное пространство у природы. Это наложило особый отпечаток на весь уклад его жизни. Так, если основным строительным материалом на Западе служил камень, символизировавший собой оседлость жителей и прочность устроенного быта, то на Руси все постройки возводились из лесного дерева, олицетворявшего слабую привязанность людей к месту жительства и ту неформальность отношений, которую Соловьев называл "волнующимся, жидким состоянием". Обратной стороной медали была высокая подвижность населения: в поисках лучшей доли через Восточно-Европейскую равнину прошли мириады переселенцев.

Ход и направление колонизации опять-таки были напрямую связаны с географией страны, ее водными путями. В XVI веке был освоен бассейн Волги, в XVII веке — Днепра, в XVIII веке — Западной Двины. В первом томе Соловьев обращал внимание на три условия, определявшие бытие народа: "природа страны", "природа племени", под которой подразумевались этнографические характеристики, и влияние со стороны окружающих народов. Чем ближе к истокам, или, по определению Соловьева, к младенческому возрасту народа, тем сильнее проступала зависимость от этих исходных факторов развития.

Наблюдения Соловьева над условиями исторической жизни народов произвели сильное впечатление на читателей. Но были и оспорены многими критиками. Даже лояльный К. Д. Кавелин во внимании, оказанном Соловьевым географическому фактору, усмотрел заметную передержку¹⁷. Впрочем, в чрезмерном пристрастии к географии Соловьева упрекали не только современные, но и позднейшие историки, даже такие авторитеты буржуазной науки, как П. Н. Милюков и А. Е. Пресняков.

И все же непривычное для историографии середины и второй половины XIX века изучение истории в тесном переплетении с географическими и этнографическими сюжетами позднее получило признание ученых. По словам крупного русского и советского историка В. И. Пичеты, мысли и наблюдения, изложенные Соловьевым в первом томе "Истории России", возвестили о появлении "научно-реалистического" направления в отечественной науке. В труде Соловьева впервые "история русского народа рассматривается в связи с природой, с ее равниной, лесистыми пространствами, озерами и реками. Она является продуктом окружающих условий"¹⁸.

Из выделенных Соловьевым первичных обстоятельств развития восточных славян выростала одна из центральных тем его изучения — тема отношений Руси с соседними народами. Борьба Руси с кочевниками, образно названная Соловьевым "борьбой леса со степью", имела, по его понятиям, далеко идущие последствия. С одной стороны, как это будет показано им в последующих томах, она обусловила оформление сильной государственной власти, взявшей на себя заботы о защите населения, с другой — еще более подхлестнула колонизацию, придав новое значение наступлению "леса на степь"¹⁹.

В первом томе историк обращался к проблеме становления и эволюции форм общегития у восточных славян. Поставленная в начале труда, эта тема в дальнейшем не будет сходить с его страниц. Она послужит стержнем, нанизывая на который очередные части труда Соловьев создаст монолитный в концептуальном отношении блок томов. Ключом, примененным им к объяснению исторического процесса, стала ранее разработанная теория родового быта и его постепенного перерастания в государственные отношения. Родовой быт историк рассматривал как явление, характерное для разных уровней восточнославянской общности. Зародившись в недрах народной жизни, родовые отношения распространились и на верхушку, пользовавшуюся преимущественным влиянием и правами. Историк подчеркивал взаимодействие правительственного начала, представленного пришлыми варяжскими князьями, и сферы народного быта. В результате этого взаимодействия в расплодившейся семье Рюриковичей установились те же родовые отношения, которые были характерны для местных племен²⁰.

В истолковании Соловьева первые русские князья властвовали не как монархи, а лишь как представители одного рода, сообща управля-

вшего страной. Их перемещения с одного стола на другой, получение киевского княжеского стола — высшей степени могущества и почета — определялись генеалогическими счетами (так называемым "лестничным восхождением", установленным еще в XVIII веке М. М. Щербатовым). Родовой быт Соловьев расценивал как явление, в одинаковой мере присущее всем европейским народам, и делал из этого вывод об общности их первоначального развития.

У выдвинутой Соловьевым теории нашлись и сторонники и противники. Она встретила поддержку со стороны либерально-западнического направления, ее одобрительно приняли революционно-демократические критики — они разделяли вывод ученого о родовом быте как одной из первичных стадий общественной эволюции. Положительный отзыв на первый том "Истории России" дал Некрасовский "Современник". Выход сочинения Соловьева расценивался как "ученое событие первой важности", не обманувшее ожиданий почитателей историка²¹. Правда, положительные эмоции в последующих откликах демократической печати были разбавлены замечаниями о "кабинетном", нежизненном характере теории родового быта, о загроможденности повествования подробностями "удельной кутерьмы"²². Но в целом тон высказываний революционно-демократических мыслителей о труде Соловьева оставался уважительным. С его именем Н. Г. Чернышевский связывал становление передового научного направления, которое в "Очерках гоголевского периода русской литературы" было названо "новой исторической школой". Среди достоинств этого направления были названы принцип историзма, понимание обусловленности и закономерности исторических явлений²³. Чернышевский и литераторы его круга сразу же распознали в молодом историке антагониста М. П. Погодина, Н. Г. Устрялова и других представителей официальной историографии.

Иначе расценили концепцию Соловьева в официально-охранительных и славянофильских кругах — как заблуждение ученого, оторванного от реальной жизни и не заметившего ее целых пластов. К. С. Аксаков, слывший среди славянофилов экспертом по историческим проблемам, выносил самый суровый приговор: "История Соловьева имеет характер собранных исследований, не более. История России Соловьева — не история"²⁴. Примечательно, что Аксакову вторил и И. С. Тургенев. Обмениваясь с ним мнениями о первом томе, известный писатель замечал: "Согласен с Вами насчет "родового быта". Мне всегда казался этот родовой быт — так, как его представляют Соловьев и Кавелин, — чем-то искусственным, систематическим, чем-то напоминавшим мне давно прошедшие гимнастические упражнения на поприще философии... Стоит хорошенько присмотреться к современному распорядку деревенскому, чтобы понять невозможность современного родового быта"²⁵.

Обвинения в искусственности концепции не были абсолютно беспочвенными: теория родового быта, примененная к истории Киевской

Руси, не давала адекватных представлений о динамично развивающемся феодальном обществе и соответствующей ему политической надстройке. Но между тем было бы совершенно неправомерно ожидать от Соловьева разрешения этих проблем: для науки середины XIX века они еще оставались "за семью печатями". И все же не будет преувеличением сказать, что соловьевская теория направляла дальнейший научный поиск в этой области по верному пути. Прежде всего, она развенчивала представление официальной историографии об исконности самодержавия. По справедливому замечанию советского исследователя А. М. Сахарова, концепция Соловьева "отнимала" государство у самодержца и дворянства и настаивала на иной, "народной" природе государства, доказывала, что история России и история самодержавия — не неразрывно связанные явления"²⁶.

Заключение Соловьева о родовом быте как об одном из проявлений общности исторического развития России и стран Западной Европы открывало и другие научные перспективы. По словам выдающегося русского ученого конца XIX — начала XX века Н. П. Павлова-Сильванского, это заключение сближало "русское историческое развитие с западным в их исходных пунктах, столь важных с точки зрения органического развития. Это сближение наносило сильный удар теории исключительной самобытности русского развития"²⁷.

В ходе изысканий Соловьев выявил и другие общие закономерности в развитии восточных славян и западноевропейских народов. С начала 40-х годов его занимал вопрос: каким путем — силой или мирным соглашением — была установлена власть варяжской династии на Руси? Изучая вопрос в 1842—1844 годах, он склонялся к мысли о завоевании. Затем у него, казалось, возникло сомнение в правильности этого решения. Во всяком случае, при написании первого тома "Истории России" он уклонился от категоричного ответа. Забегая несколько вперед, отметим, что в 1858 году были расставлены уже все точки над *i*. Отбросив все колебания, в "Исторических письмах" он однозначно выводил: "Пора бросить старые толки о различии наших и западных общественных отношений на основании завоевания и незавоевания... И у нас было завоевание: этого факта нельзя вычеркнуть... Дело в том, как происходило завоевание, в какой стране, при каких природных и общественных условиях"²⁸.

Вывод о завоевании, имевшем место в начале русской истории, позволял Соловьеву объяснить условия возникновения сословий в рамках родового быта. Мысль о том, что правящее сословие сформировалось из потомков и наследников княжеских дружинников, присутствовала уже в первом томе "Истории России".

Вместе с тем Соловьев видел некоторые различия между последствиями завоевания в России и на Западе. На Западе дружинники рано осели на земле и превратились в феодалов-землевладельцев. Соответственно тому историческое развитие здесь пошло по пути утверждения феодальных отношений. Этим процессам на Руси препятствовала сама

обширность и малая заселенность пространства. Извлечение основных доходов князя и дружины осуществлялось из полюдья, а не из эксплуатации земли, что определило их позднее обзаведение вотчинным хозяйством и оформление связанных с этим поземельных отношений. Так полагал Соловьев. Но, даже отрицая наличие феодализма в средневековой Руси, Соловьев своими сравнительно-историческими выкладками оказывал неоценимую услугу последующим исследователям феодальной России. От наблюдений и выводов Соловьева отталкивался в своем научном поиске конца XIX — начала XX века "первооткрыватель" российского феодализма Н. П. Павлов-Сильванский.

Утверждение Соловьева о завоевании на Руси несколько не противоречило его взгляду на исторический процесс как на внутренне обусловленный, развивающийся на собственной основе. Ни норманны в IX веке, ни татаро-монголы в XIII веке не могли, по его глубокому убеждению, поколебать естественного положения вещей. Подобно тому как пришельцы-норманны были вынуждены приспособиться к местным условиям и перенять родовой быт туземных племен, татаро-монголы должны были поневоле считаться с существовавшими на Руси порядками.

На борьбу Руси с ордынцами Соловьев был склонен смотреть скорее с колокольни общеевропейской, нежели отечественной истории. Главный итог этой борьбы, с его точки зрения, заключался в том, что благодаря Руси Европа была спасена от азиатского вандализма. "Германия ждала врагов в бездейственном страхе, и лишь одни славянские государства должны были взять на себя борьбу с татарами"²⁹. Переводя разговор в плоскость отечественной истории, Соловьев утверждал: "...не должно преувеличивать вреда, который Россия претерпела от татар; не должно забывать, что иго тяготело особенно только в продолжение первых 25 лет, что уже в конце XIII века исчезают баскаки и т. д.", так что уже период "от Калиты до Дмитрия Донского должно считать самым благоприятным для восточной торговли"³⁰.

Возражая против переоценки роли ига в русской истории, Соловьев, пожалуй, впадал в обратную крайность и как будто не замечал всех его вредных последствий. Но и это несколько эпатазирующее мнение имело свое объяснение. Оно было увязано с установкой на раскрытие внутренних пружин развития, которой Соловьев неотступно следовал в своем труде. "Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, но соединять их, следить за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснять каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию, — вот обязанность историка в настоящее время..."³¹. При концентрации внимания на внутренней природе явлений взгляд историка порой рассеянно скользил по событиям "внешним". Но вернемся к родовому быту, занимавшему мысли автора.

Утвердившиеся при первых Рюриковичах родовые отношения, согласно его взгляду, безраздельно господствовали на Руси и после смерти Ярослава Мудрого, когда уже шел распад государства на земли и княжества. Поворотным моментом средневековой истории России Соловьев считал занятие в 1169 году Андреем Боголюбским, сыном Юрия Долгорукого, стольного города Киева и его последующий уход на северо-восток, с оставлением в Киеве своего подручника. Князь укрепился на севере, в новоотстроенном Владимире-Клязьминском. Он довольно быстро "создал себе там независимое, могущественное положение, давшее ему возможность переменить поведение старшего князя относительно младших"³².

По мнению Соловьева, поступок Андрея Боголюбского ясно обозначил ослабление родовых связей, разрушение старой традиции. "Новый порядок вещей" начал складываться на северо-востоке, на основе расширения вотчинных прав князя. В своей деятельности владими́ро-суздальские князья опирались на так называемые младшие города. То были населенные пункты, послушные воле князей, их основателей, и не подчиненные старым городам с их вечевым строем. Старинные города с их неподвластными князю порядками отсутствовали на северо-востоке страны (исключение составлял только Ростов). Это обстоятельство открывало простор для начинаний энергичных честолюбивых правителей. "На... севере вокруг одинокого Ростова князь создал себе особый мир городов, где был властелином неограниченным, хозяином полновластным, считая эти города своею собственностью, которою мог распоржаться: неудивительно после этого, что здесь явился первый князь, которому летописец приписывает стремление к единовластию"³³.

Обладание огромной территорией давало возможность владими́ро-суздальским князьям диктовать новые принципы отношений в княжеском доме. Именно правители северо-востока Руси утвердили единовластие и наследование по прямой линии. В этом проявились начатки государственных отношений, которым предстояло выгнать родовой быт.

Изложенная Соловьевым версия зарождения Московского государства, по-своему стройная и логичная, страдала все же многими недочетами. Так, за начало оформления государственности на Руси он принимал переход к феодальной раздробленности, которая сама по себе являлась очередным этапом в развитии государственного строя. Кроме того, абсолютизируя порядки на северо-востоке Руси, Соловьев упускал из виду аналогичные явления в других частях страны. Далее, он выделил так называемые "младшие города", как одну из несущих конструкций отстраиваемого государственного здания. Но их общности со старыми вечевыми городами и тесной взаимосвязи и тех и других он не заметил. Наконец, роль Киева на первом этапе и роль Владимира на втором этапе русской истории были им явно завышены. Очевидно, Соловьеву было еще трудно отрешиться от традиционного

в дворянской историографии деления истории на периоды по столицам.

В то же время Соловьев решительно разошелся с предыдущими историками, прежде всего с Карамзиным, в самом подходе к государственному строительству. Для Карамзина то было делом рук двух выдающихся деятелей истории — Ивана III и Ивана IV, — определивших характер правления и сделавших самодержавие необходимой принадлежностью России. Соловьев иначе решал проблему: сильное централизованное государство явилось на свет не в результате сознательных усилий отдельных князей, а в итоге длительной эволюции правовых и политических институтов. То был процесс объективный, органичный и независимый от волеизъявлений каких бы то ни было личностей. Отсюда выводились и другие, нежели у Карамзина, критерии оценки московских правителей. С точки зрения Соловьева, возвеличенный Карамзиным Иван III вовсе не был творцом российского могущества, а являлся лишь "счастливым потомком целого ряда умных, трудолюбивых предков". Он подчеркивал, что тот "вступил на московский престол, когда дело собирания Северо-Восточной Руси могло почитаться уже окончательным; старое здание было совершенно распатано в своих основаниях, и нужен был последний, уже легкий удар, чтобы разрушить его"³⁴.

С теми же мерками Соловьев подходил к деятельности других выдающихся представителей рода московских князей. Особенно подробно он останавливался на правлении Ивана IV, которому посвящался шестой том "Истории России". Согласно взгляду Соловьева, серия государственных мероприятий, проведенных Иваном IV, была вызвана к жизни необходимостью окончательного преодоления родовых отношений и завершения дела объединения русских земель. Он высоко оценивал прогрессивные реформы начала царствования Ивана IV, проведенные при участии Избранной рады, победы России над Казанским и Астраханским ханствами, покорение Сибири. В победоносном исходе всех этих предприятий историк усматривал результат слаженных совместных усилий верховной власти и подданных. Несколько более противоречивое отношение вызывала опричнина. С одной стороны, Соловьев восставал против ее трактовки как личного террора царя, обусловленного помрачением рассудка. В опричнине он увидел неизбежный последний удар по родовым отношениям, за которые продолжала упорно цепляться старая знать. То была дань новому, более прогрессивному порядку вещей. Но, с другой стороны, Соловьев возражал против попыток списать на историческую необходимость понесенные народом жертвы. Он не снимал ни с царя, ни с его подручных ответственности за невинно пролитую кровь и общее оскудение государства.

Картина, нарисованная Соловьевым в шестом томе, заметно отличалась от изображения царствования Грозного в трудах его предшественников. М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин рассматривали

трагическую страницу отечественной истории XVI века в свете личной драмы царя. Повторяя в основном схему А. Курбского, эти историки видели главную линию царствования Ивана IV в постепенном искривлении правильного управления государством под действием собственных низменных страстей и наущений злых советников. Исторический анализ в их трудах подменялся разбором личных качеств царя и выяснением влияния со стороны ближайшего окружения. Соловьев, хотя и не отрицал значения данных факторов, пытался направить изучение вопроса по другому руслу.

Соловьевская интерпретация политики Ивана IV вызвала живой интерес современников. Если появление второго—пятого томов "Истории России" прошло относительно малозамеченным со стороны критики, то выход шестого—восьмого томов с обзором XVI столетия вызвал целую лавину откликов. И консервативные, и демократические рецензенты в один голос обвинили Соловьева в намеренной ретушировке портрета тирана, в оправдании насилия. Именно такое впечатление вынесли многие читатели этих томов.

Со страниц официозов "Северная пчела" и "Молва" Соловьева упрекали в надуманных теоретических построениях и в необоснованном отказе от психологического объяснения поступков Грозного. Иными словами, консервативное крыло критиков выражало разочарование в том, что Соловьев не пошел по стопам Карамзина³⁵.

Демократическая печать обрушилась на Соловьева за то, что своим упорным поиском закономерности в делах царя он лил воду на мельницу апологетов самодержавия и административной централизации. Именно такой подтекст сквозил в ироничном заявлении Н. Г. Чернышевского со страниц "Свистка" (сатирического приложения к "Современнику") об "открытии" Соловьевым "гениальности и благотворности в действиях Иоанна IV Васильевича"³⁶. С точки зрения революционно-демократических мыслителей, деспот и изувер на российском престоле представлял собой не исключение из правил, а подтверждение той мысли, что царизм всегда и во всем противостоит народу.

Расхождения в оценке самодержавного государства привели к некоторым новым оттенкам в отношении демократической критики к Соловьеву. Образцом переосмысления творчества Соловьева стала статья Д. И. Писарева "Московские мыслители" ("Русский вестник" за 1861 г.). С присущей этому кригику резкостью и известной склонностью к "красному словцу" утверждалось: "...если нашему уму надо что-нибудь вроде известки или острой кислоты, тогда и не предлагайте нам ни телятины вроде ученых исследований гг. Буслаева, Устрялова и Соловьева, ни миндаляного печенья вроде лирических стихов гг. Фета и Полонского"³⁷. В статье с выразительным названием "Ученая односторонность" один из лидеров демократической историографии 60-х годов, Н. В. Шелгунов, обвинил Соловьева в пренебрежении народной жизнью³⁸.

Примечательно, что под этими обвинениями тогда были готовы подписаться и многие историки-профессионалы либерального направления, для которых выход в свет восьми томов "Истории России" явился поводом обстоятельно обсудить концепцию государственной школы вообще. Данная ситуация ставила соловьевские труды в положение громоотвода и до известной степени объясняла категоричность высказываний о нем. Славянофилы вменяли Соловьеву в вину недостаток внимания к проблемам "земского" развития. По мнению Аксакова, исторический материал XVI столетия предоставлял исследователю возможность выявить взаимодействие правительственного и народного начал. Скупость и отрывочность сведений по этому предмету в "Истории России" он считал существенным упущением³⁹.

С критическим разбором восьми томов Соловьева в 1859 году выступил петербургский историк К. Н. Бестужев-Рюмин. Он в основном повторил суждения оппонентов Соловьева из демократического лагеря, правда в смягченной форме. "Против него я выставял главным образом то, что он стоит за Московское государство, т. е. за административную централизацию, а я тогда был особенно против нее под влиянием разных чтений, в особенности статей "Русского вестника", — разъяснял свою позицию "задним числом" Бестужев-Рюмин. Годы спустя автор обличительных заметок каялся в излишней агрессивности своего выступления и признавал "по большому счету" правоту Соловьева: "Я тогда еще не понимал ни значения Московского государства, ни опасности сильной децентрализации в России, которая повела бы к сепаратизму польскому, немецкому, грузинскому, армянскому и т. п."⁴⁰.

"Историком государственной централизации" назвал Соловьева и представитель либерально-демократического направления А. Н. Пыпин, вложив в данное определение вполне очевидный ругательный смысл. Концепции Соловьева он противопоставлял федеративную теорию, воплотившуюся в трудах Н. И. Костомарова. Преимущество последнего перед Соловьевым Пыпин видел в более широком научном кругозоре, не замыкающемся только на великорусской народности и государственном быте⁴¹.

Как реагировал Сергей Михайлович на задевавшие его критические высказывания в печати? Некоторые принимал к сведению. Компетентные суждения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского оказали на него определенное влияние. В этом проявилась способность Соловьева без предубеждения отнестись к ученому мнению противника. В то же время было выдвинуто множество претензий, которые вызывали его резкое неприятие. Особенно его выводила из равновесия злобная травля в печати, продиктованная неудовлетворенными амбициями ряда критиков. Но желания решить спор с противником в открытом столкновении у Соловьева не возникало. Он продолжал отмалчиваться и работать... Косвенные же ответы на на-

ибо более принципиальные замечания оппонентов содержали выходявшие ежегодно тома "Истории России" и сопутствующие им работы.

Изложение событий последующего времени, в особенности многогранного и беспокойного XVII века, давало Соловьеву возможность уточнить свой подход к тем спорным моментам его построений, которые ставила на вид критика. С оглядкой на нее были расставлены акценты в методологической статье "Древняя Россия", опубликованной в 1856 г. Здесь Соловьев развил целую систему доказательств неизбежного стремления народа к государственному порядку во все критические периоды истории. Главным уроком, вынесенным народом из событий Смутного времени, объявлялось обретение веры в необходимость сильного государства и оправданность во имя этой цели любых жертв.

Эта точка зрения конкретизировалась в восьмом—девятом томах "Истории России" — там речь шла о Смутном времени и его преодолении. Авторская концепция во многом повторяла раскрытие темы в сочинениях историков XVII столетия. Вслед за А. Палицыным, И. Тимофеевым, С. Шаховским Соловьев придавал катаклизмам этого периода значение испытания, посланного народу за определенные нарушения житейских правил. Подобно тому как историки XVII века утверждали, что Смутой русские люди были наказаны за грехи (в частности, за грех "преступного молчания" и потворства тирану Годуну), Соловьев полагал, что в основе исторической драмы лежала прежде всего нравственная неразвитость общества. Отпадение от общественного тела хирургической повязки (по терминологии Соловьева), т. е. устранение реальной сдерживающей силы после смерти царя Федора Ивановича в 1598 году, привело к тому, что "болезнь прикинулась и сильно развилась в общественном теле, потому что тело это заключало в себе много дурных соков"⁴². "Преклонение перед случайностью", готовность по зову любого "мужика-горлана" сбиваться в воинственные шайки, по мнению Соловьева, характеризовали состояние этого общества, вышедшего из узды.

Другим фактором, придавшим взрывоопасный характер внутренней обстановке, был разгул казачества. Его роль в истории Соловьев оценивал крайне отрицательно, утверждая, что его главным стремлением всегда было "пожить за чужой счет". После того как к внешним, степным казакам примкнули казаки внутренние, кровопролитный конфликт стал неизбежен. Но не только на социальные низы возлагалась вина за Смуту. Государственной мудрости и терпимости не хватило и правящим сословиям. Боярство, интригуя против Бориса Годунова, безрассудно давало политические авансы самозванцу Лжедмитрию I и содействовало его утверждению на престоле. Таким образом, под проявление "противообщественных привычек" Соловьев подводил и поведение верхов русского общества. Эту схему, прослеживавшую развитие конфликта "сверху вниз" — от уровня правящего слоя до

уровня социальных низов, восприняли у Соловьева последующие историки, в частности В. О. Ключевский.

Хозяиничанье в стране иностранцев и угроза перехода под власть польского короля, шляхты и католической церкви, по мнению Соловьева, заставили народ покончить с междоусобными распрями и организовать дружный отпор новоявленным господам. Итак, начавшись с анархии, движение начала XVII века завершилось осознанием народного единства под эгидой православной церкви и царской власти. Апофеозом движения за возрождение утраченных духовных и политических ценностей выступало избрание на престол Михаила Романова в 1613 году.

В своей интерпретации Смутного времени Соловьев достаточно ортодоксально шел за официально-монархической историографией прошлого времени. Вместе с тем в его концепции просматривался мотив, явно чуждый для представлений предшествующих историков. Это был мотив оправдания тех явлений в истории, которые влекли за собой энергичную встряску народа. Внутренние коллизии Соловьев вообще расценивал как проявление нормального полноценного развития в некоторые эпохи. "Новая история представляет нам одно любопытное и поучительное явление, — замечал он в одной из неопубликованных работ по истории XVII века. — Четыре страны, которые имеют первенствующее значение, — Англия, Франция, Германия и Россия — к первой половине XVII века выдержали сильные внутренние потрясения и погромы: Англия — революцию, Франция — религиозные войны и фронду, Германия — Тридцатилетнюю войну, Россия — Смутное время... и несмотря на то, все эти страны не только оправались после своих тяжких болезней, но и заявили в себе большие силы, большую крепость, чем прежде. Другие же страны, имевшие важное значение и не испытавшие внутренних потрясений, утрачивают свое прежнее значение"⁴³.

По Соловьеву, историческое содержание XVII столетия в России определялось спором центробежных разрушительных начал с созидательными и центростремительными, а также общественной борьбой на религиозной почве. Отражением первой тенденции, в понимании Соловьева, были крестьянские войны под предводительством И. Болотникова и С. Разина, городские восстания середины и второй половины XVII века. В них он видел вспышки того же мятежного духа, который чуть было не привел Россию к катастрофе в начале века, в период внутренних неурядиц и нашествия интервентов. Особенно категоричен он был в отношении к тем социальным движениям, в которых принимало участие казачество. Так, он решительно отказывался видеть антикрепостнический протест в восстании Разина и, по существу, ставил знак равенства между двумя различными этапами движения — походом за зипунами в 1667—1669 годах и массовым антифеодальным выступлением 1670—1671 годов. И тот и другой эпизоды подпадали под общее определение разбоя богатырей, которым "грузно от силушки".

Однако ошельмовывание народных волнений вовсе не значило, что Соловьев закрывал глаза на бедственное положение социальных низов в разоренном и волнуемом государстве. Напротив, он признавал, что "народ томился под тяжестью налогов", страдал "вследствие дурного состояния правосудия". "От многих податей" и "от великих немерных платежей" было вынуждено спасаться бегством обнищавшее крестьянство⁴⁴. Но одновременно с тем он пытался убедить, что внимание всех здоровых сил общества было сосредоточено на задачах конструктивного характера, среди которых на первом плане находились борьба за воссоединение Украины с Россией и попытки России пробиться на Запад.

Решению первой задачи препятствовала католическая Речь Посполитая, мертвой хваткой державшая белорусские и украинские земли. Вероисповедная рознь придавала накаленность отношениям России и белорусско-украинского населения с поляками. Более того, лейтмотивом освободительной борьбы украинского народа историк считал сопротивление насильственному обращению в католическую и в униатскую веру. В этой связи он замечал: "Исход борьбы на Украине в XVII в. и даже в XVIII в., точно так же как исход Смутного времени в Московском государстве, объясняется тем громадным различием, которое в народном сознании существовало между понятиями: православный русский, лях-латынец, татарин-басурман, и тот все будет рассуждать о народных интересах, кто обойдет интерес религиозный"⁴⁵. Знаменосцем религиозной борьбы Соловьев считал городское сословие православного вероисповедания в Речи Посполитой. В этом смысле он противопоставлял горожан сословию земледельцев. Если последние, по его словам, выставили из своих рядов лишь случайных попутчиков освободительного движения — казаков, то городские братства дали наиболее стойких бойцов за воссоединение родственных народов. С этих позиций Андрусовское перемирие 1667 года и "Вечный мир" с Польшей 1686 года преподносились не только как крупнейший успех внешней политики России, но и как важное достижение восходящих общественных элементов.

Скрепить единство русского народа с украинским и белорусским, длительное время развивавшимися вблизи европейской культуры, была призвана церковная реформа патриарха Никона.

В изменении церковной обрядности, исправлении богослужебных книг, проведенных при Никоне, историк видел движение русских к сближению с единоверными европейскими народами. В отдельных своих ипостасях реформа Никона предвосхищала собой дело Петра I. Склоняясь именно к такому пониманию церковной реформы, Соловьев отвергал взгляд демократического историка А. П. Щапова на церковный раскол и движение старообрядчества как на борьбу высших клерикальных кругов с низшим духовенством, близким к демократи-

ческим слоем. Он в принципе возражал против привнесения социальных мотивов в концепцию раскола.

В историческом развитии народа в XVII веке, по мнению Соловьева, уже отчетливо намечился поворот от "осьмивекового движения на Восток" к движению на Запад. Истоки этого поворота выявлялись в самих условиях жизнедеятельности народа и государства: "...чем яснее сознавалось печальное экономическое состояние Московского государства, тем печальнее были меры, которые правительство должно было принимать, чтобы как-нибудь извернуться для удовлетворения... потребности внешней защиты, тем сильнее должно было становиться стремление правительства к сближению с богатыми и сильными государствами западноевропейскими, к принятию от них того, что делало их богатыми и сильными"⁴⁶. Явились и идеологи этого направления развития: "ревнитель благочестия" боярин Ф. М. Ртищев, основавший в середине XVII века школу для молодых дворян в Андреевском монастыре, энергичный поборник сближения с европейскими странами, дипломат и государственный деятель А. Л. Ордин-Нащокин, проповедник учености, поэт и педагог Симеон Полоцкий, живший в России ученый-хорват Юрий Крижанич. В глубоком осознании необходимости перемен лучшими представителями народа Соловьев видел главнейший итог русской истории XVII века.

Шестой—двенадцатый тома "Истории России" Соловьева были изданы между 1856 и 1862 годами, когда в стране готовилась и проводилась крестьянская реформа. В преддверии реформы вопросы происхождения крепостного права и его роли в судьбах народа приобретали особую остроту и интерес для науки. Разумеется, С. М. Соловьев не мог не разделить этого интереса, тем более что на изучаемый им период XVI—XVII веков приходились главные вехи юридического закрепощения крестьян.

Вопросы, занимавшие Соловьева и современных ему историков, не были новы: с середины XVIII века, т. е. с момента превращения исторических знаний в науку, вокруг них не стихали споры в историографии. Подход историков XIX века к проблеме крестьянского закрепощения в основном укладывался в две концепции. Одна группа исследователей доказывала, что крестьянство было лишено свободы передвижения по инициативе правительства, издавшего указ о запрещении выхода крестьян в Юрьев день. Эта версия воплотилась в "указную теорию" закрепощения крестьян, которой придерживались Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, Н. И. Костомаров, В. И. Сергеевич. Большинство историков было убеждено в том, что государство своими указами в общенародных интересах закрепостило все сословия, включая дворян. Прикрепление крестьян к земле рассматривалось как вынужденная мера, обусловленная суровыми природ-

ными условиями страны и потребностями государства (необходимостью содержать большое войско для обороны страны, обеспечивать служилое сословие рабочими руками, поддерживать на высоком уровне государственный доход).

Другие историки, в том числе М. П. Погодин, В. О. Ключевский, М. А. Дьяконов, отстаивали "безуказную теорию" закрепощения. Они полагали, что государству не принадлежала какая-либо важная роль в процессе прикрепления крестьян к земле. Государственная власть, по их мнению, не творила крепостное право, а только юридически оформила (в виде законодательного акта) сложившийся в жизни порядок вещей. Причины закрепощения эти историки видели в обычаях, народном характере, экономической задолженности господину и других бытовых факторах.

Не отбрасывая идей, высказанных в дореволюционной историографии, современные исследователи обращают внимание на целый ряд тормозящих тенденций в историческом развитии России, обусловивших господство крепостнических отношений. Это — монголо-татарское завоевание, специфические географические и демографические условия, затруднявшие рост городов и развитие промышленности. В объяснение непосредственных причин закрепощения крестьян в XVI—XVII веках включается и совокупность неблагоприятных условий в жизни Русского государства конца XVI — начала XVII века: хозяйственный кризис, вызванный опричниной и Ливонской войной, голод, мор, усиленный отток крестьян из центра на необжитые окраины. Жесткое пресечение выходов и бегства крестьян путем прикрепления их к земле являлось попыткой господствующего класса и государственной власти преодолеть кризис без ущерба для своих интересов. Кроме того, только такие резкие меры были способны положить конец многовековому сопротивлению крестьян-общинников расширению феодального землевладения — этих мер издавна добивалось служилое сословие от правительства⁴⁷.

Вопросы, имеющие в наши дни сугубо научный интерес, в середине XIX столетия были полны живого практического смысла. В руках деятелей революционного движения они превращались в острое оружие борьбы с самодержавием и дворянством. Заимствуя отдельные идеи у буржуазных историков, главным образом государственников, идеологи революционной демократии и народнические теоретики делали совершенно другие выводы из изучения вопроса. Считая крепостное право величайшей несправедливостью, допущенной верховной властью в угоду землевладельческому классу, революционная демократия призывала народные массы собственными силами добиваться изменения своей участи.

В противоположность демократическим историкам и публицистам, буржуазная историография в канун крестьянской реформы выступила с исторической реабилитацией крепостничества. Это выразилось

в стремлении подвести естественнонаучное обоснование под многовековое рабство народа. Происхождение крепостного права Соловьев и близкие ему Чичерин и Кавелин связывали с рядом трудностей природно-климатического характера, финансовой бедностью и незащищенностью государства от внешних вторжений. Тяжелый "заем" государства у народа, по словам Соловьева, представлял собой единственный реальный шанс выстоять в исторической борьбе Русского государства. То была печальная необходимость, продиктованная государственными потребностями в "умножении войска". "Государство, давши служилому человеку землю, обязано было дать ему и постоянных работников, иначе он служить не мог"⁴⁸.

При этом подчеркивалось, что мерами принуждения были охвачены не только крестьяне, но и городское население, а также служилый люд. На каждое из сословий был возложен свой род повинностей: на дворянство — несение воинской службы, на посадских жителей — отбывание государственного тягла. Обратный процесс — раскрепощение сословий — начался с отмены обязательной службы дворянства в 1762 году и завершился в 1861 году освобождением крестьян от крепостной неволи. Государственники и Соловьев, отстаивавшие теорию закрепощения и раскрепощения сословий, пытались убедить в том, что крестьянство не было единственной жертвой государственного насилия. Конечно же они осознавали, что участь крепостных, отданных в руки помещиков, не шла ни в какое сравнение с положением других сословий. Оправдывая крепостное право как порождение тяжелых испытаний, выпавших на долю государства, Соловьев откровенно осуждал его как пятно, позорившее Россию и русских среди цивилизованного мира. Но и с этими оговорками устранение крепостной зависимости крестьян он мыслил только в форме почина верховной власти. В тринадцатом томе "Истории России", над которым Соловьев работал в 1862 году, он с удовлетворением констатировал, что "спор между древней и новой Россией кончен, поверка налицо"⁴⁹.

Однако вскоре его радость несколько померкла — пореформенная действительность оказалась куда более сложной и противоречивой, чем представлялось. Вопреки ожиданиям, за реформой потянулась длинная череда социальных бед: неразрешенность земельного вопроса, обнищание крестьянства, непривычного к свободному производительному труду, запустение многих сельских районов из-за ухода работников в города, физическая и нравственная деградация сельских пауперов, разорение бывших хозяев жизни и нарощение новых финансовых и промышленных воротил⁵⁰. Соловьев искренне полагал, что государство, опираясь на свою силу, могло сдерживать развитие многих нежелательных процессов. Он недоумевал, почему многие явления жизни вышли из-под контроля власти, и даже сетовал на нераспорядительность правительства. В недовольстве Соловьева пореформенными порядками не было сожаления о канувшей крепостнической

эпохе. Причина его неудовлетворенности заключалась в другом — жизнь безжалостно опрокидывала некоторые из его умозрительных схем, в том числе связанных с верой во всемогущество государственной власти.

Динамичная жизнь России в конце 50—60-х годов походила на гигантскую опытную лабораторию, где испытывались на практическую надежность многие научные теории. Фигуру исследователя, поглощенного старинными манускриптами в наглухо запертой башне из слоновой кости, течением времени относило все дальше и дальше в прошлое. По-видимому, и у Соловьева, сосредоточенного на серьезном академическом труде, минутами возникало острое ощущение тесноты кабинетного пространства. Во всяком случае, державшийся обыкновенно отстраненно в ситуациях, когда ломались копыта, в 1856 г. он не устоял перед искушением включиться в жаркую полемику, завязавшуюся между либеральными группировками.

Поводом для дискуссии послужила вышедшая в 1856 году книга молодого историка Б. Н. Чичерина "Областные учреждения России в XVII в.", отразившая концепцию государственной школы. Общественная мысль выделила и актуализировала в книге Чичерина сюжет о древнерусской общине. В подходе к данному предмету схлестнулись позиции либералов-западников и славянофилов. За их рассуждениями об устройстве деревенского быта в допетровской России скрывались отнюдь не отвлеченные материи. Либеральные деятели пытались поставить на широкое обсуждение вопросы, связанные с освобождением крестьянства: каковы должны быть сроки переходного периода, сохранять общину или же предпочесть ей систему свободно отчуждаемых крестьянских наделов, как при этом оградить интересы помещиков?

Роль арбитра в споре взял на себя издатель нового либерально-западнического журнала М. Н. Катков. Но, не владея сам историческим материалом, он пригласил высказать мнение от лица журнала С. М. Соловьева. Довольно скоро — уже в ноябрьской книжке "Русского вестника" за 1856 год — появилась статья Соловьева "Спор о сельской общине". Главный огонь критики историк направил на славянофильскую концепцию общины. Он успешно разоблачал несостоятельность славянофильской теории русской общины как производного от "славянского национального духа", доказывая родство русской общины с западноевропейской маркой. Как и Чичерин, Соловьев принижал роль общины в русской истории. В отличие от славянофильских построений, в концепции государственной школы, выдвинувшей на передний план родовой быт, общине попросту не находилось места. Если родовая организация с ее авторитарностью, подчинением большинства воле старшего подготавливала становление сильного государства, то община с ее коллективистскими началами находилась в стороне от этого процесса. Соловьев прямо указывал на общину как

на помеху, стоявшую на пути успехов государственного строительства. Именно по этой причине, с его точки зрения, государственность зародилась первоначально не на Западе, а на Востоке, где общины были беднее и слабее⁵¹. Соглашаясь с Чичериным в оценке общины XIX века как исторического анахронизма, он также выносил ей приговор.

Спор разгорался, обрастал все новыми проблемами. На то были свои объективные причины. Сами по себе защита или отрицание общинного принципа не являлись водоразделом между крепостниками, либералами и революционерами-демократами. И среди крепостников, и среди их противников были горячие сторонники сохранения общины. Однако в предреформенный период поддержка общинного принципа, безотносительно к его славянофильской или революционно-демократической интерпретации, подразумевала более демократическое и радикальное решение вопроса о наделении крестьян землей, чем то предусматривало западническое крыло либерального движения (разумеется, голоса из лагеря крепостников, ратовавших за сохранение общины, в данном случае в счет не шли). С этой точки зрения очернительство общины в статьях Соловьева допускало и такое истолкование, как третирование крестьянской массы и ее интересов в предстоящей реформе.

В статье Соловьева "Шлецер и антиисторическое направление", опубликованной в том же журнале в 1857 году, последовательно развивались мысли об инертности крестьянской массы, природной регрессивности деревни с ее социальными институтами. "Однообразие, простота занятий, единообразии форм быта, разобщение с другими классами народа... бессилие смысла перед силой привычки" делали крестьянство, как полагал Соловьев, охранительным сословием. Он отрицал какую бы то ни было революционность крестьянства и великое будущее общины: "Почтенные свойства этого сословия как сословия не могут быть оспариваемы, но что ж, если целый народ живет в форме быта земледельческого сословия?"⁵²

Полемические заметки Соловьева были по революционно-демократической программе переустройства общества. В "Исторических письмах", опубликованных "Русским вестником" в 1858—1859 годах, ученый отзывался о стремлении к построению общества без классов, без частной собственности как о курьезе, наподобие утопии Томаса Мора, а пропаганду подобных взглядов характеризовал как проповедь "застоя" и "буддизма". "К буддистским стремлениям, — добавлял он, — обыкновенно присоединяется самозванное стремление к народности"⁵³. По его словам, низшие сословия, оставшиеся в стороне от прогресса, более или менее одинаковы у всех народов. Следовательно, "народный дух" правильное было бы искать в образованных классах, причастных к созданию культурных ценностей нации⁵⁴.

Принципиальные положения, высказанные Соловьевым в ходе дискуссии второй половины 50-х годов, не утратили для него актуального

значения и в последующие годы. Нападки критики на "Историю России" с их постоянным рефреном о пренебрежении жизнью народа тяготели над ним и в 60-е годы. Копившееся раздражение Соловьева разрядилось в 1866 году в остром памфлете, написанном в связи со столкновением московской и петербургской исторических школ. Суть спора, заставившего Соловьева заточить перо и приготовиться к бою, он разъяснял в письме к казанскому историку-медиевисту С. В. Ешевскому: "Возможно, Вам уже известно, что славянофильство, имевшее в Москве еще чистую сторону, выродилось в Петербурге в совершенное беспутство: Москва, то есть историческая школа, молчала; наконец подала голос в статье Дмитриева по поводу сочинения Кавелина. Бестужев-Рюмин разругал Дмитриева по поводу разбора моего X тома. Дмитриев не остался в долгу. Нил Попов на вступительной лекции в Московском университете (13 октября) также хлопнул петербургское направление, Забелин пишет статью против него — значит, пошла писать! Но утешительнее всего то, что Москва нашла союзников в Петербурге, где лучшие люди начинают наконец отрезвляться и понимать дикость подобных концепций, что-де историк должен больше обращать внимания на то, как народ смотрел на комету, какое впечатление произвело на него это явление, чем на Полтавское сражение, которое-де есть дело государства, а не народа"⁵⁵.

Поводом к столь бурному выяснению отношений в научном мире послужило появление во втором номере журнала "Вестник Европы" за 1866 год статьи К. Д. Кавелина "Мысли и заметки о русской истории", содержавшей программные положения государственной школы. Статья вызвала на откровенность представителей других направлений науки и, таким образом, породила целую полемику по узловым вопросам русской истории и методам исторического исследования.

Отклик Соловьева на эту полемику нашел отражение в его статье "Об изучении истории", оставшейся неопубликованной, хотя и использованной автором в работе над другими сочинениями. Объектом критики Соловьева явились не только петербургские славянофилы во главе с упоминавшимся К. Н. Бестужевым-Рюминым, но и английский историк-позитивист Г. Т. Бокль — автор очень популярной в России книги "История цивилизации в Англии". Эта книга была переведена на русский язык в 1865 году все тем же К. Н. Бестужевым-Рюминым. Соловьев усматривал много общих черт в подходе славянофилов и Бокля к истории. Одни отрицали значение петербургского периода истории России, другой — историю английской цивилизации до XVI века. Общим недостатком Соловьев считал чрезмерное внимание к народной жизни. Такой подход он расценивал как чуждый науке и критиковал его с позиций теории органического единства народа и государства. Дух народа, по его словам, во все времена и у всех народов находил наиболее яркое и подлинное выражение в правительственной деятельности⁵⁶. Не таясь, он досадовал, что распространение славяно-

фильских теорий сеет ложные понятия об истории в широких массах: "Ох уж эти мне друзья народа. Народ наш имеет полное право сказать: "Избавьте меня от друзей, а от врагов я сам избавлюсь!" Действительная любовь требует деятельного сочувствия", — заключал историк⁵⁷. Даже если учесть предвзятое отношение Соловьева к славянофилам, нельзя не признать справедливости его слов.

Вместе с тем попытка применить одни и те же оценки к теориям славянофилов и концепции Бокля была явно несостоятельной. По-видимому, натянутость подобного сравнения не укрылась от внимания самого автора, не закончившего этих набросков. В действительности же между взглядами Соловьева и Бокля было немало сходства. Это подметил и крупнейший историк начала XX века Н. П. Павлов-Сильванский. Он установил, что в разработке географического фактора, роли накопления и реализации человеческих знаний в истории Соловьев шел по стопам Бокля⁵⁸. Единственный и, пожалуй, наиболее весомый упрек, который Соловьев мог предъявить Боклю, — это недооценка государства и государственной политики в истории. Такое заключение отражало суть подхода Соловьева к изучению прошлого и было диаметрально противоположно мнению Н. Г. Чернышевского, полагавшего, что концепция интеллектуального прогресса Бокля нуждалась прежде всего в обогащении материалом экономической истории⁵⁹.

К началу 60-х годов Соловьев прошел большой и плодотворный путь в науке. Он досконально изучил и изложил отечественную историю с древнейших времен до конца XVII века. Первые двенадцать томов "Истории России" составили фундаментальный задел для последующих изысканий. Согласно представлениям историка, вступлением России в XVIII столетие открывался "новый период" русской истории, период "возраста мысли" и общественной зрелости. Именно к этим рубежам, не давая себе роздыха, стремился Сергей Михайлович в своем последовательном рассказе о минувших днях. Темп его повествования как бы замедлялся при подходе к заветной цели. Стринадцатого тома, открывавшего петровскую эпоху, изложение становилось все более неторопливым и полным. По словам В. О. Ключевского, первые двенадцать томов сочинения Соловьева служили только грандиозным введением к основной теме преобразований первой четверти XVIII века, которым предстояло занять центральное место на страницах "Истории России".

Чем больше удалялся Соловьев в своем исследовательском поиске от "московского" периода и приближался к "петербургскому", тем труднее становилось продвигаться — эти страницы истории были еще совсем не освоены наукой. Прежде дело спорилось во многом благодаря помощи предшественников: знаменитых открытателей российских древностей Г. Ф. Миллера, Н. И. Новикова, Н. П. Румянцев, П. М. Строева, маститых историков — М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, Н. Г. Устрялова. В неизученной области истории XVIII века приходилось рассчитывать только на собственные силы. Перед

ним простирался целинный край непотревоженных документов, неизвестных фактов, нераскрытых вопросов.

В этой области действовали жесточайшие цензурные запреты, которые делали ее сплошным белым пятном и вели к тому ненормальному положению вещей, которое в 1857 году обрисовал А. И. Герцен: "Мы очень мало знаем наше XVIII столетие. Мы любим в истории восходить гораздо дальше. Мы из-за варягов, новгородцев, киевлян не видим вчерашнего дня; зубчатые кремлевские стены заслоняют нам плоские линии Петропавловской крепости"⁶⁰. Действительно, русскому читателю попросту неоткуда было почерпнуть знания об этом разделе отечественной истории. "Записка о древней и новой России" Н. М. Карамзина была известна единицам. Неведомыми для широкой общественности оставались "Философические письма" и "Апология сумасшедшего" П. Я. Чаадаева с их историческими экскурсами и оценками.

Первую попытку сорвать покров секретности с недавнего прошлого предприняли А. И. Герцен и Н. П. Огарев. Благодаря деятельности Вольной русской печати в оборот было введено около тридцати материалов по истории XVIII столетия и до ста материалов XIX века. Но и это лишь малая толика документальных богатств, в большинстве своем скрытых в недрах архивных хранилищ. Вплоть до 60-х годов XIX века двери архивов были закрыты для исследователей. Исторический период, дозволенный для изысканий и публикаций, ограничивался XVII столетием. Лишь в 1860 году он был продлен до 1725 года⁶¹.

Освещение даже отдельных эпизодов политической истории XVIII века превращалось в мощное средство революционного воздействия на русскую общественность, оно будоражило мысль, давало пищу для размышлений над судьбами Отечества — это было особенно важно в период назревания крупных общественных перемен. Известно, что почти одновременно с Герценом в ту же дверь стучался Соловьев, очевидно вполне отдавая себе отчет в эффекте подобных начинаний.

Глава

IV

ПЕТР I:

ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ

Эпоха Петра I занимала центральное положение в творчестве Соловьева. С одной стороны, к этому подводило объективное историческое содержание самой эпохи: преодоление отсталости, приобщение к западной культуре, небывалые успехи внешней политики России, с другой — особое отношение Соловьева к деятельности Петра I. С точки зрения историка, в начинаниях царя-преобразователя заключалась программа развития страны

на будущее. По справедливому замечанию историографа В. Е. Илларицкого, вся последующая история России рассматривалась Соловьевым под углом зрения выполнения петровских начертаний¹. При этом реформы 60—70-х годов XIX века представлялись ему самой крупной вехой в полуторазековом движении по пути, указанному Петром I. Раскрывая характер и принципы деятельности царя-преобразователя, историк стремился указать на идеал правительственного реформаторства и для своей эпохи.

Соловьев глубоко чтит Петра I и описывал его деяния с большим эмоциональным подъемом. Культ царя-реформатора проник и в частный быт историка: в квартире Соловьевых, в доме на углу Пречистенки и Zubовской площади, портрет Петра занимал самое видное место².

Первым опытом освещения темы явился небольшой параграф "Преобразование" в студенческой работе Соловьева "Феософический взгляд на историю России". В 1847/48 учебном году Соловьев прочитал первый спецкурс по эпохе Петра I. Однако недостижимость архивов и трудности с публикацией материалов по XVIII в. делали активную разработку темы в те годы невозможной. Только с конца 50-х годов, после получения допуска к архивам (для Соловьева, как и для Н. Г. Устрялова, в этом отношении было сделано исключение) и некоторого смягчения цензурных условий, стали выходить работы Соловьева по эпохе петровских преобразований: "Рассказы из русской истории XVIII в.", рецензия на книгу Н. Г. Устрялова "История царствования Петра Великого", шесть томов (13—18) "Истории России", серия статей "Время Людовика XIV на Западе, время Петра Великого на Востоке Европы", "Публичные чтения о Петре Великом".

Эти работы публиковались с конца 50-х до начала 70-х годов. На протяжении этих лет подход Соловьева к теме преобразований менялся.

Взгляд Соловьева на эпоху преобразований в "Истории России", по меткому наблюдению В. О. Ключевского, складывался под сильным впечатлением "шумного журнального и салонного спора о древней и новой России, об их взаимном отношении"³. Позиция его в общих чертах уже проявилась в рецензии на "Историю Петра Великого" Н. Г. Устрялова. В главном идеи рецензии предвещали концепцию тринадцатого — восемнадцатого томов "Истории России". Это были, во-первых, идеи длительной подготовки преобразований, их обусловленности всем предшествующим ходом истории. Такое положение шло вразрез со взглядами Устрялова и славянофилов о разорванности московского и петербургского периодов русской истории. Во-вторых, историк выдвигал идею необходимого качественного сдвига во всех областях общественной жизни, что противоречило карамзинскому идеалу развития без "порывов и насилия" и устряловской теории "темных и светлых" сторон русской действительности до Петра I. В-третьих, исключительно ценна мысль Соловьева о соответствии деятельности Петра I стремлениям общества: в рецензии он заявлял о великом

деятели истории как о выразителе коренных интересов своего народа, в изображении Петра настаивал на соблюдении исторической правды и решительно отвергал панегирическую трактовку Устрялова⁴.

У Соловьева оказалось много сходного с Н. А. Добролюбовым, также написавшим отзыв на труд Устрялова⁵. Соловьева и революционеров-демократов сближало не только критическое отношение к концепциям дворянско-монархических историков. Их роднила идеализация дела и личности Петра I — идеализация, происходившая в значительной мере от неприятия николаевской дореформенной действительности. Вместе с тем довольно четко вырисовывались и расхождения: революционные демократы шли к пониманию исторической исчерпанности петровских преобразований — Соловьев, напротив, с течением времени придавал им все большую значимость; революционные демократы последовательно отстаивали необходимость изучать преобразования в преломлении народной жизни⁶ — Соловьев не признавал никакой другой точки зрения, кроме "государственной".

Работы Соловьева убеждают в его обстоятельном знакомстве с сочинениями Герцена, в том числе с его работой "О развитии революционных идей в России" (1851 г.). Он учитывал герценовскую критику реформ, когда поднимал на страницах "Истории России" проблемы отношений личности и общества, воздействия преобразований на различные слои русского общества. Тем не менее, несмотря на известную дань идейно-политической борьбе, "История России" являлась прежде всего добросовестным научным исследованием. Идеи, выработанные прогрессивной общественной мыслью России предшествующих полутора столетий, получали в нем развитие с позиций передовой науки и при помощи ее наиболее совершенных средств. На этом основывалось превосходство труда Соловьева над сочинениями историков старшего поколения, писавших о Петре I. К примеру, так и не вышли за рамки упомянутого журнального и салонного спора о Петре I научные опыты М. П. Погодина: его пресловутый "математический" метод налагал путы на автора и затруднял воплощение обширных знаний в стройной концепции.

В "Истории России" отводилось большое место обоснованию исторической подготовленности реформ первой четверти XVIII века. Идея реформ, отмечал автор, витала в воздухе уже задолго до появления Петра I. Ее провозвестниками были Ртищев, Полоцкий, Ордин-Нащокин, Крижанич и другие передовые умы допетровского времени. По мнению Соловьева, уже в XVII веке наметился поворот на новый путь — это выразилось в мероприятиях Алексея Михайловича по совершенствованию управления и законодательства, в государственных реформах В. В. Голицына, в общем стремлении народа сбросить с себя оковы международной изоляции. Тем не менее прогрессивное движение, начавшееся в XVII веке, без мощного толчка грозило застопориться. Вступление России — страны, веками отстававшей от европейских стран, — в "возраст мысли", по логике Соловье-

ва, должно было принять форму переворота и затронуть все сферы общественного бытия. Воздействие Петра на русскую жизнь Соловьев определял как революционное по самой сути. В этом его точка зрения совпадала с ранними оценками Белинского и Герцена деятельности Петра I как "коронованного революционера". Как и Белинский, видевший в насильственных мерах царя единственное средство обеспечить будущее народа, Соловьев не допускал какой-либо альтернативной формы свершений Петра. В этом вопросе с ним круто разошлись последующие буржуазные исследователи — В. О. Ключевский, П. Н. Милоков, Н. П. Павлов-Сильванский, А. А. Кизеветтер, а также С. Ф. Платонов: они считали неоправданными резкие приемы проведения петровских реформ. Многие усилия царя, по их мнению, оказались не только бесплодными, но и вредными; в частности, социальные меры затруднили и без того нелегкий путь России к свободному гражданскому обществу⁷.

Совершенно иначе представлял начинания Петра I Соловьев. Он обращал внимание на неустанные заботы царя о расширении внутренней и внешней торговли, развитии мануфактур, просвещении подданных. Общий итог этой деятельности он видел в значительном подъеме материальных и культурных сил страны. В "Истории России" приводились данные о состоянии промышленности, торговли, отчасти сельского хозяйства в первой четверти XVIII века. Однако в целом Соловьев отводил этой теме значительно меньше места, чем его предшественники — купеческие историки XVIII века В. В. Крестинин, М. Д. Чулков, И. И. Голиков. Его обращение к вопросам социально-экономического развития и экономической политики Петра I было продиктовано главным образом стремлением показать всеобъемлющий характер попечений монарха.

Соловьев указывал на "старый порядок вещей", мешавший воплощению широких замыслов. Под "старым порядком" подразумевалась структура неразвитого общества, исключавшая "третий элемент". "В государстве земледельческом горожане-промышленники не могли приобрести важного значения, составить аристократию движимого имущества, денежную аристократию, не привыкли к самостоятельной деятельности, а между тем старинные отношения мужей к мужикам, вследствие чего служилый человек презрительно относился к промышленному человеку и позволял себе на его счет всякого рода насилия, — эти старинные отношения давали себя беспрестанно чувствовать"⁸. Как далеко зашли эти отношения, Соловьев раскрывал на конкретных примерах вопиющих злоупотреблений центральной и местной администрации, отдельных высоких персон по отношению к торгово-промышленному люду⁹. Естественным побуждением людей, принадлежавших к среднему сословию, было выйти из него либо в крайнем случае заручиться поддержкой вельмож или членов царской семьи¹⁰. Историк обращал внимание на то, что неполноправность купцов и промышлен-

ников печально сказывалась и на их предпринимательской деятельности: "...фабрики, принадлежавшие сильным вельможам, были обеспеченнее фабрик, принадлежавших купцам"¹¹.

Представленная автором картина нужд среднего сословия позволяла ему ярче высветить значение новаций Петра в торговле и промышленности (фискальные льготы купцам и заводчикам, освобождение их от тяжелых казенных служб; покровительственные таможенные пошлины, приглашение иностранных специалистов на службу в Россию, строительство каналов и дорог). Более подробно Соловьев остановился на введении цехов и гильдий в России и учреждении Главного магистрата, который по указу Петра I должен был "всего российского купечества рассыпанную хранину паки собирать"¹². Практическое осуществление замыслов Петра I о самоуправлении городов, по мнению историка, упиралось в слабую подготовленность тех, кто, по логике вещей, должен был проявлять наибольшую заинтересованность в деле: "Самоуправление, данное Петром, застало врасплох, и посадские люди вели себя в этом отношении очень неряшливо; исправление обязанностей самоуправления казалось лишней тягостью"¹³. Тем не менее Соловьев весьма положительно оценивал городские учреждения Петра I, видя в них средство, необходимое, чтобы изжить "разрозненность сил", "непривычку к общему делу"¹⁴. Действительно, проведение городской реформы 1699 года и создание Бурмистерской палаты, или Ратуши, а затем учреждение в 1720 году Главного магистрата, ведавшего городскими магистратами, способствовало сплочению купцов и промышленников, до известной степени ограждало их от произвола местной администрации¹⁵. В то же время на магистраты возлагалась тяжелая повинность — сбор многих налогов (таможенных, питейных сборов и др.) с городского населения, что тормозило развитие промышленной деятельности в стране.

Не обошел вниманием Соловьев и положение крестьян. Размышляя о материальной бедности земледельческого сословия, о рутине в хозяйстве, историк, по-видимому, эмпирически достигал правильного понимания причины этих явлений. Оставалось сделать решающий вывод об институте крепостничества как главном препятствии на пути возрождения страны. Но историк такого вывода не делал: альтернативы подневольному труду, как и возможности интенсификации хозяйства вне связи с крепостной системой, он не видел. "Вольный труд был невозможен, — убеждал историк, — доказательством служило то, что правительство набирало работников, как солдат; другое доказательство: когда понадобились заводы, к ним начали приписывать окрестных крестьян, и явился новый разряд заводских крестьян, крепких не земле, но фабрике, заводу"¹⁶.

Вместе с тем историк считал, что в правление Петра I было предпринято несколько важных мер для смягчения режима крепостной зависимости. К этим мерам он отнес указ, предписывавший в случае

мотовства и беспутности помещика отбирать у него наследственные имения, а также распоряжения правительства о временном снижении налогов и отсрочке их уплаты в неурожайные годы¹⁷. В подтверждение своей мысли он ссылался и на указ 1719 года о наказании помещиков, разорявших своих крестьян, и на указ 1721 года, запрещавший разбивать семьи при продаже крепостных¹⁸. Росту крестьянского благосостояния, по его мнению, содействовали правительственные меры, возбуждавшие торговую и промышленную деятельность податных сословий. Наконец, выражением демократического духа петровской эпохи в глазах Соловьева была открывшаяся простому человеку возможность дослужиться до чинов, дающих личное и потомственное дворянство¹⁹.

Отмечая эти моменты, Соловьев признавал и реальность другого порядка — усиление нажима на податные сословия со стороны государства. "Жалобы на тягости слышались со всех сторон, и не напрасно: русский человек не знал покоя от наборов", — констатировал историк²⁰. Однако выявление реальных размеров поборов, тяжести их для народа осталось за пределами его внимания. Между тем только в результате введения подушной подати в 1724 году сумма налогов по стране увеличилась на 16 процентов, а для помещичьих крестьян платежи возросли на 62 процента²¹. Введение подушной подати ускорило переход от вытной к повенечной системе обложения владельческими повинностями* в помещичьих имениях и способствовало дальнейшему закрепощению крестьян²². Тяжелым грузом на крестьянское хозяйство ложились государственные трудовые мобилизации, рекрутчина, доставка натуральных продуктов в отдаленные от центральных уездов места. Количество различных налогов в первой четверти XVIII века достигло небывалой величины — тридцати, а в некоторых районах страны и того более. Подрывавшая платежные силы населения финансовая политика Петра I не позволяла крестьянину проявить свою хозяйственную сметку и предприимчивость.

Противоречивое впечатление производила активизация неземледельческих занятий крестьян. Провозгласив в 1711 году свободу торговой и промысловой деятельности для всех сословий, правительство тогда же наложило и ограничения на нее, обязав торгующих крестьян к несению двойного тягла (одного, полного, — по крестьянскому состоянию и другого, частичного посадского тягла, — по торговым занятиям). Стеснение торговых и промышленных занятий крестьян и затруднение их перехода в город были еще больше усилены в последние годы правления Петра I²³.

Преувеличивал Соловьев и реальные шансы представителей низших сословий выйти в люди. На деле путь к чинам и званиям, а стало

* При вытной системе единицей обложения являлась "выть" — земельная площадь с относящимися к ней крестьянскими дворами. При "повенечной" — единицей обложения становился работник крестьянской семьи, точнее, супружеская пара ("венец").

быть и правам, был долгим и трудным для недворян. Зато выходцы из феодальной аристократии получали первый офицерский чин либо при вступлении в армию, либо менее чем через год после начала службы²⁴.

Принципиальное значение для Соловьева имел вопрос о влиянии реформ Петра I на взаимоотношения сословий. Н. М. Карамзин, славянофилы, революционеры-демократы связывали с петровскими реформами углубление противоречий между высшими сословиями и низшими, которых не коснулись преобразования. Соловьев возражал против такой оценки результатов реформ.

Однако сколько-нибудь убедительно обосновать это утверждение не мог. Более того, приведенные в "Истории России" конкретные факты о сопротивлении народа правительственной политике вносили явные противоречия в его концепцию.

Несмотря на то что тема народных выступлений служила в "Истории России" только фоном к основной теме правительственного реформаторства, отношение автора к ней не было формальным. Его трактовка различных проявлений народного возмущения весьма неоднозначна. Выступления с участием казачества на окраинах историк рассматривал как борьбу исторически обреченных антигосударственных элементов с крепнущей державой. Отношение же к крестьянским волнениям было сложнее. В канву повествования "Истории России" включались факты жестокого усмирения крестьянских бунтов в селе Лыскове Нижегородского уезда, в селе Поречье ростовского архиерея, на землях иноземца Миллера в Верейском уезде, во владениях Воскресенского монастыря и многих других местах²⁵. В оценке фактов сталкивались две тенденции: признание закономерности ответной реакции крестьян на усиление тягот и оправдание правительственных мер государственными нуждами.

Соловьев отмечал сильный накал недовольства и антиправительственных настроений среди городского населения и духовенства. По его наблюдениям, враждебность социальных низов правительственным начинаниям порой выливалась в такую резкую форму, какой не бывало в прежние времена²⁶. Но все попытки сопротивления политике Петра I были безнадежны: "...машина была на всем ходу: можно было кричать, жаловаться, браниться, но остановить машину было нельзя"²⁷.

Следует отдать должное Соловьеву: противники реформ не сливались для него в безликую массу приверженцев старины. Мотивы выступлений, с его точки зрения, заключались не только в недовольстве нововведениями, но и в несогласии с формами и методами преобразований при сочувствии к самой идее реформ. До крупных социально-политических обобщений вырастало в его трактовке дело царевича Алексея и монаха Авраамия, строителя подмосковного Андреевского монастыря. Монах Авраамий, по его мнению, был голосом уходящих в прошлое темных сил, царевич Алексей — выразителем взглядов образованных кругов русского общества, осознавших необходимость перемен, но пытавшихся решить эту задачу в традициях XVII века.

Иным было отношение к заговору окольного А. П. Соковнина и стрелецкого полковника И. Е. Циклера. Он расценивал его как отголосок стрелецкого бунта, спровоцированный в значительной мере личной обидой Циклера на царя.

Соловьев пытался разобраться и в наиболее крупных массовых выступлениях — восстании в Астрахани в 1705—1706 годах, восстании на Дону в 1707—1708 годах, Башкирском восстании 1705—1711 годов. Историк собрал немалый материал о каждом из этих движений, понимая справедливость многих жалоб народа (например, башкир, теснимых с обжитых мест дворянами и чиновниками и разоряемых царскими прибыльщиками), Соловьев тем не менее не признал правой стороной участников этих выступлений, ибо они мешали процессам обновления страны.

За первую четверть XVIII века верховная власть, по мнению Соловьева, приобрела больший вес в глазах подданных и стала им ближе и доступнее. С этих позиций он расценивал акт принятия Петром I титула императора как общее торжество государя и подданных²⁸.

В стремлении самодержца поднять значение государственной службы, в его заявлениях о себе как о слуге государства, в присущих петровскому законодательству мотивировках правительственных решений автор усматривал практическое утверждение норм отношений государственной власти и общества, вытекавших из теории общественного договора.

В действительности выделенные Соловьевым моменты отражали идеологию оформлявшегося абсолютизма: насаждая представление о государстве как о творце "общего блага", идеологи петровского времени весьма часто ссылались на "общенародную пользу", "государственный интерес". Благодаря этому приему возникала иллюзия близости власти к интересам всех общественных слоев, скрывалась социально-политическая направленность законодательных актов. Наряду с этим в законодательстве Петра I открыто проводилась мысль о неограниченности самодержавной власти, носитель которой "никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять"²⁹.

Рассуждая о прогрессивности государственных преобразований Петра, Соловьев не показывал оборотной стороны медали. А она не столь хороша: в результате реформ Петра I в России складывался мощный бюрократический аппарат, создавалась разветвленная система государственного надзора, поощрялось и культивировалось доноительство. Все стороны общественной жизни подвергались мелочной регламентации. В делах и помыслах царь руководствовался концепцией всеисильной государственной власти, призванной утвердить "добрый порядок" посредством соответствующих законов и учреждений³⁰.

Однако сравнительно с московской Россией "регулярное" государство Петра I представляло собой, безусловно, более высокий тип

политической надстройки. Положительное значение имели постановка вопроса о разделении суда и управления, практика замещения некоторых должностей на основе выборности, утверждение принципа личной выслуги в деятельности бюрократического аппарата. Реформы привели к централизации, четкому ведомственному разграничению управления, повысили профессионализм управленческой деятельности³¹. Соловьев справедливо связывал с этими переменами окончательное вытеснение местничества и других пережитков средневековья из административных сфер³².

В результате реформ первой четверти XVIII века "древнюю" Россию сменила "новая"³³. Страна стала могущественным европейским государством. По мнению историка, значение реформ Петра I не ограничивалось пределами одной страны, так как обновление всех сторон ее внутренней жизни и международной политики привело "к решительному влиянию России на судьбы Европы, на судьбы, следовательно, всего мира"³⁴.

Преобразования Петра позволили России в короткий срок продвигаться далеко вперед в области экономики, государственного управления, культуры и быта. Согласно концепции Соловьева, государственные отношения в России наконец одержали полную победу над родовыми: "...из-за отдельных лиц выдвинулись учреждения, и над всеми ими поднялось государство, о настоящем значении которого русские люди услышали в первый раз теперь, когда должны были присягать государству"³⁵. В ходе преобразований, с точки зрения историка, в полной мере раскрылся огромный положительный потенциал государственной власти, опиравшейся на волю и силы своего народа. Таким образом, Соловьев защитил собственный тезис о государстве как "произведении народной жизни".

Говоря о поддержке народом стремлений царя-преобразователя, историк не скрывал высокой цены преобразований (многочисленные налоги и повинности, рекрутские наборы и т. п.). Но и здесь не было худа без добра: "трудная школа" закалила народ, приучила его к "гражданским обязанностям", "гражданской деятельности": Петр поднял от сна дремавшую Россию и дал ей "сильный толчок для пробуждения"³⁶.

Успех начинаний первой четверти XVIII века был определен и гениальной личностью царя. Историк с величайшим пиететом писал о его личных качествах, выделяя природный ум, любознательность, целеустремленность и настойчивость, государственный подход ко всем вопросам, умение ставить интересы страны выше личных. Последнее наиболее ярко раскрылось в деле царевича Алексея. Полагая, что в данном случае Петр проявлял заботу об Отечестве, историк снимал с него обвинение в вероломстве.

С восхищением Соловьев отзывался о способности Петра подбирать талантливых помощников и по достоинству ценить заслуги выходцев из народа. Он заострял внимание и на том, что среди своих многотрудных дел царь урывал время для пополнения знаний, под-

держки наук и искусства. Соловьев ставил Петра I выше всех знаменитых монархов и выдающихся деятелей XVIII века; в истории России не находил ему равных и осуждал тех, кто не разделял такого взгляда.

Защите Петра и его преобразований был посвящен небольшой экскурс в историографию темы, вошедшей в восемнадцатый том "Истории России". Нарастание критических мотивов в литературе о Петре Соловьев объяснял усилением охранительного направления, вызванного "крайностями французской революции". Ярким представителем охранительного направления считал Карамзина; именно он в центре русской истории поставил фигуру Ивана III, а не Петра I. Столь же сильное возражение Соловьева вызывала славянофильская трактовка преобразований.

Описание последних лет царствования Петра и общая оценка его деятельности в томах "Истории России", относившихся к концу 60-х годов XIX века, несли на себе заметный отпечаток усиливавшегося с годами поклонения Соловьева великому монарху.

Незавершенные дела и нереализованные замыслы Петра I, считал ученый, — долгосрочная программа деятельности, "которую Россия выполняет до сих пор и будет выполнять, уклонение от которой всегда сопровождалось печальными последствиями"³⁷. Действительность 60-х годов XIX века как бы незримо присутствовала на втором плане "петровских томов" "Истории России". Ученый считал, например, что земские учреждения и органы городского самоуправления, полученные Россией лишь во второй половине XIX века, могли бы появиться значительно раньше при условии непрерывности петровских традиций. Стремление "пробуждать общественные силы, приучать граждан к деятельности сообща", с точки зрения историка, пронизывало все начинания Петра I со времени издания указа от 30 января 1699 года об учреждении Бурмистерской палаты³⁸.

Работа Соловьева над тринадцатым — восемнадцатым томами "Истории России" приходилась на то время, когда реформаторство Александра II еще далеко не было завершено. Оценивать этот опыт, по мнению ученого, призывавшего вообще не торопить науку с выводами, было преждевременно. Подведение итогов правительственных начинаний первого пореформенного десятилетия привносилось в его концепцию позднее, в 70-е годы. В период написания томов "Истории России" им руководило главным образом желание указать на образец преобразовательной деятельности, пока безотносительно к тем переменам, которые происходили на его глазах.

Большое место в "Истории России" занимала тема внешней политики России в первой четверти XVIII века.

Соловьев отвергал мысль о каких бы то ни было завоевательных устремлениях русского царя. В отличие от более поздних историков,

П. Н. Милюкова и Н. П. Павлова-Сильванского, выдвинувших тезис о приоритете внешнеполитических целей в деятельности Петра, Соловьев подчеркивал главенство внутренних проблем для русского монарха: "Внутреннее спокойствие и внешняя безопасность посредством хорошо устроенного войска и обогащение страны посредством торговли — вот две цели деятельности Петра"³⁹.

Однако достижение этих целей упиралось в изоляцию России. Крупнейшие европейские державы не только не пожелали войти в положение растущего государства, но и оказали ему откровенно враждебный прием. Эти обстоятельства поставили Россию перед необходимостью добиваться жизненно важного для нее выхода к Балтийскому морю вооруженным путем, полагаясь исключительно на собственные силы. Соловьев подробно воссоздавал ход этой борьбы. Проследивая развитие событий, он не замалчивал неудач, постигших Россию в начале Северной войны, не скрывал непомерного напряжения сил народа: он был убежден в оправданности жертв — полоса поражений в войне сменилась периодом прочного военного и дипломатического утверждения России, что позволяло ей ставить более масштабные задачи. Если в начале войны Петр стремился только возвратить исконно русские земли, захваченные Швецией, то после Полтавской победы замыслы царя стали простирались на Лифляндию, Карельский перешеек и Выборгский лен. Одновременно Россия пыталась органично вписаться в "европейский концерт", т. е. занять соответствующее ее значению место среди европейских государств. Соловьев показал, как часто Петра выручало искусство дипломатического маневрирования, гибкого внешнеполитического компромисса. По способности вести сложную дипломатическую игру, видеть перспективу международных отношений, оперативно откликаться на перемены в международных делах Петр и его помощники не только сравнивались с западными коллегами, но и превосходили их.

В начале своего предприятия Петр сумел привлечь к партнерству только Данию и Саксонию. В дальнейшем, опираясь на победы русской армии и флота, умело используя династические браки, он увеличил число союзников России. В 1709 году к ним примкнула Речь Посполитая. В 1715 году присоединились Пруссия и Ганновер. Ему стали оказывать поддержку Англия и Голландия. Соловьев отдавал должное огромным усилиям царя, направленным на то, чтобы приобрести новых и сохранить прежних союзников. В частности, "при разрыве с королями датским и польским Петр старался по крайней мере сохранить дружбу с королем прусским"⁴⁰. Несмотря на то что союзники во многих случаях не оправдывали надежд, Петр оставался верен взятым перед ними обязательствам. В подтверждение Соловьев приводил слова из его письма к датскому королю, отражавшие реальную позицию русского царя: "Я всегда был и есть готовым своим высоким союзникам все, что интерес общий требует, вспомогать, что всегда с моей стороны исполнено"⁴¹.

В отличие от Петра, союзники зачастую занимали выжидательную позицию, уклонялись от выполнения договорных обязательств. Например, "1714 год прошел без военных действий со стороны Дании, о Саксонии и слуху не было"⁴². Примкнувшая в 1715 году к Северному союзу Пруссия "откровенно высказывала свой страх" ввиду возрастающей день ото дня военно-политической мощи России⁴³. В значительной степени под влиянием того же страха в 1717 году Дания и Ганновер отказались от совместных с Россией действий против Швеции. Кризис доверия между союзниками, замечал Соловьев, заставил Петра I обратить свой взгляд на Францию.

Отношения России и Франции, по верному наблюдению историка, длительное время определялись "совершенной разрозненностью интересов". Франция, соперничавшая с Австрией за влияние на европейские дела, опиралась в своей политике на Османскую империю и Швецию — противников России, поддерживала антирусскую партию в Речи Посполитой. Это мешало диалогу двух государств до середины Северной войны. Когда же исход войны более или менее прояснился, правящие круги Франции стали зондировать почву на предмет замены "союза со слабой Швецией союзом с сильной Россией"⁴⁴. В результате взаимного стремления к сближению поездка Петра I во Францию увенчалась созданием в 1717 году Тройственного союза России, Франции и Пруссии. Поездку русского царя во Францию Соловьев охарактеризовал и как важный шаг на пути к миру и добрососедским отношениям России и Швеции.

Ученый был вполне объективен, подчеркивая миролюбивые устремления русского царя. Желая получить для своего государства жизненно важный выход к Балтийскому морю, Петр вовсе не был заинтересован в полном разгроме противника. Желание Карла XII начать мирные переговоры встретило горячую поддержку Петра I. В 1718 году открылся Аландский конгресс. Соловьев верно обрисовал позицию его участников. Представители России руководствовались единственной задачей удержать территорию, обеспечивавшую статус России как морской державы. Что касается шведских дипломатов, то они выдвигали заведомо неприемлемые требования и пытались за счет России решить собственные государственные проблемы. Туго продвигавшееся дело переговоров окончательно застопорилось после смерти Карла XII: новое шведское правительство действовало с постоянной оглядкой на Англию. Соловьев утверждал, что с момента закрытия Аландского конгресса "дипломатическая борьба разгорелась с новой силой и далеко оставила за собой борьбу военную"⁴⁵.

Это замечание все же требует уточнения. В действительности провал Аландского конгресса, упорное нежелание Карла XII сложить оружие принудили русское командование прибегнуть к новой демонстрации военной силы России, особенно на море. В последний период Северной войны произошли крупные морские сражения

— Эзельское в 1719 году, Гренгамское в 1720 году, в которых Россия подтвердила свое право именоваться морской державой. Было осуществлено несколько удачных экспедиций русского галерного флота и десантных войск на шведскую территорию. Победы русского оружия отрезвляюще подействовали на правящие круги Швеции, показали бесперспективность дальнейшего сопротивления России⁴⁶. В то время как к концу Северной войны Россия располагала сильным флотом (29 линейных кораблей, 13 фрегатов), Швеция потеряла почти половину своих боеспособных судов⁴⁷. Ништадтский мир стал закономерным итогом для обеих воюющих держав.

Благодаря славному завершению Северной войны для России "степной, восточный период русской истории кончился, морской, западный период начался", — констатировал Соловьев. Рассматривая итоги войны в контексте всемирной истории, Соловьев проводил параллель с последствиями деятельности Александра Македонского, завоеваниями Древнего Рима, итогами крестовых походов и великих географических открытий⁴⁸. Разумеется, такое сравнение страдало преувеличением. Однако не следует забывать, что в середине XIX века была своя мера оценки.

Благодаря победе Россия вошла в среду цивилизованных народов как "представитель многочисленного европейского, исторического племени славянского, бывшего до сих пор под спудом"⁴⁹. Достижения страны при Петре автор расценивал как один из наиболее ярких и убедительных примеров славянского возрождения. Однако триумф России на Севере не разрешал всех ее проблем. Трудности восходящего государства не убывали. Оно притягивало к себе недобрые взоры некоторых европейских держав, а также давнего противника — Османскую империю. Способ коллективного противодействия России, как показывал Соловьев, был найден в польском и восточном вопросах. Целенаправленным усилием европейских держав, в первую очередь Англии и Франции, Соловьев приписывал выдвигание этих вопросов на передний край международной жизни.

Историк проследил взаимосвязь между польским и восточным вопросами, которая как раз и представляла наибольшую опасность для России. Это проявлялось в том, что в ответственные моменты жизни страны Польша и Османская империя объединялись и выступали единым фронтом против нее. Так было во время переговоров в Карловицах, после азовских походов Петра, когда польский посол от имени Сената и Речи Посполитой подстрекал турок к продолжению войны с целью отторжения от России Украины с Киевом⁵⁰. С тем же явлением Россия столкнулась и после неудачного прутского похода Петра. Одним из главных условий мира, затребованных турками, было очищение польской территории от русских войск⁵¹.

Связующим звеном между польским и восточным вопросами в интерпретации Соловьева выступало казачество, против которого он

вообще имел сильное предубеждение: "Непостоянство черкасс, шатающихся между царем, королем и султаном, входит в пословицу в Великой России. Благодаря этому непостоянству затягивается разорительная война с Польшей, начинается опасная война с Турцией"⁵². По мнению историка, борьба за окончательное включение Украины в состав России имела международное значение. В ходе этой борьбы как бы перерубалась одна из наиболее крепких нитей, соединявших Речь Посполитую и Османскую империю, высвобождались дополнительные резервы для осуществления широких планов Петра. Раскрывая тесную связь польского и восточного вопросов в международных отношениях XVIII века, Соловьев предвосхищал французского историка XIX века А. Сореля, с именем которого в исторической литературе связывается это наблюдение⁵³.

Досаждаемый Османской империей, царь все-таки пытался утвердиться и на Востоке. "Петр, стремясь к достижению своей "великой цели" — получению выхода к Балтийскому морю, не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимется, когда она станет посредницей в торговом отношении между Европой и Азией", — писал ученый⁵⁴.

Неослабевающий интерес Петра к развитию восточной торговли характерен для всего периода его царствования. Этот интерес вырос еще более после потери Россией Азова в 1711 году. Для укрепления восточных границ и выяснения возможностей расширения торговых связей с восточными странами по приказу царя было отправлено несколько экспедиций: Е.Избрандта в 1692 году, подполковника И.Бухгольца — в 1715 году, князя А. Бековича-Черкасского — в 1717 году, секретаря ориентальной экспедиции Посольского приказа Ф. Беневици — в 1718 году, капитана Л.В. Измайлова — в 1720 году. Для того чтобы обезопасить юго-восточные границы России, правительство вело переговоры с калмыцким ханом Аюкой, стремилось подчинить калмыков своей власти и использовать их в военных экспедициях⁵⁵.

От осторожных попыток наведения мостов в начале 20-х годов XVIII века Россия перешла к активным действиям на Востоке. К этому вынуждали усиление османской агрессии в Прикаспии и опасность дальнейшего проникновения Османской империи в Иран. Последнее обстоятельство потребовало от России энергичной защиты как своих торговых интересов, так и безопасности границ. Принимая во внимание также интересы Ирана, Петр I предложил иранскому правительству свою помощь в защите от посягательств феодалов Османской империи. В качестве компенсации за оказанную помощь царь выговорил право присоединения к России западного побережья Каспийского моря⁵⁶.

Осуществляя намеченный план действий, Петр I опирался на обращения к России народов Северного Кавказа и в особенности Закавказья с просьбой о содействии их освободительной борьбе. Ис-

торик рассказал о самоотверженной деятельности Исраэла Ори, Минаса Вардапета, Ивана Карапета и других армянских эмиссаров в России, внесших большую лепту в укрепление дружественных связей народов Кавказа и Закавказья с Россией. Вступление русских войск в прикаспийские области в 1722 году вызвало огромный подъем среди этих народов. Навстречу Петру двинулся Вахтанг VI с 30-тысячной армией. К грузинскому войску присоединялись армянские и азербайджанские крестьяне. Поход увенчался заключением договора с Ираном от 12 сентября 1723 года. К России отошли Дербент, Баку, Гилян, провинции Шерван, Мизандаран, Астрабад. Продолжение похода было чревато военным столкновением с Турцией, которого Петр стремился избежать. Поэтому в 1724 году русское правительство поспешило заключить с Османской империей договор, подтверждавший условия русско-иранского мира. С. М. Соловьев был одним из первых историков, осветивших зарождение и укрепление в XVIII веке братских связей России с народами Кавказа и Закавказья.

Как никто другой, глубоко и всесторонне Соловьев описал исполнительскую деятельность Петра I. Но, завершая ее обзор в восемнадцатом томе "Истории России", Соловьев еще не ставил последней точки. В запасе у него оставалось немало мыслей и наблюдений. Они вошли в его новую серию работ о Петре I, приуроченную к двухсотлетию юбилею великого преобразователя.

30 мая 1872 года Россия торжественно отмечала двухсотлетие со дня рождения Петра I. В подготовку и проведение праздника с энтузиазмом включился и С. М. Соловьев. Накануне юбилея Сергей Михайлович выступил с циклом из двенадцати публичных лекций ("чтений") о Петре и его времени. Чтения проходили по воскресным дням с февраля по май в Колонном зале Дворянского собрания, самом большом зале Москвы, вмещавшем до трех тысяч человек. И хотя вход был бесплатным, публика собиралась изысканная: сановники, офицеры, ученые. Во время чтений в зале стояла напряженная тишина. Заключительные слова последней лекции, которыми оратор призвал слушателей почтить память царя-работника не только воспоминанием о нем, но и практическими начинаниями в духе его заветов, потонули в громе аплодисментов⁵⁷. "Публичные лекции" Соловьева были сразу же опубликованы.

Кроме того, личным вкладом историка в празднование знаменательной исторической даты были серия статей "Время Людовика XIV на Западе, время Петра Великого на Востоке Европы" (журнал "Беседа") и организация исторического отдела на Политехнической выставке в 1872 году.

Обращаясь к теме преобразований Петра на новом витке своего творчества, ученый стремился дать ей освещение в рамках всемир-

но-исторического процесса. Накопленные к тому времени опыт и знания позволяли Соловьеву соединить в одном русле изучение русской и западной истории, к чему также подводило его понимание единства европейского исторического процесса с начала XVIII века.

Центральное место в юбилейных работах Соловьева занимала проблема кризисов в обществе и политической системе — кризисов, обыкновенно предвворявших крутые переломы в развитии народов. Именно такого рода разлад, как думал историк, имел место в России конца XVII — начала XVIII века и был полностью преодолен к концу первой четверти XVIII века. Явление того же порядка, возникшее во Франции и не встретившее там серьезного противодействия, завершилось Великой французской буржуазной революцией. По его мнению, Россия и Франция в первой половине XVIII века развивались в диаметрально противоположных направлениях: одно государство — по восходящей линии, к своему процветанию и могуществу, второе — по нисходящей, навстречу революции.

Характерно, что Соловьев обращался к первой половине XVIII века, к предыстории французской революции. Для него было важно выявить причины и раскрыть закономерности вызревания революционных процессов. В статье "Время Людовика XIV на Западе..." он развивал тезис о революции "как следствии застоя, болезненного состояния в народном теле". "Исторический" взгляд на предпосылки французской революции автор приписывал Ш. Монтескье. Французский энциклопедист полагал, что "революция обыкновенно готовится не снизу, ибо здесь требуется твердая и разумная власть, а сверху, если здесь иссякает способность доставлять народу эту необходимость, то есть происходит болезненное движение с целью восполнить эту способность"⁵⁸. Соединяя эти две теории, Соловьев объяснял революционные взрывы безынициативностью правительства в периоды опасного замедления исторического развития либо его запоздалой реакцией на потребность перемен.

В подтексте юбилейных работ, помимо эпохи петровских преобразований и времени подготовки французской революции, угадывалась третья переломная эпоха. То была эпоха буржуазных реформ 60—70-х годов XIX века. Неявные и немногочисленные ссылки на нее, понятные современникам, скорее всего, ускользали от более поздних читателей. Своеобразным ключом к их пониманию служит текст последних глав "Записок".

В "Публичных чтениях" он обращался к аллегорическому образу толпы, уступившей, поддавшейся разнузданной чужеродной силе: "Горе тому обществу, которое не встречает каждую силу строгим допросом: откуда она и куда направлено ее стремление... которое не умеет поверять ни слов, ни дел, которое безотчетно увлекается, как ребенок, первым движением, первым громким словом"⁵⁹. Смысл этого

замечания проясняет характеристика общественного возбуждения в период проведения буржуазных реформ, включенная в "Записки".

Соловьев был глубоко обеспокоен тем, что социальное поведение личности в пореформенное время все менее и менее определялось созидательным отношением к действительности, умами все более завладевали разрушительные по своей объективной сути идеи⁶⁰. К проявлениям этой тенденции он относил и распространение революционно-демократической идеологии в кругах разночинцев, и обострение социальных противоречий, и чересчур резкую, по его мнению, ломку дореформенных порядков. Угроза еще более сильного потрясения общественных основ, чудившаяся ему в приметах наступающей эпохи, нацеливала на поиск средств противодействия. Он искал примеры подобных ситуаций в истории. Таким образом, в его творчество вошла тема переломных периодов в истории, в которые борьба старого и нового достигала особенной силы, а ее исход определял собой дальнейшую судьбу народа.

Кризисные моменты в истории общественно-политических систем, разделенных во времени и пространстве, смыкались в его концепции как явления сходной типологии. В дореформенной России он наблюдал много общего с французским обществом после пребывания у власти Людовика XIV. Наряду с расстроенностью государственного аппарата, падением престижа верховной власти, истощением народных сил, он указывал на преобладание "отрицательного направления" в умственной жизни. К законодателям моды на сатиру, злоязычие во Франции Соловьев относил Вольтера, в России во второй половине XIX века — революционеров-шестидесятников, взгляды которых объявлялись всего только "нигилизмом". Подобно тому как брожение умов во Франции он приписывал узкобой реакционности французских монархов, радикализацию общественного настроения в России в 60-х годах XIX века он связывал с перегибами охранительной системы Николая I.

Однако при всей глубине отдельных наблюдений над природой революционных процессов Соловьев освещал их довольно односторонне. Возникновение и развитие этих процессов в его понимании зависели от личных качеств главы государства. Так, непростительным для монарха пороком, губительным для народа в ответственные периоды его истории, Соловьев считал неспособность "отыскивать и готовить людей"⁶¹. Эта мысль последовательно проводилась в статье "Время Людовика XIV на Западе...". Автор показывал, как уже во времена Людовика XIV французский абсолютизм дал глубокую трещину. Великий король не только не сумел использовать во благо государству блестящий талант финансиста Кольбера, но и с роковым упрямством наносил удары по его спасительной экономической системе. Ведя многочисленные войны, король не создал сколько-нибудь серьезной отечественной военной школы⁶².

То же политическое банкротство, по мнению Соловьева, претерпело и современное ему российское самодержавие во второй половине XIX века. "Сильные энергией, самостоятельностью люди были уничтожены системой Николая..." Царь-освободитель Александр II в глазах Соловьева был всего лишь незадачливым потомком Петра I, который замахнулся на большое дело, но не справился с ним. В этом плане он сравнивал его с королем-сибаритом Людовиком XVI: "Преобразования успешно проводятся Петрами Великими. Но беда, когда за дело принимаются Людовики Шестнадцатые или Александры Вторые"⁶³. Недостатком воли и распорядительности в действиях этих правителей Соловьев объяснял то, что ход событий во Франции в конце XVIII века и в России во второй половине XIX века вышел из-под контроля властей. В таких случаях, как предупреждал Соловьев на примере Франции в 1789 году, исторические перемены совершались в обход законных правительств, в результате открытых революционных потрясений. Характеризуя этот путь, он рисовал картину неисчислимых бедствий, ожидающих народ. По его словам, революционный дух, не выветрившийся во Франции и после реставрации Бурбонов, привел даже к национальной катастрофе 1870 года, к унижительному миру с Германией: "Недавно история как будто подтвердила справедливость этих слов. Наука со всеми ее чудесами не спасла этого народа"⁶⁴.

По мере того как росло разочарование Соловьева в реформаторских начинаниях Александра II, усиливалась его идеализация Петра. В канун юбилейных торжеств Соловьев обращался к государственной деятельности Петра как к образцу правительственной политики на поворотных пунктах истории.

Особый упор он делал на тот факт, что, в отличие от своего современника Людовика XIV, Петр I получил наследство с явными признаками социально-политической неустойчивости: государство "с ослабленной верховной властью", с "розной общественной сил", с беспокойным элементом казацкой вольницы, привнесенным в Россию вместе с воссоединением украинских и русских земель. В этих условиях усилия Петра были направлены на "возбуждение сил русского народа"⁶⁵. "Повсюду преобразователь требовал деятельности общества, коллегиальной формы", за что снискал звание "народного воспитателя".

Реформам Петра Соловьев приписывал великое "воспитательное значение" для народа. Созданные царем учреждения удовлетворяли потребность всех общественных сил в политическом самовыражении и не оставляли места для нелегальной деятельности в государстве. Действенность политической системы обуславливалась двумя основополагающими принципами: "коллегиальным устройством и выборным началом". В эти понятия было вложено емкое содержание: "...ограничение личного произвола как можно более, устройство учреждений, состоящих из многих лиц, сдерживающих друг друга, деятельность лица подчинена контролю других лиц и целого общества — вот

характер учреждений Петра... Все у Петра шло дружно и обличало одну сторону. Система была проведена повсюду"⁶⁶. Историк был убежден в непреходящей ценности этих принципов и считал излишним напомнить о них в тот период, когда шло преобразование государственных институтов старой, крепостнической России.

Соловьев подчеркивал "дружность" и единообразие в организации государственного управления петровского времени. И это не случайно. Проблема единства государственного управления волновала буржуазные и дворянско-либеральные круги в период буржуазных реформ более чем когда-либо. В историческом опыте петровских преобразований Соловьев выделял именно то, что, по его мнению, имело наибольшую важность для перестройки государственной системы его времени. Здесь, как считал он, требовалось в первую очередь устранить противоречие между центральными органами, построенными на принципах единоначалия и бюрократического централизма, и новыми органами местного управления, основанными на выборности и коллективном ведении дел. Историк вообще отрицательно относился к чрезмерной централизации и бюрократическому всевластию. Этой позиции придерживались многие деятели либерального движения и наиболее просвещенные из чиновников⁶⁷. Стремление этих кругов к реорганизации государственного аппарата ради эволюции самодержавия и его политических институтов в сторону конституционной монархии с наибольшей полнотой проявилось в канун буржуазных реформ. Это стремление выливалось в разные начинания: в предложения децентрализации министерской деятельности, с которым выступило Морское ведомство⁶⁸, в проекты, развивавшие идеи правительственного конституционализма⁶⁹, в попытки создания коллегиального учреждения для направления внутренней политики государства⁷⁰.

Первоочередной задачей Соловьев признавал проведение коллегиальности снизу доверху. Однако создание новых высших органов власти с коллегиальным устройством считал ненужной "роскошью". Он выступал за восстановление первоначального значения Сената и пополнение его состава за счет демократически настроенных людей. Отражением этой линии в "Истории России" и в "Публичных чтениях" являлась непомерная идеализация петровского Сената. Еще откровеннее эта идея высказывалась в лекционных курсах по истории XVIII столетия. Историк критиковал правительственные меры второй половины XVIII века, снизившие роль Сената, а учреждение в начале XIX века Государственного совета рассматривал с точки зрения неоправданной перегрузки государственного аппарата⁷¹.

Возвращение к основам петровской государственности, разумеется с учетом изменившихся исторических условий, Соловьев рассматривал во многих случаях как путь более благоприятный, чем насаждение новых государственных институтов. Среди прочих нововведений Петра I в этой области Соловьев придавал большое значение намеченной

им системе заслонов бюрократическому произволу. Он указывал на попытку царя сочетать государственную администрацию с общественным самоуправлением. Так, рядом с губернской властью при Петре I вырос соуправляющий орган из выборных от местного дворянства — Совет ландратов. Закрепление этих тенденций в организации управления, по мнению историка, позволило бы избежать многих издержек бюрократической системы.

Как вписывался в схему, начертанную Соловьевым, институт самодержавия? Предполагал ли обозначенный им механизм какое-либо ограничение верховной власти монарха? Думается, что в пореформенное время либерализм Соловьева так далеко не простирался. Идея просвещенного абсолютизма, по-видимому, более точно отражала его политический идеал. По сути дела, даже самые смелые пожелания историка не шли дальше признания за третьим элементом возможности полноправно участвовать в работе новообразованных органов власти, указаний на необходимость развития начал местного самоуправления, ослабления бюрократизма и произвола в высших сферах. Эти пожелания в целом органично вписывались в круг умеренных буржуазных проектов государственных преобразований, имевших отправным пунктом идею неприкосновенности самодержавной власти.

Острая идейно-политическая борьба первых пореформенных десятилетий вокруг насущных вопросов развития страны захватила и историографию. Одним из преломлений этой борьбы в рамках юбилея стало обсуждение роли самодержавия в исторических судьбах России. Такую подоплеку имели некоторые выступления, заключавшие попытку пересмотра устоявшихся взглядов на дело Петра I, выявления скрытых пружин его деятельности.

Прямую зависимость между личными качествами монарха и правительственной политикой, причем явно не в пользу самодержавия, утверждала статья киевского историка и педагога В. В. Андреева "Знание, мысль и слово России во времена империи. Петр I. Нравственный уровень Петра"⁷². Лихорадочно-энергичную деятельность Петра автор связывал с его обильным мясным рационом⁷³. Поступки, склонности царя анализировал с точки зрения его своеобразного психологического склада. Отмечая проявления самодурства, внезапные приливы трусости (в частности, перед Нарвским сражением), Андреев относил их на счет эпилептических припадков, которым Петр был подвержен с детства⁷⁴.

Известный либеральный историк Н. И. Костомаров вскрывал далеко не государственный подход Петра к делам, которые затрагивали его личные интересы. Так, в устранении царевича Алексея Костомаров увидел отнюдь не заботу о будущем Отечества, а сознательное стремление Петра обеспечить право на престолонаследие за потомком Екатерины. В работе Костомарова акцент ставился на вопросе о средстве и цене преобразований. "Петру помогло более всего самодер-

жавие, унаследованное им от предков”, — полагал автор⁷⁵. Другими словами, во внутренней политике Петра I, по мнению историка, преобладало насилие. Это же обстоятельство и решило судьбу петровских учреждений. Не выдержав проверки временем, многие из них рассыпались как картонный домик: ”Петр не мог создать живой, новой Руси”.

Некоторые прочно вошедшие в научный и литературный обиход истины во время подготовки юбилея Петра были подвергнуты сомнению. Изображение аномалий и человеческих слабостей великого преобразователя бросало тень на всю историю дома Романовых.

Эти тенденции встретили самый резкий отпор со стороны С. М. Соловьева. Деятельность Петра, с его точки зрения, являла собой величайшее благо для России. Все вольные или невольные попытки помешать нововведениям Петра I были регрессивны. В ”Публичных чтениях” в еще более четкой форме, чем в ”Истории России”, обозначилось отрицательное отношение Соловьева к сопротивлению народа некоторым мероприятиям царя. В трактовке Соловьева фактически стиралась разница между внутренними и внешними врагами Петра. Бегство из-под государственного тягла приравнивалось к дезертирству с поля боя. Характеристика выражений протеста в ”Публичных чтениях” получала сильную эмоциональную окраску. Рассчитывая на отклик аудитории в этом месте ”чтений”, Соловьев возвышал голос до патетических нот: ”Все наше сочувствие принадлежит не тем, которые ушли, но тем, которые остались”⁷⁶.

В ”Публичных чтениях” Соловьев заявлял о поддержке народа как о решающем условии успеха петровских начинаний. Однако это утверждение оставалось чисто декларативным. Материал, не укладывавшийся в картину единения народа с правительством, здесь попросту отбрасывался. Типичной фигурой петровского времени, по мнению автора, являлся простой русский мужик, безропотно несший свою ношу и без колебаний приносивший на алтарь Отечества свое последнее достояние. Якобы осознав государственные нужды, он не только мирился с собственным закрепощением, но и не возражал против обложения налогом своей последней ”роскоши” — дубового гроба⁷⁷.

Некоторой переоценке в ”Публичных чтениях” подверглась личность Петра. Из его поступков, по существу, были выхолощены все личные мотивы. Все совершенное царем выдавалось за историческую необходимость. Сам Петр был многолик. Это и ”огненный юноша”, и ”работник с мозольными руками”, первым принявший на себя великий труд. Это — ”истинный русский патриот”, пошедший на выучку к иностранцам, но ни на йоту не изменивший национальным интересам. Личность Петра определила собой начало, течение и исход дела: ”Движение началось благодаря сильной руке”⁷⁸. Благодаря той же руке русское общество не задержалось долго на периоде ”отрицания, сомнения”, неизбежном при переходе из ”возраста чувств в возраст мысли”⁷⁹.

В "Публичных чтениях" Соловьев не отказывался от трактовки петровских преобразований как резкого нарушения эволюционного хода истории. Для историка, сторонника, в общем-то, постепенного, упорядоченного прогресса, реформаторское вмешательство Петра в строй русской жизни являло собой пример "страшного переворота". Он неоднократно повторял, что "во время таких переворотов рушатся самые крепкие связи"⁸⁰. Однако термин "революция", фигурировавший ранее в "Истории России", в "Публичных чтениях" опускался. В начале 70-х годов XIX века Соловьев особенно стремился подчеркнуть различие между неуправляемой стихией масс (чем ему представлялись революции на Западе) и переворотом, осуществленным "сверху", и не просто подчеркнуть — обосновать различие между ними. В направляющей руке Петра он видел решающее обстоятельство, обусловившее наиболее благоприятное завершение переломной эпохи в России. Эту идею как нельзя лучше передавал образ великого человека, вставшего в бурю у штурвала корабля⁸¹.

Новые элементы соловьевской концепции преобразований вносили противоречивость в его теоретические построения. Историк, чаще всего употреблявший слова "закономерно", "необходимо", "естественно", помимо своей воли приходил к провиденциалистскому заключению о зависимости народных судеб от слепого случая, посылающего державе достойного либо негодного правителя.

Начало 70-х годов охарактеризовалось усилением реакции правительственного курса. Свободная мысль была зажата майскими правилами о печати от 1872 года. Косность правящих сфер, замедленность реакции на события международной жизни, желание во что бы то ни стало отстоять за собой монопольное право на выработку внешнеполитического курса проявлялись двояко: в стремлении оградить себя как от критики, так и от выражений восторгов подданных⁸².

В этой ситуации юбилейная тематика предоставляла благодатную возможность для слегка прикрытого обсуждения насущных проблем: раздумий о национально-государственных целях России, ее месте в международной жизни. В целом благоприятное для России окончание Лондонской конференции (январь—март 1871 г.), начало складывания Союза трех императоров и другие факторы, отразившие некоторое улучшение международного положения России, ставили на повестку дня вопрос об изменении внешнеполитического курса. Ввиду этой перспективы в юбилейной литературе поднимался вопрос о соотношении внутренних и внешних задач в национально-государственных интересах России. В выступлениях с такой направленностью напоминания о тех или иных принципах петровской политики были нацелены на то, чтобы выставить с самых выгодных сторон соответствующую программу действий, поднять ее в глазах сограждан и правительства.

В общем потоке литературы, так или иначе связанной с юбилеем, ясно наметились две линии. Одна отстаивала приоритет внутривнутриполитических проблем над внешними. Эту точку зрения разделяла демократическая общественность. К ней, по-видимому, тяготела и значительная часть академической среды. Либеральная профессура не скрывала своих пожеланий: "Только тогда Россия будет истинно великой державой, когда к ее сильному материальному росту присоединится соразмерное внутреннее развитие. Вот чего желал, о чем заботился Петр"⁸³. Заботы такого рода и ставились во главу угла всей петровской деятельности: "прорубив окно в Европу", Петр не замедлил заняться "внутренним благоустройством своей державы"⁸⁴. В подтверждение мысли о преимущественном значении для Петра внутренних проблем упоминалось, что, объявляя войну, Петр неизменно облачался в траурные одежды и заранее скорбел о потерях и тяготах своего народа. Большую популярность в 70-е годы XIX века получил так называемый "отзыв" Петра о Европе: "Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а после мы должны к ней повернуться задом"⁸⁵.

Противоположная программа действий исходила от части консервативной и либерально-буржуазной публики, усвоившей панславистские взгляды. Парадокс состоял в том, что это течение, никогда (а в особенности в конце 60 — начале 70-х годов) не пользовавшееся политическим кредитом у правительства, привлекло к себе много сторонников. Успех был обусловлен глубоким расхождением внешнеполитических позиций правительства с общественным мнением, особенно усилившимся в период франко-прусской войны 1870—1871 гг. Смыкаясь на почве панславистского учения, представители высших слоев общества как бы выражали свое несогласие с правительственным курсом.

Раскрытие с таких позиций обширной и многогранной деятельности Петра по укреплению славянской солидарности звучало укором современному правительству. Оно порицалось за "неустойчивость нашей политики относительно славянских племен"⁸⁶. На исторических примерах обосновывались главенствующая роль России в славянском мире и связанные с ней обязательства. Этой теме было посвящено выступление М. П. Погодина на заседании Петербургского славянского комитета, опубликованное в "Современных известиях". Зачатки славянского единения Погодин относил уже ко времени первой заграничной поездки Петра в 1697—1698 годах. Лейтмотивом печатного выступления Погодина и редакционных примечаний к нему стало противопоставление России и Польши в их отношении к славянству: "Русь — духовный микрокосм славянства", именно с ней, а не с Польшей славянские народы добровольно связали свои судьбы, несмотря на то что во времена Петра "Польша могла предьявить соперничество в силе более высокое"⁸⁷.

Эта тема получила развитие в статье "Несколько слов о воинской повинности". Снова обращаясь здесь к принципу славянской взаим-

ности, Погодин пытался привлечь внимание к тем его сторонам, которые, по понятиям автора, могли заинтересовать правящие круги. В статье Погодина принцип славянской взаимности простодушно рекламировался как своего рода средство экономии людских и материальных ресурсов России. Автор предлагал отказаться от военной реформы (свести к минимуму численность армии, заменить ее комплектование набором вольноопределяющихся) и подать пример миротворчества другим странам. Взамен Россия должна крепить консолидацию со славянскими народами⁸⁸. Безусловно, этот план решения международных проблем, как и многие проекты Погодина, был утопическим. Однако для нас важна другая его сторона: горячее стремление "провести" принцип тесного славянского сотрудничества в официальный внешнеполитический курс России.

Как соотносились с приведенными суждениями взгляды Соловьева? Некоторое представление об этом дает обобщающая характеристика внешней политики России в "Публичных чтениях". География страны, влияние которой на историю народа всегда подчеркивал историк, определила раз и навсегда заданный характер внешней политики Русского государства: "Континентальное государство, так дурно защищенное природой, вынуждено было вести активную внешнюю политику и поддерживать свои внутренние силы в состоянии постоянной боеготовности". Но с другой стороны, "обширность государственной области России" лишила русский народ "всякой воинственности, всякой агрессивности"⁸⁹. Из этих особенностей выросло одно из главных противоречий всей русской истории. Единственный способ остаться хозяином своего положения для миролюбивого Русского государства заключался, по мнению Соловьева, в постоянном поддержании боеспособности, основывавшейся на внутренней силе. Эти соображения были злободневны и в 70-е годы XIX века. Приоритетной целью развития страны признавалось ее внутреннее благополучие. В то же время применительно к конкретной ситуации бою начала 70-х годов автор высказывался за усиление военной мощи, за энергичную и даже — в случае необходимости — вооруженную защиту ближайших национальных интересов⁹⁰.

В "Публичных чтениях" эта точка зрения получала еще одно обоснование. Автор обращался к историческому опыту Польши, называя в числе главных причин ее падения "войнобоязнь". "Польша была страшным примером, к чему ведет отвращение от подвига, от жертвы, к чему ведет войнобоязнь. Польша была одержима в высшей степени этой опасной болезнью"⁹¹. Война во имя благих, справедливых целей, по Соловьеву, — проба сил государства, "школа народа". Именно так "на войну смотрел Петр I"⁹². Невзирая на пессимистические прогнозы иностранных авторитетов, Петр начал Северную войну и выиграл ее: "За его веру в народ последний оплатил ему небывалыми успехами и славой"⁹³.

Сама расстановка акцентов в изображении петровской деятельности вытекала из понимания Соловьевым потребностей современного ему внешнеполитического курса России. Историк постоянно подчеркивал глубоко патриотический, национальный характер политики Петра. Во всех своих предприятиях преобразователь руководствовался исключительно интересами своего народа. Настойчивое напоминание об этих чертах петровской политики скрывало в себе острую критику послепетровского самодержавия, привязанного династическими интересами к немецким владельческим домам и часто привлекавшего на русскую дипломатическую службу иностранцев. Шпильки в адрес прусских симпатий августейшей четы встречались и в серии статей "Время Людовика XIV на Западе...": "...не так смотрели прежде, да и теперь не совершенно отказываются приписывать важное значение родственным связям между владельческими домами"⁹⁴.

Бездеятельности современному правительству по отношению к национально-освободительному движению славян в Османской империи Соловьев противопоставлял активную помощь Петра единоверным народам. В вышедшей незадолго до юбилея статье "Петр Великий на Каспийском море" относительно намеченной Петром программы действий Соловьев многозначительно замечал, что Россия выполняет ее уже "второе столетие"⁹⁵. С одной стороны, данная формулировка содержала признание окончательного и бесповоротного разрешения польского вопроса — в этом смысле само его умолчание было выразительнее слов. С другой — статья Соловьева констатировала неудовлетворительное для России положение дел в восточном вопросе.

Официальный внешнеполитический курс России в эти годы XIX века, ознаменованные возвышением Сербии, подготовкой Балканского союза и другими проявлениями славянского возрождения, характеризовался пассивным отношением к этим событиям. Позиция России в те годы определялась неуверенностью в своих силах после поражения в Крымской войне, нежеланием обострять отношения с Австрией и Францией, принявшими в Зальцбурге решение о сохранении целостности Османской империи⁹⁶. В конце 60 — начале 70-х годов XIX века голос Соловьева вливался в многочисленный хор тех, кто ратовал за пересмотр официальных установок в отношении борющихся за освобождение славянских народов.

День 30 мая 1872 года был ознаменован открытием в Москве Политехнической выставки, на базе которой осенью 1872 года был образован Музей прикладных знаний. Среди тех, кто способствовал организации выставки и последующему становлению музея, был и С. М. Соловьев.

В планах Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, задумавшего создание стационарного Музея прикладных знаний, Политехническая выставка

должна была сыграть своего рода роль пробного шара. Комитету выставки пришлось пережить тяжелые времена, когда дело, поддерживаемое морально и материально лишь немногими энтузиастами, грозило застопориться. Сдвинуть его с мертвой точки помогла частливая мысль, принадлежавшая историку, профессору Н. А. Попову: связать два совпадающих во времени события — открытие выставки и петровский юбилей. Общественный интерес к предстоящему юбилею проявился и в увеличении пожертвований в кассу Политехнической выставки, в притоке экспонатов от частных лиц. Главное назначение выставки состояло в том, чтобы показать применение современных научных знаний и развитие традиций отечественной промышленности, науки и культуры с петровских времен. Юбилейная литература также изобиловала сравнениями и параллелями: в ней усматривалась прямая преемственность между реформами 60—70-х годов XIX века и петровскими преобразованиями⁹⁷.

На выставке было предусмотрено создание специального исторического отдела, посвященного петровской эпохе. С этой целью была образована авторитетная историческая комиссия во главе с С. М. Соловьевым.

Ей предоставлялась редчайшая в истории музейного дела возможность отбора наиболее ценных в научном отношении предметов петровской эпохи из всех государственных хранилищ и из частных собраний с разрешения владельцев.

В статье Соловьева, опубликованной в газете "Московские ведомости" в 1872 году, указывалось на источники поступления экспонатов: Морской музей, Оружейная палата, Эрмитаж, Артиллерийский музей, Санкт-Петербургская публичная библиотека⁹⁸. Кроме того, в историческом павильоне впервые на всеобщее обозрение была выставлена насчитывавшая тридцать наименований коллекция портретов Петра I, доставленная из петербургских дворцов с разрешения Александра II⁹⁹. Много редких, исторически ценных предметов поступило от частных лиц. Из письма Н. А. Платунова, жителя города Слободского Вятской губернии, становится ясно, что в январе 1872 года С. М. Соловьев обратился к населению с просьбой оказать помощь исторической комиссии в создании экспозиции¹⁰⁰. Многие люди отозвались на его призыв.

Утром 30 мая 1872 года после освящения духовенством распахнулись украшенные флагами и вензелями Петра I Троицкие ворота Кремля, и раскинувшаяся в трех Александровских садах Политехническая выставка приняла первую партию посетителей. Открывшийся перед публикой вид — призывно выглядывшие павильоны с разбитыми между ними клумбами и дорожками — дополнялся другим красочным зрелищем — прибытием к морскому павильону петровского ботика, "дедушки русского флота", с часовыми в мундирах Преображенского полка начала XVIII века.

Одной из самых ярких страниц выставки, безусловно, явилось открытие исторического отдела. Выстроенное для него архитектором М. Н. Чичаговым здание в целом воспроизводило знаменитый деревянный Коломенский дворец царя Алексея Михайловича, в котором, по преданию, родился Петр I. Исторический павильон стал беспримерным в истории музейного дела мемориалом Петра I. В его экспозицию вошли предметы личного обихода царя и вещи, им собственноручно изготовленные. Экспозиция отдела, таким образом, опосредованно, через призму личных занятий Петра I характеризовала уровень развития науки и техники первой четверти XVIII в. и являлась материализованным выражением взгляда Соловьева на преобразователя как на главное действующее лицо всего периода.

Непосредственно против входа в павильон, драпированного знаменами с перечислением военных побед Петра, была выведена надпись: "Достоен есть делатель мзды своея". Эти слова были взяты из письма самого Петра к Винуису, в котором царь требовал почетной встречи войска, возвращавшегося из Азовского похода. Как заявлял Соловьев, "потомство возвращало эти слова Петру, давшему России столько торжеств, столько подвигов"¹⁰¹. Внизу, на бархатных подушках, выставлялись принадлежавшие Петру вещи: орден святого Андрея Первозванного, мундир, шпага, легендарная шляпа, простреленная в Полтавском бою. В смежном отделении незатейливые предметы домашнего обихода Петра. Рядом — модели судов, в постройке которых Петр принимал участие личным трудом — и как плотник, и как корабельный инженер; модели орудий, в усовершенствование которых он внес свою лепту; топор и лопата, которой 19 мая 1719 года он начал сооружение Ладожского канала. В особой витрине были выставлены три другие работы Петра: кусок пумповой кожи, выделанный им собственноручно, железная полоса, вытянутая им на Олонецких озерах, а также изготовленная царем модель большого корабля. В конюшенном отделении помещалась одноколка и возок Петра, от которых, по словам одного из газетных обозревателей, "в наше время отвернулась бы даже помещица средней руки"¹⁰².

За недолгое время работы Политехнической выставки через ее 24 отдела прошло около 750 тысяч людей, среди них десятки тысяч рабочих, учащихся¹⁰³. В сентябре 1872 года выставка была свернута, но через два месяца обрела вторую жизнь, на этот раз долговечную: 30 ноября 1872 года на Лубянской площади в Москве открылся Музей прикладных знаний, который в миниатюре воспроизводил минувшую Политехническую выставку. Воспоминание о ней сохранило обиходное название музея — Политехнический — вместо первоначального официального — Музей прикладных знаний.

Одним из наиболее примечательных достоинств образованного музея (в сравнении с аналогичными учреждениями на Западе — Кенсингтонским музеем в Лондоне и парижской Консерваторией) яв-

лялась активная пропаганда им передовых научно-технических знаний среди демократических слоев населения. Если европейские музеи, по существу, являлись для посетителя мертвыми складами вещей, то Политехнический предоставлял его посетителям различные возможности расширить кругозор. Этой цели служили и тематические экскурсии, и лекционные курсы с демонстрацией наглядных пособий.

В налаживании лектория при Политехническом музее активное участие принял С. М. Соловьев. Эта сторона деятельности являлась для него логическим продолжением юбилейной линии. Он первым откликнулся на острую потребность нового учреждения в учебных пособиях. Его "Общедоступные чтения по русской истории", доведенные до Крымской кампании, были утверждены Министерством народного просвещения для народных библиотек, низших и средних учебных заведений, земских и городских школ¹⁰⁴. Кроме того, на основе "Общедоступных чтений" и со специально подобранной коллекцией наглядных пособий в различных уголках России читались лекции по русской истории для простых слушателей.

Чтение такого же курса в стенах Политехнического музея планировал и сам Соловьев. Он тщательно к нему готовился. Курс Соловьева был рассчитан на 13 лекций — со времени образования древнерусского государства до эпохи петровских преобразований включительно. Лекции должны были сопровождаться показом портретов деятелей истории, картин, изображавших славянские этнические типы, памятники русской архитектуры, образцы оружия и одежды разных времен¹⁰⁵. Но Министерство народного просвещения наложило молчаливый запрет на это мероприятие.

Двухсотлетний юбилей Петра I стал серьезным испытанием научной концепции Соловьева. Знакомство с юбилейной литературой показывает: многие идеи ученого оказали сильное влияние на представления современников об эпохе Петра. Так, выступления провинциальных деятелей науки на юбилейных торжествах в большинстве случаев являлись простой компиляцией из "Истории России", дополненной только некоторым краеведческим материалом¹⁰⁶.

Возвращаясь на новом этапе своего творчества к хорошо изученной теме, Соловьев разворачивал ее более монументально. Значительно шире по сравнению с "Историей России" был представлен исторический фон преобразований. Заметно усилилась сравнительно-историческая линия, выразившаяся в сопоставлении исторического развития России в петровское время и Франции в период подготовки буржуазной революции. Это сопоставление становилось для него тем оселком, на котором оттачивался его взгляд на развитие России в два пореформенных десятилетия XIX века. На этой же основе строились и прогнозы на будущее. Сравнительный анализ этих общественных систем, далеко отстоявших друг от друга во времени и пространстве, убеждал его в определенной общности путей их развития. И Россия в канун

петровских реформ, и Франция в конце правления Людовика XIV, и Россия после Николая I переживали общенациональный кризис, с тенденцией перерастания его в открытое революционное потрясение.

Главная историческая заслуга Петра I, с точки зрения Соловьева, состояла не в предотвращении этого явления как такового (что было выше человеческих возможностей), а в подчинении его правительственному контролю. Благодаря могучему петровскому вмешательству переломная эпоха не завершилась катаклизмом. Поступательное прогрессивное развитие России не приостановилось и после смерти Петра I. В то же время на исходе правления Людовика XIV, политического антипода Петра I, в развитии Франции возобладала совершенно иная тенденция — нарастание социально-экономических противоречий, политической борьбы.

Характерно, что в "Публичных чтениях" не использовалось определение общественных перемен в первой четверти XVIII века как "революции". Однако это не означало, что Соловьев отказывался от трактовки преобразований как резкого нарушения эволюционного хода истории. Причина исключения этого определения состояла в другом — в 70-е годы историк с особой силой стремился подчеркнуть различие между неуправляемой стихией масс, чем ему представлялись революции на Западе, и не менее грандиозными, как он считал, пертурбациями, осуществляемыми под руководством правительства.

Точка зрения Соловьева, выраженная в юбилейных сочинениях, по существу, была не так уж далека от одной из центральных идей "Феософического взгляда на историю России", относившейся к тем же историческим явлениям: "У французов есть пословица, что король дает только то, что народ у него отнимает... во Франции она понятна и справедлива. В России народ получает только то, что Государь сам дает, ибо всегда задолго предупреждает желания народа"¹⁰⁷. Однако в "Феософическом взгляде" эта мысль включалась в систему доказательств невозможности революции в России и стабильности ее политического строя. В работах 70-х годов она, напротив, становилась грозным предостережением российским самодержцам XIX столетия.

Подход Соловьева к революционным процессам в это время был уже совсем иным, чем в молодости. Тогда он пытался понять их глубинные истоки, определить историческое значение. В творчестве Соловьева 70-х годов революционная эпоха отделялась от породившей ее исторической основы. Причины явления подменялись его ближайшими предпосылками. В юношеские годы историк с неподдельным сочувствием прослеживал борьбу третьего сословия за политические права, с пониманием относился к революционным порывам угнетенных сословий. В зрелом возрасте он подходил к историческому опыту 1789—1794 годов с другими мерками, отождествляя его с катастрофическими явлениями в истории человечества.

В этом смысле современное состояние России внушало Соловьеву самые серьезные опасения. Русская действительность второй половины XIX века не выдвинула фигуры, подобной Петру Великому.

Нет нужды говорить, насколько разноплановы в нашем сегодняшнем понимании эпоха Петра I, время подготовки Великой французской буржуазной революции, пореформенные десятилетия в России. Параллели, на которых строились юбилейные работы историка, были непосредственно связаны с направлением его исканий в 60—70-х годах XIX века. Соловьев пытался глубже вникнуть в проблему острых общественных кризисов и с этих позиций вскрыть узкие места и просчеты в правительственном курсе своего времени. В результате историческая концепция петровских преобразований приобретала прагматическую направленность.

Глава

V

ПОСТИГАЯ ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ

Одна из самых примечательных черт Соловьева-историка — его убежденность в нераздельности прошлого и настоящего. Пожалуй, именно эта особенность его мышления оставляла самый глубокий след в памяти тех, кому довелось соприкасаться с ним. Любопытную мемуарную зарисовку об этом оставил художник и искусствовед Д. М. Струков, сотрудничавший с Соловьевым в 70-е годы в Оружейной палате: "С. М. Соловьев... садился у стола против меня и всегда минут 7—10 говорил о каких-либо новостях, прочитанных им в тот день в газетах, но эти новости относились до сопоставления настоящего с прежним, причем почти всегда заканчивались словами: "Ничто не ново под луною"; если же что-либо ему не нравящееся — то произносил: "Грехи! Грехи!", причем часто обращался ко мне с вопросом о том предмете, читал ли я в "Московских ведомостях", если отвечу "читал", то он... как бы требовал от меня какого-либо сопоставления с давно прошедшим"¹.

Живые связи прошедшего и настоящего, пронизывавшие все исторические штудии Соловьева, становились особенно различимыми в воссозданной им картине новой, послепетровской истории России. Здесь эти связи служили не только осмыслению хода истории, но и поиску правильной политической линии в современных условиях; взаимодействие науки и жизни проявлялось особенно полно: история смыкалась для него с современностью, а современность ставила перед историей вопросы, подсказанные насущными потребностями. Ключ к объяснению важнейших процессов действительности Соловьев искал в широкой и многообразной деятельности российских государей: Екатерины II, Александра I. Их имена, ставшие в наше время чем-то вроде заурядных атрибутов той эпохи, для Соловьева оставались ее главным символом. С их именами он

связывал восстановление в полной мере значения верховной власти, которое она имела при Петре I.

Прежде чем приступить к обзору деятельности Екатерины II и Александра I, ему предстояло затронуть так называемый период дворцовых переворотов. Главный вопрос, который Соловьев задал при этом: как распорядились потомки наследством Петра I? Отвечая на него, он с удовлетворением констатировал необратимость совершенных Петром I перемен. О возвращении к допетровским порядкам, как выяснил историк, не помышляли ни государи — преемники Петра на престоле, ни подданные.

Тем не менее, продолжая путь Петра, государство не избежало трудностей и упадка в некоторых областях. Причина тому после смерти Петра I — отсутствие сильных личностей во главе государства. Ни заурядная Екатерина I, ни малолетний Петр II, ни невежественная Анна Иоанновна не были способны к продолжению начинаний Петра. Недостаток воли и умения вести государственные дела, с точки зрения Соловьева, и стал причиной расцветшего при дворе фаворитизма и политических авантур.

Соловьев весьма критически отнесся к политике Верховного тайного совета, образованного в 1726 году, и к попытке верховников в 1730 году ограничить самодержавную власть Анны Иоанновны. В замыслах и действиях верховников он заметил лишь стремление горстки аристократов диктовать волю государству. Их "затейка" была заведомо не способна получить какую бы то ни было общественную поддержку: преимущества самодержавного правления в России ни у кого не вызвали сомнений.

Приведенные оценки требуют пояснения. Из-за неприязненного отношения Соловьева к аристократии и ее политическим органам для него оставалась скрытой прогрессивная сторона деятельности Верховного тайного совета. Между тем само образование такого учреждения было вызвано необходимостью пересмотра государственной политики: изменившиеся условия второй четверти XVIII века требовали высокой консолидации и целенаправленности в деятельности различных государственных учреждений. Создание Верховного совета можно рассматривать как начальный этап перестройки системы управления. Заслуживает внимания и тот факт, что у истоков этого учреждения стояли бывшие ревностные сподвижники Петра I, имевшие концепцию дальнейшего развития страны, — А. Д. Меншиков, А. И. Остерман, А. В. Макаров².

Проведенный верховниками комплекс мер свидетельствовал о здравом смысле и благих намерениях. Не располагая решительной и конструктивной программой действий, равной петровской, верховники тем не менее пытались преодолеть сложные обстоятельства исторического развития в конце 20-х годов. С учетом перенапряжения сил народа были временно снижены ставки податей, армия выведена

из деревень в города, уменьшено число чиновников, создана специальная комиссия для изучения нужд купечества.

Вразрез с утверждением Соловьева факты свидетельствуют о живом интересе предстательской дворянских группировок к планам преобразования политической системы. Перед воцарением Анны Иоанновны было составлено семь проектов, показавших готовность дворянства содействовать ограничению самодержавия. Важно отметить, что восстановление абсолютизма вызвало разочарование многих участников конституционного движения в январе — феврале 1730 г.³

Под напором непреложных фактов Соловьев признал, что пришедшее на смену Верховному тайному совету правительство во многом проигрывало. Непригодность императрицы к исполнению роли, ничемность лиц, наделенных ею большими полномочиями, обусловили расстройство административной системы. Бесконтрольно заправляя в стране выросший на месте упраздненного Верховного тайного совета Кабинет министров. Грабили и растаскивали по кускам национальные богатства России хищные иностранцы-авантюристы, засевавшие в руководящих органах. Возросли карательные функции государственного аппарата, преследование всех недовольных. Особенно резкую оценку историка вызвала деятельность фаворита Анны Иоанновны герцога Э. Бирона, который "без пользы для России кормился за ее счет"⁴.

Наибольший ущерб от режима, в частности от засилья иностранцев, понесли отечественная наука и культура. Соловьев живо рисовал трудные условия, в которых протекала деятельность Академии наук в первые десятилетия ее существования: отсутствие средств, неуважение властей предрежащих к ученому сословию, произвол иностранцев во главе с секретарем академии И. Шумахером.

Кроме того, в этот период правительство обращало основное внимание на развитие естественных наук в ущерб гуманитарным. Но даже этот мрачный период времени дал русской культуре блестящие имена. "Когда раздавался громкий призыв русским людям к новой, усиленной наукою жизни, — писал Соловьев, — в свежем и сильном народе послышались с разных сторон отзвуки": появились В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, В. К. Тредиаковский и другие. Впрочем, расписывая вред, причиненный России иностранцами, Соловьев несколько сгущал краски: многие выходцы из-за рубежа, освоившись в российских условиях, не только не тормозили научный прогресс, но немало ему способствовали — например, математики Л. Эйлер и Д. Бернулли, историки Г. Ф. Миллер и А. Л. Шлецер.

Предвзятое отношение Соловьева к иностранцам (хотя далеко не беспочвенное) наложило отпечаток и на его трактовку внешнеполитического курса России 30-х годов. Он считал, что силы и средства, затраченные на внешнюю политику, были несоразмерны с ее результатами. "Две войны следовали одна за другою: причины и выгодные следствия первой, польской войны для не посвященных в политические соображения были непонятны; понятны были побуждения ко второй,

турецкой войне, но результаты ее были слишком ничтожны в сравнении с огромными пожертвованиями людьми и деньгами; предприятие явно не удалось, дело с начала до конца шло не так, как хотели, как надеялись”⁵.

В действительности же период был отмечен не только неудачами, но и успехами русской дипломатии и русского оружия. Поначалу, после того как в 1725 году Западная Европа раскололась на два враждебных лагеря — Венский и Ганноверский союзы, Россия присоединилась к Венской системе. Союз России с Австрией отвечал задачам ее внешней политики в восточном направлении и в польских делах. Когда же распался Ганноверский союз, Россия активно пошла на сближение с Англией: в 1734 году в Петербурге с нею был заключен договор о ”дружбе, взаимной коммерции и навигации”. Договор стал исходной точкой разрядки напряженности на Балтике и способствовал улучшению отношений России с Данией и Швецией. Международный авторитет страны вырос еще больше благодаря ее успешным действиям в войне за ”польское наследство” и победе на выборах саксонского курфюрста Фридриха Августа, кандидатуру которого выдвинули Россия и Австрия.

С позиций сегодняшних знаний иными, нежели казались Соловьеву, представляются и побудительные мотивы России к началу вооруженной борьбы с Турцией. На воснный конфликт русское правительство толкало не столько желание ”занять нацию чем-нибудь внешним... и напугать турок”, сколько крайне агрессивная политика Порты в Прикаспии и сопротивление окончательному воссоединению русского и украинского народов. Причины того, что война с Турцией не завершилась желаемыми результатами, крылись не только в ошибках русского командования, но и во внешних факторах. На исходе войны сказались ограничительная политика Франции, направленная на сдерживание активности России, преждевременный выход из войны Австрии. Тем не менее война не была безрезультатной, как думал Соловьев. Белградский мир 1739 года позволил России несколько продвинуть свои южные границы и ослабить на время напряженность в отношениях с Турцией⁶.

В изображении Соловьева смерть Анны Иоанновны в 1740 году послужила полной дезорганизации в правительственном лагере. Одна клика иностранных авантюристов сменяла другую. В ночь на 7 ноября 1740 года герцог Э. Бирон, оказавшийся фактическим распорядителем высшей власти, был свергнут. На новом витке политической борьбы главенствующая роль перешла к Б. К. Миниху, А. И. Остерману, имевшим неограниченное влияние на правительницу Анну Леопольдовну. По мере того как росли неразбериха и произвол в высших эшелонах, усиливалось брожение в народе.

В такой ситуации почти ностальгическими становились воспоминания о Петре I. Благодарная память о царе-преобразователе обеспечила успех его дочери, с которой в народе связывались надежды на возрождение петровского курса внутренней и внешней политики. С. М. Со-

ловьев подчеркивал, что имя Елизаветы Петровны в тот период было символом национального патриотического движения. На этом основании переворот 25 ноября 1741 года, приведший ее к власти, ученый расценивал как дело народа, осуществленное руками гвардейцев.

На деле же, несмотря на общественное сочувствие дочери Петра I, переворот 1741 года носил такой же верхушечный характер, как и предшествовавшие. Социальная опора Елизаветы Петровны была довольно узкой: ей оказали поддержку только гвардейские низы, укомплектованные главным образом выходцами из податных сословий, близких к простым жителям Петербурга. Столичное дворянство и верхи гвардии поначалу оказали сдержанный прием новой государыне.

Соловьев в высшей степени одобрительно отзывался о программе и практических делах нового правительства, возможно, даже чересчур идеализировал дочь Петра. Его подкупало намерение Елизаветы восстановить петровские принципы управления государством, решительно взятый курс на русификацию административного звена и сфер культуры. Не менее значительными представлялись ему попечения новой власти о гуманизации судопроизводства, в частности отказ от смертной казни. Стремление к смягчению нравов подданных, по его мнению, выгодно характеризовало политический режим 40—50-х годов. Возрождение традиций Петра не замедлило отразиться на состоянии наук и просвещения. Из обзора научной жизни и школьного дела в 40—50-х годах Соловьев делал вывод: "...умственные интересы начинают находить более доступа в обществе". В заслугу наследнице Петра ставились высвобождение русских людей из-под ферулы иностранных авторитетов, подготовленная М. В. Ломоносовым реформа русского языка, усовершенствование системы стихосложения, успехи в изучении природных богатств России.

Между тем от Елизаветы Петровны ждали не только и не столько изгнания иностранцев из руководства страной, сколько неотложного решения насущных задач хозяйственной и политической жизни. В картине, представленной Соловьевым в двадцать первом—двадцать четвертом томах "Истории России", довольно точно указывалось на эти, наиболее запущенные части наследства нового правительства: финансы, состояние которых внушало иностранным дипломатам мысль "о слабости этой державы", вялая торгово-промышленная деятельность, массовое бегство крепостных, приписных и посессионных крестьян. Соловьев пытался доказать, что правительство старалось воздействовать на ситуацию, ссылаясь при этом на упразднение Доимочной канцелярии, уменьшение податного сбора на 10 копеек с души в 1742 и 1743 годах, некоторые меры, возбуждавшие промышленное предпринимательство в стране. Однако сам фактический материал, иллюстрирующий все то же расстроенное состояние хозяйства и финансов к концу елизаветинского правления, свидетельствовал о малой результативности правительственного вмешательства.

При ближайшем рассмотрении в действиях Елизаветы Петровны обнаруживалось следование не столько духу, сколько букве установок Петра I. Подражательская зависимость лишала ее политику необходимого динамизма. "Сколько бы мы ни вчитывались в изданные в 40-е годы XVIII века законы, — замечает современный исследователь, — мы не найдем в них свежих идей, позволяющих утверждать о целенаправленности и оригинальности внутренней политики правительства"⁷.

То же самое наблюдалось и во внешней политике. На международные позиции России того времени оказало влияние появление сильного милитаристского государства, быстро расширявшегося за счет захвата чужих территорий, — Пруссии. Из новой, опасной для России расстановки сил в Европе вытекали и главные цели ее внешней политики: остановить хищнические устремления Фридриха II и отстоять завоевания Петра I, добытые в Северной войне. Оценивая правительственные усилия в этих вопросах, Соловьев был вынужден признать нерешительность действий и замедленность реакции верхов на международную обстановку.

Важнейшее место в изысканиях Соловьева занимало царствование Екатерины II — ему посвящены девятнадцатый—двадцать девятый тома "Истории России", серия статей и заметок. В 70-е годы, когда они выходили, печать после длительного вынужденного молчания вознаграждала читателей выплеском блестящих публикаций: материалы в "Чтениях Общества истории и древностей российских" при Московском университете, сборниках "Русского исторического общества", книгах "Оснадцатый век", издававшихся П. И. Бартеневым, многочисленные заметки и публикации источников, рассыпанные по русской исторической периодике, создавали определенную документальную базу для исследователя. Но все же главные труды дореволюционной историографии о времени Екатерины II, принадлежавшие А. Г. Брикнеру и В. А. Бильбасову, еще не были написаны. Значительную часть источников С. М. Соловьеву по-прежнему приходилось извлекать из архивных фондов. Были и другие трудности. Вокруг имени Екатерины II в официальной историографии сложился почти такой же культ, как и вокруг имени Петра I. Однако если это обстоятельство не мешало Соловьеву при изображении петровской деятельности, то при описании екатерининской сковывало. Его оценка екатерининского правления была много сложнее и критичнее, чем то допускала массовая подцензурная печать. Приходилось прибегать к приемам "эзоповой речи".

Уже в описании переворота 28 июня 1762 года и первых политических шагов Екатерины II выявлялось скрытое содержание его характеристик. На первый взгляд события, приведшие супругу императора Петра III к власти, преподносились автором как поворотный момент всей истории второй половины XVIII столетия. Освещение короткого правления Петра III было направлено на историческое обоснование зреющей антиправительственной оппозиции. Описание общественного

брожения напоминало ситуацию конца XVII века, служившую прологом преобразований первой четверти XVIII века. Как и на рубеже XVII—XVIII веков, в начале 60-х годов умами завладела мысль о необходимости радикальных изменений. Вновь Соловьев указывал на два возможных выхода из создавшегося положения: продолжение упадка и застоя, неминуемые при Петре III и его голштинском окружении, и перемены к лучшему в случае прихода к власти Екатерины Алексеевны⁸.

Переписка Екатерины II с западноевропейскими друзьями-философами, Манифест 6 июля 1762 года, объявление о Вольном экономическом обществе, составление "Наказа" Уложенной комиссии в рассказе Соловьева как будто бы органично сочетались с ожиданиями новой эры в России. Однако вторгавшаяся в истолкование этих фактов оговорка об особо острой зависимости новой правительницы от общественного мнения перечеркивала первоначальное впечатление: значение программных документов оказывалось сниженным до простого тактического хода. Соловьев опровергал утверждение Екатерины II, сделанное в 1767 году, об отсутствии жалоб населения на действия местных властей⁹. В противовес официальному заключению об удовлетворительном состоянии судопроизводства в стране Соловьев приводил обширный материал, характеризовавший его крайне запущенное состояние. ("При слове "суд" вздрагивал русский человек XVIII в.", — писал историк¹⁰.)

Итак, завязка и развязка темы в "Истории России" строились на определенном контрасте, благодаря чему удавалось наглядно показать разрыв между словом и делом императрицы. Отметим, что тот же прием был позднее применен В. О. Ключевским. Давая заведомо завышенную оценку Манифеста 6 июля 1762 года (в нем он находил подобие конституционной программы), Ключевский, как и Соловьев, затем с беспощадной реалистичностью воссоздавал подлинный курс правительства, не имевший ничего общего с заявлениями манифеста¹¹.

Не скрыл Соловьев и заметного ухудшения в положении крестьян во второй половине XVIII века. Он признавал: зависимость крестьян от помещиков достигла предельной степени. Правда, автор пытался ослабить тягостное впечатление от картины и утверждал: преступления помещиков не укрывались от всевидящего государева ока, карались. Впрочем, такая оговорка повисала в воздухе.

В отличие от ряда буржуазных историков, считавших, что ужесточить крепостной режим Екатерину II вынудила пугачевщина, Соловьев давал понять, что принципы императрицы определились задолго до крестьянской войны. Упомянув об указах 1765 и 1767 годов, разрешавших помещику посылать крестьян на каторжные работы за "предрезостные поступки" и лишавших крестьян права жаловаться на господ, Соловьев прозрачно намекал на авторство Екатерины II¹².

Екатерининской системой, как полагал историк, были задавлены ростки новых, более гуманных отношений в обществе, взошедшие на русской почве благодаря стараниям Петра I. Политика Петра, побуждавшая всех и каждого в отдельности служить "государственному интересу", разрушала устой вотчинной психологии. Мало-помалу, высшим сословием овладевала идея государственного подданства, уничтожались пережитки родового быта. Манифест Петра III о свободе дворянства от обязательной государственной службы, подтвержденный Екатериной II, а также ее указы, расширившие власть помещика над крестьянами, по мнению Соловьева, нанесли сокрушительный удар по этим положительным процессам. Результаты этих мер не замедлили сказаться на снижении прироста народонаселения. На это последствие он обращал особенное внимание. В буржуазной социологии XIX века изучение динамики роста населения до известной степени подменяло собой анализ производительных сил общества, проводившийся марксистской социологией¹³. В частности, и Соловьев в "Записках" признавал: из-за недостаточной плотности населения, особенно северных губерний, Россия "не доросла до освобождения труда" и в XIX веке¹⁴.

Существенный порок деятельности Екатерины II — пренебрежение нуждами среднего сословия. В его слабости, беспомощности, стремлении правдами и неправдами проникнуть в ряды дворянства историк усматривал тревожный признак нарушения "органического" общественного развития. Правительство, не проявившее должной чуткости к потребностям этого слоя, закрепило губительный перекос в общественных отношениях. Общим итогом внутренней политики Екатерины II, с точки зрения Соловьева, явилась консервация крепостного права, а в более широком плане — задержка исторического развития страны.

Не в меньшей степени, чем сословные отношения, Соловьева привлекали искания передовых русских людей. Источником формирования русской общественной мысли Нового времени, согласно его взгляду, был переворот в первой четверти XVIII века — он поставил русское общество лицом к Западу и сделал взаимодействие с западной культурой пружиной духовного развития русских людей.

Какой же ответный отклик вызывали у образованной публики в России идеи Локка, Кондильяка, Таланда, Тиндаля, Воластона, Мандевиля, Гиббона, Вольтера, Монтескье, Руссо, Гельвеция, Гольбаха, Дидро, д'Аламбера, которым Соловьев приписывал немаловажную роль в сокрушении старого режима во Франции? (В лекционных курсах, где он определеннее выражал свои мысли, чем в научных трудах, Соловьев говорил о "теоретической выработке" французской революции, противопоставляя ей в этом отношении русский переворот начала XVIII века¹⁵.) В противоположность Франции, где передовые идеи расшатывали социальные и политические устои, в России, как полагал ученый, они были лишены какой-либо реальной власти над

событиями. Этот вывод сам собой следовал из его рассуждений о западывающем — сравнительно с западноевропейским — развитии русского общества. (Преодоление данного разрыва и составляло, по его убеждению, основное содержание общественного развития в России с XVIII по середину XIX века. Этот взгляд объяснял параллель русской пореформенной действительности с периодом конца XVIII века во Франции).

Отрицая какое бы то ни было влияние идей французской революции на основы русской жизни, Соловьев исходил из оценки того уровня, на котором находилась Россия: отсутствия сил, способных принять эти идеи за руководство к действию. Ему представлялась бессмысленной система мер против революционных веяний с Запада, создававшаяся Екатериной II, Павлом I и Николаем I. В "Записках" историк обращал внимание на то, что со времени подключения России к европейской жизни курс русского правительства воплощал в себе реакцию на революционные движения Запада. За революционными потрясениями в европейских странах в России обычно следовала волна репрессий и гонений на все передовое. В этих действиях, по убеждению историка, проявлялось извращенное представление "верхов" об умоначертании народа¹⁶.

Совершенной нелепостью представлялись Соловьеву павловские запреты на ношение круглых шляп, выезды за границу¹⁷. Очевидно, эта оценка распространялась и на предшествующие правительственные меры, о которых он упоминал и в других работах (запрет на французские книги и журналы, закрытие русских границ для французских граждан, кроме политических эмигрантов, насильственное обращение в "роялистов" проживавших в России французов)¹⁸.

Правительство, прибегавшее к запретительным мерам для противодействия крамоле, по его мнению, расписывалось в собственном бессилии. Преследования оппозиционных элементов всегда только возбуждали сочувствие к ним и усиливали непопулярность самого правительства¹⁹. В очерковой главе двадцать пятого тома "Истории России", посвященной культуре и просвещению второй половины XVIII века, эта мысль формально относилась к действиям французских монархов. Однако принцип двустороннего освещения, лежавший в основе очерка, допускал и более широкое толкование. Соловьев, бесспорно, осуждал расправу Екатерины II с Новиковым и Радищевым, подобно тому как он был возмущен арестом Чернышевского в 1862 году.

Вместе с тем было бы неверно принимать его критику правительственного террора по отношению к революционному движению за выражение сочувствия идеям этого движения. В основе критики — совсем другие мотивы. Во-первых, протест против преследования людей за исповедуемые ими идеи. "По честному побуждению нужно всегда действовать в пользу обвиненного" — этот принцип был сформулирован Соловьевым в связи с делом Н. И. Новикова, общественно-полити-

ческие взгляды которого были ему совершенно чужды²⁰. Во-вторых, в прецедентах с Новиковым, Радищевым, Чернышевским он усматривал другой губительный для правительства порок — непоследовательность в проведении собственной же линии. Об этом он писал в "Записках". В начале царствования русские "благочестивейшие и самодержавнейшие папаши и мамыши", как правило, не жалели сил и средств для просвещения подданных, а потом сами же яростно уничтожали плоды, которые принесли эти усилия. "Уже мудрая мамаша Екатерина II, которая писала такие прекрасные правила для воспитания граждан, на старости лет заметила вредные следствия своих уроков и сильно гневалась на непокорных детей, заразившихся правилами так любимых ею прежде учителей. Благодушный Александр I всю свою жизнь тосковал и жаловался на непокорность и неблагодарность детей, о благе которых он так заботился и даже хотел их выпустить на волю — под надзором Аракчеева"²¹.

Из перепадов в правительственном курсе, как думал Соловьев, выросло и дело Н. Г. Чернышевского. Его-то, полагал историк, изолировали от общества исключительно за подцензурную деятельность, поначалу вызванную к жизни правительственными послаблениями²². В расправе над Чернышевским со всей очевидностью проявилась неспособность правительства длительное время удерживаться на либеральных позициях.

С теми же мерками Соловьев подходил и к выступлениям Н. И. Новикова и А. Н. Радищева. В поощрительном отношении императрицы к гражданской активности в начале и в подавлении свободомыслия в конце царствования историк усматривал чудовищный выверт; в нем видел истоки глубокого конфликта между верховной властью и мыслящей частью русского общества.

Итак, по мнению историка, появление политического радикализма в общественном движении России во второй половине XVIII века, с одной стороны, было порождением колебаний в правительственном курсе, а с другой — следствием неразвитости русской общественной мысли. Общественное сознание екатерининской эпохи было не только не способно к выработке самобытной революционной идеологии, но и не располагало средствами для вдумчивого критического восприятия революционного учения Запада. Именно под этим углом зрения Соловьев освещал деятельность Новикова: "...Новиков был обманут, увлечен, что в России случалось еще легче, чем где-либо в другом государстве. Те, которые казались тогда образованными, учеными, были полуобразованными, полуучеными, а в этом состоянии общество всегда более способно к увлечениям"²³.

Неглубокое усвоение революционных учений Запада и попытка применить их в России, по мнению Соловьева, составляли основное содержание деятельности Радищева и его сподвижников, движения декабристов. Таким образом, вся революционная традиция конца

XVIII и первой четверти XIX века преподносилась как привнесенное явление, чуждое органическому развитию России. Устраняя из общественной мысли ее революционное ядро, Соловьев пытался представить историю как борьбу двух начал — русофильско-патриотического и западническо-космополитического. Отношение к западной культуре и насаждению ее в России составляло главный предмет расхождений между направлениями русской общественной мысли. На одном полюсе он помещал имена М. В. Ломоносова, Д. И. Фонвизина, А. П. Сумарокова, И. Н. Болтина, С. А. Порошина (воспитателя цесаревича Павла Петровича), а на другом — В. Н. Татищева, И. И. Бецкого, М. М. Щербатова, Н. И. Новикова, А. Н. Радищева.

Соловьевская трактовка истории общественной мысли оказала влияние на последующую разработку этой темы буржуазными историками. Определенная переключка с его идеями прослеживается и в штудиях П. Н. Милюкова. Повторяя Соловьева, он выносил за скобку в общественном развитии революционную мысль. Подобно Соловьеву, он придерживался мнения, что именно деспотизм Екатерины II привел к закреплению чужеродного для России революционно-критического направления²⁴.

Экскурс во вторую половину XVIII и начало XIX века позволял Соловьеву показать предысторию тех вопросов, которые будоражили русскую общественность в 60—70-е годы XIX века. Борьба русской дипломатии за отмену ограничительных условий Парижского мира, русско-турецкая война 1877—1878 годов, оформление Союза трех императоров вызывали в памяти целые страницы царствования Екатерины II и ее внука: русско-турецкие войны XVIII века, разделы Речи Посполитой, решение судьбы Варшавского герцогства, попытки помощи поработенным грекам и славянам, сложную дипломатическую игру русских государей. Откликаясь на общественный запрос, Соловьев написал серию работ.

В 1863 году Российскую империю потрясло польское восстание. Охватив практически все польское население державы, распространившись на территорию Литвы и Белоруссии, оно ставило цели возрождения польского государства. Успеху восстания помешал раскол участников на "красных", объединявших революционно-демократические силы, и "белых" — буржуазно-шляхетскую группировку. Взявшие верх в руководстве движением "белые" встали на авантюрный путь. Выдвинутые ими лозунги восстановления суверенной Польши в границах 1772 года, откровенные попытки спровоцировать выступление западных держав против России, националистическая истерия больно ударили по движению. Ошибки руководителей оттолкнули от восстания многих потенциальных его участников и возможных союзников среди оппозиционных течений в России²⁵.

В поддержку польских патриотов выступила только российская революционная демократия. Приветствуя порывы поляков к свободе, А. И. Герцен заявлял о своей солидарности с ними: "Мы с Польшей, потому что мы за Россию... Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками потому, что одна цепь сковывает нас обоих"²⁶. Впоследствии В. И. Ленин писал, что "Герцен спас честь русской демократии"²⁷.

Реакция подавляющего большинства русских людей служила наглядным доказательством того, как один национализм порождал другой. На защиту "русских государственных интересов" поднялись представители разных политических кругов, лица разных убеждений и темперамента. Нераспорядительностью властей в усмирении восставших возмущались Ф. И. Тютчев, А. В. Никитенко, М. П. Погодин, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, И. С. Аксаков, А. И. Кошелёв, А. А. Фет, И. С. Тургенев²⁸. Если до восстания отдельные представители либерального течения были не прочь порассуждать о независимости Польши, то после 1863 года даже теоретическая постановка такого вопроса отменялась²⁹.

Поставленный восстанием 1863—1864 годов вопрос о единстве империи касался не только целостности ее территории, но и сохранения в неприкосновенности социально-политического строя. Движение, в котором борьба за политическую независимость и национальное самоопределение во многих случаях переплеталась с социальным протестом поработенных масс, не на шутку встревожило господствующие классы России. Начавшееся пробуждение национальной жизни угнетенных народов создавало серьезную угрозу спокойному существованию привилегированных слоев. Именно об этой угрозе предупреждал С. М. Соловьев в своих работах. Мысль об одновременности отпадения от российского самодержавия собранных под его скипетром народов и его собственного краха проходила через всю статью "Восточный вопрос". Приводя слова французского министра А. Тьера, историк призывал проникнуться их пророческим смыслом: "Россию можно побороть только революциями, когда ее раздробят"³⁰. Следуя этой точке зрения, Соловьев подходил к борьбе за удержание Польши в составе России как к борьбе за незыблемость великодержавно-монархических устоев.

Отрыв Польши от России, по его мнению, был бы чреват не только "цепной реакцией" со стороны других национальных окраин, но и опасным приближением России к источникам революционных брожений на Западе. Если Польша выходила из-под власти русских императоров, Россия лишалась важного форпоста, предохранявшего ее от вторжения революционных вихрей с Запада. Наконец, реставрация былой, старой Польши привела бы к образованию враждебного мариносточного государства на границах с Россией. Потому-то в одном из своих учебных пособий — "Курсе новой истории" — он поднимал

вопрос о выгодах и невыгодах слабых соседей. Историк решительно возражал Ш. Монтескье, который высказывался в пользу слабого соседа. С точки зрения Соловьева, государство, клонящееся к упадку, притягивая к себе хищные взоры соседних государств, "становится предлогом постоянной борьбы между ними", "его слабость уничтожается пространство, разделяющее сильные государства, по его поводу они приходят в постоянные столкновения друг с другом"³¹. Подыгрывая стремлениям Польши к политическому суверенитету, европейские державы вряд ли бы стали считаться с волей польского народа в другой ситуации. В этом, как полагал историк, убеждал весь исторический опыт отношений Польши с западными странами. Такую мысль он основательно развил в статье "Еще заметка о Наполеоне I и Польше"³² — статья была опубликована в феврале 1863 года, в разгар восстания.

Доказывая целесообразность принадлежности Польши к России, Соловьев искренне верил: таков приговор истории. В "Истории России" на конкретных фактах он показал агрессивный характер польской политики в отношении русских земель — от татаро-монгольского нашествия до заключения "Вечного мира" с Речью Посполитой в 1686 году. Захватническая политика Польши препятствовала объединению русских земель, получению Россией выхода к морю, сдерживала ее экономический рост, затрудняла борьбу с Турцией и Крымским ханством. С негодованием Соловьев писал о тех притеснениях, которым подвергалось православное население Украины и Белоруссии в католической Речи Посполитой. Из всей совокупности этих факторов выростали труднопреодолимые расхождения между народами двух пограничных государств.

Противоречия между Россией и Польшей в области религии и внешней политики дополнялись расхождениями в социально-политической организации. Этому Соловьев уделил чрезвычайно большое внимание, особенно в монографии "История падения Польши" (1863 г.). Политическая гибель целого государства преподносилась им как закономерное следствие того, что в нем "в продолжение веков народ молчал и шумел лишь один шляхетский сейм"³³. На польской шляхте — силе, по своей разрушительной природе равнозначной татарской орде — как небезосновательно полагал историк, — лежала главная историческая ответственность за развал и дезорганизацию в государстве³⁴.

Разлагающееся польское общество XVIII в. Соловьев рисовал как простейшую организацию с делением на "мужей" и "мужиков". В польском обществе отсутствовали предпосылки оформления национальной буржуазии. Напротив, белорусская и украинская народность при благоприятных условиях выделили передовой сословный элемент, доказавший свою жизнестойкость в схватке с превосходящими силами магнатско-католической Польши. С учетом этого различия

полное воссоединение Украины и Белоруссии с Россией Соловьев изображал как мирный отход, к которому неуклонно вел их все нараставший разрыв с исконно польскими землями. Революционно-демократической трактовке разделов Польши как волевых актов царизма и европейского абсолютизма Соловьев противопоставил версию трех последовательных ступеней ее самопроизвольного распада. Обращаясь к истории Польши накануне ее разделов, он отрицал всякую возможность поправить положение дел в стране: "Пораженное неизлечимой болезнью общественное тело было способно только к судорожному предсмертному движению"³⁵. Более того, в самом силовом методе действий русского посланника в Польше князя Н. В. Репнина он усматривал единственно возможный в тех условиях способ сдержать на время разложение государства. Несомненно, оправдание репинской линии в польских событиях конца XVIII века в 1863 году истолковывалось и как одобрение кровавой миссии другого царского сатрапа — Муравьева-вешателя. Историческая концепция падения Польши, изложенная Соловьевым в 1863 году, служила интересам той наиболее воинственной части русской публики, которая выступала с требованиями длительной военной диктатуры в Польше и насильственной русификации края. Не исключено, что некий демонстративный характер в этом плане имела публикация статьи Соловьева "Еще заметка о Наполеоне I и Польше" на страницах "Московских ведомостей". Руководимый М. Н. Катковым, этот печатный орган выступал глашатаем крайних мер в борьбе с польским восстанием. В ряде случаев требования "завинчивания гаек", исходившие от "Московских ведомостей", были правее установок некоторых правительственных группировок³⁶. Предпочтение, оказанное Соловьевым во время польских событий "Московским ведомостям", вопреки личной неприязни к редактору газеты, выглядело как заявление о поддержке им катковской линии.

В томах "Истории России", писавшихся тогда, когда страсти вокруг польской проблемы уже несколько утихли, акценты были расставлены несколько иначе, чем в "Истории падения Польши". Здесь тема раскрывалась главным образом в разрезе истории международных отношений. Соловьев подчеркивал, что ни вооруженная борьба с Польшей, ни тем более расчленение ее территории не предусматривались внешнеполитической программой России. Отношение России к слабющему соседу определялось замыслом создания Северного союза государств, к которому наряду с Данией, Пруссией и Англией предполагалось привлечь и Польшу. В этой связи необходимо отметить, что в "Истории России" Соловьев отступал от фатальной точки зрения на падение Польши и указывал на спасительный шанс, предложенный ей Россией. Подчеркивая заинтересованность России в сохранении суверенитета Польши, историк порывал и с нигилистической оценкой преобразовательных планов польских патриотов. И если

Польша входила в союз (Северный аккорд. — *И. В.*)... то "почему ж не дать ей возможности выйти из анархии и усилиться", — замечал он³⁷.

Причину того, что на практике дело приняло нежелательный для поляков оборот, Соловьев видел в неосмотрительной, антирусской позиции магнатской верхушки Польши. Принимая в 1772 году предложение Фридриха II о разделе Польши, русское правительство попросту умывало руки. В "Истории России" Соловьев не затушевывал истинного смысла раздела Польши как сделки между великими державами: Россия поддерживала притязания Австрии и Пруссии на польские земли, а взамен получала столь нужный ей нейтралитет этих государств в своем споре с Османской империей.

Как в целом следует оценить результаты изысканий Соловьева по истории Польши и русско-польским отношениям в XVIII веке? Во-первых, эти изыскания вышли далеко за пределы, очерченные их тематикой. История общественного строя и государственности Польши периода ее упадка служила в его исследованиях своеобразной лабораторией отрицательного опыта. Используя пример Польши, где шляхетское сословие перевешивало все остальные, Соловьев призывал правящие круги России поддержать нарождавшуюся отечественную буржуазию.

Во-вторых, на соловьевских изысканиях по польской проблематике лежал более чем заметный отпечаток великодержавного, "имперского" подхода к прошлому, настоящему и будущему России. Впрочем, здесь Соловьев не был каким-то исключением в ученом мире России — таков был стиль всей официальной полонистики вплоть до 80-х годов XIX века³⁸. Уроки многовектовой истории русско-польских отношений, по мнению историка, следовало помнить и в XIX веке, когда эти отношения стали вопросом внутренней жизни Российской империи. С учетом всей важности этой проблематики он не выпускал ее из поля зрения, занимаясь историей XIX столетия. Так, он дал подробное освещение восстанию в Польше в 1830—1831 годах. Этой теме была посвящена завершающая лекция курса Соловьева о революционной эпохе во Франции, прочитанного им в 1863—1864 годах в Московском университете.

Как и другие работы Соловьева, лекцию о польском восстании отличал разносторонний подход к теме. В ней нашли отражение и международная обстановка, и революционное движение на Западе, и внутренняя политика русского правительства. На широкой исторической основе Соловьев пытался выявить новые оттенки и формы проявления польской проблемы в новейшую эпоху. По его мнению, в XIX веке obstructивные действия западных держав по отношению к России уступили место поддержке всяких "положительных" инициатив русского правительства в польском вопросе. В 1815 году с благословения западных правительств Царству Польскому была предоставлена известная политическая и национальная автономия, закрепленная

конституцией. Царство Польское получило свою небольшую армию, правительство и сейм. В одобрении этих уступок западными правительствами Соловьев замечал коварный расчет на внутренний подрыв России, не разгаданный, однако, Александром I. В монографии об Александре I историк приводил мнение прусского министра Гарденберга о пагубности сочетания конституционных и абсолютистских начал в характере власти русских царей. Такое сочетание, по мнению Гарденберга, с которым соглашался Соловьев, несло в себе зародыш смуты в государстве.

Выкладки европейских дипломатов Соловьев дополнял собственным суждением о новом политическом устройстве Польши как источнике революционных брожений в масштабах империи. Вся его лекция была построена таким образом, чтобы служить конкретным подтверждением идеи о революционных движениях как неизбежных "спутниках" представительных учреждений, а также о негодности парламентской системы для народов России.

Как освещением революционной эпохи во Франции, так и освещением подготовки восстания в Польше Соловьев стремился предостеречь против такой расстановки сил в стране, когда правительство "принимает характер партии, и партии далеко не популярной"³⁹. В лекционном курсе он замечал: созывая Генеральные штаты в обстановке нарастающего кризиса, Людовик XVI "думал, что тут-то начинается блаженство для народа, и удивился, увидев, что тут-то и начались все беды"⁴⁰. С аналогичными мерками историк подходил и к "либеральным" акциям Александра I в польском вопросе. Конституционные порядки Царства Польского стали лишь основой для оживления темных сил нации. Сейм превратился в цитадель крамолы⁴¹.

Соловьев критиковал все поведение царской администрации с момента образования Царства Польского. В вину ей он ставил "герпимое" отношение к антирусскому, шляхетско-националистическому направлению в системе общественного воспитания. Ошибкой считал кассацию Сенатом обвинительного заключения смешанной русско-польской комиссии по делу сносившихся с декабристами членов Патриотического польского общества⁴².

Само восстание 1830—1831 гг. представлялось Соловьеву проявлением бунтарского духа, распяемого западной антирусской пропагандой. Конечной целью всех оппозиционных сил в Польше он объявлял восстановление Речи Посполитой в ее предельных исторических границах. Разграничение между консервативным и республиканско-демократическим направлениями рассматривалось в лекции лишь через способы действий: аристократическая партия строила тактическую линию с учетом внешней обстановки ("действовала тихо, ожидая удобного случая, когда Россия будет вовлечена в опасную войну"⁴³), а демократическая — придерживалась плана немедленного наступле-

тельного действия ("Лелевель твердил, что надобно двинуться в Литву". "Революция не может защищаться, она должна нападать, иначе потеряет всякую силу"⁴⁴).

В сатирической манере в лекции были набросаны портреты виднейших участников польского национально-освободительного движения. Язвительный тон преобладал в характеристике И. Лелевеля, выдающегося мыслителя, кумира польской молодежи: "Лелевель без храбрости: без дара слова, робкий, скрытный, Робеспьер бледный, всегда с потупленными глазами"⁴⁵. Соловьев пытался опорочить и других деятелей радикального крыла повстанцев: М. Мохнацкого, Кс. Брониковского, Л. Набеляка. Он выставлял их главными виновниками обрушившихся на Польшу после 1830 года бед.

Тенденциозно освещалась и международный фон восстания. Степень враждебности европейских держав к России в этих событиях явно завышалась. Вопреки заявленной позиции невмешательства, Франция усиленно плела интриги против России. Обобщая традиции французской политики в Польше, Соловьев высказывал соображение о неизбежности острых столкновений Франции с Россией в данном регионе: "Франция, чтоб быть последовательною... должна будет всегда стоять за польское восстание, следовательно, будет всегда высказываться против России"⁴⁶. В действительности Франция, только что пережившая июльскую революцию, не решалась в 1830 году на поддержку восстания и придерживалась общей для европейских государств легитимной линии в польском вопросе⁴⁷.

Лекция о восстании 1830—1831 годов в Польше, прочитанная Соловьевым в 1864 году, входила в круг публицистических выступлений по польскому вопросу. По сравнению с академическим сочинением "История падения Польши" в лекции более откровенно выражалась непримиримость к целям польского национально-освободительного движения. В очередной раз Соловьев заявлял о себе как о стороннике неограниченной самодержавной власти, проводящей сугубо национальную политику, как о противнике конституционного строя, по крайней мере на ближайшее будущее для России и подвластных ей народов.

Не меньше, чем польский вопрос в 60—70-е годы XIX века, Соловьева тревожили славянские дела. К славянам (за исключением поляков, отделившихся, по его мнению, от всего славянского мира) он относился с неизменным чувством "родственной" симпатии. После того как в начале 40-х годов судьба свела его с деятелями чешского Возрождения, сердце его навсегда было отдано порабощенным братьям, страстно стремившимся обрести свободу. Вместе с другими друзьями славянства Соловьев неотрывно следил за развитием национально-освободительной борьбы славян в Австрийской и Османской

империях, радовался ее успехам, беспокоился за будущее братских народов.

В ту пору российская общественность переживала новую волну интереса к этим народам. Ширилась инициатива в их поддержку. В 1857 году в Москве был основан Славянский благотворительный комитет, а через несколько лет подобные организации существовали уже во всех крупных городах России⁴⁸. Членом Московского комитета был и С. М. Соловьев. Несмотря на многообещающее начало, деятельность комитетов протекала трудно. Плодотворной работе препятствовали и скудные материальные ресурсы, и отсутствие прочной базы в славянских землях. К тому же многим пришлось не по душе благотворительно-просветительский и церковный уклон в работе комитетов. Все это привело к тому, что многие подписавшие прошение о создании Московского комитета порвали с ним связь. Разочаровавшись в такой форме помощи славянам, от Московского комитета откололась группа профессоров Московского университета. Среди немногих, кто сохранил связь с комитетом, был С. М. Соловьев. Человек небогатый, он не делал крупных вкладов в комитетскую казну. Однако аккуратно вносил взносы, часто жертвовал собственные сочинения для славянских библиотек⁴⁹. На протяжении двух с лишним десятилетий Соловьев оставался в рядах участников общественных кампаний в поддержку славян.

Одно из крупных событий в истории русско-славянских контактов в 60—70-х годах XIX века — славянский съезд в Москве, приуроченный к открытию Этнографической выставки 1867 г. Подготовка съезда проходила в сложной международной обстановке, отмеченной подъемом славянского движения в империи Габсбургов. Напряженность привносили дипломатические попытки России помочь становлению первого Балканского союза (из Сербии, Черногории, Греции, с возможным подключением к нему румынских княжеств), разрабатывавшего антитурецкие планы.

С другой стороны, любой австрийский подданный, дерзнувший принять участие в славянском съезде, на родине объявлялся государственным изменником⁵⁰. Националистические круги в Германии использовали сам прецедент съезда для искусственного раздувания "русской угрозы": Россия, мол, может воспользоваться движением славянских народов в агрессивных целях. К этой кампании примкнули и польские эмигрантские круги на Западе.

В России эта кампания встретила ответную эмоциональную реакцию — она рядилась в идеологическую форму противопоставления России и Запада. Определенную дань этому настрою отдал и С. М. Соловьев. В самый канун съезда он обратился к русской исторической науке с призывом указать, "где свои и где чужие, где друзья и где враги"⁵¹. Ученый также выступил против одного из постулатов пангерманской пропаганды о якобы извечной агрессивности России по от-

ношению к Западу и о ее широких экспансионистских замыслах, ведущих будто бы начало еще с Петра I⁵².

Эти же мотивы явственно прозвучали и в речи, произнесенной Соловьевым на славянском съезде. Его слова, адресованные участникам съезда, заслуживают внимания, поскольку в них были намечены контуры программы славянской взаимности: "...славянское движение день ото дня все более и более возбуждает внимание народов Западной Европы, но они смотрят на него неприязненно, с опасением. Их совесть не чиста, на их душе есть грех перед славянами; они боятся, чтоб славяне, соединившись, не отомстили им за тяжкие обиды, не приняли против них наступательного движения. Но мы, славяне, иначе сознаем свое призвание: недаром история приберегла нас к Новому времени, когда европейское человечество должно действовать на иных началах, в интересах высших. Не помериться своими материальными силами хотим мы с другими племенами: мы хотим добыть себе благоприятного условия, чтоб исполнить свое назначение, сказать свое слово, внести свой вклад в сокровищницу истории; и потому я поднимаю кубок за процветание славянских средств, за процветание славянского слова, славянской науки, славянского искусства, славянской цивилизации!"⁵³ Итак, Соловьев выдвинул программу широких межславянских связей в области науки и культуры.

Выступление известного русского историка тепло встретили присутствующие. Но многих озадачило умолчание в нем острых проблем, в первую очередь восточного вопроса. Действительно, почему Соловьев не обмолвился о них ни единым словом? Причину подобной сдержанности, по-видимому, следует искать в той закулисной борьбе, которая шла среди русских участников съезда. В то время как одна группа призывала руководствоваться здравым смыслом в постановке общих — русских и славянских — задач, другая, явно опережая естественный ход событий, пыталась навязать чересчур решительные и далеко идущие планы. Кроме того, уже в ходе первых встреч выяснилось различие в понимании славянской взаимности между хозяевами и гостями съезда. Многие славянские гости — из тех, кто, презрев правительственные запреты, добрался до России, — рассчитывали здесь заручиться конкретными обещаниями военной и политической помощи своим народам. Из-за таких гостей даже мимолетное упоминание о восточном вопросе было чревато крупным недоразумением. Чтобы избежать кривотолков, Соловьев умышленно исключил из выступления ряд актуальных для славянского движения моментов. Зато в полной мере мысли и наблюдения историк выразил в научных и публицистических работах.

В этих работах он обращался к проблеме соотношения целей славянского освободительного движения и национально-государственных интересов России. Она закономерно вырастала из внешнеполитической ориентации России в 60—70-х годах XIX века. В осмыслении этой проблемы Соловьев исходил из убеждения: ни одна западноев-

ропейская держава не выступит в роли добросовестного союзника России, коль скоро дело коснется жизненно важных для нее задач. В 1876 году, обобщая опыт внешней политики России Нового времени, историк писал: "Разум нам указывает, что смелость и меры правительств, враждебных или завистливых, будут всегда в противоположном отношении к идее, которую они составят о нашем могуществе". По этим наблюдениям, сделанным в 20-е годы XIX века дипломатическим представителем России во Франции Поццо ди Борго, он полностью подписывался и еще присовокуплял от себя: "Тогда разум, а теперь опыт, и какой опыт? Вспомним Крымскую войну"⁵⁴. Таким образом, ученый выделял определяющий момент в отношениях Западной Европы к России: действия по отношению к России, продиктованные опасением ее растущей мощи, неизменно будут носить враждебный характер даже во внешне миролюбивых проявлениях. Именно так Соловьев воспринимал попытку сближения правительственных кругов России с немецкоязычными государствами, вылившуюся в 1873 году в Союз трех императоров. На материале внешней политики екатеринской эпохи Соловьев показывал издержки системы союзов с этими государствами. Вынужденный отказ России от Молдавии и Валахии, равно как и угроза потери других завоеваний России в русско-турецкой войне 1768—1774 годов вследствие прямого вмешательства Фридриха II, срыв Фокшанского и Бухарестского конгрессов, конфликт России с Портой в 1777 году (по вине Австрии) — такова была "благодарность" союзников.

В тенетах Тройственного союза, подчеркивал историк, Россия неизбежно лишалась свободы действий и поступалась своими ближайшими национальными интересами. Более подходящей для России он находил двойственную комбинацию и дипломатическую игру на межнациональных противоречиях: "...тесным союзом с Пруссией ободиночить Австрию и заставить ее согласиться на русские распоряжения относительно Турции" либо "войти в тесный союз с Австрией, ободиночить Пруссию"⁵⁵.

Отдавая предпочтение в последнем случае Австрии, Соловьев тем не менее отвергал возможность какого-либо длительного сотрудничества и с ней. Столкновения России с Австрией по вопросам распоряжения наследством "больного человека", откровенное тяготение Австрии к Пруссии в особо неблагоприятные для России периоды, по мнению историка, воздвигали непреодолимые преграды.

Об острой злободневности суждений, сделанных Соловьевым в работах по истории внешней политики екатерининского времени, свидетельствовал интерес, проявленный к ним А. М. Горчаковым. Министр иностранных дел России основательно штудировал подаренную ему автором монографию о падении Польши, особенно подолгу задерживаясь на описаниях дипломатической борьбы. (В экземпляре, направленном Горчакову, были специально отмечены места, живо перекли-

кавшиеся с современностью.) После прочтения книги Горчаков писал историку: "Век Екатерины я всегда считал блистательной эпохой России. Дипломатам наших времен ничего нельзя сказать лестнее того, что они хоть несколько приводят на память тогдашних государственных людей. Сравнение могу принять только как знак личного расположения. Излагая действия этой эпохи, Вы даете современникам полезные уроки, и в этом отношении я позволю себе считать Вас своим сотрудником"⁵⁶. Впоследствии, уже после Берлинского конгресса 1878 года, Горчаков высказывал сожаление, что не познакомился ранее с исследованием Соловьева о первой войне с турками при Екатерине II. Он допускал, что вел бы себя иначе на Берлинском конгрессе, если бы предварительно изучил работу Соловьева. Дипломатическая игра Бисмарка и австрийского императора, по словам Горчакова, во многом повторяла действия Фридриха Великого и Кауница, столь живо изображенных Соловьевым⁵⁷.

Говоря о невыгоде тесных союзнических отношений России с европейскими державами, Соловьев одновременно стремился обратить внимание на такой неиспользованный резерв русской внешней политики, как славянское движение. Практическое содействие созданию славянских национальных государств и в дальнейшем решение насущных проблем сообща с ними — такова была альтернативная концепция внешней политики России, которую выдвигал Соловьев в статье "Восточный вопрос" (1867 г.).

Стремлением опереться на освободительное движение славян в условиях внешнеполитической изоляции России после Крымской войны были отмечены настроения многих представителей либерально-буржуазных и помещичьих кругов. "Наши отношения со славянскими народами, право же, важнее наших отношений с европейскими державами и стоят того, чтобы о них серьезно заботились", — писал русский посол в Вене граф Будберг в 50-е годы⁵⁸. Голоса в поддержку славян во второй половине 60-х годов все чаще раздавались и в самых высоких сферах. Так, во всеподданнейшем отчете по Министерству иностранных дел за 1856—1866 годы была сформулирована задача ускорения развития "христианского населения в Турции, вступление которого в политическую жизнь обещает нам естественных союзников и гарантии лучшего равновесия"⁵⁹.

Горячо поддерживая все эти стремления, Соловьев напоминал о давних добрых традициях. Он указывал, что уже во второй половине XVIII века во внешнеполитических планах России предусматривалось содействие распаду Османской империи и образованию из отпавших частей национальных суверенных государств. Историк ссылаясь на план образования Дакийского государства и так называемый "греческий проект" Екатерины II⁶⁰. Сообщал, что русская императрица серьезно занималась этими вопросами и даже прочила на греческий престол своего внука великого князя Константина Павловича⁶¹. Вооб-

ще, в опыте сношений России с греками и славянами во второй половине XVIII века Соловьев находил много поучительного и для современных ему политиков. По его мнению, следовало учитывать не только положительные, но и отрицательные стороны опыта XVIII века. Так, государственные деятели того времени идилически представляли отношения России с братскими христианскими народами, недооценивали разрыв в уровне экономического и культурного развития. "Совершенно исчезал вопрос, — замечал Соловьев, — как братья по вере будут объясняться друг с другом"⁶². Но взаимопониманию препятствовало не только отсутствие такого инструмента общения, как общий язык, но и незнание обоюдных "умоначертаний". Из различия в понятии о помощи у сильного и слабого, считал Соловьев, проистекали поводы к взаимному недовольству. Дипломаты и полководцы екатерининского царствования переоценивали возможности православного населения Балкан, ориентируя его в русско-турецких войнах на массированные, согласованные с русскими войсками действия. Кроме того, во внимание не принимались местные условия.

Необходимость добиваться глубокого и всестороннего взаимопонимания — главный урок русско-турецких войн второй половины XVIII века, который Соловьев преподносил читателю конца 70-х годов XIX века. Наибольшую ответственность при этом Соловьев возлагал на Россию, которая по долгу своего патронального положения в славянском мире должна "была вооружиться педагогическим терпением"⁶³.

Принимая под свое покровительство славянские народы, Россия была обязана предоставить им возможности полноценного развития. Ученый отвергал саму мысль о каком-либо вмешательстве во внутренние дела будущих славянских государств: "Пусть живут свободно и независимо родные по вере и крови народы; пусть умножат запас новых деятелей на поприще европейской цивилизации, которая требует именно деятелей самобытных, своеобразных"⁶⁴. То были не пустые фразы. Историк требовал от своих соотечественников чуткого отношения к славянским "братьям" и тогда, когда в конце 70-х годов славянская независимость из мечты превращалась в явь. Он был категорически против навязывания молодым славянским государствам чуждых им представлений о законодательстве, суде, административном устройстве. В частности, Соловьев не скрывал своего негодования по поводу составления проекта Органического устава для Болгарского княжества силами русских чиновников. Он откровенно возмущался тем, что под сомнение в данном случае была поставлена способность самих болгар справиться с этой задачей⁶⁵.

Показателен и такой случай. В 1877 г. на одном из обедов в честь министра народного просвещения графа Д. А. Толстого последний, ссылаясь на слова государя, отозвался о бурных изьявлениях солидарности русской общественности с болгарскими патриотами как о кознях нигилистов. Невзирая на огромную разницу в служебном положении,

не задумываясь над возможными последствиями, Соловьев дал резкую отповедь своему начальнику, чудовищно извратившему суть дела. Как считал издатель и журналист П. И. Бартенев, Толстой некоторое время спустя "припомнил" подчиненному этот выпад, поощряя травлю Соловьева Катковым, Леонтьевым и Любимовым⁶⁶.

Славянская борьба за независимость, остро интересовавшая Соловьева в 70-е годы, составляла лишь часть широкого и многогранного восточного вопроса. Без преувеличения можно сказать, что этим вопросом были заполнены его мысли и переживания последнего десятилетия жизни. На узком пространстве противоборства России и Турции, по его представлению, сошлись клином древняя история России, со всем грузом ее невзгод и испытаний, и новая русская история, начавшаяся с Петра I.

Восточному вопросу Соловьев посвятил свои важнейшие работы в 60—70-х годах XIX века. Примечательно, что публикации историка по данной теме неизменно выпадали на самые критические периоды восточной политики России. В период Крымской войны им были изданы статьи: "Начало борьбы России с Турцией", "Древняя Россия". В наполненный важными событиями 1867 год (переговоры глав европейских государств по восточному вопросу, поездка султана Абдул-Азиза по Европе, составление новой программы русского правительства по восточному вопросу, проведение славянского форума в Москве) появилась статья Соловьева "Восточный вопрос". В 1876 году, в пик развития восточного кризиса, были опубликованы статьи: "Восточный вопрос 50 лет тому назад" и "Восточный вопрос в 1827, 1828 и 1829 гг.". В годы русско-турецкой войны 1877—1878 годов и в период подписания Сан-Стефанского и Берлинского трактатов им была создана итоговая обзорная работа "Начала Русской земли". В отдельный параграф под названием "Греческое восстание" эта тема была выделена в монографии "Император Александр I. Политика. Дипломатия", подготовленной в 1877 году.

В 50-е годы Соловьев подходил к изучению восточного вопроса с точки зрения извечной вражды мусульманского Востока и христианского Запада. Спор России с Азией он характеризовал как наследственное дело российских правителей со времени образования древнерусского государства. В историю этой борьбы он включал и Крымскую войну. Соловьев подводил историческое обоснование под все активные действия русского правительства в области восточного вопроса, а также подчеркивал неизбежность его обострения с ростом могущества России⁶⁷. Вместе с тем он решительно отмежевывался от пышно расцветшего в годы Крымской войны казенного патриотизма. Указывая на двоякий характер борьбы с Азией — нравственный и материальный — и признавая бесспорное превосходство нравственных сил за Россией, Соловьев недвусмысленно намекал на слабость материального фактора как причину поражения России в Крымской войне⁶⁸. Патри-

отическая патетика статьи "Древняя Россия" в тот момент придавала ей радикальный характер. Публикация Соловьева возбуждающе действовала на общественное сознание, заставляя читателей задумываться над способами преодоления внутреннего кризиса. Именно этой статьей были навеяны рассуждения К. Д. Кавелина об уроках Крымской войны, о выдвинутой ею на повестку дня капитальной "работе возрождения"⁶⁹. "Оставляя в стороне десятки самых счастливых и удачных применений к настоящей минуте, — писал по поводу статьи Соловьева Кавелин, — нельзя с любовью и счастьем не остановиться на мыслях, составляющих главу угла в Вашей статье: то, что мы не варвары и почему не варвары... А видели ли Вы, как Вам вторит в другой сфере русский поэт Некрасов в "Саше"?"⁷⁰

В течение двух десятилетий после Крымской войны Соловьев не раз обращался к истории восточного вопроса. Восточный кризис 70-х годов выдвинул данную проблематику на передний план его занятий. В 1874 году у Соловьева был готов план и черновой вариант статьи о восточном вопросе во второй половине царствования Александра I и начале царствования Николая I. (Первоначально он предполагал назвать ее "Восточный вопрос во второй четверти XIX в."⁷¹.) Предлагая эту работу издателю сборника "Древняя и новая Россия" С. Н. Шубинскому, Соловьев в 1874 году уклонялся от установления определенных сроков ее присылки ("...когда будет окончена, не знаю, сроки для меня невозможны")⁷². Отношение его к этой работе круто изменилось в 1876 году, в период развития по восходящей линии восточного кризиса. Высылая 5 января 1876 года статью, Соловьев уже торопил Шубинского с ее изданием и требовал, чтобы первая часть⁷³ появилась в печати уже к 1 февраля. По мере того как Шубинский затягивал ее публикацию, Соловьев усиливал нажим. Настойчивость он объяснял безотлагательностью дела: "...я не могу согласиться, по своим соображениям, на отсрочку напечатания моей статьи до ноября месяца... Чтобы не было недоразумений, я желаю, чтобы статья появилась 1 октября"⁷⁴.

Статья Соловьева являлась вкладом в общественную кампанию за усиление правительственной помощи восставшим народам, развернувшуюся в русской печати всех направлений⁷⁵. Предметом изучения Соловьева в данной работе была восточная политика России и влияние на нее западных стран в первой трети XIX века. В истории внешней политики России то было время, когда вооруженные столкновения с Турцией перемежались длительными мирными периодами в отношениях двух стран. Союзный договор с Турцией 1799 года, соглашения 1802 и 1805 годов доказывали способность обоих государств проявлять добрую волю в отношениях, сосуществовать без конфликтов. Та же положительная тенденция преобладала и в период действия Ункяр-Искелесийского договора в 30-е годы XIX века⁷⁶. В то же время, оберегая свою власть над зависимым христианским населением, Порта

решительно пресекала все попытки России вступить за своих обездоленных единоверцев. После оформления Священного союза, объединившего реакционные правительства для противодействия всем оппозиционным силам, позиция Турции получила правовое обоснование. В 20-е годы на этой почве возникли серьезные осложнения в русско-турецких отношениях. В 1821 году под руководством А. Ипсиланти, бывшего генерала русской службы, началось восстание греков против османского ига. Следуя букве постановлений Священного союза, Александр I, как и другие монархи, был обязан предоставить помощь турецкому правительству против его восставших подданных. Однако национальные традиции и государственные интересы России вступали в жесточайшее противоречие с этой обязанностью. Политика России отразила очень большие колебания ее руководства. Отмежевываясь от греков, Александр I постарался сразу же отделить вопрос о русско-турецких отношениях от греческого вопроса. Пути урегулирования конфликта русский царь искал в коллективных переговорах европейских держав с турецким правительством. На более решительные действия долгое время он не отваживался. Приказ о сосредоточении русских войск на турецких границах последовал только тогда, когда была исчерпана последняя возможность договориться с западными державами о совместном воздействии на турецкое правительство⁷⁷.

В представлении Соловьева, отношения России и Турции на протяжении всего рассматриваемого периода оставались столь же бескомпромиссно-враждебными, какими они были и прежде, когда могущественная Османская империя грабила и разоряла слабую Русь. Но теперь, в XIX веке, Россия располагала всеми средствами для организации действенного отпора и восстановления исторической справедливости. С точки зрения историка, всей мучительной многовековой борьбой за выживание Россия стяжала себе право без оглядки на Запад единолично решать спорные вопросы с Портой. Он решительно отвергал практику коллективных соглашений по восточному вопросу, ущемляющую интересы России.

Идеи, которые проповедовал Соловьев, не только отражали атмосферу восточного кризиса, но и являлись попыткой определенного воздействия на его развитие. Он стремился максимально расширить традиционное обоснование радикальных действий России в этом регионе и свести его к жизненно важным государственным интересам. В выдвинутой им концепции восточного вопроса преломлялись все аспекты внешней деятельности России в Новое время. Регион Ближнего Востока и Балкан превращался в его интерпретации в основную зону разрешения противоречий между Россией и европейскими державами, стремившимися к ее всемерному ослаблению. В соответствии с этим подчинение позиций Александра I в греческом вопросе англо-австрийской системе, окончательно произошедшее в 1822 году⁷⁸,

рассматривалось им в широком плане общих перемен внешнеполитического курса России: Установка петербургского кабинета на выделение греко-турецких дел из общего комплекса русско-турецких отношений, сдержавшая образование независимого греческого государства, по мнению Соловьева, привела к замораживанию всех закономерно-исторических процессов в этом регионе. Следствием линии, возобладавшей в греческом вопросе, историк считал изменение курса России на международной арене в сторону вялости, зависимости от западных держав⁷⁹.

Концепция Соловьева показывала тщетность попыток России найти выход из кризиса, опираясь на помощь союзных держав. В этом отношении ситуация 70-х годов во многом повторяла положение дел в начале 20-х годов: царизм снова стремился к дипломатическому урегулированию конфликта⁸⁰.

Соловьев выступал с четко оформленной политической программой решения восточного вопроса. Основное ее требование — пересмотр примирительной, согласованной с западными державами тактики России, переход к активным единоличным действиям России. Такой поворот был подготовлен всей предшествующей историей России. Начало решительных действий преподносилось ученым, во-первых, как заключительный этап борьбы между "лесом и степью". Эта борьба, понижавшая всю русскую историю, определила ее некоторые отклонения от западноевропейской. Султанскую Турцию историк рассматривал как потомка степных кочевников, последнего представителя в ряду заклятых врагов России. Ее сокрушением он обуславливал завершение спора между древней и новой Россией и успешный ход обновления основ гражданского быта. Итак, война с Турцией органично увязывалась в концепции Соловьева с эпохой буржуазных реформ.

Во-вторых, расценивая Османскую империю как постоянного нарушителя правил европейского общежития, Соловьев оправдывал выступление против нее ради защиты европейской цивилизации. В его заметках приводилось такое замечание: "С 1819 г. Порты раздражена, что Россия не позволяет торговать рабами"⁸¹. В-третьих, только посредством этой борьбы открывался путь к реализации международного назначения России как посредника между Европой и Азией и первого среди равных государств в Европе. Эта роль, с точки зрения ученого, предопределялась возможностями ее внутреннего роста и всем содержанием ее исторического процесса.

Соловьев приветствовал объявление в апреле 1877 года войны Турции. Всегда чуждавшийся открытого изъясления верноподданнических чувств и вообще не жаловавший Александра II, в те дни он приветствовал его восторженным письмом⁸². Соловьев с напряженным вниманием следил за ходом военных действий. Дочь историка, Поликсена Соловьева, вспоминала: "Из событий реальной жизни больше

всего захватила нас турецкая война. У отца после известий о поражении наших войск делались сердечные припадки. В день взятия Карса вся наша семья, кроме младших, была в театре. Один знакомый передавал мне, что после гимна отец мой аплодировал и громко кричал "ура"⁸³.

Для Соловьева, придававшего столь важное значение внешнеполитическим связям государства, проблема выбора союзника в полной мере определялась принципом "скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты". Настороженно, даже, пожалуй, неприязненно он отнесся к наметившейся в 70-е годы перспективе русско-французского сближения и к дипломатическому "поединку" двух канцлеров — Горчакова и Бисмарка вокруг французского вопроса⁸⁴. Сомнения Соловьева возникали из изучения им послереволюционного развития Франции и опыта русско-французских отношений первой четверти XIX века.

В изображении Соловьева Франция после революции 1789—1794 годов — государство, пораженное хроническим недугом — революционными движениями. Коренной порок ее жизни — слабость и непопулярность правительственного звена — исключал надежды на "выздоровление" и, следовательно, препятствовал ее плодотворным контактам с Россией. Этому убеждению не противоречило светлое воспоминание Соловьева о его пребывании во Франции в начале 40-х годов и политическом режиме того периода. Ни запоздалый либерализм старших Бурбонов, ни показной демократизм короля Луи-Филиппа, по его мнению, уже не могли вернуть институту верховной власти его первоначальный престиж.

Родным детищем стихийного революционного процесса Соловьев считал бонапартизм, в крови которого были "постоянные войны, постоянные победы и завоевания, что необходимо вело к всемирной монархии"⁸⁵. Подчеркивая опасность бонапартизма для мира и порядка в Европе, Соловьев одновременно подчеркивал обреченность его авантюристических устремлений.

В период Второй империи эти замечания Соловьева приобретали некоторый обобщающий смысл. По-видимому, "бонапартистская тема" была обширно представлена в лекционном курсе по революционной эпохе (к сожалению, не сохранившемся). Актуальную постановку этой темы в лекционном курсе отразили впечатления одного из самых внимательных слушателей Соловьева — студента Ключевского. В письме к Е.И. Европайцеву от 20 декабря 1863 года он рассказывал: "Его (Соловьева. — *И. В.*) характеристика Наполеона не лишена некоторых оригинальных черт. Он смотрит на него как на богатыря, вызванного бурями революции. Сам Наполеон смотрел на себя как на героя вроде Македонского... Такой человек-богатырь сознавал бессилие своей энергии против цивилизации Европы; он смешной санкюлот (по-нашему — голоштаный). А племянник лезет на переделку мира!"⁸⁶.

В самом различии судеб России и Франции в XIX веке, по мнению Соловьева, были заложены противопоказания их тесным контактам. Это же, по его словам, осознавали и самые прозорливые из государственных деятелей России конца XVIII века. (В подтверждение он приводил высказывание Г. А. Потемкина: "Франция в бреду и никогда не поправится, и будет у них все хуже и хуже"⁸⁷.) Однако в XIX веке эта заповедь была отринута. Александр I взял курс на сближение с Францией. В монографии "Император Александр I. Политика. Дипломатия", опубликованной в год столетнего юбилея Александра, рисовался идиллический облик русского царя, симпатизировавшего конституционным порядкам буржуазных государств и желавшего со временем в России ввести учреждения, подобные европейским представительным органам. Отсюда якобы проистекала его особая приверженность Франции, стремление объединиться с ней для борьбы с реакцией, насаждаемой в Европе Габсбургами. Если последующие буржуазные историки-антантофилы (А. К. Живелегов, А. С. Трачевский, С. С. Татищев) усматривали в действиях Александра I пристрастие к немецким государствам и порицали его за невольное содействие росту этих государств, то Соловьев, напротив, осуждал Александра I за тяготение к Франции. Резко отрицательно он оценивал попытки русского монарха добиться соглашения с Наполеоном, подписанный в 1807 году Тильзитский мир. Характерно, что Соловьев отмечал не только политический и моральный ущерб России, причиненный Тильзитской системой. (Следствие ее, указывал историк, — затягивание борьбы с Наполеоном и усиление ее тяжести для России, подрыв международного престижа русского правительства вследствие союза с агрессором⁸⁸.) Историк пытался определить экономические потери, понесенные Россией, в частности заострял внимание на убытках российской торговли⁸⁹. По мнению Соловьева, Александр I не изменил своего сочувственного отношения к Франции и после того, как в борьбе с наполеоновской армией обильно пролилась русская кровь. Разгромив "супостата", русский царь принял вдохновенно пролагать путь к установлению новых отношений с Францией. "Примирение старой Франции с новой", т. е. закрепление всех происшедших в результате революции общественно-политических перемен и восстановление законной правительственной власти с учетом ею уроков революции, — такие пожелания приписывал историк русскому императору⁹⁰.

Позицию Александра I в общеевропейской жизни Соловьев противопоставлял установкам австрийского канцлера. Меттерних ратовал за "аристократическую" систему управления европейскими делами, основанную на союзе четырех государств антинаполеоновской коалиции. В противоположность тому Александр I настаивал на общем братском христианском союзе⁹¹. Противоборству Александра с Наполеоном и Меттернихом историк настойчиво пытался придать смысл борьбы за утверждение принципов свободного политического самооп-

ределения народов, с одной стороны, и установление равноправных форм общения между европейскими народами — с другой. В оценках Соловьева фактически стиралась грань между политикой России, являвшейся оплотом европейского абсолютизма, и конституционными государственными победами буржуазными отношениями.

Соловьев в принципе верно улавливал одну из тенденций политики России по отношению к Франции после 1815 года — приспособление царизма к победившим буржуазным порядкам в Европе⁹². Однако эта тенденция, чрезмерно преувеличенная Соловьевым, на деле несколько не устраняла объективно реакционного содержания курса царизма⁹³.

Версия внешнеполитической деятельности Александра I, изложенная Соловьевым, по-видимому, в немалой степени определялась идейной борьбой в современной ему исторической литературе. Так, отрицательную реакцию Соловьева, прекрасно знакомого с французской историографией, не могла не вызвать ее антирусская тенденция, заложенная самим Наполеоном и развитая А. Тьером. Целое историографическое направление рассматривало Наполеона как единственного последовательного защитника прогрессивного общественного строя в Европе. Наоборот, правительства, входившие в антифранцузский союз, наделялись чертами воинственной враждебности к передовым порядкам⁹⁴. Оспаривая эту характеристику применительно к Александру, Соловьев выделял в его облике совершенно другое — прекраснодушные стремления, желание споспешествовать благу европейских народов, что иной раз дорого обходилось самой России. В своей неизбывной тяге творить добро для других народов русский монарх порой забывал о своих подданных. Изъянами внешнеполитической системы Александра I Соловьев объяснял причины роста оппозиции правительству в образованном обществе. С этих позиций он подошел к истории декабристского движения.

14 декабря 1825 года горстка дворянских революционеров попыталась было переломить ход русской истории. Эта попытка была отбита царизмом, но ее энергетического заряда хватало еще на целое поколение русских вольнодумцев. Отдаленные раскаты грозových событий 14 декабря достигли в ту пору еще очень юного Сергея Соловьева. Разумеется, осмыслить и оценить их он смог много позднее. Интерес к движению декабристов сопутствовал всему творческому пути Соловьева. Он жадно впитывал всю доступную информацию об этом движении и не оставлял попыток лучше познакомиться с идеями и судьбами его участников. По-видимому, иначе просто и быть не могло, если учесть среду, с которой он сроднился еще в дореформенное время (Н. А. Мельгунов, К. Д. Кавелин, Т. Н. Грановский, лично связанные с А. И. Герценом. Через них Соловьев, вне всяких сомнений, получал книги "Полярной звезды"). Не обошло его стороной и увлечение декабристской тематикой в кругу журналистов и литераторов: с возвращением в конце 50-х годов амнистированных декабристов широко развер-

нулась работа по выявлению и изданию материалов движения. Не прошли для него бесследно и многолетние тесные контакты с журналом "Русский архив" и его издателем П. И. Бартеневым, прозванным Александром II Плутархом декабристов.

Специальных работ, посвященных декабристам, Соловьев не оставил. Но целый ряд высказываний достаточно определенно характеризует его взгляды. Декабристская идеология представлялась ему отголоском революционного брожения на Западе, с одной стороны, и реакцией на просчеты правительственной политики — с другой (антинациональный Тильзитский мир, безучастное отношение к судьбам восставших греков, издержки александровской системы союзов). Впрочем, указывая на объективно-исторические корни декабристского восстания, Соловьев был далек от его оправдания. Сами идеалы и цели движения казались ему мертворожденным плодом кабинетных занятий. "Мыслящим русским людям, — писал он в "Записках", — Россия представлялась *tabula rasa**, на которой можно было начертать все, что угодно, начертать обдуманное или даже еще не обдуманное в кабинете, в кружке, после обеда или ужина"⁹⁵. Деятели декабризма он обвинял в наклонности к опасному политическому авантюризму. Эта оценка прилагалась к обещанию П. И. Пестеля восстановить независимую Польшу в границах 1772 года, данному в переговорах с поляками⁹⁶. Он допускал даже, что столь безрассудно широкий жест мог озадачить трезвых и расчетливых политиков — поляков. Незрелость декабристской мысли, по его словам, выразилась и в том, что "Бестужев, например, предлагал введение в России и Польше американской формы правления"⁹⁷. Несомненно, иного отношения к планам декабристов от Соловьева, патриота великодержавной России, ожидать не приходилось.

Но в то же время его убеждения претило и официальное ошеломление декабристского движения в годы николаевской реакции. В извращении уроков декабристского выступления Соловьев видел еще одно подтверждение оторванности правящего слоя от народа. Досаднее всего было то, что этот порок во всей своей неприглядной сущности проявлялся именно тогда, когда, по его представлениям, от правительства требовалась особенная чуткость к общественному мнению. Возмужавшее в XIX веке гражданское общество требовало от государственной власти более гибкого и деликатного обращения. В этом убеждении Соловьев не был одинок. О том же толковали и другие историки буржуазно-либерального направления, добиваясь от правительства благосклонности к новым самостоятельным общественным формированиям (в лице так называемых "частных союзов" в концепции Соловьева и В. О. Ключевского, бессословной интеллигенции — в концепции А. А. Корнилова, "мыслящего общества" — А. А. Кизеветтера). Зани-

* Чистая доска (*лат.*).

маясь с великими князьями, Сергей Михайлович старался, чтобы те затвердили правило: "Надобно поддерживать коллегияльные учреждения, выборное начало, не стеснять, но в то же время зорко следить, чтобы союзы неокрепшие не позволили себе неряшества и злоупотреблений"⁹⁸.

Требование либерального правительства было включено и в повествование об Александре I. Отгалкиваясь от этой посылки, он предсказывал долголетие тем из европейских правительств, которые без страха и предубеждения привлекали к деятельному сотрудничеству актив нации, и, наоборот, предрекал неизбежное падение тем, которые загоняли в подполье передовые общественные силы⁹⁹. Слова предупреждения, с которыми знаменитый историк обращался и к своему правительству, были с благодарностью восприняты его соотечественниками. О них почитатели Сергея Михайловича вспоминали, провозглашая его в последний путь в октябре 1879 года. Среди венков, возложенных на свежую могилу Соловьева на Новодевичьем кладбище, был и с такой надписью: "12 декабря 1777 г. 197". Присутствовавшим было нетрудно расшифровать ее: именно на 197-й странице монографии об Александре I (родившемся 12 декабря 1777 г.) автор взывал к правительственным мудрости и терпению¹⁰⁰.

Проблема правильной правительственной ориентации в периоды нарастания общественной активности особенно занимала Соловьева в конце жизни. Он посвятил ей одно из своих последних публицистических выступлений в печати. Это была статья "Россия, Австрия и Англия во время движений 1848 и 1849 гг.", опубликованная в конце 1877 года на страницах журнала "Русская старина". История написания этого сочинения необычна. К работе над ним Соловьева побудило письмо весьма влиятельной персоны — члена Государственного совета, сенатора и наставника наследника престола К. П. Победоносцева. В его письме от 9 мая 1877 года сообщалось, что в Англии сторонники России, не говоря уже о противниках, всегда были склонны обвинять Россию в "варварстве и насилии" по отношению к народам Польши и Венгрии. В связи с ухудшением русско-английских отношений из-за войны на Балканах в западной печати развернулось обсуждение этих вопросов, подлившее масло в огонь и без того сильных антирусских настроений. Письмо Победоносцева содержало заказ влиятельной придворной "партии действия" во главе с цесаревичем Александром Александровичем на историческую справку: требовалось разъяснить позиции России в восточном вопросе за последние сто лет и в венгерских революционных событиях 1849 года¹⁰¹.

Работая по определенному заданию, Соловьев значительно шире подошел к своей задаче. Во главу угла он поставил проблему революционно-демократических способов образования национальных государств. Она была выдвинута на очередь дня развертыванием национально-освободительной борьбы в "лоскутных" империях Востока

и Запада. Одновременно он пытался снабдить правящие круги некоторыми рекомендациями по управлению ситуациями, чреватými подобным исходом. Именно в этом ракурсе он освещал политическую линию правительств, замешанных в событиях 1848—1849 годов.

Особенно подробно он останавливался на деятельности австрийского канцлера К. Меттерниха. В форме политического памфлета Соловьев характеризовал руководящие принципы Меттерниха — “человека системы”. Величайший государственный ум Австрии сочинял трактаты и поучал монархов, знал толк в дипломатической игре и политических интригах, но ничего не смыслил в переворотах и социальных революциях, потрясавших на его глазах Европу. С насмешкой Соловьев замечал, что в Февральской революции 1848 года во Франции Меттерних видел происки своего политического противника лорда Г. Дж.-Т. Пальмерстона, а в отречении Луи-Филиппа — всего только уловку короля. Проницательности Меттерниха оказалось недостаточно, чтобы разглядеть в социальном вопросе главное действующее лицо эпохи¹⁰².

Если Меттерних не видел дальше собственного носа в делах революционной борьбы, то британское руководство, наоборот, проявляло исключительную сметливость. С большой исторической точностью Соловьев раскрывал роль Англии как одного из главных вдохновителей крестового похода международной реакции против революционной Венгрии, однако же оставшегося при этом в тени. Показ роли Англии как равноправного участника контрреволюционных сделок частично ослаблял впечатление неблагоприятного поведения царизма в венгерских событиях и тем самым отвечал поставленной перед Соловьевым задаче исторического оправдания самодержавия.

Подмеченное Соловьевым фарисейство британского правительства в лице Пальмерстона выявляла и К. Маркс, касаясь революционных событий 1848—1849 годов: “Подавление поляков, итальянцев, венгров, немцев всегда совпадало с его пребыванием у власти, но расправлявшиеся с ними деспоты всегда подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они преследовали с его же соизволения”¹⁰³. В отличие от Маркса Соловьев вовсе не задавался целью развенчания принципов заправил британской политики. Напротив: на примере внутреннего курса австрийских Габсбургов он стремился доказать ошибочность прямолинейного правительственного реакционерства и непригодность одних репрессивных действий, на примере Англии — преподнести положительный образец для европейских правительств. С нескрываемым восхищением Соловьев отзывался о таких отличительных качествах британского руководства, как маневренность действий, показатель демократизм. “Рациональными” он находил рекомендации английских государственных деятелей монархическим правительствам поддерживать внешне лояльные отношения с конституционными державами, тщательно маскировать контрреволюционные за-

мысль¹⁰⁴. Отталкиваясь от этого опыта, Соловьев давал и другие наставления "начальству": внедряться в общественные начинания, подсекать инициативу снизу починим от лица правительства. Далее он заострял внимание на тесных связях между революционными организациями и национально-освободительными движениями у разных порабожденных народов, что убедительно продемонстрировала борьба народов Австрийской империи в 1848—1849 годах. На этом основании он призывал к объединению усилий правительств, оказавшихся перед лицом революционных взрывов.

Статью Соловьева, пропитанную охранительной идеологией, непосвященный читатель мог легко принять за манифест ультраконсервативных сил. Но такое заключение было бы явно поспешным. Идейное содержание выступления Соловьева невозможно правильно оценить в отрыве от ситуации восточного кризиса и международных отношений периода русско-турецкой войны. Не случайно в его поле зрения попадали именно Австрия и Англия — наиболее заинтересованные и активные участники событий на Востоке в 70-х годах XIX века, сталкивавшиеся с Россией¹⁰⁵. Все построения Соловьева были пронизаны стремлением представить восточную политику России 70-х годов в свете усовершенствованных охранительных установок, придать ей видимость деятельности, направленной на сдерживание революционно-демократического движения в общем потоке освободительной борьбы. Он настойчиво пытался противопоставить враждебные России позиции Австро-Венгрии и Англии их "интересам" и "историческим традициям", проявившимся в 1848—1849 годах.

Выкладки Соловьева, по сути дела, были зеркальным отражением взглядов той политической группировки, на которую он в данном случае держал равнение. В октябре 1876 года в письме к своему наставнику К. П. Победоносцеву наследник престола, будущий Александр III, откровенно признавался в охранительном предназначении своей программы в восточном вопросе: "Если правительство не возьмет в свои руки инициативу в движении помощи славянам, то Бог знает, что из этого выйдет и чем оно может кончиться"¹⁰⁶. Вряд ли Соловьев, горячо сочувствовавший делу славян и ратовавший за их свободное развитие, разделял образ мыслей своих высоких патронов. Его выступление с этими идеями правильнее рассматривать в плане компромисса с политическими кругами, привлекавшими его своими относительно более решительными планами.

Кропотливая работа над историографическим монументом — "Историей России" не заглушила в Соловьеве жадного интереса к тем явлениям и происшествиям, которые еще не остыли в воспоминаниях его старших современников и его собственной памяти. С поистине фанатичным упорством он шел к тому, чтобы век нынешний и век минувший встретились на высшей точке его исследовательского поиска. Эта цель была заложена в его творческие планы. Конечно

рубежом исторического изложения в своем многотомном сочинении Соловьев намечал 1796 год, которым завершилось царствование Екатерины II. Последующее время он намеревался осветить в задуманном сводном труде по всемирной истории Нового и новейшего времени. Смерть, настигшая историка в расцвете его сил и таланта, помешала осуществлению этих планов. Работа над "Историей России" оборвалась на подходе к крестьянской войне под руководством Е. И. Пугачева. Не был написан и труд по всемирной истории Нового времени. Тем не менее статьи и монографии Соловьева, посвященные концу XVIII и первой половине XIX века, — заготовки к намеченному труду — позволяют проследить ход его мыслей и развитие наблюдений.

В работах по истории XVIII—XIX веков Соловьев выступал с позиций ученого и политика. Такой двойственный подход был оправдан тем, что явления этого времени были непосредственным прологом процессов, наблюдаемых им в текущей жизни. Исключительно важное значение в истории двух последних столетий он придавал внешней политике государства, порой увлекаясь этой проблематикой в ущерб исследованию внутригосударственной жизни.

С годами расширялся круг его изысканий по внешней политике и сужался по внутренним проблемам. В этом выразилась одна из закономерных тенденций его времени, состоявшая в усилении взаимного влияния и связей народов, а также определенная ограниченность теоретических воззрений историка. Осмысление "нового периода" требовало от него поиска методологических ориентиров, отличных от хронологически ограниченной теории борьбы родовых отношений с государственными. Наряду с тем в поступательном освещении исторического процесса все дальше отодвигалось значение таких факторов, как "природа страны", "природа племени", уже не определявших бытие цивилизованных народов Нового времени. Эти факторы в работах Соловьева заменялись третьим элементом — ходом внешних событий и влиянием со стороны окружающих народов.

С особой энергией в 60—70-е годы XIX века Соловьев выступал против мнения о первостепенной важности для историка внутренних проблем и называл его "ребяческим". Он постоянно подчеркивал в эти годы, что "главный интерес народной жизни" составляют вопросы внешней безопасности и удовлетворения внешнеполитических нужд государства. В опубликованных статьях и монографиях, в лекционных курсах Соловьев высказывал мысль об активном внешнеполитическом курсе как действенном средстве ослабления напряженной обстановки внутри страны. В 70-е годы на этой концепции основывались его призывы к возрождению екатерининских традиций в восточном вопросе, к активизации России на международной арене.

Стержневыми вопросами внешнеполитической истории России Соловьев считал польский и восточный, тесно связанные между собой. После разделов Речи Посполитой, ослабивших, но не устранивших, по

его понятиям, вредоносное влияние польского вопроса на русскую историю, центр тяжести в международной деятельности России переместился на восток. Активный курс России в районе Балкан и Ближнего Востока увязывался в его концепции с внутренними реформами 60—70-х годов XIX века. Последние ломали устои, сложившиеся, согласно его взгляду, вследствие неблагоприятных внешних условий для Русского государства. По этой причине благополучная для России развязка борьбы с Турцией преподносилась как необходимая предпосылка преодоления тяжкого наследия прошлого. Эти убеждения сказались и на его подходе к европейской политике России.

Своего рода символ веры историка в 60—70-е годы составляла мысль о неприемлемости для России внешнеполитической ориентации на какую бы то ни было европейскую державу. В комплексе работ по XVIII столетию этот взгляд распространялся на Австрию и германские государства. В сочинениях по XIX веку для доказательства той же мысли использовался опыт русско-французских отношений периода борьбы с наполеоновским владычеством в Европе и июльской революции во Франции. С этой точки зрения историк критически оценивал внешнеполитический курс Александра I, считая его чересчур умозрительным и далеким от национальных проблем. В 70-е годы он призывал правительственные круги руководствоваться опытом британской политики "свободы рук", образцом прагматизма и действенности в его трактовке.

Глава

VI

ПЕДАГОГ

Об отношении Соловьева к труду преподавателя красноречиво говорит такой факт: к созданию многолетней истории России его побудило желание "выучиться самому, чтоб быть в состоянии читать сколько-нибудь достойный университета курс русской истории"¹. Ученый отдавал предпочтение аудитории слушателей перед аудиторией читателей, справедливо полагая, что научная концепция скорее и прочнее входит в общественное сознание, если она положена на язык увлекательной лекции.

Преподавание истории Соловьев ценил и за то, что оно предоставляло разнообразные возможности воздействия на общественную жизнь. При всей занятости он сознательно шел на расширение диапазона преподавательской деятельности. Кроме постоянной профессорской службы в Московском университете в разное время преподавал в 3-м Александровском военном училище, Николаевском сиротском институте, на Высших женских курсах В. И. Герье, вел частные занятия с великими князьями, в 1872 году готовился читать общедоступный цикл лекций в Политехническом музее. В 1869—1870 годах выпустил

”Курс новой истории” в двух частях. Из-под пера Соловьева вышли два учебника для низших и средних учебных заведений — ”Общедоступные чтения по русской истории” и ”Учебная книга русской истории”.

Наиболее полным отражением его исторических взглядов, жизненных принципов, общественно-политических установок стали лекционные курсы. Они составляют важнейшую часть наследия историка. Но удивительное дело! Многочисленные общие и специальные лекционные курсы С. М. Соловьева, прочитанные в разных учебных заведениях, прежде всего в Московском университете, оказались заслоненными томами его печатных трудов. Они практически не введены в научный оборот. Вместе с тем именно из этих лекционных курсов подробно узнавали родную историю целые поколения образованных слоев русского общества. Без учета курсов нельзя составить представления о постановке исторического образования в Московском университете в 40—70-е годы XIX века.

Построение, подача материала, идейно-политическая направленность и даже тематика курсов Соловьева обладали своей спецификой. Как правило, около четверти (а иногда и больше) от объема каждого курса занимало введение: обзор событий предшествующих периодов, подводящий слушателей к лучшему пониманию основной темы. В отличие от сугубо фактографической ”Истории России” и монографий лекционные курсы Соловьева характеризовали философско-историческая заостренность, насыщенность оценками, выводами, сильная теоретическая линия.

Признание единства исторического развития России и Западной Европы, из которого Соловьев исходил в своих изысканиях, определило еще одну показательную черту его курсов — широкую сравнительность и всемирно-исторический фон изложения. Эти черты уже проявились в ранних курсах Соловьева. Их ярко иллюстрируют сохранившиеся от конца 40-х и начала 50-х годов планы лекций — ”Программа русской истории”², ”Конспект науки русской истории”³, ”Лекция о Восточной Европе”⁴.

Педагогическая деятельность Соловьева представляла собой целенаправленное воздействие на общественное сознание, воздействие, основанное на собственной оценке перспектив развития страны. В монографии ”Император Александр I. Политика. Дипломатия” он высказывал такое суждение о студенческом движении: это питательная среда для распространения революционной идеологии в странах, где хорошо поставлено образование, но стеснена политическая активность молодежи⁵. В подобном умозаключении отразились личные наблюдения ученого за радикализацией студенчества в России. Соловьев был свидетелем агитационной кампании среди студентов, организованной Н. П. Огаревым, П. Н. Ткачевым, М. А. Бакуниным, С. Г. Нечаевым, революционной пропаганды народников, политических процессов 60—70-х годов. В меру своих возможностей он противодействовал

революционно-демократической идеологии, традициям критического реализма в литературе, которые признавал "покатым путем отрицания". Это можно проследить по его лекционным курсам. Он выхолостил из них элементы критики прошлого и настоящего, которые содержались в научных работах и воспоминаниях; заострил внимание на исторических закономерностях, поучительных уроках истории. Студентам он проповедовал необходимость упорного труда в пореформенное время, внушал мысль о пагубных последствиях оппозиции правительству в политически незрелом обществе. Лейтмотивом его лекционных курсов стала мысль о том, что Россия заново обретает свое бытие и требует большого приложения сил во имя будущего⁶. Оптимистический пафос заявлений Соловьева с кафедры заметно отличался от тона его рассуждений на те же темы в "Записках" и в небольшом очерке "Записка о современном состоянии России", предназначавшемся для цесаревича Александра Александровича. Там на первый план выносились совершенно другие оценки: признание политического банкротства Александра II, предчувствие разлада и неустойчивости в обществе.

В сглаженной картине пореформенной действительности, которую Соловьев преподносил слушателям, намеренно искажались факты. Ученый старался наставлять аудиторию в духе "положительных идеалов" либерализма. В этом его суждения были близки Б. Н. Чичерину, утверждавшему: в эпоху реформ нужна борьба "обдуманная, осторожная. В такую пору нужно не раздувать пламя, не растревать язвы, а успокаивать... чтобы вернее достигнуть цели"⁷.

Лекции Сергея Михайловича неизменно собирали большую аудиторию. У Соловьева-лектора был свой секрет обаяния, во многом непохожий на тот, который способствовал популярности таких знаменитостей Московского университета, как Т. Н. Грановский, а позднее — В. О. Ключевский. В отличие от этих мастеров художественного слова и исторического образа, Соловьев строил успех на методологической продуманности курсов. Научная основательность проступала и в самой манере его выступлений с кафедры. Об этом оставили любопытные зарисовки его ученики. "С закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре взад и вперед, не спеша, низким регистром своего немного жирного баритона начинал он говорить свою лекцию и в продолжение сорока минут редко поднимал тон. Он именно говорил, а не читал, и говорил отрывисто, точно резал свою мысль тонкими удобоприемлемыми ломтиками, и его легко было записывать"⁸. "Чтение Соловьева не трогало и не пленяло... но оно заставляло размышлять... курс Соловьева оказывал на нас сильное методологическое влияние, будил и складывал историческое мышление"⁹.

В лекциях любимого историка неизменно присутствовала нравственная оценка фактов. Касаясь аспектов морали, он преобразовал внешне и внутренне. "Неправственные действия в истории Сергей Михайлович без малейшего колебания называл преступлениями.

В этих случаях он пылал негодованием и не скрывал его: оно всецело отражалось на его лице и в его жестах. Когда он произносил слова укора и резкого упрека "преступному прошлому", его образ напоминал нам великий и священный завет исторической науки: *die Weltgeschichte ist das Weltgericht** — свидетельствовали слушатели¹⁰.

Особую страницу педагогической деятельности Соловьева составили занятия с великими князьями, ради которых он подолгу отрывался от службы в Москве. По приглашению императорской четы он выезжал в Петербург в 1859, 1862, 1866, 1878 годах. Его слушателями были цесаревичи Николай и Александр Александровичи, великие князья Сергей и Владимир Александровичи, Николай и Константин Константиновичи. Особенно велико было влияние Соловьева на Николая Александровича, старшего сына Александра II, умершего в 1865 году. Давний покровитель Соловьева граф С. Г. Строганов, исполнявший обязанности попечителя цесаревича, привлек знаменитого историка к выбору наставников для наследника престола. По рекомендации Соловьева были приглашены либеральные профессора И. К. Бабст, Б. Н. Чичерин, А. И. Чивилев.

Нетрудно представить, какое значение придавал Соловьев, убежденный сторонник монархии, миссии при великих князьях. Курсы отечественной и всеобщей истории, пройденные им с великими князьями, не только восполняли пробелы в их знаниях — они учили политическому руководству государством. Через все лекции проходила мысль о необходимости соединять "достоинства короны" с правами народа. Примечательно, что в 1862—1863 годах, в момент подъема революционного движения, он составил записки для частного преподавания, посвященные Великой французской буржуазной революции, и отвел под эту тему почти все отпущенные ему часы занятий с Николаем Александровичем. В записках последовательно развивалась его излюбленная идея о подготовке революционных переворотов "сверху" — в результате просчетов или бездеятельности правительства. В условиях обострения общественно-политической борьбы это был прямой намек на пересмотр правительственного курса. Подобно Карамзину, пыгавшемуся наставлять Александра I в "Записке о древней и новой России" и "Мнении русского гражданина", Соловьев в 1879 году обратился к будущему Александру III с развернутой критикой правительственного реформаторства. Побуждая цесаревича к выработке положительной программы действий, историк намеренно сгушал краски в описании современного состояния России и обозначал "горячие" точки: требующие упорядочения социальные отношения, нуждающаяся в коренной переделке система образования, негодный порядок отбора и назначения высших должностных лиц¹¹. Трудно сказать,

* *Мировая история — мировой суд (нем.)*.

отразились ли на характере правления Александра III те уроки, которые стремился донести до него Сергей Михайлович. Скорее всего, нет. Ограниченный и инертный от природы Александр III был мало способен к глубокому усвоению знаний. Реальная жизнь опровергала идеалистические установки ученого.

В начале 70-х годов XIX века в Москве, а потом и в Петербурге открылись Высшие женские курсы. То была крупная победа женщин России. Любопытно, что разрешение на открытие курсов В. И. Герье в Москве Министерство просвещения дало в тот самый год, когда впервые был поставлен вопрос о пересмотре либерального университетского устава 1863 года, когда самодержавие организовало первый открытый политический процесс над членами нечаевской организации с целью опорочить революционное движение. Это произошло в 1872 г. На фоне политической реакции, усилившейся в стране после выстрела Каракозова в 1866 году, согласие правительства на открытие курсов выглядело расчетом найти в университетской профессуре проводников официально-охранительной идеологии. Вероятно, преследовалась еще одна цель — создать отдушину для стремлений женщин к эмансипации внутри страны, а заодно и уменьшить поток выезжавших за границу, где только что отгремели классовые бои после падения Парижской коммуны¹².

Среди первых преподавателей Высших женских курсов было много университетских профессоров. Председателем преподавательского Совета курсов, который по всем требованиям Министерства должен был избираться из числа известных ученых, стал С. М. Соловьев. Понимание Соловьевым целей и задач высшего женского образования выявилось в его речи при открытии Высших женских курсов 1 ноября 1872 года. Из его слов вытекало, что введение высшего женского образования сделает наиболее активную в политическом отношении часть женщин менее восприимчивой к революционной пропаганде: "Необразованная женщина становится легкой добычей для людей, выходящих на ловлю чужих убеждений... Общество в приготовлении средств к защите от подобных наездов нуждается в помощи женщин"¹³.

По идее Соловьева, перед курсами стояла задача — дать женщине только общее высшее образование, поднять ее до уровня более или менее образованного мужчины, безотносительно к профессии. Короче, вместо дальнейшей специализации в какой-либо области знаний ей предлагалось повысить культурный уровень, чтобы суметь оценить духовные идеалы мужа и удовлетворить любознательность детей. "...Значение женщин не увеличится от того, что они из своих рядов выставят несколько тружениц, которые посредством микроскопа увеличат число наблюдений над некоторыми особенностями известных животных или растений", — утверждал историк¹⁴.

Речь Соловьева произвела невыгодное впечатление на слушательниц, жаждавших глубокого университетского образования¹⁵. Связь ученого с курсами была непродолжительной и оборвалась вместе с его отставкой с поста ректора и профессора университета в 1877 году. Тем не менее даже такое участие в работе курсов оказалось весьма плодотворным: объединение должностей председателя курсов и ректора Московского университета поднимало авторитет курсов в глазах общественности, способствовало их утверждению именно как высшего учебного заведения, привлекало внимание видных ученых и новых слушательниц.

Забываясь о качественном улучшении высшего образования, Соловьев не упускал из виду и постановку обучения в низшем звене. "История есть единственная политическая наука в среднем образовании, и потому ее преподавание чрезвычайной важности: от направления ее преподавания зависит политический склад будущих граждан", — утверждал он¹⁶.

В 1868 году ученый выступил против задуманного Министерством народного просвещения изъятия из школьной программы новой истории западноевропейских стран, заполненной острыми социальными конфликтами и революционными взрывами. Министерство запросило на этот счет мнение инспекторов и учителей. Ответы, как и следовало предполагать, полностью соответствовали ожиданиям Министерства. В дальнейшем они были направлены на заключение в Совет профессоров Московского университета. Совет в свою очередь передал их на экспертизу... С. М. Соловьеву. В "Докладной записке в Совет о преподавании истории в гимназиях" он доказывал, что путь к формированию целостной картины мира, уважительного отношения к своему и другим народам лежит через овладение систематическими знаниями по истории человечества¹⁷. Заслуга Соловьева состояла в том, что, сознавая всю важность проблемы, он постарался привлечь к ней внимание общественности. 27 и 28 июля 1868 года в издававшейся И. С. Аксаковым газете "Москва" за подписью Соловьева были напечатаны две передовые статьи, в основном повторявшие его "Докладную записку". Возражения, которые встретила готовившаяся реформа со стороны крупнейшего представителя науки, несомненно, связывали руки министерским чиновникам, создавали неблагоприятное для них общественное мнение.

Вся сознательная жизнь С. М. Соловьева связана с Московским университетом: с 1864 по 1870 год он — декан историко-филологического факультета, с 1871 по 1877 год — ректор. Последние годы жизни председательствовал в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

То были нелегкие годы для тех, кто возглавлял научные силы. Набирало силу студенческое движение, разрушался благополучный

профессорский быт. Многие профессора, преодолевая внутреннее сопротивление, впервые вступали в равноправный диалог со студентами.

В 50—60-е годы XIX века в Московском университете действовали многочисленные революционные группы: кружок "вертепников", ставивший своей целью борьбу за коренные преобразования политического строя России в демократическом духе; кружок Ильи Дергачева, связанный с петербургским центром "Земли и воли"; "Библиотека казанских студентов" и кружок П. Заичневского и П. Аргиропуло, распространявшие социалистические идеи и выдвигавшие программу социальной революции¹⁸.

Студенты поддерживали революционно-освободительное движение: в марте 1861 года в Москве и Петербурге они участвовали в панихидах по убитым 13 и 15 февраля на манифестациях в Варшаве полякам; демонстрировали солидарность с антиправительственными выступлениями крестьян после манифеста 19 февраля 1861 года. Боролся за демократизацию университетской жизни, повышение качества преподавания.

Начало открытых студенческих выступлений в России относится ко второй половине 50-х годов, когда, по выражению Ленина, "после тридцатилетия николаевского режима никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения"¹⁹. Эти выступления чаще всего выливались в обструкцию непопулярных профессоров. Но не следует переоценивать революционности таких эпизодов: об их незрелости свидетельствует сам "выбор" объектов для протеста. В число освидетельствованных профессоров попадали порой талантливые и прогрессивные ученые.

Показательны инциденты с профессорами Н. А. Варнеком и Н. И. Костомаровым. Причина конфликта с Варнеком заключалась в трудности его курса и требовательности как экзаменатора; при невысоком уровне подготовки студенты не могли по достоинству оценить оригинальность его научной мысли²⁰. Нельзя признать правой молодежь и в конфликте с Н. И. Костомаровым, который отказался подчиниться решению студенческого комитета о прекращении публичных лекций. Как показали последующие события, и решение, и сам инцидент с Костомаровым в конечном счете оказали услугу реакции²¹. В студенческом движении тех лет проявился юношеский радикализм с присутствующим максимализмом требований, бескомпромиссной тактикой, часто не согласующейся с объективными обстоятельствами.

По-разному реагировала на проявления активности молодежи и прогрессивная профессура. Иногда соглашалась уступить требованиям студентов (так поступил С. М. Соловьев в случае с бездарным преподавателем славянских наречий А. А. Майковым²²). В других случаях, выступая с корпоративных позиций и желая пресечь волнения, либеральные профессора отказывались идти на уступки студен-

там, подчас даже вопреки личному мнению. Соловьев, например, в бытность деканом историко-филологического факультета наотрез отказался принять жалобу студентов на П. М. Леонтьева, хотя и не мог не сочувствовать молодежи²³.

Та же двойственность проявилась и в отношении либеральных профессоров к студенческим волнениям осени 1861 года. Поводом к ним послужили вошедшие в силу летом того же года реакционные "путягинские правила". Выступления студентов за отмену ограничений, наложенных на образование Путягиным, вышли за рамки сравнительно узкого университетского вопроса. Профессура держалась гораздо благонамереннее.

Не импонировало профессорам и нарушение привычных распорядков университетской жизни осенью 1861 года: срывы лекций, студенческие сходки, переговоры с властями, погромы в помещении университета, призывы закрыть Московский университет²⁴. Показательна реакция Соловьева и Чичерина: они, по свидетельству студента В. О. Ключевского, "на Совете... сильно восставали против этих беспорядков и величали крикунов школьниками"²⁵. Вместе с тем, стремясь к умиротворению, либеральные ученые выступали против применения военной силы, репрессирования студентов.

Вольная русская печать, подробно комментировавшая ход студенческих волнений, освещала тактику либералов, главным образом московских профессоров. Однако нельзя не заметить, что некоторые материалы, поступавшие к Герцену из России, страдали неточностями и искажениями реальных фактов. Так, в "Колоколе" от 22 ноября 1861 года была помещена статья "Московская бойня студентов". В крайне невыгодном свете она представляла роль Соловьева в студенческих волнениях: "Говорят, что профессор Соловьев ездил к Тучкову просить от имени профессоров команду, чтобы разгонять студентов. Тучков его не принял"²⁶. Помимо того что это сообщение создавало впечатление солидарности московского генерал-губернатора Тучкова со студентами, оно не подтверждалось фактами. Опровержение мы находим у хорошо осведомленного во всех перипетиях беспорядков историка С. В. Ешевского: слух о неблагоприятной цели визита членов университетского правления Соловьева и Щуровского был распушен самим же Тучковым, с тем чтобы выпутаться из фальшивого положения, созданного заигрыванием со студентами при отсутствии всяких намерений поддержать их²⁷.

Позиции либеральной профессуры в период студенческих беспорядков отразила "Историческая записка", составленная университетской комиссией под председательством С. М. Соловьева. Она была подготовлена во второй половине октября 1861 года и органично входила в петиционную кампанию общественности за пересмотр реакционной политики правительства в области просвещения. В этот поток петиций входили и адреса, составленные студентами, и записка К. Д.

Кавелина "О беспорядках в Санкт-Петербургском университете", и письма Б. Н. Чичерина к брату В. Н. Чичерину, предназначенные не только для него, но и для влиятельных чиновников и даже для Александра II.

Подписавшиеся под "Исторической запиской" профессора требовали отмены всех ограничений, наложенных на университеты Путятиным, в первую очередь жесткой системы обязательной пятидесятирублевой платы. "Одно из главных условий для восстановления нравственного значения университета состоит в бесплатном приеме в студенты беднейших людей, жаждущих просвещения"²⁸, — подчеркивали авторы записки. Они добивались отмены запретов на корпоративные общества студентов, ибо подобная мера посягала на "дух товарищества, свойственный любому университету"²⁹. Группа профессоров, причастная к составлению записки, решительно высказывалась в пользу "новых уставов для наших университетов", которые служили бы твердой гарантией против полицейского, административного вмешательства во внутренние дела университетов. "Историческая записка" отразила стремление передовой профессуры к превращению университетов в подлинные центры просвещения, свободные от бюрократического вмешательства и открытые для всех, жаждущих знаний. Она была одним из проявлений либеральной оппозиционности русских ученых правительству.

Последовательная позиция университетских ученых дала результаты. В конце 1861 года махровый реакционер Путятин был отстранен от руководства просвещением и на его место назначен А. В. Головин, слышавший либералом. Сразу же после этого началась разработка университетского устава, наиболее радикального из всех существовавших в дореволюционной России.

Либеральная профессура оказывала энергичную поддержку начинаниям нового министра. В качестве представителя от Московского университета в комиссию по университетскому вопросу, образованную 13 ноября 1861 года, вошел С. М. Соловьев. Этот эпизод породил противоречивые толки. А. И. Герцен в статье "Ученая Москва", ссылаясь на корреспонденцию из Москвы, обвинял Соловьева в потворстве реакционным силам: "Вообще наши профессора отличаются. Ленц и Никитенко, генералы Петербургского университета, были поражены усердием к порядку Соловьева и Бабста, призванных в комиссию для пересмотра университетского устава"³⁰. Напротив, Н. Г. Чернышевский, следивший за работой комиссии, выделял С. М. Соловьева и И. К. Бабста: "О, как я хвалю состав Московского университетского совета, все ученые которого (за исключением только двух человек чуть не из целой полсотни) явились достойными сотоварищами г. Чичерина и вместе с ним учили неповоротливую полицию исполнять ее долг"³¹.

Впрочем, в работе комиссии по выработке университетского устава Соловьев не имел решающего голоса. И было бы ошибкой судить о его

позиции в университетском вопросе по проекту, представленному к концу 1861 года. Кстати, весь состав комиссии, наталкивавшейся в тот период на правительственные препоны, не был удовлетворен итоговым результатом работы³².

Тем не менее и при условиях не слишком благоприятных Соловьев последовательно отстаивал либеральные принципы устройства университетской жизни. Именно он противодействовал усилению надзора за учащейся молодежью. Когда комиссия поставила вопрос о введении в университетах должности проректора, избираемого из профессоров и выполняющего функции инспектора, Соловьев незамедлительно подал представление. В нем он повторил доводы "Исторической записки": нравственное влияние профессора на студентов — единственно допустимая форма воздействия на молодежь. В результате было принято компромиссное решение³³.

В разгар работы комиссии по университетскому вопросу появилась статья П. М. Леонтьева "Администрация и педагогика". Автор говорил о неудовлетворительной педагогической работе среди студентов — это была своего рода жалоба на недостаток надзора за студентами. Соловьев, как и многие другие профессора, был возмущен поступком Леонтьева. Его участие в коллективном протесте Б. Н. Чичерин расценил как показатель "меры" возмутительности поступка Леонтьева³⁴.

Двойственный характер университетского устава 1863 года, открывавший возможность для прямого давления властей на решение всех университетских вопросов, сказался и на выборах первого ректора "самоуправляющегося" Московского университета. "Московские ведомости" М. Н. Каткова, превратившиеся во влиятельный в правительственных сферах орган печати, провели на пост ректора С. И. Баршева, хотя наиболее подходящим кандидатом был С. М. Соловьев³⁵.

Подобострастное верноподданничество Баршева вызывало безразличное отношение даже у людей весьма умеренных взглядов. Б. Н. Чичерин назвал годы его ректорства "воцарением пошлости в университете"³⁶. В это время там были фактически сведены на нет все уступки правительства, обещанные уставом 1863 года, а Совет профессоров превратился в бесполезный административный придаток, пассивно плетущийся за ректором. Соловьеву и другим сторонникам академических свобод пришлось пережить немало горьких минут, наблюдая, как шло прахом все достигнутое ими в нелегкой борьбе. Нервы Сергея Михайловича порой не выдерживали. После очередной стычки с противниками Соловьев занемог и шесть недель хворал нервной горячкой.

К счастью, Сергей Михайлович был не одинок в своей борьбе. Организовалась сплоченная оппозиционная группировка из наиболее последовательных либеральных ученых. Впервые она заявила о себе в 1866 году: ученые выступили против утверждения сначала А. В. Головинным, а затем и Д. А. Толстым незаконного назначения Баршевым профессора полицейского права В. Н. Лешкова. Положение

усугубил раскол в Совете на меньшинство, апеллировавшее к университетскому уставу, и большинство, принявшее сторону ректора и Министерства. Соловьев, которого во время этих событий не было в Москве, по возвращении принял горячее участие в разгоревшейся борьбе и предложил единственно возможный в тех условиях способ протеста — демонстративную отставку.

Смысл конфликта в Московском университете Чичерин определял как "борьбу закона с беззаконием"³⁷. Главная его причина коренилась в огромной пропасти, разделявшей букву закона и повседневную практику, в которой нарушения закона стали своего рода нормой. Описанный эпизод ярко вскрыл сущность "охранительной системы" либерализма — установку на охрану закона от посягательств властей предрержащих. Трения между самовластной администрацией и некоторыми деятелями либерального движения отражали назревавший кризис правительственной политики реформ. Действия властей были продиктованы страхом перед собственными вынужденными уступками и перед перспективой появления независимых и не контролируемых сверху учреждений, даже таких скромных, как университетский Совет профессоров. "Всех нас представляли красными революционерами, и этому верили", — писал по этому поводу Чичерин³⁸.

Историю с демонстративной отставкой шести профессоров современники восприняли по-разному. Подпавав под влияние демагогии Каткова, значительная часть либеральной интеллигенции отнеслась к этому эпизоду как к попытке меньшинства навязать свою волю большинству³⁹. С другой стороны, борьба либеральных профессоров за соблюдение норм внутриуниверситетской жизни находила сочувственный отклик у представителей высшей бюрократии, которые пытались реформами модернизировать государственную машину России, в какой-то мере использовать западноевропейский опыт.

Разрешение конфликта затруднялось. Высшие чины Министерства просвещения да и профессорское большинство университетского совета опасались потерять крупных ученых, прежде всего С. М. Соловьева. И те и другие предпринимали попытки, чтобы удержать группу профессоров во главе с Соловьевым от ухода из университета⁴⁰.

Признание особого места Соловьева среди шести профессоров, подавших в отставку, объясняло и попытку вбить клин между ним и его коллегами, предпринятую одним из членов Совета, по всей видимости С. А. Масловым (профессор университета, занимавший тогда пост председателя Императорского общества сельского хозяйства). В письме к С. М. Соловьеву от 19 марта 1867 года он характеризовал конфликт как "начало периода открытой борьбы белых перчаток с черными". Автор упрекал Соловьева, разnochинца по происхождению, в поддержке "белых перчаток", в участии в сословной борьбе не на своей стороне: "...меньшинству Дмитриевых, Чичериных, Рачинских и т. п. нужна опора для поддержания их открытой неприязни

к достойным профессорам не из их звания, и они выбрали Вас для этой опоры, не сочувствуя Вам в душе... им нужны были Ваше имя, Ваши неотрицаемые достоинства как историка, чтобы прикрываться этим знаменем"⁴¹.

Иначе расценивал ситуацию В. О. Ключевский. В письме В.Гвоздеву от 9 февраля 1867 года он сочувственно, в аллегорической форме изображал поступок шести профессоров: на скудной ниве несколько усердных тружеников посеяли семена истины, которые на другой день были нагло растоптаны толпой бездельников. В письме Ключевского отразилась и выжидательная позиция студенчества: "Что они — махнут рукой на потерянный труд или будут ждать лучших перемен?"⁴²

Развязка истории наступила неожиданно: в результате личного вмешательства Александра II шесть профессоров забрали свои прошенные обратно. Однако сама формулировка царской просьбы к профессорам остаться в университете заключала в себе признание их виновной стороной, с точки зрения правящих кругов⁴³. По свидетельству Б. Н. Чичерина, Соловьев позднее, когда пятеро его коллег поочередно покинули места в университете, сожалел о компромиссе, на который они пошли в 1867 году, и говорил, что было бы "гораздо лучше, если бы они вышли все вместе"⁴⁴. Тем не менее даже такой слабый отпор административному произволу внутри университета заставлял власти считаться с положениями устава 1863 года, дававшего ограниченную автономию профессорской корпорации.

В 1871 году С. М. Соловьев был избран ректором свободного самоуправляющегося университета. Приход на самую высокую в университете должность стал достойным венцом его подвижнической службы в родном учебном заведении. Нелегко было Соловьеву принимать новые полномочия: и без того клонил долу непосильный груз обязанностей. Преподаватель и исследователь, с 1870 года — директор Оружейной палаты Московского Кремля, с 1872 года — действительный член Академии наук в Петербурге, он разрывался между учеными, педагогическими и административными занятиями. Но отказаться от чести возглавить университет он не мог: это было бы равносильно отречению от всех прежних усилий по либерализации и совершенствованию его порядков.

С 1871 по 1877 год Соловьев находился на посту ректора и все эти годы боролся за академические свободы и университетский устав 1863 года, вырванный у царизма под натиском революционной волны. Устав этот был временной уступкой на том этапе, когда самодержавие не располагало еще необходимым перевесом сил для подавления общественного движения. Но как только министр народного просвещения Д. А. Толстой получил от университетов резко отрицательный ответ на вопрос о необходимости перемены действующего устава, правительство приступило к исполнению своего замысла уже через голову обще-

ственности. Образованная в апреле 1875 года "по высочайшему повелению" комиссия во главе с товарищем министра И. Д. Деляновым объединила воинствующих реакционеров (многие из них были связаны с Катковым) и начала подбор материалов о состоянии университетов.

Нарастание реакционности в правительственном курсе активизировало либеральный лагерь. Если в 60-е годы борьба велась за наиболее полное соблюдение записанных в уставе положений, то в 70-е годы главной целью стала защита самого устава, пусть даже урезанного и постоянно нарушаемого.

С. М. Соловьев активно включился в эту борьбу. Свою позицию он разъяснял в письме от 6 марта 1876 года к Н. В. Исакову, начальнику военно-учебных заведений при Д. А. Милютине, бывшему попечителю Московского учебного округа, обладавшему большими связями в Министерстве просвещения и среди высшей бюрократии. Извещая Исакова, расположенного к университетским ученым, об их отношении к деляновским намерениям, Соловьев стремился заручиться его поддержкой в борьбе за университетские права⁴⁵. Трудное положение защитников устава вынуждало искать помощь всюду, где только было можно.

Кампанию против университетского устава открыли "Московские ведомости", как всегда предводительствовавшие расправой над общественным движением. Первоначально рупором катковского направления стал профессор Н. А. Любимов — сотрудник Каткова, член университетского Совета и участник комиссии Делянова. Со страниц "Русского вестника" и "Московских ведомостей" Любимов призывал ликвидировать все университетские льготы, включая начала выборности, самоуправления в местных вопросах, возможность бесплатного обучения для малообеспеченных студентов⁴⁶. В коллективном письме, направленном Любимову по окончании работы комиссии, для которой он усердно собирал порочащие университет материалы, 35 профессоров заявляли о разрыве с ним всяких отношений, "кроме служебных, разорвать которые не в нашей власти"⁴⁷.

Соловьев, как официальное лицо и первый представитель университетской администрации, естественно, был лишен возможности присоединиться к этому негласному протесту. Однако 13 января 1877 года, на следующий день после выступления выдающегося физика А. Г. Столетова на страницах "Русских ведомостей" с научно-публицистическим памфлетом на Любимова, под председательством и по инициативе Соловьева в университете открылось чрезвычайное заседание Совета. Выступавшие там профессора Герье, Усов, Цингер характеризовали статьи и сводки информации, поступавшие в комиссию от Любимова, как пасквиль на университет⁴⁸. Заседание приняло характер морального осуждения Любимова.

Причина того, что протест на действия Любимова не пошел далее осуждения по "нравственной линии", состояла в недоступности для профессоров иных способов легального противодействия. Даже простой акт порицания, вынесенный Любимову на Совете, привел к самым печальным последствиям для университета.

От ректора Соловьева Министерство просвещения потребовало отчета о коллективном письме Любимову и мерах по предупреждению беспорядков студентов. Требование это носило в известной степени провокационный характер, поскольку защита Соловьевым университетской автономии была широко известна. Его дальнейшее пребывание на посту ректора Московского университета не соответствовало видам правительства. Через два года после этих событий, когда память о них была еще свежа, новый ректор Московского университета Н. С. Тихонравов в речи над могилой Соловьева так характеризовал его позицию в университетском вопросе: "Крепко стоял он за корпоративное устройство и самостоятельность университета, умея соединять силы этого учреждения в борьбе за общее дело"⁴⁹. Коллеги и друзья, близко знавшие Соловьева, отмечали: "...борьба за сохранение настоящего университетского устройства принесла ему много огорчений... и на много лет, быть может, сократила... его жизнь"⁵⁰.

В столкновении с Министерством просвещения Соловьев занял принципиальную позицию, отказался представить требуемый от него отчет и демонстративно подал в отставку как с поста ректора, так и профессора университета. К конфликту с властями примешалась и семейная драма. Сын историка — Владимир Соловьев, в то время приват-доцент Московского университета, — высказался в пользу Любимова, дабы защитить свободу слова и мнений. Неблаговидность поведения Владимира Сергеевича повлекла за собой его отставку⁵¹.

Итак, будучи деканом и ректором университета, Соловьев зарекомендовал себя последовательным защитником университетской автономии, либерального устава 1863 года, воспитательных, а не репрессивных методов работы со студентами. Отстаивая свои взгляды, он проявлял значительное гражданское мужество и дважды прибегал к наиболее сильному средству, имевшемуся в его руках, — демонстративной отставке: это приводило его к прямой конфронтации с властями. Естественно, что протесты одного ученого не могли сколько-нибудь решительно изменить сложившуюся в университетском вопросе ситуацию. Тем не менее можно высказать предположение, что отставка Соловьева в 1877 г. все же не прошла бесследно. Уход с поста ректора и профессора Московского университета ученого в зените славы наносил моральный ущерб Министерству просвещения и правительству: это затормозило осуществление их намерений — пересмотреть устав 1863 года (новый реакционный устав был введен только в 1884 г.).

Со своей стороны министерские функционеры не оставляли в покое Соловьева. В 1876 году министр просвещения Д. А. Толстой отклонил прошение коллег Соловьева о праздновании двадцатипятилетия историографической деятельности ученого⁵². Враждебное отношение к имени Соловьева проявилось и после того, как он ушел из жизни. Разрешив по ходатайству университетского Совета поместить портрет великого историка в актовом зале университета, власти воспретили увековечить его память в другой форме — установить ему памятник во внутреннем дворике университета. Дав согласие на учреждение стипендии имени С. М. Соловьева для талантливых выпускников университета, Министерство определило размер ее... в 300 рублей (обычно денежное пособие аспирантам в то время составляло 600 рублей в год — этого едва хватало для самого скромного существования)⁵³.

Впрочем, никакие министерские козни не могли поколебать авторитета Соловьева в научном мире. Благодарная память о педагоге и ученом жила, передавалась из поколения в поколение среди преподавателей и учащихся университета.

Глава

VII

В КРУГУ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

Частной жизни Сергея Михайловича Соловьева исследователи его жизни и творчества почти не касались. Но именно она позволяет дополнить портрет ученого важными штрихами. В отличие от многих коллег, умевших сочетать полезное с приятным и не гнушавшихся эпикурейских радостей, Соловьев вел схищнический образ жизни. Место единственного близкого друга — Т. Н. Грановского, ушедшего из жизни в 1855 году, — впоследствии так никто и не занял.

Верностью идеалам Грановского ученый доказал, что умел хранить заветы дружбы. Благодаря Соловьеву обрели плоть замыслы друга, которые тот не успел осуществить. Известно, что незадолго до кончины Грановский собирался обобщить свои размышления об истории и сформулировать новые научные задачи. "Исторические письма" — так хотел озаглавить он будущее сочинение. Именно это заглавие, прямо указывающее на преемственность с замыслом Грановского, взял Соловьев в 1858 году для серии статей, посвященных важнейшим вопросам русской истории¹. Само оформление статей в виде писем к другу наводило на мысль, что их адресатом был усопший, но все такой же близкий ему Грановский.

Соловьев — своего рода крестник Грановского и в изучении периода преобразований первой четверти XVIII века. Частые обращения Грановского в дружеском кругу к этой теме и сетования на ее скудную историографию оказывали сильное воздействие на Соловьева, давали ему дополнительный стимул в работе.

Образ Грановского возникал перед Соловьевым всякий раз, когда приходилось принимать трудное решение. Бескомпромиссность друга, боровшегося за нравственную и идейную чистоту преподавателя, вдохновляла Соловьева и тогда, когда он вступал в неравный бой с темными силами в Московском университете, и когда, в бессилии повлиять на ситуацию, с болью рвал связи с этим вторым для себя домом. Преимущество деятельности Грановского и Соловьева единодушно отмечали их общие знакомые. В 1856 году К. Д. Кавелин, не смирившийся с потерей друга, написал Соловьеву большое задушевное послание, которое наверняка предназначалось бы Грановскому, будь тот жив. Передавая впечатления от статьи Соловьева "Древняя Россия", Кавелин замечал: "Как бы порадовался друг наш, которого деканское кресло Вы заняли, если б он прочел Вашу статью и видел, как Вы управляете его местом. Недаром он так искренно и глубоко почитал Вас"².

Друзья Грановского — журналист Е. Ф. Корш, искусствовед В. П. Боткин, медик и переводчик Н. Х. Кетчер — стали желанными и почетными гостями в доме Сергея Михайловича. Но, радуясь этим жизнелюбивым людям, он не мог разделить их тяги к практической общественной деятельности, к частому общению с единомышленниками: его собственная сфера бытия была ограничена делом, которому он жертвенно служил. Соловьев и сам говорил об этом: "Человек, занятый обширным ученым трудом, не имеет времени напоминать о себе, постоянно попадаясь на глаза... не имеет времени и не считает достойным для себя плясать под первую раздавшуюся музыку; если в обществе происходит важное явление, возбуждающее его сочувствие, то он один из первых выразит его, но такие явления не бывают часты; что же касается кружка, то примкнуть к кружку обыкновенно значит отказаться от своей независимости, самостоятельности, на что ученый, крепко держащийся за знамя науки, имеющий в виду только свои обязанности к ней, согласиться не может и потому должен осудить себя на одиночество, тяжелое для человека во всех отношениях"³.

Необходимый психологический комфорт, отдачу чувствам и переживаниям обеспечила ему семейная жизнь. В лице своих одаренных детей Соловьев — глава большого семейства — оставил не менее заметный след на земле, чем Соловьев — автор серьезных научных трудов.

Сергей Михайлович женился в возрасте двадцати восьми лет, в феврале 1848 года. Выбор его оказался удачным. Он взял в жены дочь

близких знакомых своих родителей — Поликсену Владимировну Романову. Она происходила из старинной и одаренной украинской семьи, к одной из ветвей которой принадлежал знаменитый философ Г. С. Сковорода. Романовы владели родовым имением в тысячу десятин в Херсонской губернии, в 1868 году оно перешло в распоряжение Поликсены Владимировны и ее потомства. Ее юность прошла в Москве, в стенах Екатерининского института; там она получила образование и усвоила многие добрые жизненные правила. В молодые годы Поликсена Владимировна отличалась яркой, восточного типа красотой и пользовалась вниманием. Ее руки добывались сразу двое претендентов — блестящий офицер и серьезный ученый. Она отдала предпочтение последнему и всю свою дальнейшую жизнь посвятила его интересам.

Молодая хозяйка завела в доме порядки, которые были всецело подчинены рабочему режиму супруга-ученого. Детям, когда они появились на свет, внушалось благоговейное уважение к занятиям отца. В те часы, которые он посвящал работе, они не только не смели потревожить его, но даже избегали попадаться ему на глаза, когда он, погруженный в свои мысли, передвигался по дому. Если же глава семейства пребывал в мрачном расположении духа либо недомогал, весь дом замирал, и, даже собравшись вместе за обеденным столом, домочадцы хранили молчание⁴.

Возможно, в заботе об удобствах мужа Поликсена Владимировна и перегибала палку, ущемляла в чем-то близких. Но иначе поступать она не могла: свой главный долг она видела в служении выдающемуся супругу. Поликсена Владимировна старалась не только создать ему условия для работы, но и пыталась в меру своей подготовки постичь ее смысл. "Историю России с древнейших времен" она читала и перечитывала всю жизнь. С течением времени сжилась с главными действующими лицами русской истории до такой степени, что уже не различала их с собственными фамильными предками и личными знакомыми. Как и супруг-историк, она особенно почитала Владимира Мономаха и Петра Великого, не любила царевича Алексея, ненавидела Анну Иоанновну и отзывалась о ней в таком же тоне, как о некоторых неприятных ей особах из числа знакомых дам⁵.

Поликсена Владимировна ведала распределением тиража выходящих томов "Истории России". В доме Соловьевых был заведен склад, куда поступали из типографии отпечатанные экземпляры, а затем уж — в книжные магазины. Относясь к этой обязанности очень ответственно, она не позволяла манкировать ею даже в чрезвычайных обстоятельствах. В некоторых случаях ее исполнительность граничила с подыбничеством. Лучшее это раскрывает эпизод, запечатленный дочерью Соловьевых Поликсеной-младшей. Почувствовав 20 марта 1867 года за обедом, что наступило время появления на свет ожида-

емого ребенка, она постаралась скрыть недомогание. Случилось так, что в тот же момент из книжного магазина пришли "заборщики" за "Историей России". Поликсена Владимировна отпустила по всем правилам книги и, только покончив с делом, пошла в свою комнату, где в полной тишине произвела на свет дитя⁶.

Сергей Михайлович, разумеется, не мог не ценить ежедневного самопожертвования жены, которое было положено в основу семейного благополучия. Дети Соловьевых с полным правом могли назвать отношения родителей идеальными: за более чем тридцатилетнее супружество между ними не было произнесено ни одного резкого слова. Этот союз был скреплен рождением двенадцати детей. В отношении к детям Сергей Михайлович был человеком патриархального склада и смотрел на свое прибывающее потомство как на "благословение Божье". Чадолюбие семьи Соловьева стало притчей среди его университетских коллег, которые острили, что у маститого историка ежегодно вместе с очередным томом "Истории России" появлялся и очередной член семейства⁷.

Естественно, на плечи главы такой большой семьи ложились тяжелые заботы о ее материальном содержании. Профессорского жалованья не доставало, и для дополнительного заработка Сергею Михайловичу приходилось сотрудничать с журналами, преподавать одновременно в нескольких учебных заведениях. Когда же наконец материальные дела семьи выправились, то подошла пора думать о приданом для пятерых подросших дочерей. Так что денежные затруднения не отпускали Соловьева и в относительно обеспеченный период жизни. Но, как известно, собственная ноша не тянет. Сергей Михайлович был предан семейству и, невзирая на возрастающую нагрузку, приветствовал каждое новое прибавление его. Детские голоса рядом с рабочим кабинетом Соловьева не смолкали тридцать лет: от рождения первенца Всеволода в 1849 году и до 1879 года, года смерти историка, в котором его младшему ребенку — Поликсене — исполнилось только двенадцать лет.

Семья была дружной, крепко спаянной общими интересами, радостями и испытаниями. Несколько раз семейный небосклон заволакивали черные тучи: четверо из родившихся двенадцати детей умерли, не достигнув отроческого возраста. Особенно тяжелой потерей была смерть семилетнего Сергея-младшего, всеобщего любимца, по неосмотрительности старших заразившегося скарлатиной от своей кузины.

Оставшихся восьмерых детей — троих сыновей (Всеволода, Владимира, Михаила) и пятерых дочерей (Веру, Надежду, Любовь, Марию, Поликсену) родители вырастили любовно, передав им все положительное, чем были наделены сами. Постоянно занятый отец, конечно, не мог уделять детям много внимания. Как уже отмечалось, вход в его кабинет посторонним, включая и собственных детей, был строго-на-

строго запрещен. Раз, пожелав убедиться в справедливости слухов о железной дисциплине в семье Соловьевых, гости поинтересовались у старшей дочери, сколько раз ей доводилось заглядывать в кабинет отца. "Ни разу", — откровенно призналась она⁸. И все же строгий отец любил детей не менее горячо, чем мать, жившая с открытым сердцем. Вот незамысловатый пример. Сергей Михайлович, обрадованный рождением младшей дочери, хотел назвать ее в честь жены. Та долго не соглашалась на это, главным образом из врожденной скромности, и позволила себе в разговоре с мужем не очень ласково отозваться о младенце. "В таком случае, — сказал Сергей Михайлович, — пусть перенесут кроватку с ребенком в мой кабинет". Поликсена Владимировна была так растрогана выражением отцовской нежности, что уступила желанию мужа и согласилась на выбранное им имя⁹.

Детей воспитывали строго, но вместе с тем оберегали неокрепшие детские души от преждевременных обид и разочарований. Здесь было не принято раскидать и читать нотации. Личность каждого ребенка была окружена неподдельным уважением. Когда в детской заводи разговор о чем-либо некрасивом поступке, мать имела обыкновение заключать его словами: "Вы этого не сделали бы: вы у меня благородные". Поликсена-младшая вспоминала, какое благотворное влияние в детстве на нее оказывала та формула доверия, которая была выработана в семье, — "Сена всегда говорит правду"¹⁰. Разумеется, совершить бесчестный поступок или солгать после этих слов ребенку было морально тяжело, ибо роняло его прежде всего в собственных глазах. Пример порядочности подавали сами родители.

Коль скоро взрослые брали на себя какое-либо обязательство по отношению к ребенку, полагалось во что бы то ни стало его выполнить. Как-то раз Машу, собиравшуюся вместе со старшими сестрами в театр, мать почему-то решила оставить дома. Девочка тут же бросилась к отцу, зная, что найдет у него поддержку. Выслушав ее жалобы, отец возвысил голос: "Что? Обещали и не берут?? Взять ее!"¹¹

И отец и мать считались с увлечениями своих детей и никогда не пытались силой навязать им своих взглядов.

Показателен в этом смысле эпизод, приведенный Владимиром Соловьевым в заметке, посвященной памяти отца. Он рассказал, как деликатно отнесся Сергей Михайлович, человек глубоко и искренне верующий, к его юношескому атеистическому отрицанию религии. Застав сына за чтением запрещенной книги французского историка религии Э. Ренана, Сергей Михайлович произнес только: "Если уже хочешь читать в этом направлении, то взял бы что-нибудь получше, например Жозефа Сальватора; этот еврей куда сильнее твоего краснбая с его фальшивыми цитатами"¹². Конечно же Сергею Михайловичу был безразличен перелом во взглядах и поведении сына, который он

наблюдал. "Вскоре после этого, — продолжал Владимир Соловьев, — один случайный разговор, взволновавший отца до слез, показал мне, до какой степени огорчало его мое скороспелое неверие, хотя, конечно, он догадывался, что это только болезнь роста. Но своим отношением ко мне в данном случае он дал мне почувствовать религию как нравственную силу, и это, конечно, было действительнее всяких обличений и наставлений"¹³.

Иногда на отцовский суд приносились литературные опыты детей. Сергей Михайлович всякий раз подходил к ним серьезно, оценивал без родительской умильности, но и не подтрунивал над случившимися курьезами. Его немногословные суждения стимулировали творчество детей, заставляли повышать требовательность. Результаты говорят за себя сами: четыре выходца из этой семьи — Всеволод, Владимир, Михаил и Поликсена снискали впоследствии писательскую известность.

Подобно тому как некоторые люди бывают от рождения одарены абсолютным музыкальным слухом, члены семьи С. М. Соловьева были наделены безусловным литературным вкусом. Интерес к литературе возбуждала сама атмосфера дома, умение родителей неназойливо направить литературное развитие детей. Немаловажную роль в развитии творческих способностей детей играла мать. С ее помощью были прочитаны первые книги. То были жития святых, сказки Андерсена, стихи Пушкина и Фета, сочинения Гоголя. Самыми любимыми и для детей, и для матери были пушкинская поэма "Руслан и Людмила" и гоголевские рассказы "Вечера на хуторе близ Диканьки"¹⁴. Нередко чтение вслух заканчивалось разговорами о семейном прошлом, воспоминаниями. Поликсена Владимировна, хранительница преданий своего рода, интересная рассказчица, умела вызвать в воображении яркие картины малороссийской старины, шляхетского быта, ратных подвигов дедушки — Владимира Павловича Романова, моряка, храбро сражавшегося в Севастопольскую кампанию; безоглядной отваги бабушки Екатерины Федоровны, бросившейся вызволять мужа, когда тот был арестован за личное знакомство с некоторыми из декабристов. Поликсена Владимировна, как и Сергей Михайлович, свято чтит память тех замечательных современников, которых ей довелось лично знать. Благодаря ее рассказам родными и близкими детям стали имена Грановского, Кудрявцева, Леонтьева, Каткова, Аксаковых¹⁵.

Заботливые родители Сергей Михайлович и Поликсена Владимировна не баловали, однако, своих детей частыми развлечениями. Жизнь текла в стенах дома по раз и навсегда заведенному порядку. Тон задавал сам хозяин, встававший в шесть часов утра и почти сразу же принимающийся за работу. В девять часов подавался утренний чай, за которым собирались все домочадцы. Время от десяти до половины четвертого глава семьи посвящал исполнению служебных обязанностей

в университете либо работе в архивных хранилищах, а дети — учебе. В четыре часа в доме накрывался обеденный стол, за которым снова встречалась большая семья. После обеда позволялся отдых, который Сергей Михайлович проводил за чтением географических сочинений, книг с описанием путешествий. В одиннадцать часов вечера взрослые, а дети еще раньше, отправлялись на покой. С незначительными изменениями тот же режим соблюдался и на летнем отдыхе, проходившем обыкновенно на казенной даче в Нескучном саду либо селе Покровском — имении Глебова-Стрешнева.

Разнообразие в семейный быт Соловьевых вносили гости, собиравшиеся в городе по пятницам, а на даче — по воскресным дням. Завсегдатаями собраний у Соловьева были по большей части выпускники и преподаватели Московского университета. Заходили историк Б. Н. Чичерин, юрист и земский деятель Ф. М. Дмитриев, юрист и директор Демидовского лицея в Ярославле М. Н. Капустин; историк права, служивший в Московском архиве С. А. Петровский, журналист и издатель либерального журнала "Атеней" Е. Ф. Корш, переводчик Шекспира, выпускник Медико-хирургической академии Н. Х. Кетчер, терапевт профессор университета М. Н. Черинов, историки С. В. Ешевский, Н. А. Попов, И. Е. Забелин. Собравшееся общество обыкновенно разделялось на мужскую и женскую половину. Первая во главе с хозяином располагалась в гостиной, вторая во главе с хозяйкой и ее помощницей по дому А. К. Колеровой — в зале. Музыка, пение, танцы во время этих встреч не были в обычае. Гости обсуждали последние новости, разговаривали об университетских и различных житейских делах. Живую струю в разговор неизменно вносил Ф. М. Дмитриев, остряк и балагур. Чувствуя себя в доме Соловьевых вполне непринужденно, гости тем не менее никогда не засиживались допоздна. В одиннадцать часов хозяйка объявляла, что пора на покой, и гости расходились¹⁶.

В 1877 году здоровье Сергея Михайловича серьезно пошатнулось. Болезни сердца и печени в тот год приняли роковой характер. Однако сам больной еще некоторое время не сознавал необратимости разрушительных изменений в организме и продолжал вести устоявшийся образ жизни. Напрасно родные, особенно старший сын Всеволод, уговаривали его отложить на время дела и съездить в Карлсбад для поправления здоровья. На эти увещевания был один ответ: "Некогда". "Как-то раз я спросил его, — рассказывал Всеволод, — когда же будет время? Он отвечал: "Когда окончу "Историю". Когда донесу эту ношу, если Бог продлит жизни, — то и отдохну! Сделаю большое путешествие по России, а затем стану писать свои "Записки"¹⁷.

Казалось, до намеченной цели рукой подать — оставалось изложить последние двадцать лет екатерининского царствования, и монун-

ментальный труд был бы завершен. Предвкушая этот радостный момент, Сергей Михайлович строил радужные планы на будущее. Дочь историка, Мария Сергеевна, рассказывала, как во время одной из совместных прогулок с отцом тот с просветленным лицом прочел ей строфу из стихотворения Гете, несколько переиначив ее:

*Не пылит дорога,
Не дрожат листья,
Погоди, Серезжа,
Отдохнешь и ты!¹⁸*

Однако счет шел уже на дни. Зимой 1878/79 года Всеволод, встречавший отца в Пестербурге, куда тот приехал для занятий с великими князьями, был потрясен его видом: "Человек пятидесяти восьми лет, еще недавно не только бодрый, но и моложавый, несмотря на седую бороду, казался теперь семидесятилетним старцем". Императрица Мария Александровна, сочувствовавшая историку, направила к нему светило тогдашней медицины профессора С. П. Боткина. Тот нашел его безнадежным, хотя и скрыл приговор от больного. Не ведая трагической правды и усилием воли преодолевая боль, Сергей Михайлович продолжал трудиться. Весной 1879 года он еще читал лекции великим князьям, а летом на подмосковной даче в Нескучном рукой, едва державшей перо, дописывал главы "Истории России" и записку, адресованную наследнику престола Александру Александровичу.

В это время, страдая сильными отеками, он уже не мог лежать и проводил дни и ночи в кресле. "Дух иже живет, плоть не пользует ничего же" — излюбленное библейское изречение Соловьева как нельзя более подходило к его тогдашнему состоянию. Жизнь покидала тело, но дух его был еще бодр. "Успокойся, — сказал Сергей Михайлович Всеволоду, навестившему его, — у меня был Захарьин. Я прямо потребовал, чтоб он объявил мне правду. Ведь я не баба и если должен умереть, то мне необходимо это знать для всяких распоряжений. Он побожился мне, что дело не к смерти и что я поправлюсь. Мне теперь лучше". "Божба" знаменитого московского доктора Г. А. Захарьина поддержала больного и оттянула конец на три месяца¹⁹. Скончался Сергей Михайлович Соловьев 4 октября 1879 года и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

С его смертью рухнула главная опора, державшая весь его большой дом. Разбрелись и отдалились друг от друга взрослые дети. Редко теперь собирались все вместе под отчим кровом. Холодным и безжизненным показалось жилище Соловьевых внуку Сергею, переступившему его порог после смерти деда: "Я стою перед тяжелой дверью большого каменного дома Лихутина, на углу Пречистенки и Zubовской площади... Вот дверь хлопнула, прокатился гул, и мы на лест-

нице, холодной, залитой голубоватым светом. Вот мы и в недрах огромной квартиры бабушки Поликсены Владимировны Соловьевой. Направо от передней большой кабинет дяди Володи. Над столом во весь рост портрет Петра Великого, на стене — "Христос с монетой" Тициана... Прямо от передней — большая зала, пустая и холодная, с роялем в углу и портретами великих князей по стенам; далее гостиная, или, лучше сказать, храм, воздвигнутый в честь историка России. На стене — большой портрет дедушки, где он изображен седовласым, с толстой палкой в руках; из-за сухо шелестящих фикусов и пальм виден на каком-то аналое металлический бювар, на крышке которого барельефный профиль все того же дедушки; в углу — гипсовый кумир того же дедушки. Везде — металл, пальмы и холод"²⁰.

Отчуждение проникло и в отношения братьев и сестер. В 1896 году между тремя братьями — Всеволодом, с одной стороны, и Владимиром и Михаилом — с другой, вспыхнула острая ссора, выплеснувшаяся на страницы печати. Причиной негодования двух братьев стала публикация Всеволодом фрагментов отцовских записок, подобранных несколько тенденциозно и односторонне характеризовавших их автора. Осудив брата за неуважительное обращение с отцовским литературным наследием, Владимир и Михаил сами, однако, не приложили достаточных усилий для того, чтобы сберечь это наследие в полной целостности и сохранности. С октября 1879 года по октябрь 1881 года архив С. М. Соловьева находился в руках его зятя, Н. А. Попова, назначенного хранителем архива еще при жизни историка. За это время Попов успел сделать многочисленные копии и выписки из подлинных соловьевских бумаг. После того как домашние условия Н. А. Попова стали непригодными для хранения ценного архива, он передал его прямым наследникам. По вине Владимира и Михаила Соловьевых часть архива была в дальнейшем безвозвратно утрачена²¹. (О некоторых исчезнувших рукописях в настоящее время можно судить только по их описаниям и копиям, выполненным Н. А. Поповым и хранящимся в фонде Соловьева в рукописном отделе Библиотеки имени В. И. Ленина.)

Сложной выдалась судьба соловьевского потомства. Никто из детей не продолжил дело отца. Две дочери вышли замуж за историков, сотрудников Сергея Михайловича (Вера — за историка-слависта Н.А. Попова, Мария — за П. В. Безобразова, византиниста). Через их жизнь прошли трещины и надломы. Надежда и Поликсена, оставшиеся в девицах, коротали век возле матери. Художница и поэтесса Поликсена Соловьева (печаталась под псевдонимом Allegro) подпала под власть богемной среды.

Литературную стезю выбрал для себя Всеволод, опубликовавший немало исторических романов (Сергей Михайлович был недоволен этими занятиями сына и говорил: "Я пишу историю, а мой сын ее искажает")²².

Драматическая и внутренне неустроенная судьба досталась самому талантливому из потомков Сергея Михайловича — Владимиру, открывшему своими исканиями новую главу в истории философской мысли России. Отдаленным эхом учения Владимира Соловьева стало поэтическое творчество младшего брата Михаила. Импульсивные и легкоранимые, наследники Соловьева не выстояли на студеных ветрах российского лихолетья — большинство их, так и не успев реализовать полностью выдающихся задатков, преждевременно сошли в могилу. Рассматривая историю этой семьи, внук и тезка Сергея Михайловича Соловьева подводил ее печальный итог: "Дед Сергей Михайлович был богатырем, но, очевидно, человеку большого умственного труда нельзя безнаказанно плодиться и множиться. Я вижу, как от нашего семейного ствола грустно опадают благоухавшие, но худосочные ветви"²³.

Глава

VIII

ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА

Минуло больше века со дня смерти С. М. Соловьева. В историографию отечественной истории вошли новые имена и новые книги. В начале XX века появились "Курс русской истории" В. О. Ключевского, "Очерки по истории русской культуры" П. Н. Милюкова, "Русская история в самом сжатом очерке" М. Н. Покровского... Но ни эти, ни другие выдающиеся труды не потеснили с книжных полок трудов С. М. Соловьева. К нему обращались за разъяснением сути исторических явлений, за советом в научных вопросах, за фактической справкой. М. Горький считал тома "Истории России" С. М. Соловьева наилучшим пособием для исторического самообразования и в начале XX века, когда выбор учебной и справочной литературы был уже достаточно широким. "Возьмите все 28 томов и хорошенько прожуйте их, — рекомендовал он одному из своих корреспондентов в 1911 г., — результаты будут очень хорошие: во-первых, под теорию вы подложите свой фундамент, во-вторых, вам будет понятна психология рус[ского] народа и рус[ской] интеллигенции"¹. (Горьким допущена неточность. С. М. Соловьев успел завершить 29 томов "Истории России".)

Сразу же после смерти Соловьева стали выходить посвященные ему работы — с разбором его взглядов, с оценкой вклада в науку. Первыми за это взялись его коллсги и ученики. Уже 3 ноября 1879 года К. Н. Бестужев-Рюмин — историк, близкий к славянофильской школе, — прочел в Петербургском университете лекцию "С. М. Соловьев". Позже она была включена в его сборник историографических очерков "Биографии и характеристики" (Спб., 1882). О научных разногласиях

с Соловьевым в дореформенный период Бестужев-Рюмин рассказал позже — в "Воспоминаниях (до 1860 г.)" (Спб., 1890).

Три очерка посвятил Соловьеву В. О. Ключевский². Испытавший на себе его огромное влияние и постоянно подчеркивавший свою зависимость от него, Ключевский обращался к памяти учителя в преддверии важных событий собственной научно-педагогической деятельности. Показательно, что право на создание своего труда по отечественной истории он оправдывал необходимостью завершить дело, начатое Соловьевым. Смерть, прервавшая работу великого историка, по словам Ключевского, помешала ему "достроить путь между началом и концом XVIII в."

Данью памяти выдающегося современника стал и очерк В. И. Герье. По его мнению, Соловьев — крупнейший представитель исторической мысли. С именем Соловьева Герье связывал окончательное оформление культурно-просветительской функции исторической науки, превращение ее в силу, активно воздействующую на общественный прогресс³.

Высоко оценивали вклад ученого либеральные историки Д. А. Корсаков, Н. Я. Аристов, А. Н. Пыпин. Превыше всего в его творчестве они ставили внимание к проблемам общечеловеческого развития, к европейскому образованию и культуре, стремление к рассмотрению русской истории на фоне всеобщей. Отражение запросов общества, постановка научных проблем, перекликающихся с актуальными вопросами жизни, — то новое, по мнению этих историков, что было дано Соловьевым по сравнению с предшественниками⁴. По словам Аристова, именно в творчестве С. М. Соловьева вопрос о том, "откуда есть пошла Русская земля", был впервые рассмотрен в единстве с проблемой "куда идет Русская земля"⁵.

Иначе оценивал работы Соловьева консервативный историк М. О. Коялович в книге "История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям" (Спб., 1884). Те стороны мировоззрения Соловьева, которые Корсаков, Аристов, Пыпин признавали достоинствами ученого, Коялович считал недостатком. По его понятиям, Соловьев преувеличил зависимость русской истории от европейской и недооценил способность к развитию на собственной национальной основе, заложенную в культуре допетровской России. "Свое — разрушение, чужое — строение" — к такой формуле была сведена им суть концепции "Истории России".

Пытались осмыслить результаты деятельности Соловьева буржуазные исследователи П. Н. Милюков, М. В. Довнар-Запольский, историк официально-охранительного направления С. Ф. Платонов. Они обращались к периоду 40 — 70-х годов в науке, к государственной школе. На ее фоне и рассматривалось творчество Соловьева. Выдерживая пистет перед крупнейшим ученым, эти авторы вместе с тем критиковали его за то же, что и других государственников: единство

и органичность формулы исторического процесса, монизм философии истории, восходивший к учению Гегеля. Подобный подход нес на себе отпечаток творческих поисков в дворянско-буржуазной науке конца XIX — начала XX века⁶.

Заметной историографической вехой в оценке наследия Соловьева стал поток литературы, посвященной В. О. Ключевскому. Поднимая проблему соотношения трудов двух корифеев буржуазной науки, эта литература рассматривала влияние Соловьева на формирование научных взглядов Ключевского, преувеличивала новаторство Ключевского, утверждала скептическое отношение к его учителю. Расхожим мотивом стало противопоставление Ключевского — историка-мыслителя и реформатора в науке Соловьеву — кропотливому собирателю фактов, выдвинувшему несколько удачных идей, по-настоящему якобы заигравших только в творчестве Ключевского⁷.

Точку зрения на Ключевского как на колосса, одиноко возвышающегося в русской историографии, исследователи его творчества стали пересматривать лишь в результате разрыва со старой школой, с идеалистической наукой. Фигура Соловьева вновь оказалась масштабной, заговорили о ее влиянии на дореволюционную науку. Эти оценки прозвучали в речи А. Е. Преснякова в 1920 году о С. М. Соловьеве. Сила историографической традиции, идущая от Соловьева, предопределила направление работы не только его последователей, но и противников, поставив последних перед необходимостью аргументированного разбора его мыслей и выводов. "Он — центральное лицо всей русской историографии, — заключал Пресняков. — В его труде — итог предыдущей подготовительной работы... и исходная точка большинства дальнейших течений русской исторической мысли"⁸.

Параллельно с исканиями буржуазной науки развивалась марксистская оценка деятельности Соловьева. Начало ей было положено Г. В. Плехановым в "Истории русской общественной мысли". Автор обращался к общему взгляду Соловьева на ход русской истории, особо заострял внимание на его мыслях о своеобразии русского исторического процесса. В концепции ученого выделял линию стихийного материализма, выступающую в форме геосоциологических взглядов, и на этом основании едва ли не производил его в предшественника исторического материализма.

Плеханов заимствовал у Соловьева фактический материал, характеризующий отставание России от развитых европейских стран на протяженных отрезках исторического прошлого, а также суждения об определенных отклонениях от магистральных путей развития европейских народов. Этот аспект интереса к наследию Соловьева подметил М. Н. Покровский: с помощью Соловьева Плеханов стремился обосновать свою теорию о том, что "открытая борьба классов не характерна для русской истории. Потребности государственной обо-

роны притушили эту борьбу... Оттого и "промежуточные" и "внеклассовые" партии, вроде кадетов, могут у нас играть совсем иную роль, чем на Западе"⁹.

Отношение к концепции Соловьева историков-марксистов вырабатывалось в процессе острых столкновений с буржуазной наукой, на основе переосмысления ее традиций и переоценки ее ценностей. Неприятие насаждавшегося буржуазной наукой культа Ключевского нередко выливалось в стремление противопоставить ему Соловьева. Порой это вело к преувеличению новаторства последнего, некоторому осовремениванию его взглядов. В итоге возникло противоречие в подходе к научному наследию Соловьева: с одной стороны, как к выражению реакционной идеологии господствующих классов, с другой — как к воплощению ряда прогрессивных тенденций, генетически связанных с историческим материализмом. Эти мысли прозвучали в книге М. Ольминского "Государство, бюрократия и абсолютизм в истории России" (М.—Л., 1925).

Четко обосновал подобный подход к творчеству Соловьева М. Н. Покровский. Вразрез с буржуазной историографией он подходил к Ключевскому как к эпигону Соловьева. Подчеркивал превосходство теории Соловьева над схемой исторического развития, выдвинутой другим влиятельным представителем дореволюционной науки — Б. Н. Чичериним: "...теория Чичерина объясняет лишь внутреннюю историю, а теория Соловьева захватывает и внешнюю"¹⁰. Во взглядах Соловьева Покровский находил много общего если не с историческим, то по крайней мере с экономическим материализмом. Это суждение подкреплялось доводом: "...так же, как в конце XVIII и в начале XIX века каждый умный человек был по природе якобинцем, так во второй половине XIX века каждый умный человек по природе немножко марксист, сознает он это или нет"¹¹.

Но ложное понимание историографии как "отражения фактов в выпуклом или вогнутом зеркале" помешало Покровскому дать объективную оценку взглядам Соловьева. Его операции над материалом дореволюционной науки свелись главным образом к выяснению ее классовых основ в духе вульгарного социологизма. В интерпретации соловьевской концепции главное внимание было уделено его так называемой теории борьбы "леса и степи". Она оценивалась как теоретическое обоснование экспансии в восточном направлении торгового капитала, нуждавшегося в расширении внешних рынков. По социальному положению и мировоззрению Соловьев безапелляционно объявлялся "представителем крупной буржуазии, собственнического лагеря"¹².

При очевидных дефектах историографических опытов Покровского он, несомненно, дал толчок советским исследованиям в этой области.

С конца 20-х годов по 1940 год обращения в печати к творчеству С. М. Соловьева стали редким явлением. Единственная оценка науч-

ной деятельности историка была дана в учебном пособии "История СССР" под редакцией Б. Д. Грекова и В. И. Лебедева (Т. I. С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1939). Труды Соловьева авторы рассматривали как начало буржуазной историографии в России, обращали внимание на исключительное значение для развития его взглядов темы петровских преобразований, "превращающихся для него в политическую программу эпохи реформ 60-х годов". Апологетическое изображение становления и эволюции российской государственности, замечали авторы, не помешало Соловьеву с трезвой критичностью отнестись к просвещенному абсолютизму Екатерины II, к либерализму Александра I и с острой ненавистью — к реакционному режиму Николая I.

Изучение исторических взглядов С. М. Соловьева в 40-е годы продолжил Н. Л. Рубинштейн. Он довольно полно раскрыл философские и исторические истоки воззрений ученого, назвал его выразителем настроений "буржуазии, идущей вверх под знаком борьбы за реформу". В своих выводах Рубинштейн констатировал: освещение Соловьевым таких крупных вопросов, как история возвышения Москвы, внутренняя политика Ивана IV, преобразовательная деятельность Петра I, в известной мере — последнее слово буржуазной науки. Рубинштейн приходил к заключению, что в рамках буржуазной историографии Соловьев ближе всех подошел к реализации принципа историзма¹³.

Но именно эти тезисы взяли под сомнение оппоненты Рубинштейна в конце 40-х годов. Все, написанное им позже о Соловьеве (с учетом критических замечаний), несло отпечаток регресса. Центр тяжести Рубинштейн перенес на разяснение ошибок и недочетов Соловьева¹⁴. Гипертрофированное критическое начало присутствовало уже в самих заголовках: "Черты буржуазного национализма в концепции Соловьева", "Искажение истории крестьянства и крестьянских войн".

Все это предопределялось установками "Очерков истории исторической науки в СССР" и учебника под редакцией В. Е. Иллерицкого и В. М. Кудрявцева: авторы этих трудов сводили все к большому отрыву буржуазной науки от революционной исторической мысли и в теоретических вопросах, и в конкретно-исторических исследованиях. Такой подход неправоммерно снижал значение профессиональной историографии, представленной главным образом буржуазными исследователями, и встретил справедливые возражения в советской научной литературе¹⁵. Вне поля зрения при таком подходе оставались многие явления: значительное расширение границ в познании прошлого, углубление исследовательской работы по темам и направлениям. По сути дела, со счетов сбрасывались несомненные достижения буржуазной науки: научная критика источников, принцип историзма, признание закономерности исторического развития, сравнительно-исторический метод. Такой подход смазывал различия между направле-

ниями и течениями в дореволюционной историографии. Характерно, что в "Очерках" чаще всего употреблялось искусственное выражение "дворянско-буржуазная историография".

Подобными недостатками отмечена вторая глава второго тома "Очерков", где освещались исторические взгляды Соловьева. Автор ее — В. Е. Иллерицкий — рассматривал концепцию Соловьева в разрезе становления и развития государственной школы; его расхождения с государственниками преподносил как результат разделения труда в рамках одной школы по схеме: теоретические основы школы заложили К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, конкретные исторические проблемы разработал Соловьев. Не выдерживало критики и утверждение о сближении к середине XIX века буржуазной историографии с дворянской. Этот тезис был связан с ошибочным определением в "Очерках" состояния буржуазной науки с конца 50 — начала 60-х годов XIX века как кризисного. Угол зрения, под которым рассматривалось развитие буржуазной историографии в "Очерках", априорно лишил ценности научное наследие Соловьева пореформенного времени, на который как раз приходился наиболее плодотворный период его творчества.

На новую, более высокую ступень изучение исторических взглядов Соловьева поднялось благодаря переизданию в конце 50 — первой половине 60-х годов "Истории России с древнейших времен". Обширную вводную статью к этому изданию подготовил Л. В. Черепнин. Ее главное достоинство — попытка связать постановку и решение узловых проблем русской истории Соловьевым с насущными задачами общественной жизни России его времени. Автор справедливо связывал возрастающую роль государства в трудах Соловьева с его отношением к буржуазным реформам. По наблюдениям Черепнина, в самом сопоставлении прошлого России и стран Западной Европы Соловьев в известной степени шел от практической задачи обоснования "для русского общества (с его неразвитым сословным строем)... реформ, которые приблизили бы Россию к другим европейским буржуазным государствам"¹⁶.

В статье Черепнина были глубокие и объективные оценки творчества Соловьева, но были и спорные суждения. Так, автор ставил в вину историку, что он "не поднялся до уровня классового анализа явлений", "не мог понять, что главное в общественном развитии — не географическая среда и не плотность населения, а развитие производительных сил"¹⁷. Несостоятельность подобных заключений проявлялась в утрате историзма, подмене анализа буржуазной науки ее доктринерским соотношением с историческим материализмом.

Заметное событие в изучении темы советскими учеными — статья А. М. Сахарова "История России в трудах С. М. Соловьева". Автор уделил особое внимание диалектическому методу Соловьева, применение которого, хотя и в рамках идеалистических представлений, вывело исторические исследования в середине XIX века на качественно

новые рубежи¹⁸. Автор раскрывал объективное, антидворянское содержание концепции складывания и роста государства в трудах историка. Кроме того, охарактеризовал противоречивость мировоззрения Соловьева: "...противник крепостничества, он был и противником его насильственного свержения, враг и обличитель духовенства, он был религиозным человеком, убежденный западник, гегельянец, он вместе с тем разделял и некоторые славянофильские воззрения относительно значения "допетровской Руси"¹⁹. Несмотря на то что статья не вводила в оборот нового материала о Соловьеве, она давала важные ориентиры для дальнейшей плодотворной разработки темы.

В историографии проводилось углубленное изучение отдельных сторон научной деятельности историка. С конца 70-х годов наблюдается заметное возрастание числа таких исследований. Были рассмотрены отдельные аспекты воздействия Соловьева на историческую мысль России второй половины XIX и начала XX века²⁰. Объектом специального исследования стала полемика вокруг томов "Истории России"²¹. Большое внимание в историографии было уделено "Публичным чтениям о Петре Великом" С. М. Соловьева²². обстоятельно освещены глубокие и многообразные связи Соловьева с Московским университетом²³. Изучено наследие Соловьева по истории исторической мысли России²⁴. Уточнены и расширены представления о научном методе историка²⁵. Отражением возросшего интереса к жизни и трудам выдающегося историка XIX столетия и одновременно залогом их дальнейшего плодотворного освоения явилось издание персонального указателя литературы и избранных сочинений Соловьева²⁶.

Главные итоги изучения темы подведены в книге В. Е. Иллерицкого "Сергей Михайлович Соловьев" (М., 1980). В ней в популярной форме изложена биография ученого, охарактеризованы его общественно-политические позиции и основы научного мировоззрения. Однако источниковая база исследования по сравнению с предшествующими работами почти не расширилась, проблематика осталась традиционной.

В обобщающем плане составлена вводная статья С. С. Дмитриева и И. Д. Ковальченко к новому изданию собрания сочинений историка, предпринятого издательством "Мысль" ("Историк Сергей Михайлович Соловьев. Его жизнь, труды, научное наследие")²⁷. Авторы суммировали, отчасти откорректировали выводы своих предшественников о философско-исторических корнях, узловых моментах концепции Соловьева, сделали ряд интересных наблюдений о восприятии его концепции общественно-исторической мыслью России XIX—XX веков.

Заканчивая очерк, хочется сказать: в русской дореволюционной и советской историографии накоплен большой материал о С. М. Соловьеве. Дважды переиздавался главный его труд — "Ис-

тория России” (в конце 50 — начале 60-х годов и в конце 80-х—90-е годы). Все это служит добротной основой и для изучения взглядов великого историка.

Между тем многие важные вопросы, связанные с изучением научной деятельности С. М. Соловьева, освещены еще недостаточно либо вовсе не разработаны. Это относится к его опытам параллельного изучения отечественной и всемирной истории, к изысканиям по истории внешней политики России и международных отношений, к злободневным публицистическим выступлениям по данной проблематике. Не подвергалась самостоятельному изучению его концепция исторического развития России в рамках ”нового периода”. Не исследовано еще в полной мере его отношение к жгучим проблемам жизни страны в 40—70-е годы XIX века, не ставился конкретно вопрос о степени и формах воздействия общественно-политических позиций ученого на освещение им исторических процессов.

Перед исследователями жизни и творчества Соловьева стоит еще немало проблем. Они могут быть изучены на основе привлечения всего богатства его литературного наследия — и опубликованного, и находящегося в архивах. (Последнее еще в очень незначительной степени введено в научный оборот.) И конечно же предмет особого разговора — история даровитой семьи Сергея Михайловича, отразившая яркую и трагическую судьбу российской интеллигенции начала XX века. Правдивый, обстоятельный рассказ о представителях этой семьи, оставивших заметный след в русской культуре, — долг потомков перед памятью великого ученого и гражданина России.

Примечания

Глава I ПЕРВЫЕ ШАГИ

¹Соловьев С. М. Избранные труды. Записки./Подгот. А.А. Левандовский, Н. И. Цимбасв. М., 1983. С. 229.

²Там же. С. 231.

³См.: *Алешинцев А.* История гимназического образования в России (XVIII—XIX века). Спб., 1912. С. 135.

⁴Там же. С. 127.

⁵Столетие Московской 1-й гимназии. 1804—1904. Краткий исторический очерк. Сост. Гобза И. А. М., 1903. С. 74.

⁶Миллюков А. Доброе старое время. Очерки былого. Спб., 1872. С. 191—192.

⁷Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. 7. М., 1985. С. 337.

⁸Столетие Московской 1-й гимназии. Приложения. С. 26.

⁹Соловьев С. М. Избранные труды. С. 253.

¹⁰См.: *Погодин М. П.* Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права? // Историко-критические отрывки. Кн. 1. М., 1846. С. 257—274; см. также: *Терещенко В. К.* Погодин и споры западников и славянофилов 1840-х гг. // Проблемы истории СССР. Вып. 5. М., 1976. С. 250.

¹¹См.: *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Т. 9. Спб., 1895. С. 308.

¹²Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. Спб., 1909. С. 411, примеч.

¹³См.: *Бороздин И. Н.* К вопросу об ученых разногласиях русских медиевистов 40—50-х гг. XIX в. // Средние века. Вып. 6. М., 1955. С. 352; История философии в СССР. Т. 2. М., 1968. С. 250—252; *Асиновская С. А., Гутнова Е. В.* Грановский как историк // *Грановский Т. Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 341.

¹⁴См.: *Грановский Т. Н.* О современном состоянии и значении всеобщей истории. М., 1852. С. 29—32.

¹⁵*Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М.—Л., 1941. С. 260.

¹⁶*Погодин М. П.* Историко-критические отрывки. Кн. 1. С. 10—12.

¹⁷*Давыдов И. И.* Возможна ли у нас германская философия? // Москвитянин. 1841. № 4. С. 401; см. также: *Шевырев С.* Взгляд русского на образование Европы // Москвитянин. 1841. № 1.

¹⁸Соловьев С. М. Избранные труды. С. 261—262.

¹⁹*Формозов А. А.* Воспоминания И. Е. Забелина о Т. Н. Грановском // Археографический ежегодник. 1983. М., 1985. С. 101.

²⁰Соловьев С. М. Избранные труды. С. 256.

²¹См.: *Соловьев С. М.* Каченовский Михаил Трофимович // Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета. М., 1855. Ч. 1. С. 395; см. также: *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 167—168.

- ²²Соловьев С. М. Избранные труды. С. 269.
²³ЦГИА СССР. Ф. 1120 (Соловьевых). Оп. 1. Д. 10. Л. 1.
²⁴Соловьев С. М. Избранные труды. С. 269.
²⁵См.: Московский университет в воспоминаниях современников./ Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1956.
²⁶ЦГИА СССР. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 61. № 37/х. Л. 15 об.
²⁷Там же. Л. 16 об.
²⁸Там же. Л. 13.
²⁹Там же.
³⁰Соловьев С. М. Избранные труды. С. 270.
³¹Там же.
³²РО ГБЛ. Ф. 285 (Соловьева). К. 1. Д. 3. Л. 1.
³³Там же.
³⁴Барсуков Н. П. Указ. соч. Т. 7. С. 339.
³⁵РО ГБЛ. Ф. 285. К. 1. Д. 3.
³⁶Барсуков Н. П. Указ. соч. Т. 7. С. 339.
³⁷Москвитянин. 1843. Ч. 4. № 8. С. 477.
³⁸Там же. С. 493.
³⁹Максимович Г. А. Учение первых славянофилов. Киев, 1907.
⁴⁰РО ГБЛ. Ф. 285. К. 1. Д. 18. Л. 2.
⁴¹Там же. Д. 34.
⁴²Соловьев С. М. Избранные труды. С. 268.
⁴³Там же.
⁴⁴РО ГБЛ. Ф. 285. К. 6. Д. 9/6. Л. 1.
⁴⁵Там же. Л. 9—10.
⁴⁶Там же. Л. 11.
⁴⁷Там же. Л. 8.
⁴⁸Там же. Л. 10.
⁴⁹Там же.
⁵⁰Там же. Л. 6.
⁵¹Там же.
⁵²Далин В. М. Историки Франции XIX—XX вв. М., 1981. С. 14.
⁵³РО ГБЛ. Ф. 285. К. 1. Д. 5. Л. 8.
⁵⁴Там же. К. 6. Д. 9/4. Л. 7.

Глава II НА ПОДСТУПАХ К ГЛАВНОМУ ТРУДУ

- ¹Соловьев С. М. Избранные труды. С. 291.
²П. В. Анненков и его друзья. Спб., 1892. С. 538—540.
³Соловьев С. М. Избранные труды. С. 304.
⁴ЦГИА СССР. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 8. Л. 13 об.
⁵РО ГБЛ. Ф. 285. К. 1. Д. 21. Л. 1.
⁶Барон Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время. Париж, 1926. С. 48.
⁷Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986. С. 145.
⁸РО ГБЛ. Ф. 285. К. 6. Д. 9/7. Л. 12.
⁹Там же.
¹⁰Соловьев С. М. Избранные труды. С. 292.
¹¹РО ГБЛ. Ф. 285. К. 6. Д. 10. Л. 43.

¹²Переписка Т. Н. Грановского. Т. 1. М., 1897. С. 157.

¹³Герцен А. И. Лобное место // Колокол. Вып. 1. М., 1960. С. 25—26.

¹⁴Соловьев С. М. Избранные труды. С. 308.

¹⁵Северный вестник. 1896. № 1. С. 68.

¹⁶Мякотин В. А. Из истории русского общества. Спб., 1906. С. 325.

¹⁷Русский архив. 1885. № 7. С. 449.

¹⁸Соловьев С. М. Избранные труды. С. 335.

¹⁹Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. Спб., 1882. С. 256.

²⁰Отчет о состоянии и действиях Императорского Московского университета за 1845—1846 ак. и 1846 гражд. годы. М., 1847.

²¹Отчет о состоянии и действиях... за 1846—1847 ак. и 1847 гражд. годы. М., 1848. С. 9.

²²Отчет о состоянии и действиях... за 1847—1848 ак. и 1848 гражд. годы. М., 1849. С. 12.

²³Отчет о состоянии и действиях... за 1854—1855 ак. и 1855 гражд. годы. М., 1856. С. 10.

²⁴Из дел Канцелярии Попечителя Московского учебного округа 1848 г. № 55 (По 1-му столу) // РО ГБЛ. Ф. 285. К. 6. Д. 2. С. 11.

²⁵Попов Н. А. Материалы для биографии С. М. Соловьева // РО ГБЛ. Ф. 285. К. 6. Д. 10. С. 37.

²⁶РО ГПБ. Ф. 73 (архив Бильбасова). Д. 1219. Л. 2.

²⁷РО ГПБ (архив Краевского). Д. 723. Л. 10—10 об.

²⁸РО ГПБ (архив Бильбасова). Д. 1219. Л. 6.

²⁹Опубликованное сочинение было озаглавлено "Географические известия о древней России" // Отечественные записки. 1853. Т. 86, 88, 96.

³⁰Соловьев С. М. Избранные труды. С. 5—41.

³¹П. В. Анненков и его друзья. С. 567—568.

Глава III НЕЗНАКОМАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

¹Дристов Н. Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855—1880) // Исторический вестник. 1880. № 4. С. 666.

²Соловьев С. М. Избранные труды. С. 328.

³Там же.

⁴РО ГБЛ. Ф. 285. № 3368. С. 2.

⁵РО ГПБ. Ф. 391. Д. 723. Л. 10.

⁶Соловьев С. М. Собр. соч. Б. м. и г. Стл. 1398, 1496, 1538.

⁷Соловьев С. М. Избранные труды. С. 293.

⁸Шикло А. Е. Исторические взгляды Н. А. Полевого. М., 1981. С. 132.

⁹Отечественные записки. 1851. № 3. С. 29.

¹⁰Бондарева Е. А. Исторические воззрения М. Д. Чулкова // Проблемы общественно-политического развития и классовой борьбы в России. XVII—XVIII вв. М., 1983.

¹¹Соловьев С. М. Избранные труды. С. 269.

¹²Шевцов В. И. Развитие прогрессивного направления в русской историографии первой половины XIX в. Днепропетровск, 1980.

¹³Цамутали А. Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 41—60.

- ¹⁴Там же. С. 137—161.
- ¹⁵Соловьев С. М. История России. Кн. 1. М., 1959. С. 76.
- ¹⁶Там же. С. 78.
- ¹⁷Цамутали А. Н. Указ. соч. Л., 1977. С. 41—60, 111—112.
- ¹⁸Пичета В. И. Памяти Сергея Михайловича Соловьева // Вестник Екатеринбургского земства. 1904. № 4. С. 1302.
- ¹⁹Соловьев С. М. История России. Кн. 1. С. 62—63, 74.
- ²⁰Там же. С. 96—98.
- ²¹Современник. 1851. Т. 29. С. 61.
- ²²Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.—Л., 1962. Т. 4. С. 350—351; Шелгунов Н. В. Соч. Т. 1. Спб., 1895. С. 222—224.
- ²³Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.—Л., 1947. Т. 3. С. 297—298.
- ²⁴Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1861. Т. 1. С. 44—45.
- ²⁵Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. М., 1961. Т. 2. С. 107—108.
- ²⁶Сахаров А. М. История России в трудах С. М. Соловьева // Вестник МГУ. Сер. IX. История. 1971. № 3. С. 79.
- ²⁷Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России. М., 1988. С. 10.
- ²⁸Соловьев С. М. Избранные труды. С. 199.
- ²⁹Соловьев С. М. История России. Кн. 2. М., 1959. С. 145.
- ³⁰Там же. С. 541, 555.
- ³¹Соловьев С. М. История России. Кн. 1. С. 55.
- ³²Там же. С. 515.
- ³³Там же. С. 534.
- ³⁴Соловьев С. М. История России. Кн. 4. М., 1960. С. 7—8.
- ³⁵Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 116—119.
- ³⁶Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 10. С. 61—62.
- ³⁷Писарев Д. И. Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 293.
- ³⁸Русское слово. 1864. № 4. С. 6.
- ³⁹Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 120—121.
- ⁴⁰Бестужев-Рюмин К. Н. Воспоминания (1829—1860) // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 17. 1900. № 4.
- ⁴¹Пытин А. Н. Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х гг. Исторические очерки // Вестник Европы. 1872. Кн. 5. С. 145—206.
- ⁴²Соловьев С. М. История России. Кн. 4. М., 1960. С. 388.
- ⁴³Соловьев С. М. Состояние Германии в конце XVII и первой половине XVIII в. (пояснительный очерк для русской истории означенного времени). РО ГБЛ. Ф. 285. К. 9. Д. 12. Л. 1.
- ⁴⁴Соловьев С. М. История России. Кн. 5. М., 1961. С. 311, 474.
- ⁴⁵Соловьев С. М. История России. Кн. 6. М., 1961. С. 188.
- ⁴⁶Там же. С. 605.
- ⁴⁷Данилова Л. В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970; Шапиро А. Л. Прогрессивные и тормозящие тенденции социально-экономического развития. О причинах закрепостительных мер конца XVI в. // Аграрная история северо-запада России XVI в. М., 1978; Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3.
- ⁴⁸Соловьев С. М. История России. Кн. 4. М., 1960. С. 296.
- ⁴⁹Соловьев С. М. История России. Кн. 7. М., 1962. С. 106.

⁵⁰Соловьев С. М. Избранные труды. С. 340—345.

⁵¹Соловьев С. М. Собр. соч. Стл. 895—896.

⁵²Там же. Стл. 1603.

⁵³Соловьев С. М. Избранные труды. С. 191—192.

⁵⁴Там же. С. 193.

⁵⁵Попов Н. А. Материалы для биографии С. М. Соловьева. С. 68.

⁵⁶Соловьев С. М. Об изучении истории // РО ГБЛ. Ф. 285. К. 9. Д. 6. С. 9—10.

⁵⁷Там же. С. 36.

⁵⁸Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 12—15.

⁵⁹Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 10. С. 441.

⁶⁰Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 362.

⁶¹Сборник постановлений и распоряжений по делам цензуры с 1720 по 1862 г. Спб., 1862. С. 453.

Глава IV

ПЕТР I: ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ

¹Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 137.

²Соловьев С. М. (внук). Воспоминания. Часть I // РО ГБЛ. Ф. 285. К. 3. Д. 11. С. 27—28.

³Ключевский В. О. Соч. В 8 т. М., 1957. Т. 4. С. 204.

⁴Атеней. 1858. № 4. С. 1—29.

⁵Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9 т. М.—Л., 1962. Т. 3.

⁶Иллерицкий В. Е. Революционная историческая мысль в России. М., 1974. С. 109; Антонов В. Ф. Историческая концепция Н. А. Добролюбова. М., 1981. С. 133.

⁷Ключевский В. О. Собр. соч. Т. 4. М., 1958; Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. 2-е изд. Спб., 1905. С. 545—546; Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. С. 144—145; Кизеветтер А. А. Русское общество в восемнадцатом столетии. 2-е изд. Ростов-на-Дону, 1905. С. 8—9; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. 9-е изд. Пг., 1915. С. 540—542.

⁸Соловьев С. М. История России. Кн. 8. М., 1962. С. 476.

⁹Там же. С. 476—479.

¹⁰Там же. С. 477—478.

¹¹Там же. С. 481.

¹²Соловьев С. М. История России. Кн. 9. М., 1963. С. 486.

¹³Там же. С. 476.

¹⁴Там же. С. 545.

¹⁵Водарский Я. Е. Из истории создания Главного магистрата // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 108—112.

¹⁶Соловьев С. М. История России. Кн. 7. М., 1962. С. 481.

¹⁷Соловьев С. М. История России. Кн. 9. М., 1963. С. 489.

¹⁸Соловьев С. М. История России. Кн. 8. С. 481—482.

¹⁹Там же. С. 464.

²⁰Соловьев С. М. История России. Кн. 9. С. 544.

²¹Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Л., 1982. С. 279—280.

²²Тихонов Ю. А. Феодальная рента в поместничьих имениях Центральной России в конце XVII — первой четверти XVIII в. (владельческие повинности

и государственные налоги) // Россия в период реформ Петра I. /Под ред. Павленко Н. И. М., 1973. С. 213.

²³Булъгин И. А. Законодательство о крестьянской торговле в России в XVII—60-х гг. XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984.

²⁴Рабинович М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны // Россия в период реформ Петра I. С. 166.

²⁵Соловьев С. М. История России. Кн. 8. С. 481.

²⁶Там же. С. 99.

²⁷Там же. С. 103.

²⁸Соловьев С. М. История России. Кн. 9. С. 322.

²⁹Российское законодательство X—XX веков. Т. 4. М., 1986. С. 331.

³⁰Голикова Н. Б. Органы политического сыска и их развитие в XVII—XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964; Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Там же; Зайченко А. Б. Взгляды Петра I на власть и закон // Историко-правовые исследования: проблемы и перспективы. М., 1982.

³¹Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.

³²Соловьев С. М. История России. Кн. 9. С. 547.

³³Там же. С. 503.

³⁴Там же. С. 542.

³⁵Там же. С. 546.

³⁶Там же. С. 545.

³⁷Там же. С. 548.

³⁸Соловьев С. М. История России. Кн. 7. С. 509.

³⁹Соловьев С. М. История России. Кн. 8. С. 75.

⁴⁰Соловьев С. М. История России. Кн. 9. С. 79.

⁴¹Там же. С. 11.

⁴²Там же. С. 37.

⁴³Там же. С. 83.

⁴⁴Там же. С. 63.

⁴⁵Там же. С. 219.

⁴⁶История Северной войны. 1700—1721 гг./Под ред. Ростунова И.И. М., 1987.

⁴⁷Некрасов Г. А. Военно-морские силы России на Балтике в первой четверти XVIII в. // Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX века. М., 1969.

⁴⁸Соловьев С. М. История России. Кн. 9. С. 315.

⁴⁹Там же. С. 312.

⁵⁰Соловьев С. М. История России. Кн. 7. С. 612.

⁵¹Соловьев С. М. История России. Кн. 8. С. 396.

⁵²Соловьев С. М. История России. Кн. 7. С. 210.

⁵³Юсупов Р. Р. Польский вопрос в политике России накануне русско-турецкой войны 1768—1774 гг. // Вестник Московского ун-та. Серия 8. История. 1980. № 3. С. 36.

⁵⁴Соловьев С. М. История России. Кн. 9. С. 345.

⁵⁵Беликова Т. И. Участие калмыков в войнах России XVII, XVIII и первой четверти XIX в. Элиста, 1960; Россия и Афганистан./ Под ред. Ганковского Ю. В. М., 1989. С. 17—20.

- ⁵⁶Лысов В. П. Персидский поход Петра I. 1722—1723. М., 1951.
- ⁵⁷Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. Комменгарии. С. 212, 223.
- ⁵⁸Беседа. 1872. Кн. 12. С. 6.
- ⁵⁹Соловьев С. М. Публичные чтения. С. 62.
- ⁶⁰Соловьев С. М. Избранные труды. С. 337—338.
- ⁶¹Беседа. 1872. Кн. 2. С. 107.
- ⁶²Там же. С. 329.
- ⁶³Соловьев С. М. Избранные труды. С. 346.
- ⁶⁴Соловьев С. М. Публичные чтения. С. 38.
- ⁶⁵Там же. С. 173.
- ⁶⁶Там же. С. 174.
- ⁶⁷Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. М., 1981. С. 210, 217—218.
- ⁶⁸Там же. С. 223.
- ⁶⁹Гармиза В. В. Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957.
- ⁷⁰Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. М., 1978.
- ⁷¹Лекции по русской истории. Ординарного профессора С. Соловьева. 1867—1868 гг. // ГБЛ. Т. 82/157. С. 264. Лекции по русской истории XVIII в., читанные в Александровском военном училище // ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 34. Л. 48—48 об.
- ⁷²Всемирный труд. 1871. № 1.
- ⁷³Там же. С. 6.
- ⁷⁴Там же. С. 9—10.
- ⁷⁵Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главных деятелей. Спб., 1876. Вып. 6. С. 781.
- ⁷⁶Соловьев С. М. Публичные чтения. С. 2.
- ⁷⁷Там же. С. 100.
- ⁷⁸Там же. С. 52.
- ⁷⁹Там же. С. 53.
- ⁸⁰Там же. С. 133.
- ⁸¹Там же. С. 48.
- ⁸²Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е гг. XIX в. М., 1970. С. 269.
- ⁸³Грот Я. К. Петр Великий как просветитель России. Спб., 1872. С. 45.
- ⁸⁴Там же. С. 24.
- ⁸⁵Русский архив. 1874. № 6. С. 1579.
- ⁸⁶Владимиров В. Восточный вопрос и Россия // Беседа. 1872. Кн. 2. С. 276.
- ⁸⁷Современные известия. 1872. № 57. С. 2.
- ⁸⁸Беседа. 1872. № 11. С. 390.
- ⁸⁹Соловьев С. М. Публичные чтения. С. 77.
- ⁹⁰Характерно, что одну из своих юбилейных работ Соловьев поместил в журнале "Беседа", тяготевшем к панславистским кругам. Выбор Соловьева невольно обращает на себя внимание, если учесть, что перед ним были распахнуты двери редакций других, более нейтральных изданий. Очевидно, некоторые программные установки этого органа, ратовавшего за "единство и силу нашего государства", активный внешнеполитический курс России, были созвучны настроениям Соловьева.
- ⁹¹Соловьев С. М. Публичные чтения. С. 83.

⁹²Там же. С. 79.

⁹³Там же. С. 51.

⁹⁴Беседа. 1872. Кн. 3. С. 14.

⁹⁵Вестник Европы. 1868. № 3. С. 163.

⁹⁶Восточный вопрос во внешней политике России. Под ред. Киняпиной Н.С. М., 1979. С. 167.

⁹⁷Дело. 1872. № 7. С. 44; Там же. С. 315; Вестник Европы. 1872. № 6. С. 793.

⁹⁸Московские ведомости. 1872. № 145. 11 июня. С. 3.

⁹⁹О содержании этой коллекции см.: *Васильчиков А. А.* Описание портретов императора Петра Великого. М., 1872.

¹⁰⁰РО ГБЛ. Ф. 285. К. 5. Д. 1. Док. 5. Л. 12.

¹⁰¹Московские ведомости. 1872. № 145. С. 3.

¹⁰²Вестник Политехнической выставки. 1872. № 107. С. 2.

¹⁰³*Поздняков Н. Н.* Политехнический музей и его научно-просветительская деятельность // История музейного дела в СССР. Вып. 1. М., 1957. С. 131.

¹⁰⁴Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. 17. М., 1875. С. 12.

¹⁰⁵РО ГБЛ. Ф. 285. К. 5. Д. 2. Док. 10.

¹⁰⁶См.: Празднование двухсотлетнего юбилея Петра Великого в Императорском Новороссийском университете 31 мая 1872 г. Одесса, 1872; О значении Петра Великого для России вообще и в частности для Астраханского края. Речь Н. Леонтьева. Астрахань, 1874.

¹⁰⁷ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 73. Л. 21.

Глава V

ПОСТИГАЯ ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ

¹*Струков Д. М.* Записка о разговорах с директором Оружейной палаты С.М. Соловьевым // РО ГБЛ. Ф. 293 (Струкова). К. 4. Д. 41. Л. 1.

²*Анисимов Е. В.* Внутренняя политика Верховного тайного совета (1726—1730 гг.). Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. истор. наук. Л., 1975. С. 10—11; *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1988. С. 281; *Он же.* Полудержавный властелин. М., 1988. С. 240—241.

³*Юхт А. И.* Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20 — начале 30-х гг. XVIII в. М., 1985. С. 269—312.

⁴*Соловьев С. М.* История России. Кн. 10. М., 1963. С. 679.

⁵Там же. С. 652.

⁶См.: *Некрасов Г. А.* Роль России в европейской международной политике. 1725—1739 гг. М., 1970; *Никифоров Л. А.* Основные задачи внешней политики России после Ништадтского мира // Международные отношения и внешняя политика СССР. История и современность. Под ред. Гафурова Б. Г. М., 1977.

⁷*Анисимов Е. В.* Россия в середине XVIII в. // В борьбе за власть. Страницы политической истории России XVIII в. М., 1988. С. 50.

⁸*Соловьев С. М.* История России. Кн. 13. М., 1965. С. 84.

⁹*Соловьев С. М.* История России. Кн. 14. М., 1965. С. 269.

¹⁰Там же. С. 100.

¹¹Цит. по: *Нечкина М. В.* О. Ключевский. М., 1974. С. 544—545.

¹²*Соловьев С. М.* История России. Кн. 13. С. 426; кн. 14. С. 56.

- ¹³См.: *Рубинштейн Н. Л.* Указ. соч. С. 527.
- ¹⁴*Соловьев С. М.* Избранные труды. С. 345.
- ¹⁵*Соловьев С. М.* Новая русская история. С. 31.
- ¹⁶*Соловьев С. М.* Избранные труды. С. 312.
- ¹⁷Лекции по русской истории ординарного профессора С. Соловьева. С. 281.
- ¹⁸*Соловьев С. М.* Учебная книга русской истории. М., 1859. С. 494.
- ¹⁹*Соловьев С. М.* История России. Кн. 13. С. 480.
- ²⁰Лекции по русской истории ординарного профессора С. Соловьева. С. 274.
- ²¹*Соловьев С. М.* Избранные труды. С. 311.
- ²²*Соловьев В. С.* Из литературных воспоминаний. Н. Г. Чернышевский // Письма В. С. Соловьева. Под ред. Э. Л. Радлова. Спб., 1908. Т. 1. С. 274—275.
- ²³Лекции по русской истории ординарного профессора С. Соловьева. С. 274.
- ²⁴*Миллюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. Ч. III. Спб., 1901.
- ²⁵*Дьяков В. А.* К столетию польского восстания 1863 г. // Вопросы истории. 1963. № 1; *Фалькович С. М.* Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX в. М., 1966; Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М., 1976.
- ²⁶*Герцен А. И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 151.
- ²⁷*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 260.
- ²⁸*Твардовская В. А.* Идеология русского самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 30.
- ²⁹*Югансон Е. А.* Проблемы польского национально-освободительного восстания 1863—1864 гг. в русской исторической литературе и публицистике. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. истор. наук. Воронеж, 1955. С. 8—11.
- ³⁰*Соловьев С. М.* Собр. соч. Стл. 907.
- ³¹*Соловьев С. М.* Курс новой истории. Ч. 2. М., 1873. С. 168—169.
- ³²Московские ведомости. 1863. № 39. 21 февраля. С. 3.
- ³³*Соловьев С. М.* Собр. соч. Стл. 205.
- ³⁴*Соловьев С. М.* История и современность. Статьи I, II // Наше время. 1862. 28 февраля. С. 175—176; № 50. 7 марта. С. 200.
- ³⁵*Соловьев С. М.* Собр. соч. Стл. 101.
- ³⁶*Твардовская В. А.* Указ. соч. С. 30, 35, 65.
- ³⁷*Соловьев С. М.* История России. Кн. 13. С. 438.
- ³⁸См.: *Кареев Н. И.* Падение Польши в исторической литературе. Спб., 1888; *Дьяков В. А.* Польская тематика в русской историографии конца XIX — начала XX в. (Н. И. Кареев, А. А. Корнилов, А. Л. Погодин, В. А. Францев) // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 152—153.
- ³⁹*Соловьев С. М.* Собр. соч. Стл. 735.
- ⁴⁰*Полов Н. А.* Изложение лекций С. М. Соловьева по новой истории в 1879г. // РО ГБЛ. Ф. 285. К. 6. Д. 9/7. Ед. хр. 8. С. 18.
- ⁴¹*Соловьев С. М.* Польша в 1830 и 1831 гг. // ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 75. С. 3—4.
- ⁴²Там же. С. 6.
- ⁴³Там же.
- ⁴⁴Там же. С. 13.
- ⁴⁵Там же. С. 12.

⁴⁶Соловьев С. М. Поццо ди Борго и Франция // Вестник Европы. 1879. № 5. С. 268.

⁴⁷ См.: Киняпина Н. С. Реакционная политика европейских держав в польском вопросе // Вестник Московского ун-та. 1952. № 7.

⁴⁸См.: Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. М., 1960. С. 9—155.

⁴⁹См.: Московские ведомости. 1875. № 55. С. 1; Никитин С. А. Указ. соч. С. 117.

⁵⁰См.: Никитин С. А. Славянские съезды шестидесятых годов XIX в. // Славянский сборник. Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 гг. М., 1948. С. 22.

⁵¹Соловьев С. М. Об историческом движении русского народонаселения // Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей принадлежащих. М., 1868. С. 117.

⁵²Соловьев С. М. Собр. соч. Стл. 909.

⁵³Цит. по: Всероссийская этнографическая выставка в мае 1867 г. М., 1867. С. 303.

⁵⁴Соловьев С. М. Собр. соч. Стл. 934.

⁵⁵Соловьев С. М. История России. Кн. 14. С. 560.

⁵⁶Цит. по: Попов Н. А. Материалы для биографии С. М. Соловьева. С. 74.

⁵⁷Цит. по: Воспоминание о С. М. Соловьёве Петра Бартенева // Русский архив. 1907. № 8. С. 555.

⁵⁸Цит. по: Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М., 1970. С. 60.

⁵⁹Там же. С. 169.

⁶⁰Соловьев С. М. Собр. соч. Стл. 907.

⁶¹Лекции по русской истории ординарного профессора С. Соловьева; см.: Маркова О. П. О происхождении так называемого "греческого проекта" (90-е гг. XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4; Достян И. М. Россия и Балканский вопрос. М., 1872. С. 36—42.

⁶²Соловьев С. М. История России. Кн. 14. С. 378.

⁶³Там же.

⁶⁴Соловьев С. М. Собр. соч. Стл. 909.

⁶⁵Корсаков Д. Из воспоминаний о Н. И. Костомарове и С. М. Соловьёве // Вестник Европы. 1906. № 9. С. 271—272.

⁶⁶Воспоминания о С. М. Соловьёве Петра Бартенева. С. 555.

⁶⁷Соловьев С. М. Начало борьбы России с Турцией // Московские ведомости. 1854. № 32. С. 123—124.

⁶⁸Соловьев С. М. Собр. соч. Стл. 794—797.

⁶⁹Кавелин К. Д. Письмо к С. М. Соловьёву от 16 января 1856 г. // ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 7. Л. 39—40.

⁷⁰Там же. Л. 40—40 об.

⁷¹РО ГПБ. Архив Шубинского. Оп. 1. Т. 3. С—Я. Л. 16.

⁷²Там же.

⁷³Для удобства публикации первоначально единая статья была разъята на две части, составившие отдельные работы.

⁷⁴РО ГПБ. Архив Шубинского 1876 г. П—Щ. Л. 47.

⁷⁵Восточный вопрос во внешней политике России. С. 202—205.

⁷⁶Вербицкий Э. Д. К вопросу о ближневосточной политике России на рубеже XVIII—XIX вв. // Колониальная политика и национально-освободительное

движение. Кишинев, 1965; Итоги и задачи изучения внешней политики России. Под ред. Нарочницкого А. Л. М., 1978. С. 190.

⁷⁷Восточный вопрос во внешней политике России. С. 78—85.

⁷⁸См.: Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг. М., 1983. С. 157.

⁷⁹Соловьев упускал из виду тот факт, что Александр I к концу своего царствования принял твердое решение о единоличных действиях против Порты // Международные отношения на Балканах. С. 172.

⁸⁰Кияпина Н. С. Основные этапы политики России в Восточном кризисе 1875—1878 гг. // Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 16—18.

⁸¹Попов Н. А. Изложение лекций С. М. Соловьева по новой истории в 1879 г. С. 23.

⁸²РО ГБЛ. Ф. 285. К. 1. Д. 2/1. Л. 1.

⁸³Соловьева П. Автобиографическая заметка // Русская литература XX в. 1890—1910. Под ред. Венгерова С. А. М., 1916. Т. 3. С. 167.

⁸⁴Хвостов В. М. Франко-русский союз и его историческое значение. М., 1955. С. 39.

⁸⁵Соловьев С. М. Собр. соч. Стл. 254.

⁸⁶Ключевский В. О. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1963. С. 103.

⁸⁷Соловьев С. М. Сношения России с Францией в 1779—1791 гг. // Московские университетские известия. 1866. № 6. С. 483.

⁸⁸Лекции по русской истории ординарного профессора С. Соловьева. С. 285.

⁸⁹Там же.

⁹⁰Соловьев С. М. Поццо ди Борго и Франция // Вестник Европы. 1879. № 3. С. 84.

⁹¹Попов Н. А. Изложение лекций С. М. Соловьева по новой истории. С. 23.

⁹²Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 13.

⁹³Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой // Вопросы истории. 1979. № 4.

⁹⁴Thiers A. Histoire du Consulat et de Empire. J. I—21. Paris, 1845—1869.

⁹⁵Соловьев С. М. Избранные труды. С. 308.

⁹⁶Соловьев С. М. Польша в 1830 и 1831 гг. // ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 75. С. 5.

⁹⁷Там же.

⁹⁸Соловьев С. М. Варианты на тему: "Наблюдения над исторической жизнью народов" // РО ГБЛ. Ф. 285. К. 6. Д. 10. С. 131.

⁹⁹Соловьев С. М. Собр. соч. Стл. 427—428.

¹⁰⁰Исторический вестник. 1880. Декабрь. С. 872.

¹⁰¹Попов Н. А. Материалы для биографии С. М. Соловьева. С. 125.

¹⁰²Русская старина. 1877. № 11. С. 413.

¹⁰³Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 362.

¹⁰⁴Русская старина. 1877. № 11. С. 426.

¹⁰⁵Кияпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX в. М., 1974. С. 142, 150, 165.

¹⁰⁶Цит. по соч.: Русско-турецкая война 1877—1878 гг. Под ред. Ростунова И. И. М., 1977. С. 23.

- ¹Соловьев С. М. Избранные труды. С. 326.
²РО ГБЛ. Ф. 285. К. 3. Д. 4.
³Там же. К. 9. Д. 3.
⁴Там же. К. 9. Д. 5.
⁵Соловьев С. М. Собр. соч. Стл. 641.
⁶Танков А. С. М. Соловьев как профессор. — Курс лекций по новой истории, прочитанный им в 1879/80 г. // ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 265. Оп. 2. Д. 2618. Л. 34—35.
⁷Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 13; *Он же*. Что такое охранительные начала? // Наше время. 1862. № 39, 40, 45.
⁸Ключевский В. О. Соч. В 8 т. М., 1959. Т. 8. С. 239.
⁹Там же. С. 258.
¹⁰Танков А. Сергей Михайлович Соловьев // Вестник Европы. 1910. № 10. С. 349—350.
¹¹Русский вестник. 1896. № 5. С. 148.
¹²Эвенчик С. Л. Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. М., 1972.
¹³Положение о Высших женских курсах в Москве и речи, произнесенные при открытии курсов 1 ноября 1872 г. М., 1872. С. 11—12.
¹⁴Там же. С. 17.
¹⁵Некрасова Е. С. Два слова в память десятилетия Московских курсов // Русская мысль. 1882. Кн. 9. С. 193.
¹⁶Соловьев С. М. Избранные труды. С. 346.
¹⁷РО ГБЛ. Ф. 285. К. 1. Д. 7.
¹⁸См.: Ткаченко П. С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX в. М., 1958; *Он же*. Учащаяся молодежь в революционном движении 60—70-х гг. XIX в. М., 1978.
¹⁹Лешин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 29.
²⁰См.: Платова Т. П. Н. А. Варнек и Московский университет // Труды института истории естествознания и техники АН СССР. М., 1953. Т. 5.
²¹Пантелев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. М., 1934. С. 198—210.
²²Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 15.
²³Худяков И. А. Записки каракозовца. М.—Л., 1930. С. 45.
²⁴Ешевский С. В. Сочинения по русской истории. М., 1990. С. LXXVII.
²⁵Ключевский В. О. Письма к Гвоздесву // Труды публ. биб-ки им. В. И. Ленина. Вып. 5. М., 1924.
²⁶Колокол. Вып. IV. М., 1962. С. 942.
²⁷Ешевский С. В. Указ. соч. С. LXXII.
²⁸Титов А. Л. Из бумаг О. М. Бодянского. М., 1905. С. 9.
²⁹Там же. С. 13.
³⁰Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 106.
³¹Цит. по соч.: История Москвы. М., 1954. Т. 4. С. 312.
³²Эймонтова Р. Г. Революционная ситуация и подготовка университетской реформы в России // Революционная ситуация в России (1859—1861). М., 1974. С. 69.
³³Там же. С. 65.
³⁴Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. С. 76.

³⁵Там же. С. 97; *Орлов В. И.* Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М., 1934. С. 65—67.

³⁶*Чичерин Б. Н.* Указ. соч. С. 97.

³⁷Там же.

³⁸Там же. С. 221.

³⁹*Никитенко Н. В.* Записки и дневник. Под ред. М. Лемке. Спб., 1904. Т. 2.

⁴⁰*Чичерин Б. Н.* Указ. соч. С. 214.

⁴¹ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 4. Л. 26—27.

⁴²*Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 115—116.

⁴³*Чичерин Б. Н.* Указ. соч. С. 224.

⁴⁴Там же. С. 225.

⁴⁵ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 164. Л. 1.

⁴⁶См.: *Любимов Н. А.* Университетский вопрос. Требуется ли университетское преобразование и какие должны быть его существенные черты // *Русский вестник.* 1876. № 12.

⁴⁷*История Московского университета.* М., 1955. Т. 1. С. 269.

⁴⁸Там же. С. 270.

⁴⁹*Русский курьер.* 1879. № 40. 8 октября. С. 1.

⁵⁰Там же. № 38. 6 октября. С. 2.

⁵¹*Ковалевский М. М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века. (Личные воспоминания.) // *Вестник Европы.* 1910. № 5. С. 186—187.

⁵²*Щетилина Г. И. С. М. Соловьев.* Факты биографии // *История и историки.* Историографический ежегодник. 1979. М., 1982. С. 363.

⁵³Там же. С. 365.

Глава VII В КРУГУ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ

¹*Соловьев С. М.* Избранные труды. С. 180—228.

²ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 7. Л. 41.

³ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 93 (собрание П. Я. Дашкова). Оп. 3. Д. 1155. Л. 1 об.

⁴*Лукьянов С. М.* О Владимире Сергеевиче Соловьеве в его молодые годы. Спб., 1916. С. 27.

⁵*Соловьев С. М.* (внук). Воспоминания // РО ГБЛ. Ф. 696 (С. М. Соловьева). К. 3. Д. 11. С. 35.

⁶*Соловьева П.* Автобиографическая заметка. С. 164.

⁷*Лукьянов С. М.* Указ. соч. С. 17.

⁸*Безобразов П. В. С. М. Соловьев.* Его жизнь и научно-литературная деятельность. Спб., 1894. С. 78.

⁹*Соловьева П.* Указ. соч. С. 164.

¹⁰Там же. С. 166.

¹¹*Соловьев С. М.* (внук). Воспоминания. С. 30.

¹²*Соловьев Вл. С. С. М. Соловьев.* Несколько данных для его характеристики // *Вл. Соловьев.* Собр. соч. Спб., 1886—1896. Т. 6. С. 645.

¹³Там же.

¹⁴Там же. С. 165.

¹⁵Там же. С. 166.

¹⁶*Безобразов П. В.* Указ. соч. С. 78; *Лукьянов С. М.* Указ. соч. С. 37.

¹⁷Из неизданных бумаг С. М. Соловьёва. Предисловие Вс. С. Соловьёва // Русский вестник. 1896. Февраль. С. 1.

¹⁸Соловьёв С. М. (внук). Воспоминания. С. 32.

¹⁹Из неизданных бумаг С. М. Соловьёва. С. 2.

²⁰Соловьёв С. М. (внук). Воспоминания. С. 27—28.

²¹О разделе имущества С. М. Соловьёва // ЦГИА. Ф. 1120. Оп. 1. Д. 17. Л.

25.

²²Соловьёв С. М. (внук). Воспоминания. С. 36.

²³Там же. С. 46.

Глава VIII ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА

¹Архив Горького А. М. Т. 14. Неизданная переписка. М., 1976. С. 340—341.

²Ключевский В. О. С. М. Соловьёв // Соч. В 8 т. Т. 7. М., 1959; *Он же*. Памяти Соловьёва // Т. 8. М., 1959; *Он же*. С. М. Соловьёв как преподаватель // Там же.

³Герье В. И. С. М. Соловьёв. Спб., 1880.

⁴Корсаков Д. Из воспоминаний о Н. И. Костомарове и С. М. Соловьёве // Вестник Европы. 1906. № 9; Аристов Н. Я. Разработка русской истории в последние двадцать пять лет (1855—1880) // Исторический вестник. 1880. № 4; Пытин А. Н. Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Спб., 1890.

⁵Аристов Н. Я. Указ. соч. С. 677.

⁶Миллюков П. Н. Юридическая школа в русской историографии (Соловьёв, Кавелин, Чичерин, Сергеевич) // Русская мысль. 1886. № 6; Довнар-Запольский М. В. Исторический процесс русского народа в русской историографии // Русская мысль. 1903. № 3; Лекции по русской истории профессора С. Ф. Платонова. Спб., 1900.

⁷Богословский М. В. О. Ключевский как ученый // В. О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912; Любавский М. Соловьёв и Ключевский // Там же.

⁸Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963. С. 86.

⁹Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.—Л., 1933. С. 91.

¹⁰Там же. С. 61.

¹¹Там же. С. 52.

¹²Там же. С. 53—54.

¹³Историк-марксист. 1929. № 313.

¹⁴Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М. — Л., 1941. С. 342. См. также его статьи: Сергей Михайлович Соловьёв // Историк-марксист. 1940. № 3; С. М. Соловьёв и русская историческая наука // Вопросы истории. 1945. № 3—4.

¹⁵Историография истории СССР до Великой Октябрьской социалистической революции. Под ред. Иллерицкого В. Е. и Кудрявцева В. М. 2-е изд. М., 1976. С. 170.

¹⁶Черепнин Л. В. С. М. Соловьёв как историк // История России с древнейших времен. М., 1959. Т. 1. С. 16.

¹⁷Там же. С. 34—35.

¹⁸Вестник Московского университета. История. Серия 9. 1971. № 3. С. 78.

¹⁹Там же. С. 77.

²⁰*Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977; *Он же.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма. Л., 1986.

²¹*Колесник И. И.* Poleмика вокруг "Истории России с древнейших времен" С. М. Соловьева в русской дореволюционной историографии. Дисс. на соискание уч. степ. канд. истор. наук. Днепропетровск, 1978.

²²*Пушкарев Л. Н.* "Публичные чтения о Петре Великом" С. М. Соловьева как памятник исторической и общественно-политической мысли // Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. Подгот. Пушкарев Л. Н. М., 1984.

²³*Дмитриев С. С.* Соловьев и Московский университет // Соловьев С. М. Персональный указатель литературы. М., 1984.

²⁴*Соловьева М. А.* Соловьев как историк русской исторической мысли. Дисс. на соискание уч. степ. канд. истор. наук. М., 1984.

²⁵*Казак О. М.* Теоретико-методологические основания концепции русской истории С. М. Соловьева. Дисс. на соискание уч. степ. канд. философ. наук. М., 1987.

²⁶*Соловьев С. М.* Избранные труды. Записки. Подгот. Левандовский А. А., Цимбаев Н. И. М., 1983; Соловьев С. М. Персональный указатель литературы (1838—1981). Под ред. С. С. Дмитриева. М., 1984.

²⁷*Соловьев С. М.* Собр. соч. В 18 кн. Кн. 1. М., 1986.

С. М. СОЛОВЬЕВ

Общедоступные
чтения
о русской истории

* * *

”Общедоступные чтения о русской истории” — одно из наиболее ярких воплощений просветительского и популяризаторского таланта С. М. Соловьева.

Они были составлены по просьбе Общества любителей естествознания и антропологии при Московском университете, которое задумало в 1872 году проведение систематических лекций, или, как тогда было принято называть их, ”чтений”, для слушателей из народа, и охватывают главные вехи отечественной истории — от появления на исторической сцене восточных славян до Крымской войны, послужившей прологом буржуазных реформ 60—70-х годов XIX века.

С. М. Соловьев собирался лично выступить перед первыми слушателями демократического лектория с ”Общедоступными чтениями”, с этой целью подбирал наглядные пособия. Из-за запрета Министерства просвещения ”чтения” так и не состоялась.

Спустя два года, в 1874 году, ”чтения” были изданы. В последний, пятый раз они вышли в 1908 году. Факт пятикратного издания лекций уже сам по себе служит лучшей аттестацией их ценности и признания читателями.

”Общедоступные лекции” зарекомендовали себя в дореволюционное время как добротный материал для слушателей, которые не прошли гимназического обучения и восполняли пробелы в знаниях самообразованием.

Для современного, более подготовленного читателя ”Общедоступные чтения” также интересны и занимательны. Их публикация позволяет представить, на какой базе складывалось историческое сознание прежних поколений, с которыми еще сохранены связи и воспоминания читателя конца XX века. Красочный, пронизанный теплотой и любовью рассказ Соловьева о прошлом родной страны и сегодня находит отклик у всех интересующихся отечественной историей. И наконец, ”чтения” в сжатой и доходчивой форме знакомят с исторической концепцией крупнейшего дореволюционного историка России.

Помещаемый ниже текст воспроизводится по первому изданию, состоявшемуся при жизни автора.

И. В. Волкова

”Одною из забот Совета Императорского Общества любителей естествознания при устройстве в Москве Музея прикладных знаний было приготовление возможности организовать систематические чтения при музее для произнесения их с показанием соответствующих картин. Совет обратился с просьбою к некоторым лицам, имеющим заслуженный авторитет, оказать ему содействие по составлению текста для предполагаемых чтений. Совет с особенною признательностью заявляет, что его предложение, с большою готовностью помочь делу, было принято господином ректором Московского университета С. М. Соловьевым, изъявившим согласие написать текст для чтений по *русской истории*, обнимающих собою последовательное изложение главнейших событий ее”.

Ныне отпечатанный текст этих чтений предлагается публике.

ЧТЕНИЕ

I

О том,
откуда пошла Русская земля и
кто были в ней первые князья

По двум частям света, по Европе и Азии, идут русские земли: в Европе они занимают почти всю восточную ее часть, и вы видите, как все остальные государства европейские, даже иные большие, например Франция, Германская империя, Австрийская империя, невелики в сравнении с Россиею; в Азии она занимает всю северную ее часть; кроме того, русские владения находятся и в Средней Азии, и на Кавказе; и здесь, в Азии, самые большие государства, даже обширная Китайская империя, меньше азиатской части России. Некоторые европейские государства имеют большие владения в других частях света, например Англия владеет в Азии Индией; но эти владения находятся далеко за океанами, и населены они чужими народами, непохожими на англичан ни верою, ни языком, ни обычаями, тогда как русские владения идут сплошь, без перерыва, и населены они, кроме некоторых мест по краям, сплошь одним русским народом. Не только теперь, и в прежнее время не бывало никогда такого большого государства, как Россия: велика была в старину Римская империя, но и та была меньше Российской империи.

Если же мы теперь посмотрим, как населена Россия сравнительно с другими государствами, то найдем, что Россия населена гораздо меньше, чем другие страны. Китайская империя, например, меньше Русской, и немалым: в Китайской считается 192 с чем-нибудь тысячи квадратных миль, а в России — 319 с лишком тысяч таких миль¹, тогда как народу в России 85 миллионов, а в Китае — 475 миллионов. И в Европе многие государства гораздо гуще населены, чем Россия. Когда очень много народу в стране — нехорошо, нечем кормиться, принуждены идти за хлебом в чужие страны, тысячами выселяться за море. Но когда в большой стране очень мало народу, тоже нехорошо: большую страну надобно защищать большим войском, а где взять людей? Большое войско надобно содержать, а где денег взять? Рабочих рук мало, и промыслы не идут как следует. И теперь в России жителей немного в сравнении с пространством страны, а взять лет триста назад — было еще меньше, пятьсот лет — еще меньше, что же было, если взять восемьсот, тысячу лет? Разумеется, прежде Россия была меньше, чем теперь, но все же с самого начала была велика, а жителей очень

мало; враги со всех сторон, а границы открытые, нет гор, которые бы окружали страну и защищали ее, надобно жителям защищаться грудью; нападет неприятель нечаянно, осилит, одно убежище — в лесах; у других народов, у немцев, французов, англичан, итальянцев, испанцев, — горы, можно построить крепость на высокоом, неприступном месте, крепость каменную, камня много в горах; а у нас гор нет, камня мало, дома деревянные, и крепости, города были огорожены деревянными стенами, чуть искра в сухое летнее время, и нет половины города, а иногда и целого. Тяжело было нашим предкам, тяжелее, чем другим народам, потом и кровью полили они свою землю, много бед вытерпели.

Русский народ принадлежит к славянскому племени; много других народов принадлежат к этому же большому племени, но из них теперь независим, имеет свое государство только русский народ да черногорцы, которые в своей маленькой гористой стране успели отстоять свою независимость. Из других славянских народов поляки живут под русской властью, но часть их принадлежит Пруссии и Австрии². Много славян в Австрийской и Турецкой империях: в Австрийской — чехи, моравы, словаки, словенцы, хорваты, сербы; другие сербы имеют своего князя, но признают власть султана турецкого; под турецкою же властью живут болгары³.

Сначала славянское племя жило по реке Дунай, в странах богатых, плодородных⁴; но долго оно не могло жить покойно, со всех сторон нападали на него другие племена, что заставило многих славян двинуться на север и на восток: тут-то они заселили и страну, которая теперь называется Россией. Сначала заняли западную ее часть, по рекам Днепр, Ока, Западная Двина, рекам, в них впадающим, и дальше на север — по реке Волхов. Усевшись здесь, они прозвались разными именами, одни — от мест, где жили, например поляне от поля, древляне от дерев или леса, другие — от имен родоначальников своих, например родимичи, вятичи; но одного, общего имени у них не было, потому что они не составляли одного народа, не имели одного общего правительства. Страна была большая и пустая, тесниться в одном месте не было нужды, и славяне разбросались на обширных пространствах. Каждый жил отдельно с детьми, младшими братьями и племянниками и управлял всем этим родом своим; размножится род, укрепит свое жилище, обнесет тыном, деревянною стеною, и явится город, т. е. огороженное место⁵. Случалось, что эти роды сталкивались друг с другом, вели войны; но больше страдали от внешних врагов, особенно те, которые жили к юго-востоку, по нижним частям Днепра и рекам, впадающим в него здесь. В южной России, которая и теперь рознится от северной тем, что представляет степное пространство, тогда как северная покрыта лесом — в южной России с незапамятных пор шатались кочевые народы, похожие на нынешних калмыков и киргизов. Приходили они большими толпами из Азии и надолго остава-

лись в нынешней России, по Волге, по Дону, по берегам Черного моря; нападали друг на друга, покоряли, выталкивали друг друга, двигались дальше на запад. Славянам приходилось от них очень тяжело; славяне были слабы, потому что жили разбросанно на больших пространствах, вдалеке друг от друга; нападут враги врасплох, большими толпами и заберут их поодиночке, собираться вместе некогда, да и непривычно, общих начальников не было, больших городов не было. Всего легче было для славян, когда эти хищные орды придут, наложат дань и уйдут, а потом в известные сроки присылают собирать эту дань, которая обыкновенно состояла в мехах.

На севере славяне жили также подле иноплемеников — финнов (чухонцев); так, славяне жили около озера Ильмень, а около Бела-озера жил финский народ, называвшийся весью. От финнов славяне не терпели нападений; но у них тут были другие враги. Недалеко было море Балтийское; а по этому морю плавали удалцы, богатыри из всех прибрежных стран, под начальством самых храбрых из них, князей или морских королей; у них не спрашивалось, откуда кто приходил, какого был племени, славянин или немец, был только храбр, как потом было у наших казаков — всякого принимали; но преимущественно дружины этих морских богатырей составлялись из жителей Скандинавии, т. е. из шведов, норвежцев, датчан. Эти морские богатыри были знамениты по всей Европе; все приморские жители их сильно боялись: войдут на своих легких лодках в устье какой-нибудь большой реки — беда прибрежной стране, все запустошат. Звали этих морских богатырей варягами, а у наших славян слыли они под именем руси.

Такие-то морские богатыри, варяги, были страшны и нашим славянам, и соседям их, финнам, которые жили недалеко от моря; проход варягам к славянам был легок: в Финский залив, оттуда в Неву, в Ладожское озеро и в Волхов, по которому жили славяне, где у них и был город — Новгород. Варягов манило здесь то, что им водою, с небольшим волоком, можно было перебраться в Днепр, Днепром — в Черное море, а Черным морем — в Грецию. Где теперь Турция, там была Восточная Римская, или Греческая, империя, столицею у нее был Константинополь, или Царьград; тут варяги при случае пограбят, а то наймутся служить в гвардии у греческого императора. Вообще всем этим северным жителям нравились южные теплые страны, где природа была богаче; особенно привлекала их Греция, Царьград, где они видели наяву никогда и не снившиеся им чудеса, огромный город, самый красивый в мире, наполненный богатыми домами, великолепными церквями, дворцами, памятниками, сделанными так искусно; император, окруженный пышным двором, патриарх служит обедню у святой Софии, певчие поют так хорошо: человек стоит и думает, что он на небесах; а на севере ничего такого не было: жили люди в маленьких избушках, ходили в нагольных тулупах. И вот варяги не прочь были поселиться у наших славян на Волхове, чтобы оттуда легче

было перебраться на Днепр и спускаться по нему в Черное море. Варяги покорили северных славян и соседей их, финнов, и стали жить у них, т. е. владеть; славянам не понравилось это незванное властоование: они собрались и прогнали варягов. Но потом никак не могли уладиться, и начались у них междоусобные войны. Тогда они стали говорить между собою: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо". Не нашедши между собою такого человека, который бы разбирал все дела одинаково, не был ни на чьей стороне и которого бы все слушались, отправили послов за море к морским богатырям, варягам, к их предводителям, троим братьям князьям — Рюрику, Синеусу и Трувору. Послы им сказали: "Земля наша велика и обильна, да порядка в ней нет, ступайте княжить и владеть нами". Рюрик с братьями согласился и пришли: Рюрик сел у славян в Новгороде, Синеус — у финнов, на Бело-озере, Трувор — у славян, живших в нынешней Псковской губернии, в Изборске: от них-то и прозвалась Русская земля. Это было в 862 году по Р. Х.

Здесь, следовательно на севере, в Новгороде, началась Русская земля, началось Русское государство. В наше время, в 1862 году, исполнилось этому тысяча лет, и по приказанию государя императора воздвигнут был в Новгороде памятник: на большом шаре представлена в виде женщины Россия, которую ангел Божий благословляет крестом. Кругом стоят самые знаменитые русские князья и цари, каждый со своим делом, которое он совершил для блага России; внизу, вокруг всего памятника, представлены знаменитые русские люди, потрудившиеся разными делами для родной земли. А мы теперь словом пройдем тысячу лет, вспомним, что сделали для России, для нас эти князья и цари и знаменитые люди, какие беды и напасти терпели и как спасал их Бог, как Русское государство из такого малого начала, как оно было в Новгороде при Рюрике, выросло так велико, что подобного нет, да и не было на земле. Рост был тяжел, все надобно было начинать сначала, помощи мало, а препятствий много. Первый князь, Рюрик, прожил всю жизнь на севере; только и осталось о нем известие, что строил города и рассылал вельмож своих строить их. Эти города, или маленькие крепости, были деревянные, с деревянными стенами, и потому тогда говорили: рубить город вместо строить город.

Князь привел с собою дружину, толпу храбрых людей, которые постоянно жили с ним. Пойдут на войну, встретятся с неприятелем, князь впереди, начинает сражение, кто храбрее, тот ближе к князю, да и все стараются не отстать от князя, не выдать его: стыд и срам, если князя убьют или в плен возьмут, а дружина цела останется. Как только явился князь с дружиною среди славян, так и из них пошли к нему в дружину люди храбрые, у которых, как говорит старинная песня, "силушка по жилочкам переливалась, и грузно было от силушки, словно от тяжкого бремени". До сих пор нечего было им делать, пропадала их сила, а теперь потянулись они в княжескую дружину;

князь принимал их радушно, место каждому и почет по храбрости. До тех пор жили отдельно, большими семьями или родами, вся родня вместе, не делясь, под управлением старшего, и место было каждому, честь по старшинству только; теперь, когда явился князь с дружиною, пошел дележ в народе: сильные, храбрые, по-тогдашнему лучшие люди, пошли в дружину, народ разделился на дружину, или войско, и на людей, которые остались жить на старых местах, при прежних занятиях земледельческих. Князь живет с дружиною в одном городе, строит другие города, где понужнее для безопасности страны, и посылает в эти города отряды дружины, приставив к ней начальников кто похрабрее и поразумнее. Дружина, войско, ходит в поход с князем, защищает страну, сторожит города. Дружина работать, землю пахать, платье и сапоги себе шить не может; ее должны кормить, содержать другие, которые живут за нею в мире, за которых она сражается. Остальной народ поэтому должен давать дань князю, а князь на эту дань содержать дружину. Сначала князь с дружиною сам ходит за данью, причём жители представляют ему жалобы, он их судит, и виновные платят ему пёню.

В городах сидит дружина и бережет их; но когда придет весть, что неприятель приближается, то весь сельский народ бежит в город со всем своим имуществом, чтобы найти себе защиту за стенами, тогда как дружина или пойдет навстречу врагу, или станет отбиваться в городе, отсиживаться в нем. Но в мирное время под стенами города начинает селиться народ: это промышленные, ремесленные люди. Дружина сама не может себе ни оружия выделать, ни платья или обуви сшить, и вот людям, умеющим все это сделать, выгодно жить подле дружины и работать на нее, кормиться от нее. Как скоро явились промыслы, как скоро явились люди, которые занимаются каким-нибудь одним делом, то является и торговля, ибо если кто кует оружие или шьет платье, тому уже некогда землю пахать, хлеб он должен покупать у другого, у сельского жителя, да ему некогда и ехать к земледельцу для покупки хлеба: и вот являются люди, которые тем только и занимаются, что купят у одного да продадут другому, люди торговые, купцы; они разъезжают по разным местам, покупают дешево там, где чего-нибудь много, и продают подороже там, где в этих вещах нуждаются, берут барыш за свой труд и за опасность, которой подвергаются. Им также выгодно иметь свои дома подле городов, главный сбыт у них товаров дружине и промышленным людям, которые сидят, занимаются одним каким-нибудь делом, а все нужное себе покупают; притом у купцов и товар и деньги, им нужно жить там, где побезопаснее. Таким образом, место под стенами города, или крепости, заселяется все больше и больше, садятся тут люди промышленные и торговые, и место потому называется посадом, а жители его — посадскими людьми. Разбогатеют эти посадские люди, захотят и свой посад огородить также стенами, и выходит город двойной; под этими новыми

стенами опять селятся новые жители, разбогатеют, огородят и свои жилища стеною, и выйдет город тройной: внутренний город, или главная крепость, где живет князь или вельможа его с дружиною, да около него еще два, где живут промышленные и торговые люди. Так образовалась и Москва: в середине главный город, или крепость, Кремль; подле другой город — Китай, за ним Белый город, который также был прежде обнесен стенами, затем еще земляной город, который имел земляные укрепления.

Как только стали появляться среди наших северных славян князья с дружиною, так и пошло это разделение занятий. Кто был силен и храбр, тот пошел в дружину; у кого были способности на какое-нибудь ремесло, кто был смышлен в торговом деле — пошел в город, посад, промышленять своим делом. В городе стали собираться, таким образом, самые видные люди; тут жизнь пошла сильнее; тут новые, разные люди, новые, разные вещи, новые, разные речи людские, новые разные обычаи; здесь народ способный, деятельный, бывалый, могут порассказать много любопытного, как живется в других странах, у других народов, порассказать, что с ними самими случилось диковинного, посудить и порядить. Город поднимается; тут сила и власть, тут или сам князь, или его вельможа с дружиною, тут лучшие люди, тут и богатство, хотя вначале и небольшое, но все же больше, чем в селе; а село живет по-прежнему, каждый день одно и то же, те же люди, те же предметы, те же однообразные занятия, лучшие люди уходят в город, и сельский народ начинает смотреть на город как на место высшее, главное, от которого он, сельский народ, зависит: оттуда приходят к нему за данью, оттуда идет суд и расправа. Что бы ни случилось, ни представилось важного, и в уме сейчас город. И вот разбросанный, живший прежде отдельными большими семьями или родами народ начал стягиваться около города, привыкать к мысли, что между всеми есть общая связь. Ближний город получил такое важное значение, но ближний город сам зависит от другого, где живет князь, и все города со своими окрестными странами стягиваются около этого главного города, где княжеский престол, или, как тогда называли, стол, откуда пошло и название стольного города, по-нашему — столицы.

Все это, разумеется, сделалось не вдруг, а мало-помалу: скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Но все это начало делаться в Восточной Европе, когда здесь начало русским духом пахнуть, когда здесь началась Русь, когда здесь утвердился князь с дружиною и начал строить города. Братья Рюрика скоро умерли, и он владел один из Новгорода, и владел уже широко, потому что один вельможа его сидел в Ростове, а другой в Полоцке. Рюрик, умирая, передал княжение Олегу, своему родственнику, поручив ему сына своего Игоря, который был еще ребенком⁶. Во время Рюрикова еще княжения толпа варягов пробралась на юг, вниз по Днепру, и засела

у славян, называвшихся полянами, в городке Киеве; начальниками этих варягов были два брата — Аскольд и Дир. Но варяги не могли спокойно сидеть в Киеве, на Днепре: их тянуло от Днепра в Черное море, к Царьграду. На двухстах больших лодках Аскольд и Дир пошли на греков и осадили Константинополь; но встала буря и разнесла их лодки; Аскольд и Дир, впрочем, спаслись и возвратились домой, в Киев. Но княжили они не долго: с севера, из Новгорода, шел на них князь Олег с большим войском: были у него и варяги, и славяне, и финны: все храбрецы, которым хотелось повоевать, постранствовать, посмотреть чужие, дальние страны, обогатиться добычею, вещами дорогими, диковинными и поселиться потом в стране лучшей, на благодатном юге, — все собрались около храброго князя. Олег пошел со своим войском на юг; пошел, т. е. лучше сказать — поплыл, потому что и после, много веков спустя, единственный удобный путь по Руси был реками, потому что леса, озера, болота наполняли страну и делали ее непроходимую; умножается народ, увеличивается пашня и луг, уменьшается лес, который поддерживает сырость, и страна становится суше. А что было 1000 лет тому назад, когда там, где теперь московские улицы, жили бобры? Но где болезнь, там Бог посылает лекарства: нигде нет таких больших рек, как на Руси; посмотрите на карту, как все эти реки переплелись своими притоками: где начинается одна река, течет в одну сторону и впадает в большую реку или озеро, там подле ее истока начинается другая, течет в другую сторону и впадает в другую большую реку, и, таким образом, легко было плавать по всем этим обширным пространствам России; при этом не надобно забывать, что когда лесов было больше, сырости было больше, то рек было больше, и реки были многоводнее и судоходнее: теперь есть реки длинные, но почти пересохшие, а в старину они были многоводные и судоходные, потому что в берегах их отрывают остатки больших судов.

Князь Олег плыл из Новгорода; Новгород находится на реке Волхов, которая вытекает из озера Ильмень, а в это озеро с юга впадает большая река Ловать; из Ловати в Днепр прямо попасть нельзя, надобно было лодки вытаскивать на берег и везти их или тащить несколько сухим путем, нужно было их волочить, отсюда эти пространства между реками и называются волоками или волочками; так называются и некоторые города, стоявшие на таких волоках, или водоразделах: Волок-Ламский, или Волоколамск, Вышний Волочок. Войско Олега, перебравшись с лодками в Днепр, плыло свободно. По всему Днепру до Киева Олег встретил два крепких места, или города, куда местные жители могли собираться и обороняться: Смоленск у славян, которые назывались кривичами, да Любеч у славян, которые назывались северянами: Олег взял и Смоленск и Любеч и посадил там своих вельмож с отрядами дружины. Наконец Олег подплыл к горам Киевским: войску своему он велел спрятаться в лодках и послал сказать Аскольду и Диру: "Мы купцы, идем в Грецию от Олега и Игоря:

придите повидаться с нами”. Аскольд и Дир, ничего не подозревая, пришли. Тут воины повыскакивали из лодок, и Олег вышел с Игорем и сказал Аскольду и Диру: ”Вы не князья, не княжеского рода, а я княжеского рода и вот сын Рюриков”. Аскольда и Дира убили, Олег сел княжить в Киеве и сказал: ”Это будет мать русским городам”. С этих пор князья стали жить на юге, и стольным городом, столицей сделался Киев.

В соседстве со славянами-полянами, жившими около Киева, жили на западе другие славяне, называвшиеся древлянами (в нынешней Волынской губернии). Олег пошел на них войною и заставил платить дань; потом пошел в другую сторону, на восток, где теперь Черниговская губерния и где тогда жили северяне. Северяне эти уже платили дань козарам. Олег наложил на них дань легкую, а козарам давать дань запретил; он говорил северянам: ”Я неприятель козарам, а с вами у меня нет ничего”. Олег послал и на реку Сожь спросить живших там родимичей: ”Кому даете дань?” Те отвечали: ”Козарам”⁸. Олег сказал им: ”Не давайте козарам, а давайте лучше мне”, и родимичи согласились.

Таким образом, эти славяне, вместо того чтоб давать дань козарам, жившим на Дону и Волге, стали давать дань русскому князю, жившему на Днепре, в Киеве. Но разница состояла не в том только, что дань сперва шла на Дон, а теперь на Днепр; разница была большая. Козары, как все эти кочевые и полукочевые народы, придут, возьмут дань и уйдут к себе далеко в степи и знать больше ничего не хотят; славяне, заплативши поневоле дань, чтоб только их не били и не грабили, остаются по-прежнему жить розно, дико, бедно, по-прежнему оттого остаются слабы; придут другие враги, никто их не защитит, а самим собраться — дело непривычное, да и около кого или чего собраться? Но с русскими князьями — другое дело. Олег, как скоро пришел на юг, сел в Киеве, так сейчас же начал строить города; он берет дань и раздает ее дружине; дружина сидит в городах и защищает их, защищает все окрестное народонаселение, которому есть теперь около чего собраться, которое теперь начинает жить вместе с народом, рассеянным от Ладожского озера и озера Неро (подле которого Ростов) до Киева; все знают одного князя, князя русского, живущего в Киеве, к нему в дружину собираются храбрецы, богатыри, в его города идут жить люди, которые хотят промыслять каким-нибудь ремеслом или торговлею.

В 907 году между всем этим народом происходило что-то небывалое: готовили большие лодки, куда-то собирались; прежде на войну не хаживали, платили дань чужим народам, а теперь идут в поход с князем Олегом, идут на Черное море, в Грецию. Поход был счастливый: возвратившись, рассказывали, как приплыли к самому Царьграду; греки замкнули гавань, затворили город. Олег вышел на берег, велел вытащить и корабли и повоевал все около Константинополя.

Греки испугались и прислали сказать ему: "Возьми дани, сколько хочешь". Олег согласился и возвратился в Киев, неся золото, дорогие парчи, вина. Все дивились такой удаче и таким богатствам и назвали Олега вещим (мудрым, чародеем).

Преемник Олега, Игорь, сын Рюриков, два раза ходил на греков⁹. Сын Игоря Святослав ушел было совсем из Киева; ему очень понравилось на Дунае, в Болгарии, и он хотел остаться тут навсегда. Это был самый храбрый, самый воинственный из всех князей русских; только и делал, что воевал; захочет пойти на какой-нибудь народ, прежде пошлет сказать ему: "Хочу идти на вас". В походы не брал с собою ни возов, ни котлов: изрежет мясо тонкими ломтиками, испечет сам на угольях, так и ест. Шатра у него не было, спал он на войлоке, положив седло в головы. Точно так же жила и вся его дружина. Греки собрали все свои силы, чтобы выжить Святослава из Болгарии. Однажды они окружили его войском, в девять раз большим, чем было у него. Русские испугались; но Святослав сказал им: "Уже нам теперь некуда деться; волею-неволею должны биться; не посрадим Русской земли, но ляжем здесь костями! Мертвым не стыдно, а если побегим, то ляжет на нас позор, от которого некуда уйти; станем же лучше крепко, я пойду перед вами; когда же голова моя ляжет, тогда думайте сами о себе". Воины отвечали ему: "Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим!" Русские отбились от врагов.

Но эта страсть к войне, к покорению стран далеких не была полезна для новорожденного государства Русского и была ему не по силам. Вы видели, какое это было государство: с самого начала оно уже было очень велико, растянулось от Ладожского озера до Киева; но много ли в нем было народа и как жил этот народ? Много ли было деревянных городков, которые построили первые князья для защиты, для промыслов и торговли? Много ли мог привести Святослав с собою войска в Болгарию? Как ни был храбр он сам и дружина его, а не мог удержаться. Князья перешли с севера на юг, в Киев, и это было важно: они соединили всех славян, живших рассеянно на всем этом пространстве — от Ладожского озера до Киева, сделали из них один народ, сблизили их с Грецией, от чего, как увидим, очень скоро произошла великая польза; но дальше идти было не для чего; надобно было устроить и защитить то, что уже было в руках. Подле были враги, от которых нужно было беспрестанно защищаться; теперь, в наше время, вся эта сторона к востоку и югу от Киева населена, теперь здесь русские губернии — Харьковская, Воронежская, Саратовская, Екатеринославская, Херсонская, земля Войска Донского; но тогда была здесь широкая степь, в которой нельзя было поселиться мирному человеку и заняться земледелием: с востока, как саранча, налетали разбойничьи, кочевые орды и пустошили все, что ни встречалось: недаром их называли бичами Божиими, которые посылались в наказание за грехи; предки наши иначе их не называли как поганьми,

поганью, ибо поучиться у них было нечему, как у других образованных народов, только и знали они, что били, жгли, грабили, женщин и детей в плен уводили. В то время, о котором идет речь, жил в степи и нападал на Русь такой разбойничий, кочевой народ, называли его печенегами¹⁰. Чтобы защищать от них Русскую землю, нужно было жить в Киеве, постоянно быть наготове, строить города, а Святослав ушел далеко в Болгарию и заплатил жизнью за то: когда он принужден был выйти из Болгарии, то на возвратном пути на Днепре был окружен печенегами и убит¹¹.

Когда еще Святослав был жив и ходил по чужим дальним сторонам, на Руси оставалась его мать, Ольга. О ней дошла память как о мудрой княгине, которая делала то, что было особенно нужно, ездила по своей обширной стране, из Киева к Новгороду и обратно, устраивала землю. Она ходила в Грецию, в Царьград, только не воевать. Греки были народ грамотный, образованный, у них было чему поучиться. Греки жили в стране богатой, знали многие искусства и ремесла; с ними у Руси сейчас же началась прибыльная торговля; русские возили к ним меха, сырой товар, а от них брали произведения южных стран и товар выделанный. Но вся эта выгода от сношений с греками была ничто в сравнении с тем сокровищем, какое русские нашли у греков и взяли себе: это сокровище была истинная вера, христианская, православная.

ЧТЕНИЕ

II

О том,
как крестилась Русь и
как утверждалась в ней вера христианская

Славяне, из которых составилась Россия, Русское государство, были язычниками, считали гром с молнией богом, поклонялись ему под именем Перуна, поклонялись также солнцу под разными именами, огню, ветру; верили в загробную жизнь, но думали, что души умерших могут есть, пить, и потому считали обязанностью угощать их. Так как славяне жили розно, большими семьями или родами, и жили бедно, то и не могли строить больших общих храмов, куда бы сходились всем околотком, и потому общих жрецов у них не было: старшины или родоначальники были и жрецами, собирали на молитву, приносили жертвы. Первые князья и дружина их были также язычники; но когда князь и дружина перешли на юг, когда начались походы на Грецию и торговля с нею, то некоторые из русских стали принимать христианство.

При великом князе Игоре было уже много христиан в Киеве, и была у них там церковь святого Ильи-пророка. Ольга, жена Игоря и мать Святослава, приняла христианство. Она уговаривала и сына Святослава креститься, но тот не слушался матери: христианство было не по нем, оно учит любви и миру, а Святослав думал об одном, как бы повоевать. Но другим Святослав не мешал креститься, и христианство распространялось все больше и больше в Киеве. Когда великим князем стал сын Святослава Владимир, то сначала можно было подумать, что для христиан наступило дурное время. Князь начал ставить кумиры разных богов, на холме поставил кумир главного бога Перуна; кумир был деревянный, а голова у него серебряная, усы золотые. Однажды, когда князь приносил жертвы кумирам, городские старики и бояре сказали: "Бросим жребий на юношей и девиц, на кого падет, того зарежем богам". В это время жил в Киеве один варяг; он пришел из Греции, держал веру христианскую, и был у него сын: на этого-то сына варягова и пал жребий. Посланники от народа пришли к старому варягу и сказали: "На твоего сына пал жребий; боги выбрали его себе, чтоб мы принесли его им в жертву". Варяг отвечал: "Ваши боги не боги, а дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят; сделаны руками из дерева; Бог же один, которому греки поклоняются. Он сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека и дал ему жить на земле; а эти боги что сотворили? Они сами сделаны руками человеческими; не дам сына своего бесам!" Посланные пересказали слова варяга народу; тогда народ, взяв оружие, пошел на варяга и разломал забор около его дома. Варяг стоял на сених с сыном; ему кричали: "Отдай сына! Нам нужно принести его в жертву богам". Он отвечал: "Если то в самом деле боги, то пусть пошлют одного бога взять моего сына; а вы из чего так хлопчете?" Народ страшно закричал от ярости; толпа бросилась, подрубила сени под варягами и убила отца вместе с сыном.

Но с Владимиром Богу угодно было сделать то же, что с Павлом: апостола-изгонителя. В Киев приходили люди разных вер — и жидаы, и магометане; каждый хвалил свою, и все одинаково смеялись над языческою верою русских. Владимир, при своей охоте заниматься делом веры, не мог, наконец, не убедиться, что надобно бросить своих богов и поклоняться Богу единому. Но и христиане, и магометане, и жидаы — все признают Бога единого, чья же вера лучше? Владимир послал умных бояр в разные страны посмотреть, как молятся у себя христиане, жидаы, магометане. Бояре возвратились и объявили, что лучше всех вер вера христианская, именно та, какая у греков в Царьграде; и другие бояре говорили ему: "Если бы дурен был закон греческий, то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрее всех людей".

Владимир был уже, таким образом, приготовлен, когда началась у него война с греками. Он пошел осаждать греческий город Корсунь

в Крыму, взял его и послал сказать императорам греческим, Василию и Константину: "Вот я взял ваш славный город; слышу, что у вас есть сестра девица: если вы не отдадите ее за меня, то и Царьграду будет то же, что Корсуню". Императоры прислали сказать ему: "Неприлично христианам выдавать сестер своих за неверных; если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вместе с нею царство небесное; если же не хочешь креститься, то не можем выдать за тебя сестру". Владимир отвечал послам императорским: "Скажите царям, что я готов креститься, потому что и прежде испытал ваш закон, и мне нравится ваша вера и богослужение". Императоры, услыша это, обрадовались и послали к Владимиру сестру свою, именем Анну. Когда царевна приехала в Корсунь, Владимир крестился, а после крещения обвенчался с Анной и пошел с нею в Киев. Пришедши туда, он велел объявить народу: "Кто не придет к реке креститься, богатый или бедный, тот будет мне противен". Народ пошел с радостью, говоря: "Если б эта вера была нехороша, то князь и бояре не приняли бы ее". Владимир вышел с духовенством на Днепр, куда собралось множество людей: все вошли в воду и стояли в ней — одни по шею, другие по грудь, малолетние у берега, возрастные подалеже и держали на руках младенцев, а священники читали молитвы. Это было в 988 году.

После этого Владимир велел повалить и истребить кумиры, а на тех местах, где они стояли, построить церкви; велел строить церкви и по другим городам и селам и крестить людей; велел также отобрать детей у лучших людей и отдать духовенству для научения грамоте, для утверждения в вере.

А между тем война была беспрестанная с печенегами. Летописец рассказывает, как однажды пришли печенеги, Владимир вышел к ним навстречу с войском, и князь печенежский объявил ему: "Выпусти ты одного своего воина, а я выпущу своего — пусть борются, и если твой осилит моего, то не будем воевать три года; если же наш одолеет, то будем разорять вашу землю целых три года". Владимир послал кликать по шатрам: нет ли такого, чтобы взялся биться с печенегом. Пришел к князю старик и сказал ему: "Вышел я сюда на войну с четырьмя сыновьями, а пятый, меньшой, остался дома; с самого детства не было человека, кто бы одолел его". Послали за силачом, и тот сказал: "Не знаю, князь, могу ли биться с печенегом, но пусть испытают меня: нет ли здесь большого и сильного быка?" Нашли быка, сильного и большого, велели разъярить его горячим железом и пустили на волю: когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом. Владимир, видя это, сказал ему: "Можешь биться с печенегом". На другое утро пришли печенеги и начали кричать: "Что же, нашелся боец? А наш уже готов!" Оба бойца показали: с печенежской стороны вышел великан, страшный видом, а Владимиров богатырь был среднего роста, и потому печенег, увидав его, начал смеяться. Размерили место между обоими полками, пустили

борцов; те схватились и стали крепко щемить друг друга; наконец русский стиснул печенегу руками до смерти и ударил его о землю; тогда с обеих сторон раздался крик; печенегу побежали; русские удалили вслед за ними и прогнали их. Владимир сделал богатыря знатным человеком и отца его тоже.

Не к одной дружине, богатырям был ласков князь Владимир. Любил он строить церкви, и как построит и освятит, задаст большой пир народу, наварит меду, бедным раздадут милостыню. И постоянно всякий нищий и убогий мог приходиться на княжий двор и получать питье, кушанье и деньги из казны. Мало этого, князь говорил: "Ведь больные и слабые не могут доходить до моего двора", потому велел сделать телеги, накладывать на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мед, квас и развозить по городу, спрашивая: "Где больные и нищие, кто ходить не может?" Тем и раздавали все это. И остался князь Владимир в народной памяти с прозвищем ласкового князя, Красного Солнышка, а церковь чтит его как равноапостольного.

Владимир умер 15 июля 1015 года, и плакали по нему бояре как по заступнику земли Русской; бедные — как по своему кормильцу; после него осталось несколько сыновей от разных матерей, потому что, будучи в язычестве, Владимир имел много жен. Как везде тогда водилось, Владимир еще при жизни разослал сыновей княжить по разным городам; когда он умер, то старший, Святополк, стал княжить в Киеве; но он боялся младшего брата, Бориса, которому отец дал Ростовскую область; Борис был любимым сыном у отца, да и все его любили, потому что он был вместе и храбр, и добр, кроток необыкновенно. Владимир, разнемогшись перед смертью и слыша, что идут печенегу, послал против них Бориса с дружиною и войском, собранным из киевлян. Борис не нашел печенегов и возвращался в Киев, как вдруг получил весть о смерти Владимира. Когда он горько плакал, отцовская дружина и войско сказали ему: "Вот у тебя отцовская дружина и войско: пойдешь, сядешь в Киев на отцовском столе". Но Борис отвечал: "Не подниму руки на брата старшего; если и отец у меня умер, то пусть Святополк будет мне вместо отца". Услышав такой ответ, дружина и войско разошлись от Бориса, который остался с одними своими слугами.

Между тем Святополк задумал незаконное дело и послал сказать Борису: "Хочу с тобою дружно жить, и придам тебе еще к той волости, которую получил ты от отца". Но все это был обман: он хотел погубить его и ночью отправил убийц. Когда убийцы подкрались к шатру, то услышали, что Борис поет заутреню. Помолвившись, он лег в постель, — и тогда убийцы, как дикие звери, напали на шатер, просунули в него копыя и прокололи Бориса; вместе с ним прокололи и слугу его, который пал на него, желая телом своим защитить господина: это был любимец Бориса, звали его Георгием, родом он был из Венгрии; тут же было побито и много других слуг Борисовых. У Бориса был брат

любимый, Глеб, князь Муромский, от одной с ним матери. Святополк начал думать: "Вот я убил Бориса: как бы убить Глеба?" И послал сказать ему обманом: "Приезжай сюда в Киев поскорее, отец тебя зовет, он очень болен". Глеб немедленно сел на коня и пошел с малою дружиною. По дороге он узнал, что отец его, Владимир, умер, а любимый брат Борис убит. Когда Глеб, получивши эту страшную весть, молился с горькими слезами, вдруг явились убийцы, посланные Святополком; слуги Глебовы обмерли от страха, и начальник убийц тотчас же велел зарезать князя, что и было исполнено поваром Глебовым.

Святополк начал думать: "Перебью всех своих братьев и стану владеть один Русскою землею". Но один из его братьев, Ярослав Владимирович, княживший в Новгороде, не хотел допустить его до новых злодейств и шел с войском к Киеву; Святополк отправился к нему навстречу, был разбит подле Любеча и убежал в Польшу, а Ярослав сел княжить в Киеве. Но Святополк не оставил его в покое: скоро он возвратился на Русь с польским королем Болеславом, который взялся помогать ему. Ярослав не успел приготовиться, был побежден и убежал только сам-пят в Новгород, а Болеслав вошел в Киев со Святополком. Когда Ярослав прибежал в Новгород и хотел уже оттуда плыть за море, то новгородцы рассекли лодки его, сказав: "Хотим еще биться с Болеславом и Святополком". Они начали собирать деньги, призвали варягов, роздали им жалованье, и у Ярослава оказалось много войска. Болеслав все жил в Киеве, а дружина его была разведена по городам; чтобы выжить его поскорее от себя, Святополк сказал своим: "Сколько ни есть поляков по городам, бейте их", и поляков перебили. Болеслав ушел из Киева, а Святополк начал здесь княжить; но, услышав, что Ярослав идет на него, ушел к печенегам за войском. Набравши множество печенегов, Святополк возвратился и встретился с Ярославом на реке Альте, на том месте, где был убит Борис. Сеча была злая, какой еще не бывало на Руси; начали биться, как только показалось солнце, схватывались трижды, к вечеру одолел Ярослав; Святополк бежал и пропал без вести, заслуживши проклятие от русских людей и постоянное прозвание *окаянного*; братья же, от него погибшие, Борис и Глеб, причтены к лику святых.

Ярослав Владимирович оставил по себе хорошую память — память князя храброго и еще больше — мудрого¹². Болеслав, король польский, когда возвращался из Киева, захватил себе русскую область, которую потом стали называть Галицкою Русью; Ярослав отобрал ее назад у поляков. Он старался населить пространную, но бедную жителями Русскую землю и обстроить ее городами для защиты от врагов, особенно на юге, со стороны степей. Выведа из Польши много пленных, он поселил их по реке Роси и настроил тут городов; на другом конце, северо-западном, в нынешней Лифляндской губернии, построил город,

который назвал по своему имени — Юрьевым (теперь Дерпт), потому, что Ярослав имел два имени: одно русское — Ярослав, а другое — Георгий, или Юрий, в честь святого; так и отец его, Владимир, крестившись, получил христианское имя Василия, святая Ольга взяла имя Елены; так и после наши князья носили по два имени, например Всеволод — Гавриил. В 1036 году печенеги в бесчисленном множестве осадили Киев, но Ярослав после злой сечи отбил их и так поразил, что после они уже не нападали на Русскую землю. До Ярослава Киев был маленьким городком; Ярослав распространил его, обвел стенами и то пространство, где прежде было поле и где русские бились с печенегами. По примеру Царьграда Ярослав построил в Киеве церковь святой Софии, а сын его, Владимир, также построил Софийскую церковь в Новгороде. При Ярославе, говорит летописец, стала вера христианская плодиться и расширяться, завелись и монастыри. Ярослав очень любил церковные уставы, любил духовенство, особенно монахов, читал священные книги день и ночь, собрал их много, заставлял переводить с греческого языка на славянский, переписывать уже переведенные и давать читать охотникам. Летописец таким образом сравнивает дело Ярослава с делом отца его, святого Владимира: "Как один вспашет землю, другой посеет, а третьи жнут и едят хлеб, так и Владимир вспахал и умягчил землю, т. е. просветил ее крещением; Ярослав засеял книжными словами сердца верных людей, а мы пожинаем, принимая книжное учение". При Ярославе был поставлен в митрополиты русский человек Илларион; это был первый русский писатель, сочинения которого дошли до нас; дошли до нас его проповеди, изложение веры, похвала святому Владимиру. Этот Илларион сначала был священником в селе Берестове, и, чтоб никто не мешал ему молиться, выкопал себе пещеру на берегу Днепра, в высокой горе, покрытой лесом. Илларион по временам хаживал в эту пещеру; но скоро поселился в ней навсегда русский монах Антоний, родом из города Любеча. Он был в Греции, постригся в одном из Афонских монастырей и, возвратившись на Русь, поселился в пещере Илларионовой, и был основателем знаменитого Киево-Печерского монастыря, о котором будет еще речь после.

При Ярославе явились на письме первые русские законы, которые называются Русскою Правдою. Эти законы с первого раза могут удивить своею странностью, своим несходством с нашими настоящими законами; но не должно забывать, что мы говорим о людях, живших за 800 с лишком лет прежде нас, имевших совсем другие нравы и обычаи; эти люди еще недавно жили большими семьями или родами, которые вели войны друг с другом, как отдельные народы, расправлялись сами в случае какой-нибудь неприязни, обиды. Нанесется обида, совершится убийство, родственники должны найти убийцу и отомстить ему за своего; это их священная обязанность, иначе им позор от всех;

человек мог быть безопасен и спокоен только тогда, когда знал, что родственники за него заступятся, отомстят; человек буйный потому только и остерегался драться, убивать, что боялся смерти от родственников убитого. Пришли князья, можно стало найти суд; но старые обычаи искореняются не скоро; привык человек к тому, что родственник должен отомстить за родственника, так что бы ему ни говорили, он будет считать это хорошим делом и никак не поймет, почему он должен отказаться от этого права, почему это самоуправство; пройдет сто, двести лет, а он все будет держаться старого обычая, и обычай этот становится законом, потому что все, и знатные, и простые, люди одинаково смотрели на дело; науки не было, не рассуждали, что хорошо, что дурно и почему одно лучше другого, и не смотрели, что у других народов делается, а смотрели только, как водилось в старину, так и хотели жить. В самом начале Русской Правды читаем: если случится убийство, то брат должен мстить за брата, отец за сына и сын за отца, дядя за племянника. В случае, если не было такого родственника, который бы отомстил, то убийца платил князю пеню, смотря по тому, кто был убит: за вельможу и слугу княжеского платили вдвое больше, чем за простого человека; если убийца уйдет, то пеню платили жители целого округа, где совершено было убийство; иногда соседи заключали обязательства друг с другом, что в случае, если один из них попадет в убийстве, то другие помогают ему платить пеню. Но не надобно думать, что предки наши за 800 лет были так безнравственны, что обязывались помогать всякому убийце платить пеню, и всякий убийца, заплативши пеню, мог оставаться спокойно в обществе. Здесь разумелись убийства в гневе, ссоре, драке. Дети, если не унимать их, будут беспрестанно драться: так и народы в первое время, точно дети невоспитанные, как рассердятся, так сейчас и расправляются руками, попадет под руку оружие — и оружием; в страсти не останавливаются, бьют и до смерти, особенно когда ссора на пиру, когда вино помрачает рассудок. За такие-то убийства убийцам мстили родственники, платилась князю пеня, и платить ее помогали соседи; но ведомого лихого человека, разбойника, который убивал не случайно, не в страсти, не в сердцах, а для того, чтоб ограбить, такого ловили и выдавали князю на заточение. Так, по Русской Правде мы видим, что 800 лет тому назад предки наши имели еще нравы грубые, похожи были на детей невоспитанных; но воспитание уже началось; христианство было принято, хотя и не везде распространено и утверждено; святой Владимир, святые Борис и Глеб показали уже примеры христианского милосердия, христианской кротости и воздержания; в темноте засветились яркие звезды и начали освещать дорогу, по которой надобно было идти. При сыновьях Ярослава запрещено было родственникам мстить за убийство своего.

ЧТЕНИЕ

III

О том,
как владели князья по смерти Ярослава Владимировича;
о Владимире Мономахе;
о северных князьях и о первом татарском нашествии

Ярослав Владимирович умер в 1054 году, оставив по себе пятерых сыновей, которым отдал все русские области в нераздельное владение: старший брат, великий князь, владел главным княжеством, старшим столом, как тогда говорили, Киевом; другие братья владели другими волостями по старшинству; они не владели своими волостями вечно и не передавали их своим детям; но когда умирал старший, или великий князь в Киеве, то его место заступал не старший его сын, а брат; на место этого брата должен был садиться следующий за ним по старшинству, и так все князья передвигались по старшинству из одной волости в другую, из худших волостей в лучшие, а худшие должны были доставаться уже следующему поколению, племянникам, которые по смерти своих дядей также должны были передвигаться по старшинству; за ними третье поколение, троюродные, и т. д. Но дело известно, что в семьях между близкими родственниками бывают большие споры и ссоры, особенно когда речь пойдет об имении; наши князья не делились, но постоянно у них шли толки о волостях, где кому сидеть, чем кому владеть, потому что смерть каждого князя вела к передвижке по летам, кто старше. Законов не было, был только обычай; смотрели, как прежде бывало, какая волость прежде считалась почетною, старшею; старшие дядя съедутся, распорядят волости, кому чем владеть; младшие племянники недовольны, особенно когда увидят, что старший, или великий князь, хочет сделать больше добра ближним родственникам, сыновьям, старается дать им получше волость, посадить около себя. Тогда начинаются крики о жестокой обиде, берутся за оружие, чтоб охранить свою честь, свое старшинство, не потерять прав на самый старший стол, Киев. Оружием доставляют себе управу, потому что когда в семье отец живет, то дети его слушаются; слушаются, хотя уже не так, племянники старого дядю; но братья мало слушали брата, хотя и повторяли: "Старший брат мне вместо отца". Когда же старшими пойдут двоюродные и троюродные братья, тех уже слушают только тогда, когда это выгодно. Войною ищут себе управы; но на войне один побеждает, другой побеждается, побежденного не щадят, его выгоняют из хорошей волости, иногда вовсе выгоняют из Русской земли; но он не может остаться в покое, ищет первого удобного случая, чтоб отомстить за свою обиду и добыть волость в Русской земле. Иногда старший дядя не

способен, тогда младший брат, племянник, способный, храбрый, перенимает на себя старшинство; но этому противятся другие, выставляя, что дело идет не по обычаю, что младшему нельзя дать старшинства, и опять начинается междоусобная война. Вследствие этих междоусобий, изгнаний счеты — кто старше, кто моложе — перепутываются, и от этого новые споры и междоусобия.

Князья ведут междоусобные войны; главное внимание их обращено на то, чтоб не потерять своей чести, старшинства, чтоб кто-нибудь из них, кому не следует, младший, не захватил себе старшего стола, старшей волости, при первом подозрении берут в руки оружие; а тут за Днпром, в степях, по-прежнему кочуют поганые, которые беспрестанно нападают на русские земли и опустошают их. Печенегии исчезли при Ярославе Владимировиче, но были сменены половцами, и мало того, что половцы сами по себе опустошали Русь, князья в своих ссорах призывали к себе на помощь поганых и давали им жечь, грабить и вести в полон жителей¹³.

Но не все князья были таковы; лучший князь, оставивший по себе самую добрую память в народе, был Владимир Всеволодович Мономах, внук Ярослава Владимировича от третьего сына его, Всеволода; Мономахом же его называли потому, что мать его была греческая царевна, дочь императора Константина Мономаха. По-русски Мономах значит единоборец. Подвиги Мономаха начинаются с 1076 года; в 1113 году он только стал великим князем, т. е. сел в Киев, а прежде княжил в Переяславе южном (в нынешней Полтавской губернии); умер в 1125 году. Но любовь народную своим нравом и делами он умел приобрести, когда еще не был великим князем. За что же его любили? Другие князья ссорились между собою, воевали: Мономах не ссорился, уступал старшинство, мирил поссорившихся и во время злой вражды между братьями умел заслуживать название братолюбца. В своем княжестве он не давал сильным обижать слабых и бедных людей, сам судил. При грубости тогдашних нравов люди сильные не умели сдерживать своего гнева; осердится сильный человек на слабого, подчиненного, и велит убить; после и будет жалеть, да не поможет. Мономах написал наставление своим детям, чтоб они не убивали ни правого, ни виноватого, не губили душ христианских; Мономах отличался целомудрием, щедростью необыкновенною; несмотря, однако, на эту щедрость, казна его всегда была полна, потому что он был добрый хозяин и не доверял слугам, а сам содержал весь порядок в доме. Больше всех князей Мономах напоминал прадеда своего, ласкового князя Владимира Святославича: "Если пойдете куда по чужим землям (наказывает Мономах своим детям), не давайте слугам обижать народ ни в селах, ни на поле, чтоб вас потом не кляли. Куда пойдете, где станете — напоите, накормите бедняка; больше всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, знатный или простой человек или посол". Что детям наказывал, то и сам делал: позвавши гостей, сам служил им, и когда они ели и пили досыга, он только смотрел на них.

Не было князя добрее, ласковее Владимира Мономаха для своих; не было грознее его для врагов Русской земли, половцев: как только завидят враги знамя его, так и бегут без оглядки. Это был богатырь, не знавший усталости: большую часть жизни провел он вне дома, большую часть ночей провел на сырой земле; одних дальних походов совершил он 83. Каждый день до света поднимался он с постели, ходил к обедне, потом думал с дружиною о делах земских и ратных, судил людей; в полдень ложился спать, и потом опять те же дела. В мирное время страстно любил он охоту: диких лошадей в лесах вязал он живых своими руками; дикий бык не раз метал его на рога, олень бодал, лось топтал ногами, медведь кусал, волк сваливал вместе с лошадыю. "Не бегал я для сохранения жизни своей, не щадил головы своей, — говорит он сам. — Дети! Не бойтесь ни рати, ни зверя, делайте мужское дело; ничто не может вам вредить, если Бог не повелит; а от Бога будет смерть, так ни отец, ни мать, ни братья не отнимут; Божие блюдение лучше человеческого!" Не могли нарадоваться на такого богатыря русские люди того времени; но любил его особенно за то, что это богатырство употреблялось против поганых половцев, что Мономах был стражем Русской земли. С весны, как только покажется трава в степях, уже надобно было ждать нашествия половцев, и Мономах думал, как бы предупредить поганых походом в их собственные кочевья. Однажды он дал знать о своем намерении старшему двоюродному брату Святополку, княжившему в Киеве. Святополк сказал об этом дружине, но та отвечала: "Не время весною идти в поход: отнимешь только поселян от работы". Святополк послал сказать Владимиру: "Надобно нам съехаться вместе и подумать с дружиною". Съехались недалеко от Киева и сели в одном шатре, Святополк со своею дружиною, а Владимир со своею, и все молчали. Наконец Владимир сказал Святополку: "Брат, ты старший, начни говорить, как бы нам промыслить о Русской земле". Святополк отвечал: "Лучше ты начни говорить, братец". Владимир сказал: "Что мне говорить? Против меня будет и твоя, и моя дружина; они скажут, что я хочу погубить поселян, оторвать их от работ; но удивляюсь я тому, что поселян жалеете и их лошадей, а того не подумаете, что на весну начнет крестьянин пахать с лошадыю, и придет половчин, застрелит мужика, лошадь его, и жену, и детей возьмет и гумно сожжет: об этом вы не думаете!" Вся дружина отвечала: "И в самом деле так!" Святополк сказал: "Я готов с тобою, братец!" А Владимир сказал ему: "Великое, брат, добро сделаешь ты Русской земле!"

Владимир и Святополк послали и к другим князьям звать их в поход: "Пойдем на половцев: либо живы будем, либо мертвы". Многие явились на зов с пехотою и конницею, и пошли: пешие плыли в лодках по Днепру, конница шла берегом. Прошедши днепровские пороги, пешие высадилась на берег, конные сели на лошадей, и шли четыре дня. Половцы, услышав, что идет русь, собрались во множестве

и начали думать; один из ханов сказал: "Пошлем просить мира у русских; они станут с нами биться крепко, потому что мы много зла наделали их земле". Молодые отвечали ему: "Если ты боишься руси, то мы не боимся; побивши этих, пойдем в их землю, возьмем их города, и кто тогда защитит их от нас?" А русские князья и все ратники в это время молились Богу, давали обеты, и когда сошлись полки, то русские победили, перебили 20 ханов, после чего взяли много скота, овец, лошадей, верблюдов, кибитки со всею рухлядью и рабами.

В другой раз Мономах подговорил князей пойти на другую сторону, к Дону. Пошли они во вторую неделю Великого поста, в субботу были на реке Хороле, где бросили сани; обоз пошел на колесах; перешли много рек и во вторник на шестой неделе достигли Дона. Отсюда они шли в бронях и выстроивши полки, перед которыми, по распоряжению Мономаха, шли священники и пели молитвы. 24 марта, в пятницу, русские увидели полки половцы. Князья сказали друг другу: "Помереть нам здесь; станем крепко!" Перецеловались и возложили всю надежду на Бога. После жестокой битвы половцы были побеждены, и пало их много. Весело на другой день русские праздновали Лазарево воскресенье и Благовещенье, а в Вербное воскресенье пошли дальше. В страстной понедельник собралось опять множество половцев и обступили полки русские. Опять началась битва жестокая, и опять половцы были побеждены. После этой битвы русские князья возвратились домой, и разнеслась слава их по всем странам дальним. Но если слава этого похода разнеслась по дальним странам, то что же было на Руси? После Святослава Старого, отца Владимира Святого, ни один князь не ходил так далеко в степи. Владимир Мономах пошел туда, возвратился с необыкновенным успехом и славою; но ходил он не для славы, не из желания только повоевать: он ходил для того, чтобы хотя на несколько времени дать покой родной земле от нашествия поганых¹⁴. Когда умер Мономах в 1125 году, то весь народ плакал по нему, как плачут дети по отцу или по матери. Прославил он Русскую землю, как солнце, говорит летописец: слава его прошла по всем странам, особенно же был он страшен поганым; был он братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю.

Мономах отличался благочестием: когда он входил в церковь и слышал священное пение, то не мог удержаться от слез; бывший при нем в Киеве митрополит Никифор говорит, что все изумлялись его воздержанию. В своем поучении детям Мономах писал: "Тремя добрыми делами побеждается враг наш дьявол: покаянием, слезами и милостынею; Бога ради, не ленитесь, дети мои, не забывайте этих трех дел: они не тяжки. Когда и на лошади сидите, да ни с кем не разговариваете, то чем думать нелепости, повторяйте беспрестанно в уме: "Господи помилуй!" Больше же всего не забывайте убогих, а особенно сирот". Это показывает, как христианство действовало на лучших людей.

Мы уже видели, что вскоре после крещения Руси при Владимире появляются монахи, основывается Киево-Печерский монастырь святым

Антонием. Эти первые монахи, первые подвижники, оказали великую услугу тем, что учили, как жить по-христиански не словом только, а делом, примером. В грубом человеке кипят страсти, и он хочет удовлетворять им, несмотря ни на кого и ни на что; ему говорят, что Бог не велел так жить, надобно обуздывать страсти и стараться, чтоб другим было хорошо; он считает это тяжким, невозможным; но вот перед его глазами живут люди, которые на самом деле показывают, что можно жить так, как Бог велит; словом, учение таких людей с силою, ибо такой человек не только скажет, но и покажет, как жить по-христиански; во всякой науке мало сказать, надобно и показать, как делать. И недаром до сих пор со всех концов России ходят толпы богомольцев в Киев поклоняться мощам святых печерских угодников: эти святые угодники при начале христианства у нас показывали на деле, как надобно жить по-христиански, были учителями благочестия для всей Русской земли. При основателе своем святом Антонии стал знаменит Киевско-Печерский монастырь подвигами игумена и братии; преемник Антония, святой Феодосий, поддерживал и усилил эту знаменитость: не было смиреннее и кротче печерского игумена, а между тем люди, делавшие дурные, несправедливые дела, никого так не боялись, как этого бедного, смиренного инока. Выгонит князь старшего брата, сядет в Киеве не по праву, не по старшинству, все признают его великим князем, не признают в одном Печерском монастыре, там поминают на эктениях князя законного, хотя и изгнанного; решит судья дело неправо, обиженный идет к Феодосию, и судья, обличенный святым, должен перерешить дело; у себя в келье Феодосий ходил за больным, расслабленным иноком.

Христианство утверждалось легче и скорее на юге, в Киеве и ближайших к нему областях; но дальше на севере и востоке, по Оке и верхней Волге, язычество было чрезвычайно сильно; проповедники христианства подвергались здесь большим опасностям; святой Леонтий в Ростове, святой Кукша в земле вятичей погибли от язычников: оба были постриженники Киево-Печерского монастыря. Монастырь этот дал в описываемое время до 50 епископов в разные русские области, в нем же началась составляться летопись — погодное описание всех важнейших дел, происходивших на Руси; в числе печерских угодников находится и преподобный Нестор, первый летописец. Вместе с христианством распространялась и грамотность. Епископы поучали народ в проповедях; самым красноречивым проповедником был Кирилл, епископ Туровский. Многие отправлялись на богомолье в дальние страны, в Царьград, в Иерусалим, и некоторые из таких паломников описывали свои путешествия. Из мирских сочинений дошло до нас сказание о том, как один из князей русских, Игорь Святославич, владевший Новгородом-Северским, пошел с братьями в 1185 году на половцев, был взят в плен погаными и ушел из плена.

В этом сочинении, которое называется "Слово о полку Игореве", мы читаем горькие жалобы на княжеские междоусобия, дававшие

возможность половцам опустошать Русскую землю. Действительно, по смерти Мономаха междоусобия усиливаются; князья размножились и все чаще и чаще спорили, кто старше, кому владеть Киевом или другим каким городом; Мономаховичи, т. е. потомки Мономаха, спорили и вели беспрестанные войны за великое княжение, за Киев, с Ольговичами, потомками двоюродного брата Мономахова, Олега Святославича; но и между самими Мономаховичами и самими Ольговичами шли также споры и войны. Киевляне помнили добро, какое получили от Мономаха, и были привязаны к потомкам его, тем больше, что между ними было много храбрых и добрых, ласковых князей. Беда была киевлянам, когда начиналась война между Мономаховичами; тогда они прямо отказывались принимать в ней участие, давать князю от себя войско. "Князь! — говорили они. — Ты на нас не сердись, а мы не можем на Владимирово племя рук поднять; вот если б на Ольговичей, то пошли бы и с детьми". Ольговичей не любили особенно за то, что они обыкновенно наводили половцев на Русскую землю. Князья в больших городах обыкновенно собирали народ на площадь и сами приезжали или присылали кого объявить свое желание. Такие собрания назывались вечами. Ударят в большой колокол, народ уж и знает, что случилось что-нибудь важное, и идет на площадь, где князь или боярин от имени князя будет говорить с ним. В это смутное время, когда князья боролись друг с другом и выгоняли друг друга из волостей, веча были нередки в больших городах; особенно часто они бывали в Новгороде Великом, потому что князья здесь сменялись беспрестанно; из жителей одни принимали сторону одного князя, другие другого и дрались иногда между собою.

Междоусобиями княжескими пользовались половцы и все более и более пустошили пограничные со степями княжества. Князь Перяславля южного говорил, что его волость пуста от половецких нашествий; князь Черниговский говорил, что у него города пустые, живут в них только псаря да половцы; Киевское княжество также много терпело от них. Мало того, что они опустошали его землю, они в степях нападали на суда, поднимавшиеся по Днепру с греческими товарами, и тем сильно вредили Киеву, который жил греческою торговлей. Один Киевский князь, созвавши к себе других южных князей, говорил им так: "Братья! Пожалейте о Русской земле, о своей отчине и дедине: ежегодно половцы уведят христиан к себе, клянутся нам не воевать и вечно нарушают клятву; а теперь уже у нас все торговые пути отнимают". Когда князьям был досуг, они собирались со всеми своими полками, выходили в степь и дожидались, пока все торговые суда поднимутся по Днепру. Киев не раз был взят своими русскими князьями во время их споров и войн; но при князьях обыкновенно бывали толпы половцев. В 1203 году половцы, благодаря княжеской усобице, пожгли весь Киев, ограбили Софийский собор, Десятинную церковь и все мо-

настыри; монахов и монахинь, священников и жен их, старых и увечных перебили, а молодых и здоровых повели в плен, также и остальных киевлян.

Ясно было, что эта южная, днепровская, Киевская Русь, как Украина, край, пограничье, не в состоянии держаться против своих степных соседей — половцев. Многие из ее князей были очень храбры; но они тратили свои силы в междоусобиях, только изредка могли воевать с погаными. Заботясь прежде всего о том, как бы не потерять своего старшинства, своего права на лучшие владения, они беспрестанно меняли свои княжества и потому не старались о них; дружины вместе с князьями волею, а иногда неволею переезжали из одного княжества в другое; князья, имея постоянную нужду в храброй дружине, дорожили ею, обходились по-товарищески, делились с нею всеми своими доходами, ничего не предпринимали, не посоветовавшись с нею, потому что при первом неудовольствии дружинник уезжал от князя и переходил на службу к другому; князей было много, и каждый охотно принимал к себе храброго человека. Но храбрость эта тратилась в междоусобиях, а земля пустела от половцев.

И вдруг сила объявилась в такой стороне, откуда ее не ждали, в дальней северо-восточной стороне, о которой мало и знали в Киеве, сила объявилась на верхней Волге, в стране, которую называли Ростовскою, иногда Суздальскою землею. Если сравнить с Южною Русью, днепровскою, с областью Киевскою, Черниговскою, Переяславскою, Волынскою, Галицкою землею, то земля Ростовская, или Суздальская, была земля бедная, холодная, покрытая дремучими лесами и болотами, в стороне от главной дороги из Балтийского моря в Черное, от главной торговой дороги, на которой и началось русское государство. Зато мирному человеку, который хотел трудиться без помехи и спокойно пользоваться плодами своего труда, мирному человеку тяжко, невозможно было жить на этом благодатном юге; вспомним, что говорил Мономах: весною, как выедет крестьянин в поле на работу, откуда ни возьмется половчин, застрелит крестьянина, уведет его жену, детей, лошадь, сожжет гумно. Разве можно было так жить? И в этих благодатных, теплых и хлебородных странах живут псары да половцы; и мирному русскому человеку надобно уйти куда-нибудь подальше от степи. Безопасным убежищем для мирного человека была земля Ростовская: туда половцы не заходили, княжеских междоусобий сначала не было, да и потом было немного. Поэтому страна наполнялась народом, обстраивалась городами. Особенно много построено было городов в Ростовской земле, когда княжил здесь младший сын Мономаха, Георгий Владимирович Долгорукий. На границах своей Ростовской земли с землею Рязанскою и Черниговскою князь Георгий построил Москву. Так как Москва была ближайшим городом к черниговским владениям, то в 1147 году князь Георгий назначил в ней свидание приятелю своему, князю Святославу Ольговичу Черниговскому, и угостил его здесь на славу. Это первое известие о Москве; в котором же году она

именно основана, об этом в летописях нет. Князь Георгий Владимирович хотя и долго жил на севере, в Ростовской земле, и строил здесь города, однако больше любил юг, добивался Киева, наконец получил его и умер в нем¹⁵, но сын Георгия, Андрей Боголюбский, напротив, полюбил север, ушел туда с юга и не поехал в Киев, когда получил старшинство, остался жить в своем любимом городе Владимире-на-Клязьме. То же самое сделал и брат Андрея Боголюбского, Всеволод Георгиевич, прозванием Большое Гнездо, потому что от него пошли все северные князья и даже московские¹⁶. Таким образом, Киев потерял свое старшинство, киевские князья должны были признавать старшинство князя Владимирского, который был и сильнее всех других князей.

По смерти Всеволода Большое Гнездо начались междоусобия между его сыновьями, но скоро приутихли. В это время, когда Юго-Западная Русь ослабела и запустела от междоусобий и половецких нашествий, а Северо-Восточная не успела еще окрепнуть, последовало из степной Азии сильное движение кочевых хищных орд, какого давно уже не бывало. Пришли татары, о которых до тех пор русские не имели никакого понятия; в степях татары столкнулись с половцами и поразили их. Это было в 1223 году; в Южной Руси важнее других были тогда два князя, два Мстислава: Мстислав Романович, княживший в Киеве, и двоюродный брат его, Мстислав Мстиславич Удалой, княживший в Галицкой земле (оба были праправнуки Мономаха от старшего его сына Мстислава). После поражения от татар половецкий хан Котян приехал с поклоном к русским князьям, съехавшимся в Киев, поднес им богатые дары и говорил: "Татары отняли нашу землю нынче, завтра вашу возьмут: так защитите нас; если же не поможете нам, то мы нынче будем иссечены, а вы завтра". Мстислав Удалой, самый храбрый из князей, стал уговаривать братьев помочь половцам. "Если мы, братья, им не поможем, — говорил он, — то они передадутся татарам, и у тех прибудет силы". Князья долго думали и наконец решились помогать Котяну. "Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей", — говорили они. Князья собрали свои полки у Днепра. Тут пришли к ним татарские послы с такими словами: "Слышим, что вы идете против нас, послушавшись половцев; а мы вашей земли не занимали, городов и сел ваших не захватывали и на вас не приходили; пришли мы попущением Божиим на холопей своих и конюхов, на поганых половцев; возьмите с нами мир; если побегут к вам половцы, то вы бейте их оттуда, а именье их берите себе, потому что, как слышно, они и вам много зла делают, оттого и мы их бьем отсюда". Но русские князья не послушались и перебили послов. Тогда татары послали в другой раз сказать: "Если вы послушали половцев, избили наших послов и идете против нас, то ступайте, а мы вас не трогаем; Бог нас всех рассудит". Князья перешли Днепр и поехали на конях в степи половецкие, шли восемь дней до реки Калки и здесь встретили силу татарскую. Мстислав Удалой начал

битву, и татары уже бежали, как вдруг половцы, бившиеся вместе с русскими, побежали, русские полки смялись от этого и были побеждены. Мстислав Киевский, видя беду, не тронулся с места, огородился кольем и бился из своего укрепления с татарами три дня; наконец был взят вместе с другими князьями: татары раздавили их, подложивши под доски, сверху которых сами сели обедать. Других князей татары гнали до Днепра, которого, однако, не перешли, а возвратились в свои степи.

ЧТЕНИЕ

IV

О втором татарском нашествии;
об Александре Невском; об усилении Москвы,
о великом князе Иоанне Даниловиче Калите и
о святом Петре митрополите

Татары возвратились от Днепра в степи, и опять пропал о них слух. Только через 12 лет, в 1237 году, появились они снова на русских границах огромными толпами под начальством хана своего Батая. Появились они теперь с другой стороны, со стороны Рязани, и прислали к рязанским князьям требовать десятины со всего, с князей и простых людей и с коней. Князья рязанские отвечали: "Если никого из нас не останется на свете, то все будет ваше". Тогда татары обступили Рязань, взяли и пожгли всю; князя и княгиню убили; мужчин, женщин, детей рассекали мечами, других расстреливали стрелами, иных в огонь бросали; кто им больше нравился, тех вязали и делали своими рабами; много церквей, монастырей и сел пожгли, имения набрали немало и потом пошли к Коломне, подле которой они встретили войско Владимирского великого князя Георгия, сына Всеволода Большое Гнездо. После упорной битвы татары поразили это войско и пошли к Москве, где княжил сын великого князя Георгия Владимир, первый московский князь, упоминаемый в летописях. Татары взяли Москву, взяли в плен и князя ее Владимира, людей перебили всех. Тогда великий князь Георгий, поручив город Владимир двоим сыновьям, Всеволоду и Мстиславу, сам с троими племянниками, сыновьями умершего брата его Константина Всеволодовича, отправился на Волгу собирать войско. Он расположился станом между реками Ситью и Мологою, где и поджидал братьев с полками.

3 февраля 1238 года татары, как саранча, обсели Владимир; одна толпа их подъехала к Золотым воротам, ведя с собою князя Владимира, полоненного в Москве. "Узнаете ли вы своего княжича?" — спросили татары у владимирцев, стоявших на воротах и по стене. Князья

Всеволод и Мстислав узнали брата, хотя он сильно переменялся, исхудал от беды и нужды. Князья, бояре и все граждане рыдали, смотря на него. Князья Всеволод и Мстислав сказали дружине: "Братья! Лучше нам умереть за святую Богородицу и за правую веру, чем быть в воле татарской!" Татары начали ставить около города леса и пороки (машины, из которых били стены камнями), ставили с утра до вечера, а в ночь нагородили тын около всего города. Утром князь Всеволод и владыка Митрофан, увидавши эти приготовления, поняли, что города не отстоять, и начали готовиться к смерти. 7 февраля татары приступили к Владимиру, до обеда взяли новый город и запалили его, после чего князья и все жители бросились бежать в старый город; князь Всеволод, думая умиловать Батю, вышел к нему из города с малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадил его молодости, велел зарезать перед собою. Между тем епископ Митрофан, великая княгиня с дочерью, снохами и внучатами, другие княгини со множеством бояр и простых людей заперлись в Богородичной соборной церкви на полатах (т. е. на хорах). Татары отбили двери, ограбили церковь, потом наклали лесу около церкви и в самую церковь и зажгли ее: все бывшие на полатах задохнулись от дыма, или сгорели, или были убиты. Из Владимира татары пошли дальше, разделившись на несколько отрядов: одни пошли к Ростову и Ярославлю, другие на Волгу и на Городец, и попленили всю страну поволжскую; иные пошли к Переяславу, взяли его, взяли другие города: Юрьев, Дмитров, Волоколамск, Тверь; в один февраль месяц взяли 14 городов.

4 марта 1238 года татары встретились с войском великого князя Георгия на реке Сити; после злой сечи русские полки побежали, причем великий князь был убит и множество войска его погибло. От Сити татары пошли к юго-западу, осадили Торжок, били в него пороками две недели и, наконец взяв 23 марта, истребили всех жителей. От Торжка пошли к Новгороду, кося людей, как траву; но, не дошедши ста верст до Новгорода, остановились и повернули к юго-востоку, на степь: они испугались приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот. На возвратном пути Батый был задержан семь недель у города Козельска, где княжил молодой князь Василий, один из Ольговичей. Жители Козельска решились не сдаваться татарам. "Хотя князь наш и молод, — сказали они, — но положим живот свой за него: и здесь славу, и там небесные венцы от Христа Бога получим". Татары разбили наконец городские стены и взошли на вал; но и тут встретили упорное сопротивление: горожане резались с ними ножами, а другие вышли из города, напали на татарские полки и убили 4000 неприятелей, пока сами все не были истреблены. С тех пор татары не называли Козельск настоящим его именем, а называли злым городом.

По взятии Козельска Батый ушел в степи. В следующем, 1239 году татары явились в Южной Руси, взяли и сожгли Переяславль южный

и Чернигов; а в 1240 году пришел сам Батый под Киев, где князя не было, был воевода Димитрий, присланный от Галицкого князя Даниила. Татар была такая сила, что киевлянам нельзя было слышать друг друга от скрипа телег татарских, рева верблюдов, ржания лошадей. Батый велел поставить пороки, и били они день и ночь, и выбили наконец передние стены; тогда киевляне взошли на внутренние стены и продолжали с них защищаться; воевода Димитрий был ранен; татары овладели и последними стенами. Но в ночь киевляне выстроили новые деревянные стены около Богородичной Десятинной церкви, и татарам на другой день нужно было брать их с кровопролитного бою. Когда и эти стены были взяты, киевляне забрались с имением своим на церковь, но стены церковные рухнули под ними от тяжести, и татары окончательно овладели Киевом. Это было 6 декабря. Раненого воеводу Димитрия Батый не велел убивать за его храбрость. После взятия Киева Батый опустошил Воынь и Галицкую землю.

Юго-Западная Русь, опустошенная сильно и прежде половцами и междоусобиями, была вконец запустошена теперь, во время Батыева нашествия, и долго, очень долго не могла оправиться, тем более что кроме татар, которые заменили половцев, с северо-запада явился новый враг: дикие литовцы, жившие в нынешних Виленской и Ковенской губерниях, воспользовались теперь бессилием Западной Руси, стали чаще выходить из своих дремучих лесов, опустошать русские области и утверждаться в них. Киев, прежде славный и богатый, стал теперь маленьким бедным городком, окрестности которого представляли пустыню, где белелись кости человеческие и где не было безопасности от разбоев литовских. На северо-востоке прежняя земля Ростовская, или Суздальская, теперь великое княжество Владимирское, не была разорена прежде ни половцами, ни междоусобиями, меньше потерпела и в Батыево нашествие, ибо жителям легко было скрываться в лесах, пробираться в страны, не тронутые татарами; да и потом здесь было покойнее, чем в других местах; Литва не нападала, и народу легче было оправиться. Бог послал этой стране умного, распорядительного великого князя Ярослава Всеволодовича, брата великого князя Георгия, убитого на Сити.

Ярослав, ставши княжить во Владимире, очистил церкви от трупов, собрал оставшихся людей, утешил их. Чтоб народу дать оправиться, нужен был прежде всего покой, надобно было, главное, стараться о том, чтоб татары в другой раз не напали; Ярослав видел, что отбить их не было никакой возможности, и потому, делать нечего, решился признать власть их над собою, поехал с поклоном и подарками в Орду к Батыю, который жил на Волге; с этих пор все князья русские должны были покупать в орде ярлыки, или ханские подтвердительные грамоты на княжение. Но Батый не был главным ханом, и Ярослав должен был ехать дальше, в азиатские степи, на поклон к великому хану. В то время как Ярослав употреблял все средства, чтоб успокоить Русскую

землю с востока, не дать ее снова на разорение, сын его, Александр, защищал западные части русской земли, Новгород и Псков, от троих врагов — шведов, немцев и литвы. В 1240 году шведы приплыли к устью реки Ижоры в Неву с целью воевать Новгородскую землю и обращать жителей в римско-католическую веру, к чему уговаривал их папа. Александр Ярославич с небольшою дружиною поспешил навстречу неприятелю и 15 июля нанес ему совершенное поражение, заставил бежать и отбил охоту латынчить русских людей; за эту-то победу князь Александр Ярославич и называется Невским.

Восточное побережье Балтийского моря, где теперь губернии Лифляндская и Эстляндская, издавна находилось в русской зависимости; та часть, где был построен Юрьев, или Дерпт, находилась в зависимости от Новгородского княжества, другие части — от Полоцкого. Туземцы финского, или чухонского, происхождения, ливы и эсты не были еще все покрещены, особенно жившие у самых берегов моря, и берег не был укреплен, на нем не было русских городов; это происходило оттого, что новгородцы были народ торговый, любили ездить только туда, где им было больше барышей; Полоцкое же княжество ослабело от междоусобий, да и вообще земли было много, а народу мало. В 1158 году к устью Западной Двины прибит был бурей корабль немецких купцов (из города Бремена). Немцы завели мену с жителями, нашли ее выгодною и стали приезжать уже нарочно сюда, заметили, как выгодно утвердиться на устье такой большой реки, заметили нерадение русских, которые не поспешили сделать этого прежде, и выпросили у полоцких князей позволение завести себе постоянную контору.

Между тем у немцев пошли слухи, что открыта новая страна, где жители еще язычники, и немецкое духовенство, которое тогда все было под начальством римского папы, стало толковать о том, как бы покрестить ливонцев и эстов. Узнал об этом и сам папа римский и велел отправить в Ливонию проповедника-монаха, который выпросил у полоцкого князя позволение проповедовать Евангелие между язычниками, построил церковь и начал свое дело. Но дело шло неуспешно; немцы увидели, что мирными средствами они ничего не сделают, и папа велел объявить крестовый поход против ливонцев: кто пойдет воевать против неверных и станет принуждать их к принятию христианства, тот, по объявлению папы, получит прощение всех грехов. Таких набралось довольно, и приехали они в Ливонию вместе с епископом. Жители, увидевши епископа, окруженного солдатами, сказали ему: "Убеждай словами, а не палками". Но немцы за тем именно и пришли, чтобы убеждать палками; папа им сказал, что это святое дело; многие язычники принуждены были креститься.

В 1200 году немцы стали твердою ногою в стране, построили город Ригу и учредили рыцарский орден Меча, т. е. войско, состоявшее из монахов-солдат, которые обязаны были постоянно воевать с невер-

ными. Ливонцы стали жаловаться полоцкому князю, что немцы их воюют, силою принуждают креститься. Полоцкий князь догадался, что дело плохо, что не надобно было смотреть сквозь пальцы на утверждение немцев на морском берегу, решился воевать с ними, но было уже поздно: ему нельзя было сладить с рыцарями, которые были искусны в военном деле и к которым беспрестанно приезжали новые рыцари из Германии, тогда как полоцкие князья были заняты междоусобиями и защитой своей страны от литовцев. Лет в двадцать немцы выжили русских из Ливонии, овладели здесь двумя русскими княжествами; наконец в 1224 году немцы осадили самый крепкий русский город Юрьев (Дерпт) и взяли его, хотя русские упорно отбивались.

После татарского нашествия немцы могли надеяться, что легко овладеют и Псковом и Новгородом. Может быть, и овладели бы, если б не Александр Невский. В самый год Невской победы, когда Александр выехал из Новгорода к отцу, немцы захватили Псков, завоевали часть новгородской земли; в тридцати верстах от Новгорода не было уже от них безопасно. Новгородцы в такой беде послали к великому князю Ярославу просить, чтоб дал им опять Александра. Невский приехал и в 1242 году выгнал немцев из Пскова и вошел в их владения. На льду Псковского озера встретился он с немецким войском и нанес ему страшное поражение: льда на озере стало не видно, все покрылось кровью; русские гнали побежденных немцев по льду до берега на расстоянии семи верст. После этой битвы, которая съелет Ледовым побоищем, Александр с торжеством вступил в Псков, ведя пленных рыцарей. Испуганные немцы прислали в Новгород с поклоном и заключили мир, отказавшись от Пскова и завоеваний своих в новгородской земле.

Был еще третий враг, который пользовался татарским погромом, захватывал русские земли и стал далеко распространять свои разбойнические набеги: то были литовцы. Александр Невский три раза поразил литовцев, перебил у них много князей и принудил оставить в покое Северную Россию, где они стали было заходить к Торжку и Бежецку.

Александр Невский отбил от Северной России и шведов, и немцев, и литву, показал большую храбрость и воинское искусство; но с большою храбростью он соединял и большое благоразумие, видел, что со шведами, немцами и литвою можно воевать и можно их побеждать, но что у России, разделенной и опустошенной, нет никаких средств воевать с татарами, которые придут целым народом и запустошат землю вконец; надобно, следовательно, ждать, пока татары разделятся, станут истреблять друг друга в междоусобных войнах, ослабеют, а до тех пор надобно было смириться, признать верховную власть ханов, ездить к ним с поклоном, платить дань. Когда Александр Невский был только князем Новгородским, то прославил себя победами; когда же

стал великим князем Владимирским, то прославил себя другими подвигами, более тяжкими, потому что после такой славы он должен был унижаться пред татарами, чтобы спасти родную землю от гибели; должен был уговаривать народ, чтоб снес терпеливо иго, позволил татарам переписать себя для наложения дани. Три раза ездил Александр в Орду, но когда русские были выведены из терпения насилием татарских откупщиков дани и выгнали их из разных городов и когда татарские полки уже посланы были опустошать за это Россию, Александр, "чтоб отмолить людей от беды", поехал в четвертый раз в Орду и успел в своем деле. Но это было уже последнее его дело: на возвратном пути он умер 14 ноября 1263 года, "много потрудившись за землю Русскую, отдавая жизнь свою за Новгород и за Псков, и за все великое княжение, и за православную веру". К этой похвале современников нам уже нечего больше прибавлять¹⁷.

Что Александр Невский был прав, думая, что еще рано подниматься против татар, всего лучше доказывает судьба другого знаменитого в то время русского князя, Даниила Романовича Галицкого. После отца своего, Романа, праправнука Владимира Мономаха, Даниил остался ребенком и должен был испытать много бед, пока вырос, терпел изгнания из родной страны, потому что Галиция, или Червоная Русь, была страна богатая, разные русские князья хотели воспользоваться малолетством Даниила и овладеть его наследством; соседи, венгерский король и поляки, хотели того же; галицкие бояре, видя смуту, перемену князей, крамолили, искали каждый своих выгод и не давали утвердиться на престоле Даниилу; наконец нашествие татар заставило также Даниила на время покинуть родную страну. Но беды, изгнание, нужда, все эти испытания укрепили Даниила, рожденного с блестящими способностями; он извлек большую пользу из своего сурового воспитания, приобрел твердость, силу нравственную, но не ожесточился, в борьбе со злыми врагами умел сдерживаться, не позволял себе мести, крутых мер, жестокостей.

В 1249 году Даниил успел окончательно утвердиться в Галиции. Подобно Александру Невскому, Даниил прославился среди своих европейских соседей, счастливо воевал с Литвою, принимал участие в спорах королей венгерского и богемского, или чешского; одно время шло дело о том, чтоб сына Даниилова, Романа, посадить на престол австрийский. Но другое дело на востоке: Батый прислал звать Даниила к себе на Волгу, и Даниил поехал. Тяжко было Даниилу унижаться перед татаринном, становиться перед ним на колени. Хан отпустил ласково; но эта ласка показалась Даниилу злою обидою, и все плакали от досады, когда Даниил, возвратившись домой, рассказывал своим о ласке татарской: "Злее зла честь татарская", — говорили они. Даниил никак не мог признать горькой необходимости сносить татарское иго и начал думать о том, как бы его свергнуть. Он видел ясно, что

силами одной Галиции да Вольни, где княжил родной брат его, сделать этого нельзя; надобно было вступить в союз с христианскими соседними государствами, с ними вместе идти на общих врагов, неверных татар, что называлось тогда крестовым походом. Но затруднение состояло в том, что соседние христианские государства, и Венгрия, и Богемия, и Польша, принадлежали к римской церкви, были под духовною властью папы, без благословения которого не могли предпринять крестового похода, а папа ни за что не благословил бы их идти вместе с русским православным князем, который не признавал его власти. Тогда Даниил решился войти в сношения с папою, показал себя готовым соединиться с римскою церковью, если папа устроит крестовый поход против татар. Папа обрадовался, прислал Даниилу венец королевский, писал в разные стороны, что нужно идти в крестовый поход; но никто не тронулся, каждый занимался своими делами и думал: меня татары не трогают, тяжело от них одним русским; для чего же подвергать себя такой опасности из-за русских? Таким образом, Россия должна была одна оттерпываться от татар, а другим государствам за ее хребтом было покойно жить. Видя, что от западных соседей помощи никакой нет и что папа ничего не может сделать, Даниил перестал с ним сноситься и стал думать, как бы одними своими силами избавиться от татар. Для этого он начал укреплять города; у ближайших к нему татар был в это время воеводою человек слабый, который не понимал, в чем дело, и давал Даниилу укрепляться; но скоро татары догадались и прислали другого воеводу, который потребовал, чтобы Даниил сейчас же срыл укрепления своих городов. Тут Даниил увидал, что бороться с татарами никак нельзя, и принужден был разорять крепости, которые сам построил.

По смерти князя Даниила, который умер почти в одно время с Александром Невским, Галицкое княжество недолго могло сохранить свою независимость. Оно разделилось между сыновьями Данииловыми, ослабело; подле сильные соседи, а помощи ниоткуда: юго-западные русские княжества разорены, слабы, терпят беды от татар и литвы; северные русские князья далеко и заняты своими делами, им некогда и подумать о Западной Руси. В 1340 году поляки овладели Галичем. Остальные княжества западные — Полоцкое, Туровское, Волынское, Киевское — подпали под власть князей литовских, из которых самым сильным был Гедимин, он-то и взял Киев. Русские князья, потомки святого Владимира, остались владельцами небольших земель, но уже под властью князей литовских.

Мы сказали, что северным князьям было много дела у себя. По смерти Александра Невского между ними начинаются междоусобия. Но эти междоусобия отличаются от тех междоусобий, которые велись южными князьями. Южные князья ссорились и воевали, чтоб не поте-

рять старшинства в целом роде своем, чтобы рано или поздно, по этому старшинству, добиться великого княжения, сесть в Киеве; они не хотели оставаться в одном княжестве, но спешили покинуть его, когда представлялась им возможность, по своему месту в роде, переехать в другое княжество, которое считалось выше, лестнее. Поэтому князь, считая себя только временным владельцем княжества, не заботился о том, чтоб сделать его сильнее, обширнее других княжеств, особенно зная, что не родной сын его сядет в нем после него, а брат, даже двоюродный, или какой-нибудь другой родственник. На севере не так: как Андрей Боголюбский, ставши великим князем, не поехал в Киев, остался во Владимире, так по его примеру поступали и другие северные князья, когда размножились: раз получил князь город себе во владение и считает его своим навсегда, считает свою вечную долею, уделом, старается это свое владение усилить, увеличить; остается жить в нем и тогда, когда станет великим князем: Тверской князь не переезжает во Владимир, остается в Твери, Переяславский — в Переяславле, Московский — в Москве, и старается упрочить свое княжество за сыновьями своими. Разумеется, что только таким образом и можно было собрать Русскую землю, сделать из нее одну страну, одно государство с одним государем. Если в одном княжестве будут все разумные князья и счастье им поблагоприятствует, успеют они усилить, увеличить свое княжество не в пример перед другими, то им легко будет покорить себе все остальные княжества и стать единовластителями. Но понятное дело, что это нелегко сделать вдруг, без препятствий: каждому князю хотелось сделаться сильнее других, а не покоряться другому, и как только князья видели, что один из них усиливается, то поднимались на него войною, чтобы не дать ему усиливаться; кроме того, князья стараются прочить все своим детям, им оставляют лучшие волости, и старшему больше других, чтоб он был сильнее и держал меньших в повиновении; умирает князь и передает свое княжество сыну: поднимается брат покойного и начинает воевать с племянником, говорит: "Я обижен, в старину лучшие города доставались по старшинству, брату после брата, а не сыну после отца, не хочу я быть моложе племянника", — и начинается война.

Самая сильная война междоусобная шла между Москвою и Тверью. Московские князья происходили от сына Александра Невского, Даниила Александровича, а тверские от брата Александра Невского, Ярослава Ярославича. Даниил Александрович Московский усилил свое княжество тем, что приобрел Переяславль-Залесский по духовному завещанию последнего его князя. Сын Даниила, Юрий Данилович, присоединил к Москве Можайск от Смоленского княжества и Коломну — от Рязанского. Когда Тверской князь Михаил Ярославич по старшинству считал великое княжение Владимирское своим, Юрий Московский, который приходился ему племянником, завел с ним спор,

воевал против него и с помощью новгородцев, и с помощью татар, и Михаил погиб в Орде. Юрий погиб там же от руки сына Михаилава; но брат Юрия, Иоанн Данилович Калита (калита значит мешок, сумка с деньгами), не дал Москве упасть, напротив — своим умным хозяйством он умел копить деньги и скупать на них земли у мелких и бедных князей, которым не из чего было платить татарской дани; таким образом, он без войны распространял свои владения, и когда в других княжествах шли войны, в Московском княжестве было все спокойно, отчего и крестьяне, и бояре шли туда из других княжеств; татарские ханы, которых Калита умел задабривать, не трогали Москвы; наконец, Калита умел приобрести расположение митрополита, святого Петра¹⁸.

В России, после принятия крещения святым Владимиром, был один главный архиерей, митрополит, который жил в Киеве и потому назывался Киевский и вся Русь. Он избирался обыкновенно из греков и посвящался в Константинополе тамошним патриархом. Как грек, иностранец, не могший свободно говорить по-русски, митрополит не мог принимать деятельного участия в делах, происходивших на Руси. Когда Киев упал, Южная Русь ослабела и была окончательно запустошена татарами, митрополиты стали ездить на север, оставаться там подолгу и наконец увидали, что надобно здесь остаться навсегда, потому что здесь собралась русская сила. Но какое же княжество, какой город митрополит выберет для своего пребывания? Это было дело важное в то время, когда северные княжества боролись за то, которому из них быть сильнее всех, покорить себе все другие и таким образом собрать Русскую землю. Князей было еще много, а митрополит был один, и назывался он митрополитом вся Русь; в котором городе он станет жить, на тот город духовенство, а за ним и весь народ, станет смотреть как на главный город вся Русь, и на князя этого города будут смотреть как на главного князя, князя вся Русь; да и митрополит будет помогать тому князю, в городе которого станет жить. Важно было в это время и то еще, что митрополитами начали быть русские люди. Святой Петр был родом с юга, из Волыни, но счел необходимым поселиться на севере и при выборе места, где именно поселиться, предпочел Москву. Москва была тогда еще маленьким, бедным городком. Уговаривая Иоанна Калиту построить каменную соборную церковь Успения Богородицы, святой Петр говорил ему: "Если ты меня, сын, послушаешься, храм Пречистой Богородицы построишь и меня успокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья и внуки твои, и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города". Святой Петр скончался в Москве в 1326 году, погребен здесь, и последующие митрополиты следовали его примеру, жили в Москве. Другим князьям это очень не нравилось, да делать было нечего.

ЧТЕНИЕ

V

О великих князьях:

Димитрии Донском, Василии Дмитриевиче и
Василии Васильевиче Темном

Великим князем Владимирским, по смерти Юрия Даниловича, был Тверской князь Александр Михайлович, и Калита не спорил с ним. Но Александр потерял и великое княжение, и тверское, потому что тверичи, выведенные из терпения насилиями ханского посла, убили его, перебили и всех татар, бывших с ним. Хан прислал большое войско, которое без сопротивления опустошило Тверское княжество. Александр принужден был бежать и потом погиб в Орде, а Калита стал великим князем, и с этих пор Московское княжество окончательно усиливается пред всеми другими северными княжествами. Когда Калита умер в 1341 году, то ни один князь не мог спорить с его сыном Симеоном, который стал обращаться с князьями не по-старому, как с братьями, равными владельцами, но как с подчиненными, и потому его прозвали Гордым. По смерти Симеона был Московским и великим князем брат его Иоанн, который умер в молодых еще летах и оставил малолетнего сына Димитрия¹⁹.

Малолетство князя могло бы быть губительно для Москвы; но она была уже сильна, сильнее всех других княжеств, а главное, нашлись люди, которые умели воспользоваться этою силой и не дали Москве упасть и при малолетнем князе. Симеон Гордый в своем духовном завещании написал братьям, чтоб они слушались владыки Алексия митрополита и старейших бояр, которые отцу их и им добра хотели. Алексей митрополит, сын московского боярина Плещеева и крестник великого князя Иоанна Калиты, особенно оказал большие услуги во время малолетства князя Димитрия. Знаменитый святостью жизни, уважаемый не в одной России, но в Константинополе и даже в Орде, Алексей употреблял все старание, чтоб дело собирания Русской земли, начатое московскими князьями, не пропало, чтоб Москва не потеряла своей силы; другим князьям было трудно бороться с Московским князем, хотя он был и ребенком, потому что на его стороне был митрополит, главный пастырь русской церкви, которому другие архиереи должны были повиноваться, делать то, что он велит. Вздумает какой-нибудь князь вооружиться против Московского князя, искать против него помощи в Литве, не помогать ему против татар, митрополит Алексей отлучает такого князя от церкви; вдруг в его городе все церкви затворяются, нигде нет службы Божьей.

Митрополиту Алексию помогал святой Сергей Радонежский, основатель Троицкого монастыря. Сергей в молодости ушел в дремучий лес и сначала жил здесь один, не видя лица человеческого; слух

пронесся о святом пустынноике, и начали собираться к нему монахи, несмотря на то что Сергий встречал их словами: "Знайте прежде всего, что место это трудно, голодно и бедно; готовьтесь не к пище сытной, не к питью, не к покою и веселью, но к трудам, печалям, напастям". Построили несколько бедных келий, огородили их тыном; Сергий своими руками построил три или четыре кельи, сам носил дрова из лесу и колот их, носил воду из колодезя и ставил ведра у каждой кельи, сам готовил кушанье на братию, шил платье и сапоги, одним словом, служил всем, как раб, и прославился по всем областям русским.

Кроме митрополита важную услугу Москве, в малолетство Димитрия, оказали бояре, которые не испугались, умели воспользоваться силою Москвы и удержать за своим князем великое княжество Владимирское. Два раза сажали они своего маленького князя на коня и водили во Владимир выгонять оттуда князя Суздальского. Димитрий вырос и стал по примеру предков собирать Русскую землю, приводя всех других князей в свою волю, изгоняя некоторых и присоединяя их княжества к Москве. Москву свою он укрепил, в 1367 году построил каменный Кремль, а до тех пор у города были только деревянные стены. Скоро оказалось, как необходимо было укреплять эту Москву, около которой собиралась Русская земля, потому что Москве приходилось теперь защищать собранную Русскую землю от сильных врагов; эти враги будут нападать с разных сторон, и Москве придется много терпеть от них. Мы видели, что Литва забрала западные русские княжества вместе с Киевом, которым овладел литовский князь Гедимин. Таким образом, Русь разделилась на две части: северо-восточную, которая собиралась около Москвы под властью своих старинных князей, потомков святого Владимира, и юго-западную, которая подчинилась чужим, литовским князьям. Но литовские князья не хотели довольствоваться одною Юго-Западною Русью, хотели точно так же завоевать и Северо-Восточную. Еще при Симеоне Гордом сын Гедими-на Ольгерд начал нападать на Московское княжество и уговаривал татарского хана, чтоб тот помог ему покорить Москву²⁰; но Симеон, по примеру отца, постоянно задабривал хана, часто ездил в Орду с подарками, и потому хан не послушался Ольгерда, но послушался Симеона, а Симеон представил ему, что если Литва овладеет всею Россиею, то будет опасно и татарам. Теперь, при великом князе Димитрии, Ольгерд опять начинает воевать с Москвою по поводу Твери. В Твери княжил в это время Михаил Александрович, князь умный, деятельный, смелый; ему было очень тяжело, что Москва усилилась, что Московский князь всех князей приводит в свою волю; Твери одной бороться против Москвы было нельзя, а потому Михаил обратился с просьбою о помощи к Ольгерду, тем более что между ними было свойство: Ольгерд был женат на его сестре. Ольгерд был неприятель опасный; он брал не столько силою, сколько хитростью; у него был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он

замышляет поход; два раза он нападал врасплох на Московское княжество, два раза осаждал Москву, но не мог взять новопостроенного Кремля; в третий раз Ольгерду не удалось напасть нечаянно: Димитрий встретил его с войском и заставил бежать.

Михаилу Тверскому не помог союз с Литвою, он должен был отказаться от него и подчиниться Московскому князю: на кого тот пойдет в поход, на того же должен был идти и Тверской князь. Особенно важно было в мирном договоре между Москвою и Тверью условие относительно татар. "Будем ли мы в мире с татарами, — говорит Димитрий Михаилу Тверскому, — дадим ли выход (т. е. дань) или не дадим — это зависит от нас; если татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе; если мы пойдём на них, то и тебе идти с нами вместе".

Из этих слов договора ясно видно, что Димитрий считал возможным делом борьбу с татарами. В то самое время, когда Россия начала усиливаться оттого, что соединялась в одно государство благодаря собирателям земли, московским князьям, Орда татарская начала ослабевать оттого, что стала распадаться; в ней стали появляться разные ханы, которые свергали друг друга. Таким образом, пришла пора России освобождаться от татарского ига, пришла пора русским князьям переставать ездить в Орду, возить дань и покупать ярлыки. После долгих смут в Орде овладел наконец ханскою властью вельможа Мамай. Этот Мамай очень сердился на великого князя Димитрия за то, что тот в своих войнах с другими князьями не обращал никакого внимания на его ярлыки. В 1378 году Мамай послал против Москвы войско под начальством князя Бегича; но Димитрий вышел навстречу татарам за Оку и разбил их на берегу реки Вожи.

Мамай, разумеется, еще больше рассердился за это и в 1380 году, собравши большое войско, сам пошел на Димитрия. Ольгерда Литовского в это время уже не было на свете; ему наследовал сын его, Ягайло, который обещал Мамаю помощь на Москву; из русских князей Олег Рязанский не посмел или не захотел объявить себя против татар и вступил в сношения с Мамаем и Ягайлом²¹. Но другие князья явились на зов Димитрия или прислали ему войско. Перед выступлением в поход великий князь поехал в Троице-Сергиев монастырь; святой игумен благословил Димитрия на войну, обещал победу, хотя нелегкую, и отпустил с ним в поход двоих монахов, Пересвета и Ослябя, из которых первый был прежде боярином, и оба отличались в миру своим мужеством. Димитрий выступил в поход и 6 сентября достиг реки Дона. Здесь начали думать, переходить Дон или нет. Одни говорили: "Ступай, князь, за Дон", а другие: "Не ходи, потому что врагов много, не одни татары, но и литва, и рязанцы". Димитрий послушался первых; послушался и грамоты святого Сергия, который писал ему: "Непрременно, господин, ступай, поможет тебе Бог и святая Богородица". 8 сентября, утром, русские переправились за Дон и построились

при устье реки Непрядвы. Скоро показались татары; русские двинулись к ним навстречу и сошлись с ними на широком поле Куликовом. Началась битва, какой никогда еще не бывало прежде: говорят, что кровь лилась как вода, лошади не могли ступить по трупам, ратники задыхались от тесноты. Пешая русская рать уже лежала, как скошенное сено, и татары начали одолевать. Но в засаде в лесу стояли еще свежие русские полки под начальством двоюродного брата великого князя Владимира Андреевича и московского воеводы Волинского. Владимир, видя, что победа клонится на сторону татар, начал говорить Волинскому: "Долго ль нам здесь стоять? Какая от нас польза? Смотри, уже все христианские полки лежат мертвы!" Но Волинский отвечал, что еще нельзя выходить из засады, потому что ветер дует прямо в лицо русским. Но скоро ветер переменялся. "Теперь пора!" — сказал Волинский, и засадное ополчение бросилось на татар, которые не выдержали и побежали. Русские гнали их до реки Мечи и овладели всем их станом.

Возвратившись с погони, князь Владимир Андреевич велел трубить в трубы, чтобы собрать всех оставшихся в живых ратников. Все собрались, не было только одного великого князя Дмитрия. Владимир стал спрашивать, не видал ли кто его? Одни говорили, что видели его жестоко израненного, и потому надобно искать его между трупам; другие говорили, что видели, как он отбивался от четверых татар и ушел, но не знают, что после с ним случилось; один объявил, что видел, как великий князь, раненый, пешком возвратился из боя. Князь Владимир Андреевич стал со слезами упрашивать, чтобы все искали великого князя, обещал богатые награды тому, кто найдет. Ратники рассеялись по полю, и двое из них, уклонившись в сторону, нашли Дмитрия, едва дышащего, под ветвями недавно срубленного дерева. Получивши весть, что Дмитрий найден, Владимир Андреевич поскакал к нему и объявил о победе; Дмитрий с трудом пришел в себя, с трудом распознал, кто с ним говорит и о чем; панцирь его был весь избит, но на теле не было ни одной опасной раны. Была на Руси радость великая, говорит летописец, но была и печаль большая по убитым на Дону, которых было множество: считали, что возвратилась из похода только десятая доля; оскудела совершенно вся земля Русская воеводами и воинами, и от этого был страх большой повсюду: вдруг придут опять татары или литва — кем оборониться? Страх не был напрасен.

Когда Мамай прибежал с Дона домой, то на него напал другой хан татарский, Тохтамыш, разбил и овладел его Ордою. Тохтамышу было очень досадно, что русские князья не едут к нему с поклоном, не везут дани; но после Донской битвы татары уже боялись явно нападать на Россию, и потому Тохтамыш в 1382 году собрал большое войско и пошел к Москве, соблюдая большую осторожность, чтоб в Русской земле не узнали о его походе. Великий князь Дмитрий узнал уже

очень поздно о приближении татар, и когда хотел выйти к ним навстречу, то нашел, что войска мало и трудно было собрать его скоро около Москвы; он поехал на север, в Переяславль, оттуда в Кострому собирать полки, и в его отсутствие Тохтамыш подошел к Москве, т. е. к Кремлю, потому что все дома, которые были около Кремля, в посаде, все были пожжены самими москвичами, и все они со всем имением заперлись в Кремле; так всегда тогда делали при осаде городов. Три дня бились татары под Кремлем, но не могли его взять: приставят лестницы, полезут на стены, а москвичи обдадут их из котлов горячею водою, обсыплют камнями, обстреляют из ружей и пушек, о которых летописец тут в первый раз упоминает.

Видя, что силою взять Кремль нельзя, Тохтамыш попробовал, нельзя ли взять его хитростью; он послал бывших у него двоих князей нижегородских сказать москвичам: "Хан хочет жаловать вас, потому что вы не виноваты; не на вас пришел хан, а на князя Димитрия, от вас же он требует только, чтоб вы встретили его и поднесли небольшие дары; хочется ему поглядеть ваш город и побывать в нем, а вам даст мир и любовь". Нижегородские князья дали москвичам клятву, что хан не сделает им никакого зла. Те поверили, отворили кремлевские ворота, и вышли лучшие люди с дарами; но татары ворвались в Кремль, жителей побили или попленили, церкви и дома разграбили. Взявши Москву, татары рассыпались по всему княжеству Московскому и начали брать другие города; но когда один из татарских отрядов наткнулся на русское войско, бывшее под начальством князя Владимира Андреевича, и был разбит и когда в то же время Тохтамыш узнал, что сам великий князь Димитрий стоит с войском в Костроме, то испугался и пошел назад к себе в степь: это уже прямо показывало, что хотя татары и могли делать нечаянные и потому удачные нападения на Россию, но владеть ею по-прежнему уже не могли; Батыево время прошло; татары теперь уже боялись вступать в битву с русскими, и этот страх нагнало на них Куликовское сражение.

Великий князь Димитрий, прозванный за Куликовскую победу Донским, умер в 1389 году, только 39 лет от рождения. Умирая, он прямо благословил сына своего Василия великим княжением Владимирским, зная, что ни один князь не осмелится спорить за него с князем Московским, который был сильнее всех князей, несмотря на Тохтамышшево нашествие. Действительно, у Василия Дмитриевича соперников не оказалось, и он продолжал дело своих предков, собирал Русскую землю, присоединил к Москве княжества Суздальское, Муромское, Нижегородское²². Но в то время как Московский князь расширял свои владения на востоке, Литовский князь расширял свои владения за счет Западной России. Мы видели, что по смерти Ольгерда в Литве княжил сын его Ягайло; этот Ягайло не был похож на отца, не был ни умен, ни храбр; но он замечателен тем, что с него началась эта несчастная связь у Литвы и Западной России с Польшею.

Польский король Людовик умер, не оставив сыновей; осталась у него дочь Ядвига, к которой и посватался Ягайло. Ядвиге не хотелось выходить за него; но Ягайле очень хотелось сделать его королем польским, и он стал давать обещания, что и примет он католическую веру сам, со всеми родными, вельможами и народом, и соединит навеки с Польшею Литву и Западную Россию. Архиепископам и панам польским все это очень нравилось, и они уговорили Ядвигу выйти за Ягайла. Поляки были рады, что без труда освободились от опасного врага, потому что от Литвы и им приходилось плохо; поляки были рады, что присоединялись к ним такие обширные земли, как Литва и особенно Западная Русь²³. Но не были рады литовцы и русские.

Литовцы из независимого и господствующего народа становились каким-то придатком к Польше; точно пошли они в приданое за своим великим князем, который женился на королевно и становился королем польским. Очень не рады были русские: при князьях литовских у них все оставалось по-старому. Литовцы были народ дикий, идолопоклонники, грамоты у них не было, и потому когда они поселились между русскими, то стали у них учиться всему, переняли язык и письмо; все грамоты княжеские писались, все дела производились на русском языке, русскими людьми; многие литовцы, бояре и самые князья, принимали православную веру, так что Литва, начиная с князей и вельмож, скоро совсем обрусела бы. Но теперь вдруг пошло все иначе. Ягайло принял христианство по римско-католическому исповеданию и заставил всех своих литовцев, которые еще были язычниками, также принять католичество; русские и литовцы, принявшие прежде христианство православного исповедания, и остались при нем: таким образом, в литовско-русских областях стали жить вместе католики и православные, и католики начали теснить православных, пользуясь тем, что теперь государи, короли польские и великие князья литовские, были католиками. Русским стало тяжело; а так как и литовцы не хотели быть в зависимости от Польши, то Литва и Западная Русь долго будут отбиваться от соединения с Польшею, будут стараться иметь своего собственного великого князя. Так и теперь в самом начале при Ягайле они взяли себе другого великого князя, двоюродного брата Ягайлова, Витовта, и Ягайло с поляками должны были терпеть это, потому что Витовт был князь умный и храбрый; при этом он был так властолюбив, что хотел овладеть и Восточною, Московскою Русью, несмотря на то что не имел сыновей, а родная дочь его, Софья Витовтовна, была замужем за Московским великим князем Василием Дмитриевичем. Витовт обманом захватил Смоленск, воспользовавшись ссорами между его князьями, стал нападать на Новгород и Псков, прямо объявляя желание овладеть ими; великий князь Василий долго терпел, наконец вооружился против тестя; три раза они сходились и расходились без битвы, потому что оба были осторожны, наконец

заключили мир, по которому река Угра назначена была границею между московскими и литовскими владениями.

Литва остановилась на Угре, дальше литовские владения не шли никогда; а с востока не давали покоя татары. В это время они опять усилились, потому что среди их князьков явился один очень храбрый и властолюбивый, которого звали Тамерланом: начал он мелкими разбоями в степях и кончил тем, что основал обширное владение; он разбил и прогнал Тохтамыша и вступил в русские пределы, взял Елец, который был тогда на юге пограничным городом со степью²⁴. Нападение Тамерлана не было нечаянное, и Василий Дмитриевич имел время приготовиться; он собрал большое войско и стал на границах своего княжества, на берегу Оки. Но он не дождался татар: Тамерлан, простоявши 15 дней в земле Русской, вышел из русских пределов 26 августа, в тот самый день, когда москвичи встретили старинную икону Богородицы, принесенную из Владимира и оставшуюся с этих пор в Москве, в Успенском соборе; до сих пор Москва крестным ходом празднует это сретение Владимирской иконы и избавление России от страшного Тамерлана.

Василий Дмитриевич умер в 1425 году, оставив Москву и великое княжение малолетнему сыну Василию Васильевичу, и никто из чужих князей не смел спорить с ребенком, отнимать у него великое княжение Владимирское. Но для Москвы явилась небывалая беда, открылась усобица между ее собственными князьями, между самими потомками Калиты: у Василия Васильевича был родной дядя, Юрий Дмитриевич, князь Звенигородский. Этот Юрий, по старине, не хотел уступать старшинство племяннику, стал с ним воевать, и Василий два раза терял Москву, должен был уступать ее дяде. Юрий скоро умер, и Василий утвердился в Москве; но у Юрия осталось двое сыновей, Василий, прозванием Косой, и Дмитрий, прозванием Шемяка, которые не хотели довольствоваться своими уделами и питали непримиримую вражду к великому князю; они не имели никакого права на старшинство, на великое княжение; но о правах они уже не думали, они видели, что старина пришла к концу, что каждый великий князь пользуется своею силою, чтоб лишать слабых князей независимости и владений, чтоб собирать Русскую землю и оставить ее своему сыну, видели, что весь народ сочувствует этому, потому что народу наскучили усобицы, не дававшие ему спокойно заниматься мирным трудом, видели, что духовенство, именем Божиим, вооружается против старины и требует перехода престола от отца к сыну, а не от брата к брату; видя все это, видя, что им придется рано или поздно отказаться от своей независимости, от своих уделов, Косой и Шемяка хотели избавиться от этой участи во что бы то ни стало, силою или хитростью. Такая борьба, где дело идет не о правах уже, а о том, чтобы всякими средствами избить беды, такая борьба обыкновенно отличается упорством, жестокостью. Великий князь Василий Васильевич, победивши и взявши в плен

Косога, велел его ослепить, чтоб отнять у него средства к дальнейшей борьбе. Но жестокость вела к мести, к новой жестокости. Слепец Василий скоро умер; остался брат его Шемяка, который ждал случая отомстить; случай скоро представился.

Между татарами шли также междоусобия. Хан Улу-Махмет, выгнанный из Волжской, или Золотой, Орды братом своим, ушел с преданными себе толпами татар на север и на берегах же Волги основал царство Казанское. Это утверждение татар в соседстве с русскими владениями с самого же начала оказалось гибельно для России: татары стали беспрестанно нападать на нее и опустошать. В 1445 году великий князь Василий, услышав о нападении татар, выступил против них и нечаянно столкнулся с ними недалеко от Суздаля, когда еще не все войска были у него в сборе. Татары разбили русских; сам великий князь попал в плен и был отведен в Казань. Шемяка обрадовался и послал к Улу-Махмету уговаривать его, чтоб не выпускал Василия Васильевича из плена. Это ему не удалось, Улу-Махмет выпустил Василия; но Шемяка спешил воспользоваться неудовольствием в народе, когда начались тяжелые поборы на уплату выкупа в Казань за великого князя, особенно когда наехало в Москву много татар, которых Василий принял к себе в службу. Шемяка стал распускать слухи, что Василий обещал в Казани отдать татарам все Московское княжество, а себе взять Тверь. В Москве составилась заговор в пользу Шемяки, и когда в 1446 году Василий поехал на богомолье к Троице, Шемяка ночью, врасплох, овладел Москвою и захватил семейство великого князя, верных бояр, казну; самого Василия схватили в Троицком монастыре, привезли в Москву и ослепили, отчего он и получил прозвание Темного. Шемяка отослал слепого Василия сперва в Углич, а потом дал ему в удел Вологду, но злодейство не помогло Шемяке: у Василия, хотя и слепого, оказалось множество приверженцев, которые спешили к нему на помощь со всех сторон. Шемяка потерял Москву так же легко, как и добыл ее; но он не хотел прекращать борьбы; не имея возможности сам успешно воевать с Василием, он повсюду искал ему врагов, не давал ему покоя; преследуемый войском великокняжеским, проклинаямый духовенством, он должен был наконец удалиться в Новгород и там умер²⁵.

Смертью Шемяки прекратилось это последнее междоусобие между русскими князьями-родственниками за старший стол, за великое княжение. Чтоб утвердить новый порядок престолонаследия от отца к сыну, великий князь Василий при жизни своей назвал старшего сына Иоанна великим князем, и грамоты (указы) писались от имени двоих великих князей — Василия Васильевича и Иоанна Васильевича. Духовенство сильно старалось об утверждении этого нового порядка, ибо видело, что только благодаря ему утвердится единство, сила России и прекратятся кровопролития, бедствия народные. Шемяка имел против себя духовенство, имел против себя митрополита, которым был

тогда Иона, третий великий святитель русской церкви после Петра и Алексия. Иона был поставлен в митрополиты собором русских архиереев, тогда как до сих пор митрополиты, и русские родом, должны были ездить для посвящения своего в Константинополь; но теперь Греческая империя была на краю гибели, в Константинополе происходили смуты, и в 1453 году он был взят турками. Великий князь Василий объявил, что русская церковь не разрывает тесной связи с греческою и всегда будет сохранять православие, но митрополиты с этих пор всегда уже поставлялись в Москве. В Киеве для Западной России литовские князья постарались устроить особого митрополита; им было досадно, что митрополит всея Руси жил в Москве и, разумеется, желал больше добра православному Московскому великому князю, чем Литовскому, язычнику или потом католику; литовским князьям было досадно, что их русские подданные находятся по церковным делам в зависимости от митрополита, жившего в Москве, а московских князей они считали всегда своими соперниками, врагами: поэтому они и настояли, чтоб в Киеве был особый митрополит.

ЧТЕНИЕ

VI

- О великом князе Иоанне III Васильевиче и жене его Софье Фоминичне.
- О том, как украсилась Москва и как великий князь стал жить и вести себя иначе.
- О том, как присоединен был Новгород Великий; как устроились войска в России, служилые люди, помещики. О покорении Перми и Вятки.
- О разрушении Золотой Орды; о подчинении Казани великому князю.
- О том, как западные русские князья из-за православия стали переходить от Литвы к Москве и как счастливо кончилась война литовская.
- О княжении Василия Ивановича; о присоединении Пскова и Рязани; о взятии Смоленска; о разбойничествах крымских

В 1462 году скончался великий князь Василий Васильевич Темный, и ему наследовал старший сын Иоанн III Васильевич. У Иоанна III было еще четверо младших братьев, которые по отцовскому завещанию получили каждый участки, или уделы, но все эти уделы, взятые вместе, были гораздо меньше той области, какую получил старший брат Иоанн. Эта область и с уделами младших братьев заключалась в нынешних губерниях: Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Ярославской и в частях Тульской, Калужской, Вологодской и Архангельской. Но важно было то, что другие княжества были до крайности слабы, сопротивляться московским силам не могли; татары слабели все больше и больше; в Литве княжил Казимир Ягайлович, который был вместе и королем польским; все свое внимание он должен был обращать на польские дела, и некогда ему было мешать Московскому великому князю усили-

ваться. Таким образом, обстоятельства были самые благоприятные для Москвы, а Иоанн III умел пользоваться обстоятельствами, да и во второй жене своей нашел хорошую советчицу. В первом браке он был женат на княжне тверской, овдовел рано, хотел жениться в другой раз, и скоро представилась невеста знаменитая.

Когда Константинополь был взят турками и последний греческий император, Константин Палеолог, был убит при этом, то брат его Фома бежал в Италию и нашел убежище в Риме, у папы. У этого Фомы была дочь Софья, и папа Павел II хотел сыскать ей жениха. Он слышал, что далеко на севере есть обширная страна, Россия, или Московия, как ее тогда называли иностранцы, где жители — христиане, но держатся восточного, греческого исповедания; а папам всегда хотелось, чтоб все христиане были западного, латинского исповедания и подчинялись их власти: папе поэтому пришла мысль высватать Софью Фоминичну за Московского великого князя; папа надеялся, что Софья, воспитанная в Риме, постарается, чтоб муж ее и его поданные присоединились к римской церкви. Папа предложил Иоанну III жениться на Софье, и тот принял предложение. В 1472 году Софья приехала в Москву и обвенчалась с великим князем. Софья была воспитана в Италии, которая в это время была самая богатая страна в Европе, города ее отличались великолепием своих построек, итальянские мастера считались лучшими, повсюду начали подражать итальянцам во всем. Приехавши в Россию, греческая царевна нашла страну, которая поражала своею бедностью, отсутствием красивых и больших каменных зданий в городах, особенно в столице великокняжеской, в Москве, потому что Москва поднялась в самое несчастное время: с одной стороны — татары, с другой — Литва; некогда было думать о великолепных зданиях, да и не на что их было строить; князя берегли денежку на черный день, а черных дней было довольно; деньги нужно было отвозить в Орду, задаривать хана и вельмож его, чтоб татары не опустошали страны и не мешали управляться с внутренними врагами; деньги нужны были князьям для покупки сел и целых городов, чем и усилилось Московское княжество. Великие князья жили в Москве очень просто; по их завещаниям можно видеть, в чем состояло их имущество: несколько икон, дорогого платья, цепей, несколько сосудов столовых, и всего этого так немного, что можно было уложить в один небольшой сундук; простые деревянные столы да скамейки — вот что наполняло немногие и тесные комнаты великокняжеского дома. Но если так бедно жили князья, то еще беднее — простые люди, и Москва представляла серую кучу бедных деревянных изб, одна побольше, другая поменьше; у кого заводилось платье подороже, ожерелье жемчужное, серьги с дорогими камнями, чарки серебряные, относили на сбережение в каменную церковь для безопасности от пожаров, которые были беспрестанно; заслышав о татарах, о литве, собираться легко, все богатство в узелок и садятся или в каменный Кремль, в осаду, или уезжают куда подальше, а дом сгорит — не жаль,

выстроить его потом легко, лесу множество и постройка незатейная, дешевая.

Самое дорогое в доме у старинного русского человека — это святая икона в переднем углу, благословение прародительское; самое дорогое в старинном русском городе — это соборная церковь, на постройку и украшение которой не щадили казны ни князья, ни простые люди. В разных городах русских, особенно в Новгороде Великом, во Владимире, были большие красивые соборные церкви; но в Москве не было такой церкви. Каменный Успенский собор, воздвигнутый при Каите, был построен так неискусно, непрочно, что через сто с чем-нибудь лет уже обветшал, своды тронулись, а потому надобно было подпереть его толстыми деревянными столбами. Совестно было, что в стольном городе великого князя вся Руси соборная церковь развалилась, подперта была деревянными столбами; особенно совестно было великому князю, что подумает невеста, царевна греческая, которая уже ехала из Италии. В 1472 году ветхую церковь разрушили, начали строить новую, но только что начали сводить своды, как она рухнула. Великий князь послал в Италию искать хорошего архитектора, и привезли из Венеции Аристотеля Фиораванти, который согласился ехать в Москву за десять рублей в месяц жалованья. В 1475 году Аристотель начал и в 1479 кончил строение Успенского собора, который и до сих пор стоит в том же самом виде вот уже скоро 400 лет.

Одною соборною церковью не удовлетвоались, другие мастера построили соборы — Архангельский, Благовещенский, построен был каменный дворец великокняжеский, несколько красивых башен; митрополит и некоторые богатые люди построили себе также каменные дома. Москва (т. е. Кремль) приняла другой вид; большие каменные здания возбуждали удивление, уважение. Среди деревянных, серых городов русских Москва стала слыть белокаменною; пошла слава, что в Москве великий князь то и дело что строится; а пошли все постройки, переменилась Москва с тех пор, как приехала в нее греческая царевна Софья Фоминична; иначе с тех пор стал жить великий князь, больше стало около него великолепия, иначе стал он и вести себя, гораздо важнее, и стали люди толковать, что, как пришла Софья Фоминична, Русская земля старые свои обычаи переменила, переставила. Узнали о России, о Москве и в других дальних странах европейских и стали присылать в Москву послов посмотреть, что это за новое государство, какую из него можно получить пользу. И великий князь Иоанн III также отправлял туда взамен своих послов и старался получить пользу от этих сношений, наказывал своим послам добывать за границею мастеров разных, рудников, которые бы умели находить руды золотые и серебряные, мастеров, которые бы умели к городам приступать и из пушек стрелять, каменщиков, которые бы умели каменные палаты строить, серебряных мастеров, которые бы умели большие сосуды делать и кубки.

Надобились мастера, которые бы умели к городам приступать и из пушек стрелять, значит, великому князю нужно было войны вести. Первая война у него была с Новгородом Великим. Новгород, находясь поблизости от Балтийского моря, давно уже разбогател от торговли иностранной, заморской, был самым большим красивым городом на севере, и когда Киев был разорен татарами и больше не поднимался, то лучше и богаче Новгорода Великого не было города во всей Русской земле. Когда в старину князей было много, воевали они друг с другом и выгоняли друг друга из княжеств, и в Новгороде менялись князья: одолеет Мономахович, сядет в Киеве и шлет в Новгород сына или брата; одолеет Ольгович, шлет в Новгород своего сына или брата, и новый князь выгоняет из Новгорода старого. Но жителям Новгорода не могли быть приятны эти частые перемены князей; один князь им нравился, другой нет, хорошего князя им хотелось у себя удержать; бывало и так, что за одного князя стояли одни богатые, сильные люди, а за другого — другие, и княжеские перемены стали возбуждать волнения, междоусобия в городе, народ сходилися на вече, и смотря по тому, приверженцы какого князя победят, того принимают, а соперника его выгоняют; власть князей от этого понижалась; принимая князя, новгородцы с ним договаривались, чтоб он вел себя так, а не иначе, и подле князя стал избираемый народом посадник, без ведома которого князь ничем не распоряжался.

Так жили новгородцы до того времени, как в Северной России начали усиливаться княжества, то одно, то другое, и дело пошло к собиранию Русской земли в одно государство. Великие князья, сохраняя верховную власть над Новгородом, посылая туда своих наместников, были недовольны тем, что новгородцы не хотели повиноваться им так, как повиновались жители других городов, собирались на вече, решали дела, избирали посадников. У великих князей с новгородцами начались поэтому частые неприятности, и дело обыкновенно оканчивалось тем, что великие князья собирали войско и ходили на Новгород, а богатые новгородцы отплачивались деньгами, и великие князья довольствовались этим, потому что деньги им были очень нужны для задаривания татар и покупки земель.

Новгородцы видели, что им не удержаться при своем вече и посаднике, когда одно какое-нибудь княжество возьмет верх над другими и соберет Русскую землю, и потому они стали поддерживать междоусобия, чтоб не дать одному княжеству взять силы над другими; притесняемые князьями тверскими, они стали поддерживать против них князей московских, но когда московские князья усилились, то точно так же стали ходить на Новгород войною и брать с него деньги. Новгородцы обрадовались междоусобию между самими московскими князьями в княжение Василия Темного, и Шемяка умер у них. За это Василий Темный пошел на Новгород войною, взял с него большие деньги и ограничил распоряжения веча. Сын его нанес Новгороду

последний удар, что было не трудно ему сделать. Новгородцы считали за собою обширные владения, которые простирались до Белого моря и Сибири; но это были пустынные страны, где новгородцы для торговых выгод имели разбросанные на обширных пространствах поселения, которые нужно было защищать, а не то чтобы получать от них защиту, помощь войском; сами новгородцы были народ торговый, а не воинственный; притом они ссорились друг с другом; простые люди жили не в ладу с богатыми и знатными людьми, а богатые и знатные враждовали друг с другом, и вражда эта иногда доходила до побоищ: одна часть города шла на другую, жители одной улицы бились с жителями другой; на вече богатые и знатные люди нанимали толпы людей, готовых на все из-за денег, и те криком и кулаками решали дела в пользу своих наемщиков.

В начале княжения Иоанна III в Новгороде образовалась сильная сторона людей, которые, видя усиление Москвы, грозившей их воле, хотели подчиниться великому князю Литовскому Казимиру на выгодных для Новгорода условиях; но была и другая сторона, которая хотела остаться при Москве, не хотела литовского князя, потому что он был католик. Первая сторона, во главе которой стояли бояре Борецкие со своей матерью, Марфою, вдовою бывшего посадника, взяла верх и отдала Новгород под покровительство Казимира, который обязался оставить в Новгороде все так, как было, и защищать его от Московского великого князя. Иоанн, узнавши об этом, пошел с войском на Новгород в 1471 году, разбил новгородцев и заставил их просить мира: они заплатили ему деньги и обязались не поддаваться Литве; а в 1478 году Новгород подчинился великому князю окончательно, отказавшись от веча и посадника, потому что Иоанн объявил: "Хочу властвовать в Новгороде, как властвую в Москве".

Великий князь взял у новгородцев, у архиерея, у монастырей и у светских людей часть их земель, которые должны были идти на поместья служилым людям. Новое Русское государство, составленное московскими князьями, было государство бедное, доходы великих князей были очень невелики, потому что народу было мало, мало городов, где процветали бы промыслы, торговля; а между тем опасности со всех сторон, надобно отбиваться от врагов, надобно, следовательно, иметь большое войско; но как его содержать, на войско идет много денег; денег нет, но много земли, и потому стали раздавать земельные участки тем, кто шел служить к князю; пока служил, земля оставалась за ним, переставал служить, землю отбирали; эти-то земельные участки и назывались поместьями, а владельцы их помещиками. Были и вотчинники, которые вечно владели своими землями, потому что получили их в наследство от предков; но богатых вотчинников, которые бы могли служить, не нуждаясь в пособии, в жалованье правительства, было немного; большей части из них великий князь раздавал также поместья.

Ко времени Иоанна III к двору великого князя в Москву набралось много князей, лишившихся своих княжеств вследствие соборания Русской земли; все они вступили в службу к великому князю и заняли главные места; но так как они не сохранили своих княжеств, а только несколько земель из них, то и они не были богаты, притом вотчины их все уменьшались, потому что делились поровну между детьми; наконец, вотчины уменьшались оттого, что каждому хотелось при смерти дать что-нибудь в церковь, особенно в какой-нибудь монастырь, на помин души, денег не было, и давали на помин души земли; монастыри обогащались, а светские землевладельцы беднели и должны были просить у великого князя поместий, чтоб иметь возможность служить, т.е. по первому призыву являться на войну на коне, в полном вооружении и приводить с собою некоторое число вооруженных людей, почему в старину и говорили, что служилый человек должен был являться на войну конен, люден и оружен. Много нужно было Иоанну III земель на раздачу в поместья, потому что много надобилось войска: войны были частые. В 1472 году покорена была Пермская страна, и русские воеводы ходили за Уральские горы: нужно было унять дикие народы, здесь жившие, от набегов на русские владения. В 1489 году подчинена была Вятка, поселение новгородское, которое хотело жить по-новгородски и не всегда слушалось великого князя.

Татарское царство в это время делилось на три независимые орды — Волжскую, или Золотую, Казанскую и Крымскую; хан Золотой Орды, Ахмат, все еще думал, что великий князь Московский должен платить ему дань, и сердился, не получая ее. В 1480 году, сговорившись с Казимиром Литовским действовать заодно, он подошел к московским границам со стороны реки Угры, чтоб получить литовскую помощь; но помощь эта не приходила; великий князь Иоанн, будучи чрезвычайно осторожен, не давал битвы татарам, и те, прождавши до половины ноября, когда начались лютые морозы, ушли назад в свои степи, где Ахмат погиб в междоусобии, а сыновья его были добыты крымцами. И, таким образом, Золотая Орда, куда так долго наши князья ездили с поклонами и дарами, разрушилась окончательно. Ссоры между ханами обещали и Казани скорое падение: в 1487 году родные братья здесь перессорились, и один из них, Магмет-Аминь, приехал в Москву просить великого князя о помощи; Иоанн послал войско под Казань и посадил в ней ханом Магмет-Аминя, который за это признал над собою верховную власть великого князя.

И на западе, со стороны Литвы, дела шли так же успешно, как и на востоке. Король польский и великий князь Литовский Казимир взялся быть покровителем Новгорода и не помог ему против Иоанна; обещал помогать Ахмату и также не помог. Своєю явною враждою он только сердил Иоанна, а вреда ему сделать никакого не мог; слабость его была очевидна. Несмотря на то, Тверской князь Михаил Борисович вступил в тесный союз с Казимиром, чем поднял против себя

Московского князя. Твери с Москвою бороться было нельзя; Казимир, по обыкновению, не помог, и Михаил должен был бежать из Твери в Литву, а Тверь была присоединена к Московскому княжеству²⁶. Иначе поступали другие пограничные мелкие русские князья, принужденные подчиниться Литве во время ее силы при Ольгерде и Витовте; теперь они увидали, что сила перешла на сторону православной, русской Москвы, и начали поддаваться великому князю Иоанну со своими вотчинами; Казимир присылал в Москву жаловаться на это, но одними жалобами все дело и оканчивалось. В 1492 году умер Казимир, и владение его разделилось между двумя его сыновьями: Польша досталась Альбрехту, а Литва — Александру. Тогда переход пограничных князей к Москве усилился еще более; в Литве боялись воевать с Москвою и, чтоб великий князь Иоанн не забирал больше литовских земель, предложили ему выдать дочь свою Елену за Литовского великого князя Александра; Иоанн согласился, но прежде вытребовал, чтоб заключен был договор, по которому все отошедшие в его княжение к Москве земли оставались за ним, и остались за Москвою город Вязьма, владения князей Новосильских, Одоевских, Воротыньских, Белевских²⁷. Московские великие князья с Иоанна Калиты писались внутри своих владений великими князьями всея Руси; но в грамотах к иностранным государям так не писались; теперь Иоанн III в первый раз в договоре с Александром Литовским написал себя "государем всея Руси", что очень не понравилось в Литве, потому что за Литвою было так много русских земель.

Александр женился на великой княжне Елене; но этот брак, от которого ждали дружбы между двумя государствами, повел очень скоро к вражде между тестем и зятем. Иоанн отдавал дочь в Литву, с тем чтоб тамошние православные русские нашли в ней себе покровительницу; но католики постарались, чтоб православным не было никакой выгоды от приезда Елены. Когда Иоанн потребовал, чтоб Александр устроил для жены православную церковь во дворце, то Александр отвечал, что у них запрещено строить новые православные церкви и что в Вильне православных церквей много, великая княгиня может ездить в какую ей угодно. Тогда православные русские князья, подчиненные Литве, видя, что между Иоанном и Александром опять начались неприятности, стали переходить с владениями своими к Иоанну, объявляя, что им оставаться под Литвою нельзя, православные терпят в ней гонение от католиков. Таким образом, большая часть нынешней Черниговской губернии отошла к Москве²⁸.

За это началась война: в 1500 году русское войско встретилось с литовским на речке Ведроше; обоими войсками начальствовали русские православные князья, потомки святого Владимира: московские — князь Данила Щеня-Оболенский, литовским — князь Константин Острожский, один из волинских князей, принужденных подчиниться Литве. Князь Щеня победил Острожского и взял его в плен. Ливонские

немцы взялись было помогать Александру, но плохо помогли, и литовский князь, несмотря на то что сделался и королем польским по смерти брата, должен был мириться: в 1503 году все земли, из-за которых началась война, остались за Иоанном. Иоанн III не долго жил после прекращения этой войны: он умер в 1505 году, оставив престол сыну своему Василию.

Этот великий князь докончил дело своих предков, без кровопролития добрал последние северо-восточные русские земли, не совсем подчинившиеся великому князю. Псков сначала зависел от Новгорода, но потом, разбогатев от заграничной торговли, отделился от Новгорода, по примеру которого имел свое вече, своего посадника, хотя признавал верховную власть великого князя и брал от него наместников. Эти наместники, не зная псковских обычаев, поступали по-московски, и отсюда постоянные неудовольствия между ними и псковичами, беспрестанные жалобы. Эти ссоры и жалобы наместников на псковичей, псковичей на наместников наконец наскучили великому князю, и в 1510 году он послал сказать псковичам, чтоб у них не было веча, а были бы только наместники, как во всех других городах, иначе он пойдет на них войною. Псковичи отвечали: "Волен Бог да государь в городе Пскове; мы на государя рук поднять не хотим" — и подчинились во всем воле великокняжеской. Рязань оставалась со своим особым великим князем; но этот князь видел, что силы его совершенно ничтожны в сравнении с силами великого князя Московского, что очень скоро ему придется потерять свою независимость, и в отчаянии, придумывая средства, как бы остаться независимым, завел сношения с крымским ханом. Великий князь Василий, узнавши об этом, вызвал его в Москву и посадил под стражу; потом Рязанскому князю удалось уйти в Литву, а княжество его было присоединено к Москве²⁹.

Великий князь Василий воевал и с Литвою, где княжил уже не Александр, умерший бездетным, а брат его Сигизмунд, вместе и король польский. Война эта замечательна тем, что Василий в 1514 году взял Смоленск, город тогда чрезвычайно важный и крепкий, так что Литва никак не могла забыть этой тяжелой потери.

Хуже дела шли с татарами. Перед самою смертью Иоанна III хан Магмет-Аминь, который сидел в Казани русским подручником, отказался признавать верховную власть Московского великого князя, и Василий Иванович не мог прочно утвердить своего господства в Казани; мешали тому особенно крымские ханы, которым хотелось опять соединить все татарские орды под одну свою власть. Сделать им это навсегда было мудрено, не были они сильны, а Казань была от них далеко, ближе к Москве, и московские великие князья также старались удержать ее под своею властью. У них была своя сторона в Казани, люди, к ним приверженные; но у ханов крымских была тоже своя сторона в Казани, и большая, потому что и казанцы, и крымцы были татары и одной Магометовой веры. И вот, если великий князь посадит в Казани своего хана, то крымская сторона

хлопочет изо всех сил, как бы его свергнуть и взять себе хана из Крыма. Удастся им это, и великий князь, чтоб опять посадить своего, пошлет войско на Казань, а тут с юга из степей идут к Оке крымские татары, и надобно против них посылать войско, и если войско запоздает, запустошат всю границу, проберутся и к самой Москве; займется русское войско с крымцами, казанцы запустошат Нижегородскую и Владимирскую области. Теперь русские люди ездят в Крым пользоваться теплым климатом и любоваться прекрасными видами; а для предков наших Крым был страшным разбойничьим гнездом, откуда беспрестанно нападали татары и во множестве уводили русских в плен и продавали их на азиатских рынках. Нападать им было легко: граница наша шла почти по границе нынешних Орловской и Рязанской губерний, а там с юга и востока была степь, татарское приволье. Идти нашему войску на Крым по таким степям было тяжело, невозможно, и после пробовали, да не удавалось, а в описываемое время и думать было нечего; притом затрагивать Крым было опасно: он находился под верховною властью турецкого султана, тогда очень сильного; затронуть Крым значило поднять против себя и турок. Так Россия и должна была терпеть очень долго эти крымские разбои, обязывалась высылать в Крым ежегодно богатые подарки, или, как тогда называли, поминки, что выходило просто дань; хан и вельможи его возьмут подарки и поклянутся, по-их: "шерть дадут", что не будут воевать, но вдруг польский король пришлет также подарки, обещает платить такую же ежегодную дань, чтоб только хан шел на Россию, и по русской границе горят села и деревни, татары разбойничают.

Великий князь Василий Иванович умер в 1533 году, оставив престол малолетнему сыну своему, Иоанну IV Васильевичу.

ЧТЕНИЕ

VII

О царе Иоанне Васильевиче Грозном

Великий князь Иоанн IV Васильевич остался по смерти отца трех лет. Это был ребенок с необыкновенными способностями и чрезвычайно живой и пылкий. Чтоб такого ребенка сделать хорошим человеком, заставить его употребить свои богатые способности на добро другим и самому себе, надобно воспитание самое хорошее, самое осторожное, надобно удалять от него дурные примеры, сдерживать его порывы и направлять его живость и пылкость на одно хорошее. К несчастью, воспитание Иоанна IV было самое дурное, клонившееся к тому, чтоб постоянно держать его в раздражении, окружать дурными примерами и потакать развлечениям, которые могли только портить его природу.

Скоро по смерти отца Иоанн лишился и матери, остался круглым сиротою, и правление, за его малолетством, перешло в руки бояр³⁰; бояре начали сейчас же ссориться за власть и в своих ссорах не только не обращали внимания на то, как воспитывается великий князь, чем занимается, но и вредили его воспитанию, образованию из него хорошего человека; ссорились, дрались в его глазах, в его глазах отделялись друг от друга насильственными средствами и, таким образом, учили его, как отделяться от неприятных людей, приучали к насилиям, к крови; людей, к которым сирота привязывался, отгоняли, истребляли, в борьбе с противниками не останавливались ни перед чем, свергли двоих митрополитов, и одного с позором. Видя все это, слыша, как целый народ страдает от дурного управления, Иоанн волновался бессильным гневом, что портило его душу; он затаивал в себе вражду и месть и ждал только удобного случая, чтоб освободиться от боярской опеки и разделаться с людьми, которые его оскорбляли, и можно было догадаться, как он с ними будет разделяться: так, как они сами его научили. Еще будучи тринадцати лет только, он вдруг велел схватить главного боярина, князя Андрея Шуйского, и убить его.

С этих пор бояре стали его бояться, никто не смел ему противоречить; но тринадцатилетний ребенок не мог управлять государством, не мог и выбирать людей искусных, а потому старые беспорядки в правлении продолжались. Сильнее всех других бояр стали князья Глинские, родные дядья великого князя по матери; но это были плохие правители; прислуга их, пользуясь силою господ, притесняла простой народ, а Глинские ее не унимали. Шестнадцати лет Иоанн короновался и принял титул царя, потому что русские люди приписывали слову "царь" гораздо больше силы, чем названию "великий князь"; царь значило то же, что император, царями называли императоров греческих и римских, ханов татарских по прежней памяти их власти над Россиею, над ее великими князьями. Скоро после коронации Иоанн женился на Анастасии Романовне Захарьиной, происходившей из старинного московского боярского рода, предки ее были главными советниками великого князя Василия Дмитриевича.

В том же 1547 году, в котором была коронация и свадьба молодого царя, весною начались сильные пожары; в июне месяце был такой пожар, какого никогда не бывало в Москве: народу сгорело 1700 человек! Царь с царицею и боярами уехали на Воробьевы горы, где было село и небольшой дворец, а в народе вспыхнул мятеж: недовольные Глинскими стали кричать, что Москву жгут эти князья, родная бабка царская, княгиня Анна с двумя сыновьями. Князь Юрий Васильевич Глинский, услышавши о себе такие речи, поспешил скрыться в Успенский собор; но бояре, злобясь на Глинских за их силу при царе, подожгли чернь: та бросилась в собор, убила Глинского, после чего толпы черни явились в село Воробьево, у царского дворца, с криком, чтоб государь выдал им бабку свою и другого ее сына, князя Михаила

Глинского. Иоанн велел схватить главных крикунов и казнить, остальные в страхе разбежались.

Молодой царь увидал, что дела идут дурно и пойдут еще хуже, если он станет жить по-прежнему; увидал, что нельзя ни на кого полагаться, даже на самых близких родственников, и решился сам заняться государственным управлением. Так как он был человек чрезвычайно живой, то в нем произошла быстрая перемена: из человека, думавшего только, как бы повеселиться, он стал набожен, серьезен, неутомим в занятиях государственными делами. В это время он приблизил к себе двоих людей за их честность и добрую, безупречную жизнь: священника Благовещенского собора Сильвестра и одного из придворных, Алексея Федоровича Адашева. Прошло года два после пожаров, и молодому царю захотелось торжественно, перед целым народом, перед целою Россиею объявить, что он сам начал править государством, и потому не будет больше таких беспорядков и насилий, какие были прежде, во время боярского правления. В 1550 году он приказал выслать в Москву из городов выборных людей, и когда они съехались, то в воскресенье царь вышел с крестами на Красную площадь, где на возвышении, которое называется лобным местом, отслужили молебен; после молебна царь обратился к митрополиту и начал громко говорить ему о тех беспорядках, которые происходили в его малолетство, во время боярского управления, объявил, что он несколько не виноват в слезах и крови, пролитых в это время; потом, обратясь к народу, просил его забыть все прошлое, обещая с этих пор быть для всех судьей и защитником. В этот же день царь поручил Алексею Адашеву принимать просьбы от бедных и обиженных и стараться, чтоб судьи выбирались справедливые. В том же году Иоанн велел составить судный устав, или судебник, потому что судебник деда его, Иоанна III, уже оказался недостаточным, а в следующем, 1551 году Иоанн созвал собор церковный, перечислил перед архиереями беспорядки, замеченные им в церкви, и просил, чтоб приняты были меры против них. На этом соборе постановлено, чтобы сто священников выбирали себе старосту, лучшего человека, который собирал бы их для совещаний о делах духовных; постановлено выбирать в духовное звание людей благочестивых и грамотных и у них в домах устроить училища; также постановлено для больных и престарелых людей строить по всем городам богадельни мужские и женские³¹.

Но, занимаясь этими важными внутренними делами, молодой царь должен был думать и о том, как бы защитить свой народ от врагов, которые не переставали опустошать русские пограничные области на востоке и юге.

В Казани по-прежнему боролись две стороны, русская и крымская, и когда одолевала крымская и брала себе в ханы царевича из Крыма, то казанский хан опустошал Россию с одной стороны, а крымский — с другой. Русских пленников было множество в Казани, и оттуда

продавали их дальше. Летом 1552 года Иоанн собрал большое войско и сам повел его на Казань. С лишком месяц он осаждал этот город; татары защищались отчаянно; наконец после страшной резни русские взяли Казань, хан ее, Едигер-Магмет, попал в плен, и другого хана Иоанн уже не посадил в ней, а присоединил ее совершенно к России, ввел русское управление, построил церкви; поставлен был особый архиерей, христианство стало распространяться между татарами и другими дикими народами, а этих народов было много в Казанском царстве: черемисы, мордва, чуваша, вотяки, башкиры. Взятием Казани и присоединением ее к России особенно прославился царь Иоанн Васильевич: это было первое покорение татарского царства, великое торжество над прежними повелителями, которые и в ослаблении своем не переставали наносить страшный вред России; здесь была не одна слава, но польза очевидная: множество русских пленников было освобождено, и не будет их больше в Казани; жители восточных русских областей могли теперь жить покойно.

Через три года после взятия Казани подчинилось русскому царю и другое татарское царство, которое находилось на устье Волги — царство Астраханское. И здесь тоже шли междоусобия между ханами; изгнанный своим соперником хан Дербыш ушел в Россию; царь Иоанн Васильевич послал в Астрахань войско, которое без всякого труда овладело городом и посадило опять в нем ханом Дербыша. За это Дербыш обещал быть под властью русского царя, платить ему дань; но скоро изменил, вступил в союз с крымским ханом; тогда царь Иоанн Васильевич в 1556 году послал опять войско в Астрахань, Дербыша выгнали, и царство его было совершенно присоединено к России; вместо хана стал управлять им русский воевода, как и в Казани. Таким образом, вся Волга текла теперь в русских владениях, что было очень важно для торговли, и русские люди начали мало-помалу населять плодородные страны на запад от Волги, ниже Казани, где теперь губернии Симбирская, Пензенская, Саратовская; начали строиться русские городки в этих странах, до тех пор безлюдных.

Можно понять, как сердились в Крыму, что два татарских царства достались русским; можно понять, как сердились в Константинополе, что два магометанских владения достались в христианские руки. Турецкий султан считался главою, защитником всех магометанских народов, и потому ему было страшно досадно, что христианский царь покоряет эти народы. Султан сильно сердился; но делать ему было нечего: нельзя было ему воевать с Россией, достать Астрахань и Казань по той же самой причине, по какой русскому царю нельзя было достать Крым: надобно было проходить войску через широкие безводные степи. Наконец султан Селим придумал средство: прорыть канал между Доном и Волгою там, где эти две реки близко подходят одна к другой, так чтобы можно было миновать степь и посылать войско из Азовского моря на судах к Астрахани и Казани Доном, каналом

и Волгою. Селим послал войско турецкое и татарское рыгь канал и идти к Астрахани; но канала в степи турки не вырыли и к Астрахани не пошли: истомленное войско взбунтовалось и принудило своего предводителя идти назад. После этой неудачной попытки турки оставили в покое Россию. Но не оставляя ее в покое крымский хан, которому в 1571 году удалось врасплох переправиться через Оку, подойти к Москве и зажечь ее; огонь быстро охватил огромный, но наполненный деревянными избами город; все сгорело, кроме Кремля, народу погибло множество во время пожара; кроме того, татары вывели пленных до 150 тысяч человек. От этих разбойнических нападений можно было защищаться, только принимая меры предосторожности: кроме большого войска, выходившего к Оке, царь велел устроить за Окою станичную и сторожевую службу: вооруженные отряды стояли на известных местах в степи, сторожили, сменяя друг друга; другие отряды, или по-тогдашнему станицы, должны были разъезжать по степи в назначенных направлениях и наблюдать, не покажутся ли где татары.

Татары жгли, грабили, уводили в плен. А на западе были другие враги, которые не хотели, чтоб русские люди приобретали знание, искусство, чтоб русские люди богатели от промыслов и торговли; эти враги боялись, что когда русские люди приобретут знание, искусство во всяком деле, военном и морском, то усилятся не в пример перед прежним и станут опасны всем своим соседям. Как только Русская земля собралась около Москвы и поуправилась с татарами, так сейчас же русские государи обратились к Западной Европе за искусством и наукою, сначала стали призывать архитекторов и разных необходимых мастеров, лекарей. Так делали Иоанн III и сын его Василий, а теперь Иоанн IV Васильевич увидал, что гораздо лучше, если будут свои искусные люди по всем частям, а для этого нужно ввести науку в Россию, вызвать побольше иностранных ученых и художников, которые бы выучили русских тому, что сами знали. В 1547 году царь и отправил в Германию одного иностранца, чтоб тот набрал там как можно больше ученых и ремесленников. Охотников набралось больше ста человек, но ливонские немцы не пропустили ни одного из них в Россию.

Мы видели, как немцы, составивши Орден военных монахов, овладели берегами Балтийского моря, Ливонией и Эстонией, овладели здесь русскими княжествами и городами, хотели овладеть Псковом и Новгородом, да не удалось благодаря Александру Невскому. Чем больше усиливалась Россия при московских великих князьях, тем больше чувствовали немцы, как опасно их положение. Они понимали, что если им удалось захватить приморские области у раздробленной, слабой России, то соединенной, крепкой России легко взять назад свое, тем более что море было ей всего нужнее: русские видели, что они беднее других европейских народов и в то же самое время видели, что

богаче, смышленнее других народов приморские народы, которые ведут морскую торговлю, плавают по далеким морям. Ливонские немцы, боясь, что русские еще больше и скорее усилятся через науку и искусство, не пустили ученых и мастеров в Россию; но понятно, что этим самым поступком своим они возбуждали в царе Иоанне Васильевиче желание отнять у них хоть часть морского берега, чтоб беспрепятственно сноситься морем с Европою. Сначала он промолчал, потому что был занят делами татарскими; но когда поуправился с ними, то потребовал у немцев, чтоб они заплатили ему дань с Дерпта (Юрьева), которую обязаны были давать русским государям по старинным договорам, а между тем не давали. Немцы обещали заплатить все и не заплатили. Тогда в 1558 году Иоанн послал войско в Ливонию, которое взяло Нарву, Дерпт и другие города, числом двенадцать. Магистр Ордена Кетлер увидал, что русские непременно завоюют всю Ливонию, и потому отдал ее Польше, а Польша сделала его за это герцогом Курляндским, с тем чтоб он от нее зависел³². Таким образом, теперь русский царь должен был вести войну с Польшею за Ливонию.

В это время, когда началась война с Польшею за Ливонию, для царя Иоанна начались печали, искушения, которых он победить не мог, и он сделался из доброго царя царем жестоким, Грозным. У него начались неприятности с людьми, которых он приблизил к себе и на которых совершенно положился, с Сильвестром и Адашевым. Царю было неприятно, что Сильвестр и Адашев сблизилась с теми боярами, которых он не любил, которым не доверял, и, наоборот, завели ссору с родственниками царицы, Романовыми; царица, разумеется, брала сторону своих и тем не нравилась Сильвестру, Адашеву и друзьям их; Иоанн Васильевич, таким образом, находился в очень трудном положении, был, как говорится, между двух огней.

Еще в 1553 году случилось несчастное происшествие, которое заставило Иоанна думать, что Сильвестр и Адашев не имеют к нему и его семейству никакого усердия: В этом году он опасно занемог, так что не думал остаться жив, написал духовную и потребовал, чтоб двоюродный брат его, князь Владимир Андреевич, и бояре присягнули еще при его жизни сыну его, младенцу; но Владимир Андреевич отказался присягать; он поднял старину, объявил, что дядя имеет больше права на престол, чем племянник, и стал собирать себе партию, а когда другие вельможи вооружились за это против него, то Сильвестр заступился за него, а отец Адашева прямо говорил, что он со своими друзьями не хочет служить Романовым, которые, по родству с царицею, будут управлять царством во время малолетства царя. Больной Иоанн из своей спальни слышал, как в другой комнате бояре кричали: "Не хотим служить младенцу: нами будут владеть Романовы!"

Иоанн выздоровел и, разумеется, не мог забыть того, что случилось в его болезнь, хотя еще несколько лет Сильвестр и Адашев по-прежнему были в силе; но вражда между ними и царицею Анастасией все

более и более усиливалась. Кроме того, Иоанн, имея большой ум, широкие взгляды, не мог в иных государственных делах соглашаться с мнениями Сильвестра, а тому это не нравилось, и он не умел скрывать своей досады. Дело кончилось тем, что Сильвестр и Адашев должны были удалиться из Москвы: Сильвестр ушел в монастырь, Адашев уехал воеводою в один из завоеванных ливонских городов. Немного спустя после удаления Сильвестра и Адашева умерла и царица Анастасия³³. Царь чрезвычайно грустил в своем совершенном одиночестве; около него не было человека, который бы дал ему нравственное утешение, нравственную поддержку; люди, боявшиеся, чтоб Сильвестр и Адашев опять не приблизились к царю, начали толковать, что царица Анастасия погибла от врагов своих. Друзья Сильвестра и Адашева со своей стороны хлопотали, чтоб подняться и возвратить вождей своих; но им это не удалось, некоторые из них были казнены, другие сосланы; Сильвестр и Адашев умерли в изгнании.

Одним из самых знаменитых и любимых царем воевод был князь Андрей Михайлович Курбский, кроме заслуг воинских отличавшийся образованностью, начитанностью, чем был похож на царя, который также удивлял своею начитанностью в Священном писании и летописях (других книг тогда не было), удивлял искусством в речи изустной и письменной. Князь Курбский был другом Сильвестра и Адашева. Слыша, что его друзья в беде, слыша, что и о нем самом царь в сердцах высказался дурно, как о соумышленнике враждебных ему людей, Курбский решился бежать из России: это было ему сделать легко, потому что он начальствовал войском в Ливонии. Курбский ушел к польскому королю Сигизмунду Августу, который принял его с честью, наградил землями³⁴. Чувствуя, что сделал дурно, стал изменником, Курбский вздумал оправдаться и написал Иоанну послание, в котором всю вину складывал на царя, выставляя его гонителем лучших людей, которые ему и царству добра хотели, вспомнил и старину: так как он был потомок князей ярославских, то враждебно отозвался о предках Иоанна, князьях московских, особенно о деде и отце Иоанна, за то, что они окончили собирание Русской земли, отняли независимость у других князей и сделали их своими подданными. Иоанн не утерпел и отвечал ему, оправдывая себя и своих предков.

Отъезд Курбского и его письма произвели на царя Иоанна страшное впечатление: один из лучших воевод, на которого он так полагался, изменил, ушел к врагу, польскому королю, и, мало того, оправдывал в этом себя и других, кто бы захотел сделать то же самое; но хуже всего было то, что Курбский до сих пор был знаменит своими заслугами, умом, добрыми качествами. Иоанн, вследствие своего воспитания, был подозрителен и раздражителен, а теперь, вследствие ухода Курбского, эта подозрительность и раздражительность достигли высшей степени. Кому после того верить, на кого положиться? От душевного волнения

Иоанн так переменялся в лице, что его узнать нельзя было. Он не считал себя более в безопасности в Москве, в России, уехал из Москвы в Александровскую слободу (теперь город Александров во Владимирской губернии)³⁵, удалился от бояр, устроил опричнину, т. е. новый особый двор из людей, которых считал себе вполне преданными, на содержание которых определены были особые города и области; но Иоанн думал, что и опричнина его не спасет, что враги выгонят его и детей его из России, и он искал, где бы приютиться тогда в чужих землях. Думая, что повсюду окружен враждебными людьми, он считал себя вправе вести с ними жестокую войну, истреблять их, и когда он получал известия о злых умыслах, то пощады не было никому, громил целые города и области: так, разгромлен был Новгород Великий, когда царь получил весть, что новгородцы хотят передаться польскому королю³⁶. Митрополитом в это время был Филипп, вызванный царем из Соловецкого монастыря, где он был игуменом и прославился святостью жизни. В случае опалы (гнева царского) на кого-нибудь митрополиты обыкновенно ходатайствовали за опального (провинившегося), что называлось тогда печаловаться, просили государя простить провинившегося, брали его на свои поруки. Видя ожесточение царя, казни, наглость опричников, митрополит Филипп стал печаловаться, увещевать Иоанна, чтоб переменял поведение и унял опричников. Упреки святого мужа наводили раздумье на царя; но это раздумье было страшно для опричников, и они постарались оклеветать Филиппа, внушить Иоанну, что он вмешивается не в свои дела, вступает за изменников и потому не хочет добра царю. Филипп был лишен митрополии и сослан в заточение в тверской Отрочь монастырь, где впоследствии главный из опричников, Малюта Скуратов, задушил его. К трем великим святителям московским и всей России, Петру, Алексию, Ионе, присоединился четвертый святитель-мученик.

С течением времени казни приутихли, опричнина была уничтожена³⁷; но царь уже не мог вылечиться от страшных припадков гнева, в которых не щадил никого: в одном из этих припадков он так сильно ударил старшего сына своего Иоанна, что тот умер. Семейная жизнь царя, по кончине царицы Анастасии, была очень печальна и не могла нисколько его успокоить. Он женился в другой и третий раз: царицы скоро умирали, и все шли толки, что злые люди их изводили; Иоанн выпросил у архиереев позволение жениться в четвертый раз, а потом уже женился и в пятый, и в шестой, и в седьмой.

Не было царю радости и от успехов военных. Война затянулась, потому что кроме поляков нужно было воевать и со шведами: одна часть орденских немецких владений, Ливония с городом Ригою, поддалась полякам, а другая, Эстония с городом Ревелем, поддалась шведам. Вести долгую войну бедной и малолюдной России было очень тяжело, а между тем овладеть морскими берегами считалось необходимым. В 1566 году Иоанн созвал собор из духовенства, бояр,

дворян, главных делопроизводителей, которых тогда называли дьяками, знатнейших купцов московских и спрашивал их совета — кончать войну или продолжать? Собор отвечал, что надобно добывать всю Ливонию до моря. Война, по всем вероятностям, кончилась бы удачно, если бы поляки не избрали на свой престол князя трансильванского Стефана Батория, очень искусного полководца³⁸. В то время в Европе был обычай нанимать войско; люди, которым почему-нибудь не нравилось в своем отечестве, уходили из него и нанимались то у того, то у другого государя, смотря по тому, кто больше даст денег и в какой войне будет больше добычи. Так как война была постоянным ремеслом этих людей, то они были очень искусны в военном деле, мастера в нем. С таким-то небольшим, но искусным войском, с хорошей артиллерией Стефан Баторий вдруг начал быстрое наступательное движение и стал забирать у русских города; русское войско, растянутое по границам, неискусное, без опытных полководцев, не знавшее, куда двинуться, чтоб остановить неприятеля, пропустило Батория до самого Пскова. Но здесь, под стенами этого хорошо укрепленного города, успехи польского короля остановились. Осажденные, под начальством князя Ивана Петровича Шуйского, защищались отлично, все приступы Батория были отбиты. Это было в 1581 году. Но славная защита Пскова, которая в то время для русских людей имела такое же значение, как для нас защита Севастополя, дала царю Иоанну Васильевичу только возможность поскорее заключить мир, ибо он видел, что со своим неискусным и истомленным войском он не мог ожидать успеха в войне с таким искусным полководцем, каким был Баторий; да и не с одним Баторием нужно было воевать; шведы также наступали и забирали русские города. Царь заключил мир и с поляками и со шведами, отказавшись от морских балтийских берегов³⁹. Первая попытка овладеть этими берегами была неудачна; но сильный народ, который растет и мужает, не уstraшается неудачами; царь Иоанн Васильевич завещал свою мысль о необходимости приобретения балтийских берегов своим преемникам, и переходила она от царя к царю до самого Петра Великого. Самая неудача, бывшая следствием неискусства русского войска, тем более усиливала стремление приобрести искусство, знание и для этого сблизиться с образованными заморскими народами, взять у них науку.

Отказавшись до поры до времени от балтийских берегов, надобно было довольствоваться для торговых сношений с Европою Белым морем, хотя и неудобным по краткости способного для мореплавания времени. Торговые сношения с Европою через Белое море начались также при царе Иоанне IV: в 1553 году один английский корабль явился в устье Северной Двины, вследствие чего и завелась торговля у англичан с русскими. Благодаря этой торговле основан и разбогател город Архангельск, также разбогатели и другие города по дороге от Архангельска к Москве—Устюг, Вологда, Ярославль.

В то время как на западе царь Иоанн должен был отказаться от своих завоеваний в пользу поляков и шведов, с востока пришла весть, что там без ведома царя завоевано для него еще целое царство татарское, царство Сибирское. По обширности пустых земель в России государи наши издавна с большою охотою уступали большие земельные участки людям, которые брались населять их и заводить разные промыслы. В 1558 году богатые промышленники Строгановы выпросили у государя пустые земли по реке Каме на 146 верст, с тем чтоб поставить здесь городок для оберегания от дикарей, призвать работников, завести хлебопашество и соляные варницы, что все и было исполнено. Но Строгановым не давал покоя из-за Уральских гор сибирский султан Кучум; чтоб не допускать его до своих земель, Строгановы выпросили у царя позволение перенести свои укрепления дальше за Уральские горы, на реку Тобол, и там заводить поселения и промыслы. Царь согласился и на это. Но чтоб воевать с Кучумом, Строгановым нужно было войско, и войско нашлось.

Мы знаем, как в это время Россия была мало населена, как были близки к Москве пустые, степные пространства; город Ливны был пограничным городом с этими степями, в которых появлялись только иногда толпы татар, шедшие пустошить Россию, да русские станичники, сторожившие их, чтоб не пришли внезапно. Такая степная граница, из-за которой беспрестанно нужно было ждать нападения разбойничьих орд, требовала военного населения, которое было бы постоянно готово отражать врага. И действительно, давно уже, с XIV века, южные границы имеют такое население, которое носит название казаков. Этим казакам правительство давало земли, поместья по границе, и потому они назывались поместными казаками и служили, повинувшись всем распоряжениям правительства. Но с течением времени уходили далее в степь люди, которым почему-нибудь не нравилось на родине; шли туда люди бедные, бездомовные, которым приходилось жить в работниках у чужих людей, шли туда люди, которые сделали что-нибудь нехорошее и боялись за это наказания, шли вообще люди сильные и смелые, которым нравилась степная жизнь, исполненная опасностей, приключений, жизнь на воле, на просторе. Эти люди, уходя далее в степь, селились обыкновенно по большим рекам, для рыболовства, которое вместе со звероловством и военной добычей составляло для них главное средство пропитания. Эти люди назывались также казаками, и когда их собиралось много на одном месте, например на Дону, то они составляли военные общества, выбирали себе начальников, или атаманов. Они принимали к себе всякого, кто бы он ни был и из какого бы народа ни происходил, но больше всего между ними было русских, и потому у них был русский язык и русская православная вера. Они не отрывались от России и признавали над собою власть русского государя; но, живя очень далеко в степи, плохо его слушались; так у них было положено не выдавать никого, кто к ним

придет, и если государь пришлет с требованием, чтоб выдали, отвечали одно: "От нас выдачи нет!" Потом они любили пограбить: грабили чужих, татар, турок, не спускали и своим: разъезжая по Волге, грабили суда царские, разбивали персидских и бухарских послов, шедших в Москву, разбивали купцов русских. Царь Иоанн Васильевич послал за это на них войско; тогда толпа казаков под начальством атамана Ермака Тимофеева, убегая от царского войска, поплыла вверх по Волге, где получила приглашение от Строгановых вступить к ним в службу, на что согласилась с радостью. В 1581 году Строгановы отпустили казаков на сибирского султана. Ермак Тимофеевич, плывя почти все реками, добрался до сибирских стран и начал удачно действовать против татар, у которых не было огнестрельного оружия. Кучум принужден был бросить свой город Сибирь, который был занят Ермаком. Летом 1582 года Ермак покорил разные городки и улусы татарские по рекам Иртышу и Оби и, возвратившись в город Сибирь, послал в Москву известить царя о покорении сибирской земли. Иоанн послал за это казакам большое жалованье и отправил воевод своих принять у них сибирские города и закрепить здесь русскую власть.

Что затем случилось в Сибири, об этом царь Иоанн Васильевич не узнал: в начале 1584 года он умер на 54 году жизни, оставив своим преемникам титул царя Казанского, Астраханского и Сибирского, оставив по себе и печальное прозвание Грозного.

ЧТЕНИЕ

VIII

О царе Феодоре Иоанновиче;
о царе Борисе Годунове;
о Лжедмитрии и Василии Шуйском

Царь Иоанн Васильевич Грозный оставил двоих сыновей: старшего Федора от первой жены, Анастасии Романовны, и маленького Димитрия, от последней жены, Марьи Нагой. Федор был провозглашен царем, а Димитрия с матерью и родными ее, Нагими, отослали в Углич, из боязни, чтоб под именем Димитрия кто-нибудь не вооружился против Федора; боялись этого потому, что Федор был слаб, неспособен к правлению; вместо него должен был управлять кто-нибудь из приближенных. Самым близким к нему человеком был родной его дядя по матери, боярин Никита Романович Юрьев, человек, чрезвычайно любимый народом; сначала он и был правителем; но он скоро занемог тяжкою болезнью и умер; тогда правление перешло в руки другого близкого человека к царю, шурина его, Бориса Федоровича Годунова, брата царицы Ирины. Но были другие бояре, князья, которые считали себя знатнее Годунова

и не хотели подчиниться ему как правителю; самые знатные из них были тогда князья Мстиславские и Шуйские. Они стали действовать против Годунова, на их стороне был митрополит Дионисий, на их стороне был народ московский; но Годунов поборол врагов своих, одних казнил, других разослал в ссылку; митрополита Дионисия свергнул и на его место поставил Иова, Ростовского архиепископа, который был совершенно ему предан, и, таким образом, утвердился в правлении.

В это время русская власть утверждалась в далеких странах северной Азии, в Сибири. Ермак Тимофеевич не дождался царских воевод, посланных к нему Иоанном Грозным: хан Кучум напал на него нечаянно ночью, и Ермак, спасаясь от него, утонул в реке Иртыш. Но смерть храброго казацкого атамана не уничтожила дела, им начатого: русские воеводы уже шли в Сибирь по проложенной казаками дороге, за ними следовали другие воеводы; малочисленным и диким туземцам нельзя было с ними бороться, должны были или бежать подальше к другим народам, как сделал Кучум, или покориться и платить дань, ясак. Русские строили среди них городки и шли все дальше и дальше, плывя преимущественно по рекам, не встречая больших препятствий от жителей, которых было очень мало и которые притом жили рассеянно. Сибирь особенно была важна тем, что доставляла в казну меха, самый дорогой товар, которым торговали русские.

Но хотя дорогих мехов и прибавилось в казне царской, а все она была бедна, все не из чего было платить жалованье ратным людям, а ратные люди были надобны, врагов было много. Вместо денег ратные люди получали земли, поместья, ими кормились и должны были являться на войну людны, конны и оружны. Но когда нужно выступить в поход, когда разосланы повсюду повестки, чтоб помещики собирались, воеводы начинают переключку, вызывают: "Такой-то?" — "Есть!" — откликается помещик, и его пижут в "естех"; вызывают другого — молчание, значит, нет его, не явился, и его пижут в "нетех". И стало оказываться, что в "нетех" очень много, а кто и в "естех", у того плохое оружие, плоха лошадь или людей не столько, сколько он должен был привести со своей земли. Что за причина? Помещики оправдываются, что служить им нельзя, земля есть, но ее нужно обрабатывать, а рабочих нет; крестьяне были вольные, свободно переходили с одной земли на другую, за две недели до Юрева дня осеннего (26 ноября) могли отказываться, уходить⁴⁰. Небогатый помещик призовет их к себе, порядится с ними, а тут подле богатый, многоземельный вотчинник светский или монастырь, работники им нужны, потому что везде земли много, а рабочих рук нет, они и переманивают крестьян от бедных помсщиков, давая им больше выгод, каких бедный помещик дать не мог, и вот бедный помещик остается без крестьян, земля не обработана, доходов нет, и когда придет повестка идти на службу, собраться нечем. Помещики не являются на

службу, войска нет, беда страшная, потому что первая надобность для народа — защита от врагов; как же быть? надобно дать помещику средство обрабатывать свои земли, получать доход и быть в состоянии являться на службу, но для этого надобно было дать ему постоянного работника, крестьянина, который бы от него не уходил, и вот крестьян прикрепили к земле, запретили им переходить в Юрьев день с одной земли на другую⁴¹.

В царствование же Федора Иоанновича, в 1589 году, произошла перемена в русской церкви: главный архиерей вместо митрополита начал называться патриархом. Мы видели, что уже с половины XV века, со взятия Константинополя турками, русская, или московская, церковь была независима от константинопольского патриарха, ее митрополиты ставились в Москве своими архиереями с согласия государя. Союз русской церкви с восточными православными церквями и патриархами их не прерывался; так как они находились в печальном положении под турецким игом, то из России шла им богатая милостыня. Было странно, однако, что церкви, находившиеся в бедственном положении, управлялись патриархами, а русская церковь, единственная из православных церквей, которая была сильна, находясь в стране независимой, с православным государем, управлялась митрополитом. Эта странность выказалась явно, когда приехал в Москву старший из патриархов, Иеремия Константинопольский; приехал он бедный, с просьбою о помощи, а между тем ему принадлежало первенство. Тут-то в Москве решили, чтоб в ней быть пятому патриарху; Иеремия согласился и посвятил митрополита Иова в патриархи; другие три патриарха — Иерусалимский, Александрийский и Антиохийский — также прислали свое согласие на установление патриаршества в России.

Это событие было выгодно для правителя Годунова, потому что приятель его, Иов, своим новым титулом патриарха стал выше прежнего. Годунову надобно было в это время подумать о будущем. Если бы наследником царя Федора был сын его, то при нем Годунов, как дядя, мог надеяться остаться на прежнем месте, по крайней мере в прежнем чине; но у царя Федора не было детей; наследником его был брат его, Димитрий, удаленный в Углич. Димитрий рос при матери и ее родственниках Нагих, которые не могли быть благодарны за то, что их заставляли жить в ссылке, и потому воспитывали ребенка во враждебных чувствах к Годунову, которому поэтому нечего было ждать добра при воцарении Димитрия. И вот в мае 1591 года разнеслась по Русской земле весть, что царевич Димитрий погиб в Угличе от убийц, подосланных Годуновым, и что эти убийцы умерщвлены жителями Углича. Для розыска про дело и для погребения Димитрия посланы были в Углич князь Василий Иванович Шуйский, Андрей Клешинин, человек преданный Годунову (ему-то приписывают главное распоряжение насчет убийства), и Крутицкий митрополит Геласий. Из следст-

вия оказывалось, что царевич накололся на нож сам в припадке падучей болезни; но следствие было произведено недобросовестно: следователи спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич накололся сам, не обратили внимания на противоречия и на открытие главных обстоятельств. Несмотря на то, патриарх Иов на собрании из духовенства и вельмож объявил, что смерть царевичу приключилась судом Божиим и что угличане невинно умертвили несколько человек, на которых Нагие указали как на убийц Димитрия. Вследствие этого царицу Марью постригли под именем Марфы и заточили в пустынь на Бело-озеро; Нагих всех разослали по городам в тюрьмы; угличан — одних казнили смертью, другим резали языки, засадили в тюрьмы, много людей свели в Сибирь.

В январе 1598 года царь Федор Иоаннович занемог предсмертною болезнью; когда патриарх и бояре спросили его: "Кому приказываешь царство?" — то он отвечал: "Во всем царстве и вас волен Бог: как Ему угодно, так и будет". По смерти Федора поспешили присягнуть жене его, царице Ирине, чтоб не было междоусобия. Но Ирина уехала из дворца в Новодевичий монастырь и постриглась там под именем Александры. Надобно было выбирать царя. Вельможи знатные, князья крови Рюриковой и Гедиминовой, считали себя вправе на престол, но им трудно было бороться с Годуновым. За Годунова был патриарх Иов, на которого все смотрели как на главное лицо, от которого все ждали совета и решения; Годунов так долго был правителем, повсюду правительственные должности занимали люди, им посаженные, ему преданные; при царе Федоре он и родственники его приобрели большое богатство, которым теперь могли воспользоваться для приобретения новых приверженцев; наконец, только что присягнули царице, а царица была его родная сестра. Патриарх с духовенством, боярами и гражданами московскими отправились в Новодевичий монастырь просить царицу, чтоб благословила брата на престол, просили и самого Годунова принять царство; но он отказался: ему хотелось быть избранным всею Россиею, собором, на котором бы были выборные из всех городов, советные люди, как тогда говорили. За советными людьми послали, собор открылся, и патриарх объявил, что, по его мнению, также по мнению всего духовенства, бояр и всех москвичей, мимо Бориса Федоровича Годунова другого государя искать нечего; никто не посмел противоречить, и советные люди отвечали, что их мнение такое же. Отправились опять к Годунову, который был у сестры в Новодевичьем монастыре, и опять получили отказ. Тогда патриарх пошел в монастырь с крестным ходом и со множеством народа; патриарх с духовенством и боярами вошли в келью к царице и долго упрашивали ее со слезами, стоя на коленях, чтоб благословила брата на царство; на монастыре и около монастыря народ, стоя на коленях, вопил о том же. Царица наконец благословила, и Годунов принял царство⁴². Остались известия, что народ был пригнан неволю, грозили, что, если кто не пойдет, с того будут взыскивать деньги.

Первые два года царствования Бориса прошли хорошо, спокойно, но потом царем овладела сильная подозрительность. Подозревал он главных вельмож, которые могли иметь права на престол, и чтоб узнать, не замышляют ли они чего-нибудь против него, он стал награждать побуждать к доносам. Язва доносов распространилась быстро, заразила людей всех званий, самые близкие люди стали доносить друг на друга, ни при одном государе таких бед никто не видал, говорят современники. Подан был донос от дворового человека на Романовых, сыновей покойного боярина Никиты, следовательно, двоюродных братьев последнего царя Федора Иоанновича; схватили всех пятерых братьев, родственников и друзей их, пытали, ничего не узнали и разослали в ссылку по дальним городам; старшего из них, Федора Никитича, постригли в монахи под именем Филарета и сослали в Антониев Сийский монастырь; жену его, Ксению Ивановну, также постригли под именем Марфы и сослали; сослали и малолетнего сына их Михаила. К этой беде от доносов присоединился страшный голод вследствие трехлетнего неурожая; за голодом следовал мор; за голодом и мором разбои: люди, спасавшиеся от голодной смерти, составляли шайки и кормились грабежом. Под самую Москву не было проезда от разбойников, и самым злым атаманом их был какой-то Хлопка Косолап⁴³. Царь должен был выслать против него целое войско, и разбойники были так смелы, что вступили в бой с этим войском, убили царского воеводу, но сами были разбиты и должны были бежать в Северскую Украину, нынешние губернии Орловскую, Курскую и Черниговскую, где всегда было множество всякого сброда.

В это время пошли слухи, что царевич Димитрий жив.

В начале царствования Бориса появился в Москве бойкий, смысленный, грамотный молодой человек, сирота Юрий Отрепьев. Он проживал в домах вельмож, подозрительных царю, а потому и сам сделался подозрителен. От этого стала ему грозить беда, и чтоб спастись от нее, он постригся под именем Григория, скитался из монастыря в монастырь; попал наконец в Чудов и поступил даже к патриарху Иову писцом. Но здесь дерзкие речи, что он будет царем в Москве, навлекли на него опять беду; царь Борис велел сослать его в Кириллов Белозерский монастырь; но Отрепьеву удалось убежать из Москвы и пробраться за польскую границу. В польских владениях он скинул с себя монашескую рясу и вступил в службу к богатому польскому вельможе, князю Вишневецкому, которому при первом удобном случае открылся, что он московский царевич Димитрий, сын царя Иоанна Васильевича, спасшийся от убийц, подсланных Годуновым, которые вместо него убили другого, подставленного ребенка. Вишневецкий поверил, поверил и другие польские вельможи и начали принимать Отрепьева с царскими почестями; особенно усердствовал сандомирский воевода Юрий Мнишек, дочь которого Марина очень понравилась Отрепьеву; усердствовали и польские католические монахи, которым Отрепьев

обещал, что если сделается русским царем, то станет вводить католическую веру между своими подданными. В начале 1604 года самозванца привезли в Краков, столицу Польши, и представили королю Сигизмунду III, который царствовал по смерти Стефана Батория. Королю очень хотелось завести смуту в России, да и боялся, а если не удастся, тогда надобно будет воевать с царем Борисом; поэтому он пошел на хитрость, сам как будто был в стороне, а позволил вельможам польским собрать для Лжедмитрия войско и ввести его в Россию.

В октябре 1604 года Лжедмитрий со стороны Северной Украины переступил русскую границу с очень небольшим войском; но успех его зависел не от войска, которое было при нем, а от смуты, которая поднялась в России при известии, что царевич Димитрий жив и идет к Москве свергнуть беззаконного Бориса. В Москве патриарх Иов и князь Василий Шуйский уговаривали народ не верить слухам о царевиче Димитрии, который действительно погиб в Угличе, а идет негодяй Гришка Отрепьев под именем царевича. Но многие не убеждались словами патриарха и Шуйского; в толпе народа слышались слова: "Говорят они это поневоле, боясь царя Бориса, а Борису нечего другого говорить: если этого ему не говорить, так надобно царство оставить и жизнь свою спасать". Патриарх проклял Гришку Отрепьева, но это проклятие не трогало людей, которые сомневались, не настоящий ли царевич идет к Москве: пусть проклинают Гришку Отрепьева, настоящему царевичу от этого ничего. Люди знатные, воеводы, говорили: "Трудно будет воевать против законного государя". Поэтому неудивительно, что у войска, которое выслал Борис против Самозванца, не было рук для сечи, как говорят очевидцы; руки отнимались от страшной мысли, не бьются ли они против законного государя. Благодаря этому Самозванец, отличавшийся большою храбростью, разбил царское войско; в другой раз он потерпел поражение, но это не испортило его дела, потому что воеводы царские действовали вяло, медленно, а к Самозванцу пришли на помощь казаки, которых опять стало много на Дону после Иоанна Грозного.

В это время, когда недоумение овладевало все больше и больше русскими людьми, в апреле 1605 года умирает царь Борис скоропостижно, и хотя жители Москвы присягнули спокойно сыну Борисову, Федору, однако воеводы, стоявшие против Самозванца, думали, что нельзя ничего сделать с войском, которое упало духом, не имея уверенности, что дело, за которое оно бьется, дело правое. Главным воеводою был Басманов; он решился прямо объявить войску, что истинный царь есть тот, против которого оно воюет, и войско перешло на сторону Самозванца, только немногие разбежались. Лжедмитрий двинулся в Москву, куда перед ним явилось несколько его приверженцев; они взволновали народ, свергнули патриарха Иова, разослали в ссылку родных царя, а самого Федора с матерью зверски умертвили.

В июне 1605 года Лжедмитрий с торжеством въехал в Москву; но скоро после этого въезда князь Василий Иванович Шуйский стал распускать слухи, что новый царь — самозванец. Слухи дошли до дворца, Шуйского схватили и приговорили к смерти, но Лжедмитрий пристил его. Для большего уверения народа, что царь есть истинный Дмитрий, сын царя Иоанна Васильевича, привезли из заточения монахиню Марфу, бывшую царицею, мать царевича Дмитрия, и все видели, с какою материнскою нежностью свиделась она с царем. Возвращены были из ссылки родственники ее, Нагие, также пострадавшие при Годунове Романовы, из которых в живых остались только два брата: монах Филарет Никитич с сыном Михаилом да Иван Никитич; остальные померли в ссылке от жестокого обращения с ними людей, приставленных стеречь их. Филарет Никитич поставлен был Ростовским митрополитом. В патриархи, вместо Иова, был поставлен рязанский архиерей Игнатий, родом грек.

Самозванец венчался на царство по принятому обычаю; часто присутствовал в Думе или в совете царском и удивлял вельмож умом, находчивостью при решении трудных дел, начитанностью, говорил, что вельможам недостает образования, и обещал позволить им ездить за границу для его приобретения; но в то же время он оскорблял приближенных людей пренебрежением старых русских обычаев, даже таких, которые считались священными; неудовольствие усилилось, когда приехала в Москву невеста царская, Марина Мнишек, со множеством полков, которые вели себя дерзко, когда Лжедмитрий женился на ней; знали, что она православия не приняла⁴⁴. Этим неудовольствием спешил воспользоваться князь Василий Шуйский вместе с некоторыми другими знатными людьми, чтоб составить заговор для истребления Лжедмитрия. 17 мая 1606 года рано утром раздался набат в Москве, и по этому знаку заговорщики собрались на Красной площади, откуда князь Василий Шуйский повел их в Кремль ко дворцу. Самозванец проснулся от набата и, увидав, что отбиться от заговорщиков нельзя, бросился в окно и расшибся; в этом положении он был найден и убит. В то же время было побито много поляков, но Марина, отец ее и другие знатные поляки были спасены боярами, которые не хотели из-за них ссориться с Польшею.

Надобно было думать об избрании нового царя. Виднее всех был теперь князь Василий Иванович Шуйский, избавивший Россию от позора иметь на царском престоле обманщика, расстригу. Шуйского провозгласили царем, не созывая собора советных людей из всего государства, как было при избрании Годунова. Свергнули и патриарха Игнатия, как лжедмитриевского патриарха, и возвели на его место казанского архиерея Гермогена. Разослана была по областям грамота от имени бояр и всех москвичей; в грамоте говорилось, что Гришка Отрепьев овладел царством с бесовскою помощью, всех людей прельстил чернокнижеством; но что он погиб, и теперь царствует Василий

Иванович, потомок прежних великих князей русских. Эта грамота могла показаться очень странною в областях: недавно извещали из Москвы, что Годунов свергнут истинным царем Дмитрием, а теперь уверяют, что этот Дмитрий был обманщик, злодей, чернокнижник, объявляют, что он погиб, но как погиб и как уверились в том, что он самозванец, — это неизвестно; объявляют, что избран новый царь, но как и кем — и это также неизвестно: советные люди из областей не были на избрании Шуйского. Всякий мог спрашивать: что это такое? как это сделалось? И вместо ответа, который бы успокоил, вдруг разносятся слухи, что царь Дмитрий жив, в другой раз спасся от убийц, ушел из Москвы опять в Польшу и оттуда идет с войском на похитителя престола, Шуйского. Кому же и чему верить? Опять сомнение, смута, как при появлении первого самозванца; у добрых людей опустились руки, не знают, за кого стоять, на чьей стороне правда, а злым людям того только и надобно, чтобы мутить землю для своих выгод.

Слухи, что царь Дмитрий спасся, пошли тотчас же по воцарении Шуйского; они были распушены людьми, которым было хорошо при Лжедмитрии и нечего было ждать хорошего при новом царе. Они хотели свергнуть Шуйского и думали, что легче всего свергнуть его самозванцем, как свергнут был Годунов, потому что народ не стал бы менять Шуйского ни на какого другого боярина, народ мог быть увлечен, обманут только именем законного царя. Тщетно Шуйский разослал грамоты с уверениями, что человек, царствовавший перед ним, был самозванец и погиб; недоумение не исчезало, потому что не знали, почему прежний царь был найден самозванцем и как он погиб. Второго самозванца отыскали в Северной Украине, и к нему со всех сторон начали собираться шайки людей, хотевших воспользоваться смутою и пожить на чужой счет, составилось большое войско из всякого сброда, поляков и русских, особенно было много казаков, привлеченных надеждою добычи. Весною 1608 года Самозванец разбил царское войско и быстро шел к Москве. Царь Василий, чтобы отвлечь от него поляков, завел переговоры с королем польским; условились, что король Сигизмунд отзовет от Самозванца всех поляков и вперед никаким самозванцам не будет верить и за них вступаться, Юрий Мнишек не будет признавать своим зятем второго Лжедмитрия и не выдаст за него своей дочери Марины. С этим условием Шуйский освободил Мнишка с дочерью и отправил их в Польшу; но они с дороги ушли в лагерь к Самозванцу и подкрепили его своим признанием; также ни один из поляков не оставил его. Лжедмитрий подошел к Москве и расположился станом по волоколамской дороге в селе Тушине. Москвы он взять не мог, но и царь Василий не мог выгнать его из Тушина. Таким образом, два царя жили друг подле друга, московский и тушинский; скоро, впрочем, тушинский перестал называться у добрых людей царем и стал слыть под именем тушинского вора: вором тогда называли вообще преступника, негодного человека.

Шайки тушинские разбрелись по России, нападали на города; жители городов, в недоумении, не зная, кому верить, сдавались им и присягали царю Димитрию. Самыми знаменитыми предводителями этих тушинских шаек были Лисовский и Сапега. Лисовский бежал из Литвы от смертной казни, и по нему уже можно судить, что за народ был в Тушине. Сапега со своею шайкою подошел к Троице-Сергиеву монастырю; но бывший в нем отряд войска и монахи не сдались, долго и храбро защищались, несмотря на страшную тесноту, голод и болезни, монахи бились на вылазках, и тушинцы принуждены были отступить, не воспользовавшись монастырскими сокровищами, которые их очень прельщали. Грабеж был единственною целью тушинцев, а служба царю Димитрию служила только прикрытием. Принятые в какой-нибудь город, присягнувший их царю, они прежде всего накладывали на жителей тяжелые поборы; но всего больше доставалось от них беззащитным поселянам, которых разоряли вконец, били, мучили самым зверским образом. Описывая злодейство тушинцев, или, как их тогда обыкновенно называли, казаков, современники говорят, что эти казаки были свирепее литвы и немцев⁴⁵. Народ не мог долго переносить такого мучительства: крестьяне стали вооружаться первые; но им, по непривычке к ратному делу, не случилось в битвах с тушинцами. Удачнее действовали города, из которых многие успели прогнать тушинцев; особенно борьба городов с тушинцами пошла удачнее, когда начал действовать знаменитый племянник царя Василия, князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский.

Так как польский король Сигизмунд не сдержал слова, не отвел своих поляков от тушинского вора, то царь Василий обратился с просьбою о помощи к врагу Сигизмундову шведскому королю Карлу IX. Вести переговоры об этом со шведами царь отправил в Новгород племянника своего, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Князь Михаил устроил дело, получил шведское войско и вместе с ним и с русским войском пошел от Новгорода против тушинцев весною 1609 года, стал выгонять их из городов. Шведы были полезны ему тем, что были искусны в военном деле и учили русских. Поразив тушинцев в двух битвах, Скопин приближался к Москве, чтобы отогнать от нее тушинского вора; но вор был прогнан еще до его прихода к Москве, и прогнал его польский король Сигизмунд, только не в угоду царю Василию.

Король Сигизмунд испугался, что царь Василий заключил тесный союз с его врагом шведским королем, и поспешил объявить войну России, чтоб захватить что-нибудь у нее, пока царь Василий Шуйский еще не оправился. Сигизмунд пошел с войском прямо к Смоленску⁴⁶, потому что после взятия этого города великим князем Василием поляки не могли успокоиться, что такая важная крепость в русских руках, и Сигизмунду хотелось прославиться возвращением Смоленска Польше. Он думал, что возьмет Смоленск легко во время такой смуты,

но когда он послал смольнянам и воеводе их Шенну грамоту с требованием сдачи и с разными обещаниями, то они отвечали, что поклялись за православную веру, за святые церкви и за царя, который в Москве, всем помереть, а литовскому королю и его панам отнюдь не поклониться. С самого начала осада Смоленска пошла неудачно для короля: приступ был отбит, подкопы не удавались. Войска было немного у поляков, и Сигизмунд послал в Тушино, чтоб все поляки оставили Ажедимитрия и соединились с войском королевским. В Тушине начался шум, крик; поляки кричали, что король вырывает у них из рук добычу; они думали только о себе, на Ажедимитрия не обращали никакого внимания, срывали на нем досаду, бранили, грозилась бить. Тогда Ажедимитрий, переодевшись в крестьянское платье, убежал в Калугу, где засел с одними казаками; поляки, покинутые Самозванцем, отправились к своему королю под Смоленск. Тушино опустело; Москва избавилась от Тушина, но под Смоленском стоял польский король, и Москва с нетерпением ждала своего знаменитого и любимого воеводу, князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

ЧТЕНИЕ

IX

О междуцарствии; об избрании на престол
Михаила Федоровича Романова и его царствовании

В марте месяце 1610 года князь Скопин-Шуйский с русским войском и шведским вспомогательным отрядом вступил торжественно в Москву и был встречен ее жителями с восторгом. Воеводе, уже знаменитому, было не более 24 лет от роду. Знаменитость эту он приобрел в один год и вместе со знаменитостью приобрел сильную любовь всех добрых граждан, желавших, чтобы Русская земля успокоилась от смут. В то время как царь Василий не мог ничего сделать, сидя в осаде, и потому как будто бы его не было, на виду у всех действовал Скопин, и с его именем у добрых граждан связана была надежда на избавление, на лучшее будущее. Мысли всех были обращены в ту сторону, где действовал Скопин, утешительных разговоров только и было что о нем; вот он в Новгороде получает иностранное войско на помощь; вот он двинулся из Новгорода, очистил такой-то и такой-то город от тушинцев, послал отряд на помощь таким-то городам, которые восстали против воров, сам одержал победу над тушинцами, вот он уже близко к Москве — придет — и врагов не будет, все успокоится. Иной человек нравится издали, а подойдет поближе, оттолкнет или наружностью, или обращением, характером; но князь Михаил Васильевич Скопин привлекал всех, кто к нему приближался; он был хорош собою, заговорит — виден светлый ум,

зрелость суждения не по летам; кто знал его, все отзывались о нем как нельзя лучше, и свои, и чужие; шведы так же сильно полюбили его, как и русские.

Царь Василий встретил племянника ласково; но иначе вел себя родной брат царский, князь Дмитрий Иванович Шуйский; у царя Василия детей не было, и князь Дмитрий считал себя наследником престола: увидавши себе страшного соперника в Скопине, возненавидел его. Скопин не хотел долго оставаться в Москве, сбирался в поход к Смоленску против польского короля, как вдруг занемог на пиру у одного боярина и через две недели умер. Народ был в отчаянии, и так как знали, что князь Дмитрий Шуйский не любил покойного, то пошли слухи, что князь Михаил был отравлен, и отравлен своими. Смерть Скопина нанесла страшный удар царю Василию и всем Шуйским. Сам царь Василий был стар и бездетен; брата его, Дмитрия, и прежде не любили, не уважали, а теперь обвиняли в отравлении племянника, в отнятии у народа последней надежды. И вот начальство над войском, которое выступало к Смоленску, принимает этот самый нелюбимый Дмитрий Шуйский, воевода, известный своею неспособностью. Король, узнавши, что против него идет русское войско, выслал против него главного своего воеводу, или гетмана, Жолкевского, который напал на Шуйского при деревне Клушине и разбил его наголову⁴⁷.

После этой победы Жолкевский пошел прямо к Москве, провозглашая русским царем королевича Владислава, сына короля Сигизмунда; с другой стороны спешил к Москве из Калуги Самозванец, надеясь, что москвичи, в крайности, скорее поддадутся ему, чем польскому королевичу. Люди, враждебные Шуйскому, начали волновать народ, говоря, что царю Василию нельзя больше оставаться на престоле, нельзя ему без войска защищаться от поляков и Самозванца, он царь несчастный, ничто ему не удастся, сколько крови проливается из-за него даром, Украина признает царем вора потому только, что никак не хочет признать царя Василия: не будет его — все русские люди придут в согласие. Шуйского свели с престола и постригли⁴⁸. Правление поручили на время боярскому Совету, или Думе, и стали рассуждать, кого избрать в цари⁴⁹. Патриарх Гермоген требовал, чтоб выбрать кого-нибудь из русских; но знатные люди на это не соглашались, никому не хотелось видеть на престоле своего брата боярина, и если бы выбрали кого-нибудь из них, то пошли бы опять крамолы и смуты, как при Годунове и Шуйском, и притом как бы новый царь стал защищаться от поляков и Самозванца? Решились войти в сношение с гетманом Жолкевским, который уже стоял под Москвою, и присягнуть королевичу Владиславу с условием, чтоб королевич принял православную веру и чтоб Жолкевский отогнал Самозванца от Москвы; Жолкевский согласился на последнее и действительно отогнал Самозванца, но чтоб королевич принял православие, для этого нужно было согласие короля, к которому надобно было отправить за этим большое посольство. Посольство отправилось под Смоленск к Сигизмунду; главными в этом

посольстве были из духовных ростовский митрополит Филарет Никитич Романов, а из светских — князь Василий Васильевич Голицын.

Между тем сами бояре, боясь волнения в народе, между которым было много недовольных присягою чужому польскому королевичу, боясь, чтоб недовольные не призвали Самозванца, сами бояре предложили гетману Жолкевскому ввести польское войско в Москву. Жолкевский, человек очень умный, вел себя искусно, со всеми ладил; но он видел, что долго оставаться в Москве было нельзя, приближалась буря, потому что король Сигизмунд не только не хотел, чтоб сын его принял православие, но и вовсе не хотел его отпускать в Москву, а хотел сам в ней царствовать, присоединить Россию к Польше, как была присоединена Литва и Западная Россия. Жолкевский знал, что русские на это ни за что не согласятся, начнется война, в которой Польше с Россией не сладить, и потому уехал из Москвы, захватив с собою и бывшего царя Василия Шуйского, а начальство над польским войском в Москве сдал другому воеводе, Гонсевскому. Русские послы, Филарет и Голицын с товарищами, как только приехали к королю под Смоленск, так увидали, что дело, за которым присхали, не сделается. Паны польские в переговорах с ними тянули время, говорили, что король не может отпустить своего пятнадцатилетнего сына в Москву, хочет прежде сам успокоить Русское государство, а главное, паны настаивали на том, чтобы Смоленск сдался королю и его польскому войску. Разумеется, послы никак не могли на это согласиться, они говорили: "Зачем Смоленску сдаваться королю? Когда королевич придет в Москву и будет царем, то Смоленск и все города будут его". Тогда поляки начали подговаривать разных людей, приехавших в посольстве, чтоб они бросили послов, уехали домой и служили в России королевским замыслам; некоторых удалось полякам уговорить; но когда они подступили к главному делопроизводителю, или думному дьяку, Томиле Луговскому и стали его уещать королевскими милостями, чтоб ехал под Смоленск и уговаривал смольнян сдаться королю, то Луговский отвечал: "Как мне это сделать и вечное проклятие на себя навести? Господь Бог и русские люди меня за это не потерпят и земля меня не понесет. Я прислан от Московского государства в челобитчиках: как же мне первому соблазн ввести? По Христову слову лучше навязать на себя камень и вринуться в море".

Между тем в Москве, видя, что королевич не едет, стали догадываться о дурных умыслах короля. Изменники, продавшиеся королю, толковали, что надобно призвать короля в Москву для окончательного истребления Самозванца, который все сидел в Калуге. Но патриарх Гермоген был против того, чтоб призывать короля, и на стороне патриарха был весь народ. В конце 1610 года Самозванец погиб: он убил одного служившего у него в войске татарина, а другой татарин, из мести, убил самого Лжедмитрия. Это событие было чрезвычайно важно, потому что у приверженцев короля Сигизмунда не было теперь

предлога требовать, чтоб короля звали в Россию для очищения ее от Самозванца; люди, которые только из страха пред Самозванцем присягнули Владиславу, теперь освободились от этого страха и могли свободнее действовать против поляков. В Москве как только узнали о смерти вора, так пошли разговоры, как бы всей земле соединиться и прогнать поляков. Патриарх Гермоген явно призывал к себе людей из разных сословий и говорил: "Если королевич не примет православной веры и все поляки не уйдут из Русской земли, то королевич нам не государь!" То же патриарх писал и в грамотах, разосланных по городам. Города начали переписываться друг с другом, что надобно стать за веру православную против поляков. Области поднялись; дворяне собирались на службу, горожане складывались и давали им деньги, чем содержать себя в походе. Из главных бояр никто не мог принять начальства над ополчением: они сидели в Москве с поляками, которые при первом подозрении сажали их под стражу; принял начальство над ополчением рязанский дворянин Прокофий Петрович Ляпунов, человек, отличавшийся своими способностями, пылкий, деятельный.

Ополчение пошло к Москве⁵⁰; поляки и русские изменники заставляли патриарха и бояр написать к Ляпунову, чтоб не шел к Москве, а послам Филарету и Голицыну написать, чтоб отдались во всё на волю королевскую. Гермоген не согласился: "Положиться на королевскую волю, — говорил он, — значит целовать крест самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю писать; и к Прокофию Ляпунову напишу, что если королевич в Москву не придет, православной веры не примет и поляков из Русского государства не выведет, то благословляю всех идти под Москву и помереть за православную веру". Поляки посадили патриарха под стражу, не велели никого пускать к нему, всем русским людям в Москве запретили ходить с оружием, а сами сильно вооружились. 19 марта 1611 года, во вторник на Страстной неделе, поляки начали принуждать извозчиков, чтоб тащили пушки на башню. Извозчики не согласились, начался спор, крик; другие поляки, думая, что уже началось народное восстание, начали бить безоружный народ. Русских в одном Китай-городе погибло до 7 тысяч человек; но в Белом городе русские успели вооружиться и погнали поляков в Кремль и Китай-город, причем важную помощь народу оказал воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский; к несчастью, Пожарский тут был тяжело ранен, и его отвезли в деревню лечиться. Между тем поляки успели зажечь Москву в нескольких местах, и весь город, кроме Кремля и Китая, выгорел. Но поляки не долго были безопасны в Кремле и Китай-городе: 25 марта, в понедельник, на Святой неделе, ополчение Ляпунова подошло к Москве и осадило неприятеля, который скоро стал нуждаться в съестных припасах.

В марте сожжена была Москва, в апреле покончили свою посольскую службу под Смоленском митрополит Филарет Никитич и князь Голицын. Поляки не переставали требовать от них, чтоб они со-

гласились впустить королевское войско в Смоленск; но Филарет и Голицын никак не соглашались, тогда их схватили, ограбили и отравили в заточение в город Мариенбург. 3 июня поляки взяли Смоленск приступом после геройского сопротивления жителей. Но хуже всего было то, что дело не ладилось в русском ополчении под Москвою. Ляпунов, поднимая восстание, имел неосторожность призвать на помощь всякий сброд, служивший под именем казаков в Тушине и Калуге Лжедмитрию и оставшийся теперь без дела по смерти Самозванца; Ляпунов думал, что так как это русские же люди, то будут охотно биться с поляками за Россию и за веру русскую. Но он ошибся в своих расчетах: казаки, служа Самозванцу, привыкли к своеволию и грабежу. Начальство не оставалось в одних руках Ляпунова; выбрали троих предводителей с равною властью, кроме Ляпунова казаки выбрали себе в воеводы князя Трубецкого Дмитрия Тимофеевича и Заруцкого, который был казак по происхождению. Строгость Ляпунова, не позволявшего грабить, возбудила против него казаков, они собрались и убили его⁵¹; с ним вместе убили дворянина Ивана Никитича Ржевского, который бросился защищать Ляпунова, несмотря на то что был ему большой недруг. Беда шла за бедою: шведы, видя, что русские находятся в таком страшном положении, и видя, что поляки пользуются этим положением, также захотели воспользоваться им и завладели Новгородом.

Но среди этих бед, когда один тяжелый удар следовал за другим, когда, по-видимому, исчезала всякая надежда на спасение, тут-то и сказалась нравственная сила народная. Русские люди не отчаялись в спасении родной страны; беды их только все больше и больше очищали и укрепляли; русские люди все больше и больше наказывались, по их словам, т. е. все больше и больше научались, как делать, чтоб спасти Отечество, какие причины бед и как их уничтожить. Из примера Ляпунова они увидали, что хорошее дело надобно делать только с хорошими людьми, а дурные не рады хорошему делу и если примутся за него, то с тем, чтоб испортить. Так жители Казани писали пермичам: "Под Москвою, господа, поборника по Христовой вере, Прокофия Петровича Ляпунова казаки убили; но мы согласились быть всем в соединении, дурного ничего друг над другом не делать; казаков в Казань не пускать, стоять на том крепко до тех пор, пока Бог даст государя, а выбрать нам государя всею землею; если же казаки станут выбирать государя одни по своей воле, то нам такого государя не хотеть".

От патриарха Гермогена больше грамот не было: он сидел под стражею, к нему никого не пускали, бумаги и чернил не давали; но шли грамоты из Троице-Сергиева монастыря, от архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына. Троицкий монастырь сослужил свою службу, отбившись от тушинцев, задержав их долгое время под своими стенами; но служба его этим не кончилась. Когда Москва была

сожжена и казаки свирепствовали в окружных областях, толпы беглецов, изломанных, обожженных, истерзанных, с разных сторон устремились к Троицкому монастырю. Видя многочисленные толпы этих несчастных, требующих помощи, монахи, слуги и крестьяне монастырские не знали, что делать. Архимандрит Дионисий ободрил их и уговорил употребить новые усилия для успокоения страдальцев: Троицкий монастырь превратился в больницу и богадельню, и в то же время в келье архимандричьей сидели писцы, составляли увещательные грамоты и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению Русской земли от врагов.

В октябре месяце 1611 года увещательная троицкая грамота пришла в Нижний Новгород. Когда в соборной церкви протопоп прочел ее перед всем народом, то земский староста (по-нашему — градской голова), мясной торговец Кузьма Минин Сухорукий, стал говорить: "Если помогать Московскому государству, то нечего нам жалеть имени, не пожалеем ничего: дома свои продадим, жен и детей заложим и будем просить, кто бы вступился за православную веру и был у нас начальником". Все с ним согласилось и положили скликать служилых людей и собирать деньги им на жалованье. Но прежде всего нужно было найти воеводу, кто бы повел войско к Москве. В это время недалеко, в Суздальской области, жил воевода известный, князь Дмитрий Михайлович Пожарский, долечивавшийся от ран, полученных им в Москве при защите ее от поляков. На просьбу нижегородцев Пожарский отвечал: "Рад я вашему совету, готов хоть сейчас ехать; но выберите прежде кого-нибудь из своих, кому со мною у такого великого дела быть и казну собирать". Нижегородцы выбрали Минина. Пожарский принял начальство над войском, которое составилось из служилых людей, дворян, помещиков; но этим дворянам нельзя было содержаться от разоренных поместий, жители городов должны были давать деньги на их содержание; этими сборными деньгами заведовал Минин; но оба, Пожарский и Минин, были неразлучны в совете о великом деле освобождения земли, и потому имена их остаются неразлучными в памяти народа русского.

Как скоро разнеслась весть, что нижегородцы поднялись и готовы на всякие пожертвования, то ратные люди стали собираться к ним отовсюду. Пожарский разослал по всем областям грамоты, в которых говорилось: "Теперь мы, Нижнего Новгорода всякие люди, идем на помощь Московскому государству; к нам приехали из многих городов дворяне, и мы приговорили имение свое и дома с ними разделить, жалованье им дать. И вам бы, господа, также идти на литовских людей поскорее. От казаков ничего не опасайтесь: как будем все в сборе, то станем советоваться всею землею и ворам ничего дурного сделать не дадим. Непременно быть бы вам с нами в одном совете и на поляков идти вместе, чтоб казаки по-прежнему рати не разогнали".

Весть о новом ополчении добрых граждан встревожила поляков, осажденных в Москве, встревожила и казаков, которые осаждали их.

Поляки послали к патриарху Гермогену уговаривать его, чтоб написал в нижегородское ополчение, запретил ему идти к Москве. Гермоген отвечал: "Да будут благословенны те, которые идут для очищения Москвы". Скоро после этого Гермоген скончался в феврале 1612 года; причину смерти было дурное содержание. Казаки послали отряды, чтоб мешать нижегородскому ополчению, но казаки были разбиты, и Пожарский занял Ярославль; казаки подослали сюда злодеев, чтоб убить Пожарского, но это не удалось. Уладив все дела, Пожарский выступил к Москве, куда с другой стороны шел литовский гетман Ходкевич на выручку своим. Пожарский предупредил его и 18 августа 1612 года подошел к Москве. Здесь стояли казаки, с которыми надобно было улаживаться. К счастью, число их уменьшилось: часть их, под начальством Заруцкого, ушла из стана; Заруцкий взял к себе Марину, вдову Самозванца, с ее маленьким сыном, рожденным от тушинского вора, и пошел на юго-восток, к степям, чтоб там снова завести смуту во имя маленького Самозванца. Предводителем казаков под Москвою остался один князь, Дмитрий Тимофеевич Трубецкой. Через два дня после прихода Пожарского явился под Москвою и гетман Ходкевич. 22 августа он напал на Пожарского, но был отбит; 24 он снова двинулся к Кремлю; казаки в решительную минуту отказались биться и ушли в свой стан, но троицкий келарь Авраамий Палицын успел уговорить их вступить в дело; тогда общими усилиями дворян и казаков, и особенно благодаря смелому движению Минина с отборным отрядом, Ходкевич был снова отбит и ушел к польским границам, не успевши снабдить осажденных съестными припасами.

После ухода Ходкевича Пожарский соединился с Трубецким и вместе управлял делами, причем Пожарский, отличавшийся скромностью, уступил первенство Трубецкому, как старшему по чину. 22 октября осаждающие взяли у поляков Китай-город приступом. В Кремле поляки держались еще месяц, терпя страшный голод, наконец сдались, и 27 ноября ополчение и народ с крестным ходом вошли в очищенный от врагов Кремль. После этого пришел было сам король Сигизмунд с войском; но, увидав, что опоздал, возвратился, не успев взять и Волоколамска. Уход короля дал досуг заняться избранием царя. Разосланы были грамоты по областям, чтоб присылали отовсюду в Москву знатных духовных лиц и выборных из других сословий, лучших, разумных людей. Когда выборные съехались, назначен был трехдневный пост, после которого начались соборы. 21 февраля 1613 года был последний собор: каждое сословие подало письменное мнение, и все эти мнения найдены сходными, все указывали на одного человека, шестнадцатилетнего Михаила Федоровича Романова, сына митрополита Филарета Никитича.

Михаил Федорович жил в это время в Костроме, в Ипатьевском монастыре, с матерью, монахиней Марфой Ивановной. Собор, провозгласивши его царем, назначил несколько знатных духовных и светских

лиц ехать к нему и от имени всех чинов людей просить, чтоб был государем и ехал в Москву. 13 марта соборные послы приехали в Кострому, а на другой день, 14-го числа, пошли в Ипатьевский монастырь с крестным ходом и со всеми костромичами. Услышавши от послов просьбу ехать в Москву и царствовать, Михаил отказался; Марфа Ивановна говорила: "Сын мой еще очень молод, а русские люди стали малодушны, троим государям присягнули и потом изменили; кроме того, государство разорено вконец, прежних сокровищ царских нет, земли розданы, служилые люди обеднели: откуда будущему царю давать жалованье служилым людям, двор свой содержать и как против недругов стоять? Наконец, митрополит Филарет в заточении у польского короля: узнавши, что выбрали в цари сына, король отомстит за это на отце". Соборные послы отвечали, что избран Михаил по Божьей воле, а три прежние государя садились на престол по своей воле, неправдо, отчего во всех русских людях и было несогласие и междоусобие; теперь же русские люди наказались все и пришли в соединение во всех городах. Послы долго упрашивали Михаила и мать его, наконец стали грозить, что в случае отказа государство совершенно разорится и Бог възыщет на Михаиле это разорение: тогда Марфа Ивановна благословила сына принять престол.

Оказалось, что Михаилу действительно нечего было бояться; соборные послы были правы: русские люди наказались и пришли в соединение; страшным опытом русские люди наказались, научились, к чему ведут смуты, несогласия и междоусобия; у них было столько нравственной силы, что они могли воспользоваться наказанием, встали, соединились, очистили государство и теперь могли поддерживать нового государя, несмотря на разорение земли. Что русские люди решились жертвовать всем, чтоб только сохранить нового царя и не дать возвратиться прежней смуте, доказательством служил подвиг Ивана Сусанина. Большие разбойничьи шайки, составленные из поляков и русских, скитались по разным местам; им была очень нерадостна весть, что избран царь всю землю, что земля поэтому скоро успокоится и безнаказанно разбойничать, как прежде, будет нельзя. Одна из таких шаек решилась схватить и умертвить Михаила, но не знала, где он живет; ей попался крестьянин Иван Сусанин из Костромского уезда села Домнина, принадлежавшего Романовым; разбойники стали пытаться Сусанина страшными пытками, чтоб он сказал, где живет Михаил. Сусанин знал, что он в Костроме, но не сказал и был замучен до смерти.

2 мая 1613 года Михаил приехал в Москву, 11 июля венчался на царство. Россия получила настоящего царя; но в Астрахани засел Заруцкий с Мариною и ее сыном, которого величали царем Иваном Дмитриевичем, а в Польше был королевич Владислав, который также назывался русским царем; шведы, владевшие Новгородом, тоже хотели посадить на русский престол своего королевича Филиппа. Со всеми

этими охотниками до русского престола надобно было воевать. Легче всех было справиться с Заруцким, потому что время самозванцев прошло, им уже не верили. Заруцкий, преследуемый царским войском, хотел было пробраться с Волги подальше на Яик, или Урал, но был настигнут и схвачен: его и сына Марины казнили, а Марину посадили в тюрьму, где она и умерла. Но разбойников, которых тогда называли казаками, оставалось еще много внутри государства; они опустошали те места, которых прежде еще не успели опустошить. Летописец говорит, что никогда народу таких мук не бывало, как теперь от казаков, которые, видя, что приходит им конец, еще больше свирепствовали; мало того, что сами грабили, не давали собирать государственные доходы и провозить их в Москву, так что в казне денег не было, а деньги были очень нужны, когда война со всех сторон. В 1614 году разбойники собрались в большое войско и пошли прямо на Москву. Но следом за ним шло царское войско из Ярославля; разбойники испугались, обошли Москву и бросились бежать к югу, но царское войско настигло их и побило наголову.

Труднее было справиться со шведами и поляками, потому что эти народы были тогда искуснее в ратном деле, чем русские. У шведов тогда был молодой король Густав-Адольф, очень искусный на войне и храбрый; он осадил Псков, но взять его не мог: в другой раз Псков остановил врага, в первый раз остановил Батория польского, а теперь Густава-Адольфа шведского. Чтоб не вести двух войн зараз, с поляками и шведами, со шведами в 1617 году заключили мир в селе Столбове (между Тихвином и Ладогою): шведы отдали назад Новгород, но удержали за собою четыре русских города — Иван-город, Ям, Копорье и Орешек, которые и оставались за ними до самого Петра Великого.

Хорошо сделали, что заключили мир со шведами в 1617 году; потому что в следующем, 1618 году польский королевич Владислав, называя себя царем русским, подошел к Москве. Царь Михаил Федорович созвал собор из духовенства и всяких чинов людей и объявил, что он решился остаться в Москве и биться с поляками; всяких чинов люди отвечали: "Мы дали Богу обещание за православную веру и за тебя государя стоять и с врагами биться, не щадя голов своих". Обещание было исполнено. Поляков отбили, когда они повели приступ к Москве (у Арбатских и Тверских ворот). После этого пошли переговоры, и заключено было перемирие в деревне Деулине (недалеко от Троицкого монастыря): поляки удержали за собою Смоленск и Северскую землю, но обязались освободить послов — отца государя, митрополита Филарета, Голицына, Томилу Луговского. Князь Василий Васильевич Голицын умер на дороге.

Отец государя, митрополит Филарет Никитич, по приезде в Москву был поставлен в патриархи и оказал большую помощь сыну, потому

что был человек умный, опытный, твердый, знал дело и людей. Русская земля стала оправляться от страшного разорения Смутного времени; разоренные города были осмотрены и описаны, бежавшие из них жители возвращены. Чтобы дать народу сколько-нибудь оправиться, принуждены были мириться с поляками и шведами, отдать им русские города и земли; а на востоке, в Сибири, в царствование Михаила незаметно занято было пространство на 70 тысяч квадратных миль, и государь велел смотреть уже по реке Лене места, удобные для пашни, и кликнуть клич, кто хочет заниматься земледелием.

ЧТЕНИЕ

X

О царе Алексее Михайловиче

Едва-едва Россия стала оправляться в царствование Михаила Федоровича, как этот государь скончался в июле 1645 года, оставив престол шестнадцатилетнему сыну своему, Алексею Михайловичу. Народ терпел много от бедности вследствие недавнего разорения, от неправого суда воеводского, и так как знали, что государь по летам своим еще не мог входить в дела как следует и что большую силу имеет дядька царский, боярин Морозов, то в Москве, Новгороде, Пскове и других городах вспыхивали бунты против этого боярина⁵². Морозов был удален, и царь Алексей Михайлович в 1648 году держал совет со знатными духовными и светскими людьми, как бы выписать нужные постановления из правил апостольских и святых отцов, из законов греческих, собрать также указы прежних русских государей, справиться их со старыми судебниками, а на какие случаи прежних указов нет, написать вновь, чтобы всяких чинов людям, от большого и до меньшего чина, суд и расправа во всяких делах были всем равны. За это важное дело принялись немедленно; велено было также выбрать из дворян и городских жителей добрых и смысленных людей, которые должны были представить, в чем нуждаются, от чего терпят, и, таким образом, составилось знаменитое Уложение царя Алексея Михайловича, которое на долгое время осталось действовать в судах.

Но в то время как царь Алексей Михайлович занимался внутренними делами, чтобы Восточной России дать больше средств поправиться после разорения Смутного времени, вдруг поднялась Юго-Западная Россия против поляков и стала просить царя Алексея Михайловича, чтобы принял ее в свое подданство. Причина была та же, почему при великом князе Иоанне III русские князья со своими княжествами переходили от Литвы к Москве, причина была гонение от поляков-католиков на православную русскую веру. Гонение усилилось

особенно в XVI веке, когда в Польше явились особенные монахи католические, иезуиты; монахи эти были именно установлены для того, чтобы всеми средствами уничтожать повсюду все другие христианские исповедания и обращать всех в католичество, подчинять всех папе. Иезуиты были люди ловкие, ученые; они стали внушать королю Сигизмунду III и панам польским, как опасно, что в Польше столько народу, целые большие области исповедуют свою особую веру, что надобно заставить русских подчиниться папе, сперва сделать унию, т. е. оставить русским их старые богослужебные обряды, язык их церковный, только чтоб они признавали папу главою церкви, а потом и совсем окатоличить. Король и паны послушались их. Иезуиты овладели школами, где бранили веру православную; то же делали и в проповедях своих, писали против православия целые книги; но этого мало, подучали своих школьников нападать на русские церкви и делать всякие неистовства.

Русским надобно было защищаться, а прежде всего надобно было подумать о науке, о книгах и училищах, потому что иезуиты брали своею ученостью, которой русским духовным недоставало. Поднялись знатные русские люди, из которых главным защитником православия явился на Волыни князь Константин Константинович Острожский: он собирал, издавал церковные книги, заводил училища и типографии, рассылал по городам русских ученых и проповедников. Другие, менее знатные и богатые люди, дворяне и городские жители защищали русское дело посредством братств. На Руси издавна велся обычай, что прихожане по случаю храмового праздника складывались и устраивали общий пир, варили общее пиво и угощались им вместе; такие общие сходки, пиры и назывались братчинами, или братствами, откуда и до сих пор говорится: "С ним пива не сварить", т. е. это такой человек, с которым нельзя иметь никакого общего дела, с другими не соглашается, не идет в братчину общее пиво варить. Братства на свои сборные деньги украшали церковь, помогали бедным. В Западной России, где русские люди были под властью чужого, иноверного правительства, где им нужно было думать о поддержании своей веры, братства стали очень важны: они начали превращаться в постоянные советы о делах церкви, о положении русских людей, о средствах, как помочь беде, когда поляки, возбужденные иезуитами, вооружились против православия. Братства написали правила для себя, одобренные восточными патриархами: братья должны были сходиться в определенное время и вносить назначенное число денег, выбирать старшин; наблюдать друг за другом, чтобы все вели себя хорошо, и объявлять братству, если кто сделает что-нибудь дурное; братья помогали друг другу в суде, ходили за больными братьями; член братства в нужде получал денежную помощь из казны братства. Братства основывали школы, больницы, заводили типографии.

Но в то время, когда вельможи и простые люди, соединенные в братствах, старались поддержать русскую церковь и русский народ, чтобы не дать ему окатоличиться и ополячиться, три архиерея, которым тяжело было сносить бедствия гонимой церкви, задумали устроить унию, подчиниться папе и чрез это стать наравне с католическими архиереями; то были митрополит Киевский Михаил Рагоза, епископ Луцкий Кирилл Терлецкий и епископ Владимирский на Вольни Ипатий Потей. Терлецкий и Потей отправились в Рим и там подчинились папе; но князь Острожский с другими православными объявил, что епископы поступили самовольно и должны быть низвержены. Чтобы решить дело, созван был собор в Бресте в 1596 году; но собор кончился тем, что русская церковь разделилась: одни последовали примеру названных архиереев и соединились с римскою церковью, удержавши богослужебный язык и обряды, почему и стали называться униатами, т. е. соединенными; но другие, и большая часть, объявили, что они унии не хотят, остаются при церкви восточной, православной, во всей ее чистоте. Через это православные русские попали в новую беду: кроме католиков им надобно было теперь бороться еще с униатами. Но православные не уступали, тем более что между ними стали распространяться науки. Католики писали против них книги и православные писали книги против католиков и униатов; братства действовали сильно; из школ особенно стала знаменита киевская братская школа.

Дворянство, горожане отбивались от католичества посредством братств, посредством школ; но иначе пытались отбиваться казаки, которые жили по окраине, или Украине, Западной России, как такие же казаки жили по окраине Восточной, Московской России, потому что как Восточная, так и Западная Россия граничила со степями, откуда надобно было ждать беспрестанно нападения татар. Мы видели, как половцы, а потом татары запустошили старую, днепровскую Русь, княжества Киевское, Черниговское, Переяславское, отняли у них всякую силу, отчего эти княжества и принуждены были подчиниться Литве, а с Литвою и Польше. Так как и потом в этой стране, которая называлась Малою Россиею, Малороссиею, нельзя было жить одним мирным земледельцам, потому что подле в степях были татары, то страна получила военное население, казаков. Казаки эти жили на своих землях, податей не платили, но при первой надобности являлись на войну; разделялись они на полки, которые назывались по городам, около которых они жили: полк Киевский, полк Переяславский, полк Полтавский и т. д. Каждый полк управлялся полковником, а все казацкое войско управлялось гетманом. Кроме этих казаков малороссийских жили еще в самой степи казаки запорожские, которые назывались так потому, что главное место их, или Сечь, лежало за днепровскими порогами; эти запорожцы составляли чистое войско, семейств, жен и детей при себе не имели и набирались из самых отчаянных

удальцов. Казаки скоро не поладили с поляками, которым было опасно, что у русских есть такое большое свое войско. Поляки начали стеснять казаков, ограничивать их число, не позволять им иметь своего гетмана; недовольные казаки начали подниматься против поляков, и восстания эти принимали иногда большие размеры, потому что с казаками поднимались и крестьяне, которым приходилось очень тяжело под польским владычеством; господа, или паны, имели право казнить смертью крестьян, живших на их землях, и когда отдавали эти земли жидам в аренду, то и жида-арендаторы получали также право казнить крестьян смертью; русским крестьянам было особенно тяжело, когда у них пан был поляк, католик; такой пан отдавал в своем селе русскую православную церковь за деньги жиду; жид забирал себе ключи церковные, и не иначе отпирал церковь как за деньги. Все казацкие восстания, впрочем, оканчивались неудачно, польское войско брало верх, и предводители, поднимавшие казаков, обыкновенно подвергались жестокому казням.

Но иначе пошло дело, когда в 1648 году поднял казаков сотник Богдан Хмельницкий. Жестоко оскорбленный поляками и не найдя себе управы, он убежал к запорожцам, куда бежали к нему толпы недовольных из Малороссии. Хмельницкий с этими недовольными и с татарами крымскими, с которыми заключил союз, пошел против поляков, несколько раз разбил их войско и поднял всю Украину, откуда поляки, ксендзы их, или священники, и жида принуждены были бежать, иначе были истребляемы. Но потом дела Хмельницкого и казаков пошли хуже: татары были плохие союзники; они пользовались войною между христианами для того только, чтобы грабить, а в решительные минуты, когда надобно было биться, покидали Хмельницкого, и поляки начали брать верх. Тогда Хмельницкий стал присылать в Москву упрашивать царя Алексея Михайловича, чтобы взял казаков и всю Малороссию под свою власть и защитил от поляков. Это дело было трудное для царя: так, без войны, поляки Малороссию не отдали бы, а вести войну было еще тяжело для России: и войско было неискusstное, и денег мало. Алексей Михайлович медлил, раздумывал, послал просить польского короля Яна Казимира, чтобы перестал гнать православную веру, уничтожил унию и принял Хмельницкого в подданство на выгодных для казаков условиях; но король не согласился. Тогда надобно было принять Хмельницкого в русское подданство, в противном случае он поддался бы турецкому султану, чтобы только не поддаваться опять полякам.

В самом начале 1654 года Богдан Хмельницкий собрал своих казаков на совет, или, как у них называлось, на раду, в Переяславль южный и начал говорить им: "Видно, нельзя нам жить больше без царя, так выбирайте из четырех — султана турецкого, хана крымского, короля польского и царя православного Великой России, которого уже шесть лет мы беспрестанно умоляем быть нашим царем. Султан турец-

кий — басурман: известно, какую беду терпят от него наши братья, православные; крымский хан тоже басурман: подружившись с ним, натерпелись мы беды; о притеснениях от польских панов нечего и говорить! А православный христианский царь восточный одного с нами благочестия: кроме его царской руки мы не найдем лучшего пристанища. Кто не захочет нас послушать, тот пусть идет, куда хочет, вольная дорога!” В ответ раздались голоса: ”Хотим под царя восточного! Лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганцу!” После этого гетман, войско и народ присягнули царю Алексею Михайловичу.

Весною того же 1654 года царь Алексей Михайлович сам повел войско к Смоленску и осенью взял этот город, а на следующий год взял Вильну, столицу литовскую, Ковно, Гродно. Но эти успехи были остановлены смутою в Малороссии. Богдан Хмельницкий умер в 1657 году, и выбранный на его место гетман Выговский изменил, передался полякам; изменник не долго продержался на своем месте; но и другие гетманы, бывшие после Выговского, тоже изменяли и тоже не долго оставались гетманами, потому что народ на восточной стороне Днепра не хотел слышать о поляках, хотел оставаться за русским государем; только на западной стороне Днепра часть казаков оставалась за Польшею, и у них был особый гетман. Смуты в Малороссии дали время полякам оправиться; к тому же крымские татары, боясь, чтобы Россия не взяла большой силы, помогали полякам. Война затянулась, а долгая война была невозможна для тогдашней России: людей и денег было мало; с торговых людей собирали особую подать на войну, а торговля была плохая; и купцам было не в силу платить. Поэтому в 1667 году заключено было с поляками перемирие в деревне Андрусове, недалеко от Смоленска: за Россиюю остался Смоленск, Северская страна и Малороссия по восточную сторону Днепра, а на западной только Киев.

В тот же самый год, когда кончилась война с поляками, царю Алексею Михайловичу дали знать, что на Дону собирается много казаков, хотят идти разбойничать на Волгу. Казаки эти были беглые господские люди и крестьяне. Начальники старых донских казаков, давно живших на Дону, неохотно смотрели на этих новых, пришлых казаков, которые назывались голутвенными людьми, т. е. голю, голяками; прибежавши ни с чем на Дон, они хотели поскорее понажить, ”добыть себе зипуны”, как они сами говорили, т. е. пограбить чужих, а если нельзя чужих, то и своих. Эти голутвенные нашли себе предводителя в донском казаке Степане Разине. Сначала он хотел было поживиться на счет турецкого города Азова, находившегося при устье Дона, но старые казаки не пустили его под Азов, потому что были в мире с азовцами; тогда Разин перекинулся на Волгу, с Волги на Яик, или Урал, из Яика выплыл в Каспийское море, грабил все суда, шедшие из Персии в Астрахань, приставал к персидским берегам,

опустошал села, города, разбил персидский флот. Летом 1669 года он приплыл с большою добычею в Астрахань и принес повинную государю. Алексей Михайлович простил его с условием, чтоб он отдал всех пленных, пушки, суда и спокойно возвратился на Дон.

Разин отправился из Астрахани на Дон и еще на дороге начал буйствовать; а когда пришел на Дон, то опять стали собираться к нему голутвенные; счастливые разбои на Каспийском море сделали имя его славным между ними; он прослыл колдуном, шла молва, что его ни ружье, ни сабля не берут и пушки по нем не стреляют. Разин стал предводителем особого большого войска и не хотел знать атамана донских казаков Корнила Яковлева, который был верен государю и не хотел пускать казаков на бунт. В 1670 году Разин со своею шайкою опять перекинулся с Дона на Волгу, захватил города Царицын, Камышин, Астрахань, оттуда поплыл вверх по Волге, взял Саратов, Самару; казаки его рассеялись по нынешним губерниям Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, всюду поднимали бунт, разглашая, что у Разина находится царевич Алексей Алексеевич, недавно перед тем умерший, лучших людей истребляли. Разин осадил Симбирск; но здесь был задержан целый месяц, а между тем подоспело царское войско; Разин вступил с ним в битву, но потерпел поражение и бежал на Дон⁵³. Неудача отняла у Разина всю силу; непобедимость страшного колдуна исчезла, теперь никто не шел к нему, никто не заступался за него; атаман Корнил Яковлев схватил Разина и отослал в Москву, где его казнили смертью⁵⁴.

Но в то самое время как одно царское войско укрощало бунт Разина на Волге, другое войско осаждало Соловецкий монастырь, где засели бунтовщики-раскольники⁵⁵. Не было человека благочестивее царя Алексея Михайловича, и каково же ему было, когда при нем открылась в России смута церковная, раскол. До половины XVI века книги священные и богослужебные были у нас рукописные; благочестивый человек или сам переписывал, или нанимал писца и оставлял переписанную книгу у себя или жертвовал в церковь. Переписчик ошибался, не разбирал, или, не разобравши, от себя придумывал слово, выражение; сам делал толкование — смотреть за этим, поправлять каждую рукопись было нельзя. Но вот в 1563 году царь Иоанн Васильевич Грозный заводит в Москве первую типографию; как же печатать книги? Великая польза от типографии была та, что церковное начальство могло теперь взять издание книг под свой надзор, смотреть, чтоб в них все было правильно; нужно было собрать рукописи, выбрать из них лучшую, самую правильную; но и в хорошей рукописи могут быть ошибки, перемены, надобно справиться с другими рукописями, как в них написано это слово, особенно, как оно написано в древнейших рукописях; если и тут недоразумение, если и древнейшие рукописи разнятся, надобно обратиться к подлиннику; так как наши книги переведены с греческого языка, то надобно справиться, какое слово в греческом подлиннике, и перевести его ближе, точнее. Но как было это

сделать у нас в XVI и XVII веках, когда не было училищ, не было ученых людей, которые бы и свой язык древний и новый знали хорошо, да и по-гречески бы хорошо знали? Стали исправлять, как умели: иные исправители, по невежеству, еще больше испортили; другим удалось поправить, выкинуть, например, лишнее; а невежды кричат: зачем это выкинуто, слово важное! Зачем такую ересь затевать, выкидывать слова из церковных книг! Так был обвинен в ереси и подвергся гонению знаменитый Дионисий, архимандрит Троице-Сергиева монастыря. А между тем греки, приезжавшие в Москву, говорили царю и патриарху, что в русском богослужении они замечают отступление от богослужения восточной церкви. Как тут быть? Своих ученых нет; надобно призвать из-за границы ученых, чтоб исправили как следует книги и уничтожили разницу в богослужении. Но эти заграничные ученые прежде всего, разумеется, должны быть православными. Такими могли быть греки и также малороссийские духовные: мы видели, что в Малороссии уже были училища, и потому между малороссийскими духовными были люди ученые. Царь Алексей Михайлович велел вызвать из Киева ученых монахов да греков и дал им исправлять книги. Этим обиделись прежние, московские исправители, которые до сих пор считались людьми знающими, искусными, а теперь на их место призвали из-за границы других исправителей, которые говорят, что прежние исправители делали дело не так, ошибались по невежеству. Чтобы защитить себя, поддержать свое достоинство, старые исправители начали толковать, что новым исправителям верить нельзя, греки живут под турецким игом, а малороссияне под польским, там у них уния⁵⁶. Слышались такие речи от людей, которые слыли знатоками дела, и вот между простыми людьми началось волнение: как это священные книги переменяют, пишут, печатают самое святое имя по-новому, Иисус вместо Иисус, велят креститься не так, тремя пальцами вместо двух! Раздались вопли: до чего мы дожили, последние времена пришли, веру православную переменяют, антихрист народился! По старым книгам святые отцы молились и спаслись; а теперь по этим старым книгам не велят молиться, раздают новые, значит, царь, патриарх и все духовенство, которое приняло новые книги, изменили древнему благочестию, православной вере, впали в ересь; не надобно их слушать, ходить в их церковь, сообщаться с ними! Многие простые люди действительно поверили, что старое благочестие, православие гибнет от исправленных книг, и решили, что надобно стоять за старые книги и за старый крест во что бы то ни стало. Раскольники засели в Соловецком монастыре и выдержали в нем долгую осаду; царское войско должно было брать его приступом.

Исправление книг, против которого возстали раскольники, было решено на соборе 1654 года. Собор этот созвал патриарх Никон; он же и привел в исполнение решение собора и строго поступал с людьми, которые возмущали народ, крича о погибели древнего благочестия от

исправления книг. Поэтому раскольники так и ненавидят Никона, приписывая ему все дело, тогда как он только исполнял решение собора. Сначала царь Алексей Михайлович очень любил и уважал Никона, который был человеком умным, деятельным, распорядительным, большим начетчиком в Святом писании и, по-тогдашнему, красноречивым. Царь, который был очень благочестивым, поступал во всем по совету патриарха. Никон, будучи от природы властолюбивым, воспользовался этим расположением к себе царя и приобрел себе большую власть и в светских делах, чем возбудил против себя вражду вельмож, которым тяжело было ему подчиняться, и тем более тяжело, что у Никона был раздражительный и жесткий характер, вовсе несогласный со званием патриарха; все имевшие дело с Никоном встречали в нем не кроткого пастыря церкви, не отца, а строгого господина, скорого на гнев, и гнев неумеренный. С течением времени и сам царь Алексей Михайлович увидал, что Никон заходит слишком далеко, и самому царю стал он тяжел, выходило, что в России два царя, и часто не знали, которого из них больше слушаться. Царь Алексей Михайлович, по своему мягкому характеру, никак не мог прямо объясниться с Никоном, твердо сказать ему, чтобы он переменял свое поведение, не забирал себе лишней власти. Алексей Михайлович, которому тяжело стало при Никоне, начал от него удаляться, избегать свидания. Никон, заметив это удаление царя, рассердился, и в Успенском соборе, после обедни, торжественно при всем народе объявил, что оставляет Москву, и уехал в Воскресенский монастырь, который сам отстраивал и назвал Новым Иерусалимом.

Это было в 1658 году, и после того семь лет церковь русская оставалась без патриарха. Никон не отказывался от патриаршества и не возвращался в Москву, а между тем своим поведением все больше и больше раздражал против себя царя и вельмож и, таким образом, делал примирение невозможным. Царь Алексей Михайлович, по благочестию своему, никак не хотел решить дело сам и вызвал в Москву двоих восточных патриархов, александрийского и антиохийского. Патриархи приехали в 1666 году и на соборе приговорили снять с Никона архиерейский сан и сослать в монастырь как простого монаха за самовольное оставление патриаршества, за самовольные, без собора, низвержения духовных лиц, проклятия, жестокие наказания, которым он подвергал подчиненных, и другие недостойные дела. Никона сослали в белозерскую Ферапонтову пустынь³⁷.

Все эти неприятности — долгая и тяжелая война с поляками, кончившаяся не так, как бы хотелось, волнения в Малороссии, бунт Разина, раскол, Никоново дело — расстроили здоровье царя Алексея Михайловича, и он умер на сорок седьмом году от рождения в 1676 году. После него остались от первой жены, Марьи Ильиничны Милославской, двое сыновей, Федор и Иван, да пять дочерей; от второй жены, Натальи Кирилловны Нарышкиной, — сын Петр, родившийся 30 мая 1672 года, и две дочери.

ЧТЕНИЕ

XI

О царе Федоре Алексеевиче и
о первых годах царствования Петра Алексеевича

Мы видели, что дети царя Алексея Михайловича были от разных матерей. Дети от первой жены, Милославской, не любили мачехи, Натальи Кирилловны, не любили всей ее родни, Нарышкиных. Но кроме Нарышкиных, отца и братьев царицы, близким к ней человеком был боярин Артамон Сергеевич Матвеев. Этот Матвеев, человек очень умный, по-тогдашнему ученый, начитанный, был любимцем царя Алексея Михайловича; Наталья Кирилловна Нарышкина, как бедная девушка, воспитывалась в доме Матвеева, и после женитьбы на ней царя сила Матвеева, как воспитателя, благодетеля молодой царицы, стала еще больше при дворе. Но когда умер царь Алексей Михайлович и взошел на престол царь Федор Алексеевич, то Матвееву нечего было ждать добра, его тотчас же сослали без суда, под самыми нелепыми предложениями. Царица Наталья с маленькими детьми должна была жить в удалении от двора.

Царь Федор Алексеевич был чрезвычайно болезненный молодой человек и процарствовал только шесть лет. Но и при нем были сделаны два важных дела. Как прежних царей, так и царя Федора Алексеевича очень беспокоило дурное состояние русского войска, которому особенно вредило местничество. В древней России была очень крепка связь между родственниками, даже самыми дальними. Старшие родственники наблюдали за поведением младших, имели право наказывать их за дурное поведение, хотя бы эти младшие были не молоды и давно на службе. Если наказания не помогали, то старшие родственники обращались к государю, что вот они употребили со своей стороны все средства для исправления младшего, но ничего с ним сделать нельзя, и потому, как государю угодно, только бы на них не гневался, потому что они все сделали, что могли: значит государь взыскивал на старших родственниках, если младшие вели себя дурно. Постигала кого-нибудь беда, например денежное взыскание, все родственники обязаны были складываться и платить за него, чтоб не положить укора на целый род. Возвышался на службе один из родственников, поднимался с ним вместе целый род; понижался один человек, понижался с ним вместе и целый род. Поэтому, когда при каждом новом походе собирали помещиков и делались назначения по службе, одного назначали на высшее место, другого на низшее, тот, кого назначали на низшее место, справлялся, бывали ли его предки или живые родственники на таких местах, не был ли кто из предков или родственников человека, назначенного на высшее место, ниже или наравне с кем-нибудь из его предков или родственников. Справлялся он в книгах, которые называ-

лись Разрядными и в которых были записаны все назначения на службу, кто какое место получал. Если по Разрядным книгам оказывалось, что такой случай бывал, то он подавал просьбу, что ему нельзя занимать назначенное место, потому что никто из его предков и родственников не был ниже предков и родственников того, кто теперь назначен на высшее место. Тут никакие приказания и наказания не помогали: человек не шел на службу, потому что боялся больше всего своим понижением понизить целый свой род, всех своих родственников, от которых ему житья бы тогда не было; после, при новых назначениях на службу, родственники того, кому уступлено было высшее место, стали бы говорить им: вы ниже нас; ваш родственник тогда-то занимал низшее место перед нашим родственником. Такой разбор родством и прежними назначениями на службу называли местничеством. Местничались воеводы по полкам, по городам, местничались царедворцы в придворных церемониях, например: приглашаются знатные люди к государю на обед; помолились, государь садится за стол, и вдруг кто-нибудь из приглашенных обращается к нему с просьбою, что ему нельзя сидеть ниже такого-то; другие говорят ему, что можно, государь сердится, — а тот стоит, не садится за стол; его начинают сажать насильно, не садится, спустится под стол, а не сядет. Женщины местничались за столом у царицы. Но понятно, что вреднее всего было местничество военной службе: неприятель на границах, нужно выступать скорее в поход, сделаны назначения, кому быть в каких полках воеводами, а тут со всех сторон просьбы: "Мне нельзя быть вместе с таким-то, мне нельзя быть вместе с таким-то". Нужно разбирать, справедливы ли просьбы, и когда окажется, что справедливы, то надобно все переменять, делать новые назначения; на способности нельзя было тут смотреть, лишь бы подобрать воевод так, чтоб выступили в поход без отговорок.

Разумеется, давно уже, как только начали сравнивать русское войско с иностранным и заметили превосходство последнего, увидели невыгоду местничества; но старый обычай, коренившийся на родстве, на родовой чести, нельзя было скоро вывести. Только в конце XVII века начали сильно думать, как бы разделаться с местничеством, от которого только одни беды. Царь Федор Алексеевич поручил заняться устройством войска князю Василию Васильевичу Голицыну с выборными людьми из военных чинов, и между ними было решено, что необходимо уничтожить местничество, чтобы всякий, от великого до малого чина, был беспрекословно на том месте, которое ему государь укажет. 12 января 1682 года государь созвал собор из знатного духовенства и светских вельмож и спросил, отменить ли местничество или оставить его по-прежнему. Патриарх Иоаким отвечал, что местничество есть источник всякого зла; светские вельможи объявили, что согласны с патриархом; тогда государь велел принести Разрядные книги

и сжечь их, а вместо Разрядных книг написать родословные, куда внести фамилии, смотря по их знатности.

Другим важным решением при царе Федоре Алексеевиче было решение устроить в Москве академию. Затруднения, которые встретились при исправлении церковных книг, раскол, который был начат духовными лицами, показывали ясно, какие беды могут происходить от необразованности духовенства. С другой стороны, светские люди все больше и больше понимали, как нужно образование. Царь Алексей Михайлович для воспитания детей своих вызвал из Белоруссии ученого монаха Симеона Полоцкого; вельможи стали также вызывать к своим детям учителей из Западной России; но эти учителя были подозрительны, настоящие ли они православные, не униаты ли, не лютеране ли, а притворяются только православными; и потом, как было узнать, хорошие ли они учителя. Все это заставило царя Федора Алексеевича основать академию, для которой помещение было отведено в Заиконоспасском монастыре⁵⁸. Государь написал к патриархам восточным, чтоб прислали в Москву учителей, искусных в латинском и греческом языках и в науках, особенно же твердых в православии. Начальник академии и учителя могли быть только русские или греки, и греки допускались только такие, у которых были от патриархов свидетельства в православии. Учиться в академии могли люди всех сословий, а держать домашних учителей было запрещено.

В апреле 1682 года скончался царь Федор Алексеевич бездетным. Следующий за ним брат, царевич Иоанн Алексеевич, был не только слаб здоровьем, но и умственно не способен к правлению; и потому патриарх Иоаким и вельможи провозгласили царем десятилетнего Петра Алексеевича, крепкого телом и показывавшего большие способности. Но каково же было теперь царевнам, которые имели при брате Федоре большую силу, особенно самая способная и живая из них, царевна Софья Алексеевна? Каково было их родственникам Милославским и приверженцам их? Они воспользовались своею силою, оскорбили мачеху, царицу Наталью Кирилловну, удалили ее от двора, сослали ее благодетеля Матвеева; а теперь сын мачехи провозглашен царем, за малолетством его мачеха будет правительницею; за Матвеевым уже послали возвратить его из ссылки в Москву. Царевнам, их родне и приверженцам нечего было ждать добра. Тогда царевна Софья стала придумывать, как бы изыграть беды, поправить свое дело, и придумала. Брат их от одной матери, царевич Иоанн, был обойден, несмотря на то что был старший: так надобно сделать, чтоб его возвести на престол, хотя бы вместе с Петром, которого уже свергнуть нельзя, потому что ему присягнула вся Россия; нужды нет, что царевич Иоанн болен и неспособен, вместо него будет управлять царевна Софья, а мачеху, царицу Наталью, нужно удалить от правления, также ее родных, Нарышкиных, а главное, умного Матвеева. К несчастью,

Софья и ее приверженцы могли исполнить свой план. В это самое время волновались стрельцы.

Стрельцами называлось постоянное войско, заведенное царем Иоанном Васильевичем Грозным; но стрельцы тем отличались от нынешнего обыкновенного постоянного войска, что жили с семействами в своих домах особыми слободами, и в мирное время, отслуживши назначенный срок, сходявши на караул, все свободное время занимались торговлею и другими промыслами. Пользуясь слабостью нового правительства при царе малолетнем, стрельцы позволяли себе волнения, своевольства. Они знали, что эти своевольства не останутся безнаказанными, как скоро правительство укрепится, как скоро придет из ссылки боярин Матвеев, который своим умом и опытностью будет помогать царице Наталье в правлении. И вот в то самое время, когда стрельцы боялись наказания за свое буйство, из дворца им дают знать, что они могут не только избежать наказания, но еще получить большие награды, потому что могут оказать царскому семейству важную услугу: бояре и родственники царицы Натальи, Нарышкины, незаконно удалили от престола старшего царевича Иоанна Алексеевича и сделали царем младшего, Петра; да мало того, что отняли у царевича Иоанна престол, умышляют отнять у него и жизнь, если стрельцы не вступятся и не истребят изменников-бояр, начиная с Матвеева и Нарышкиных. Когда стрельцы были таким образом приготовлены, 15 мая 1682 года люди, подсланные царвеною Софьею, проскакали по стрелецким полкам с вестью, что Нарышкины задушили царевича Иоанна. Стрельцы взволновались, ударили в набат, забили в барабаны и двинулись в Кремль, крича, что идут выводить изменников и губителей царского дома. Несмотря на то что им показали царевича Иоанна живого и невредимого, они умертвили зверским образом Матвеева, незадолго перед тем приехавшего в Москву, Нарышкиных и других указанных им бояр, и не прежде успокоились, как вытребовали, чтобы царевич Иоанн был царем вместе с Петром и чтоб, за молодостью братьев, правительницею была царевна Софья Алексеевна.

Софья, сестры ее и родные их, Милославские, достигли своей цели; но долго ли они будут пользоваться своим дурным делом? На время царица Наталья удалена от правления, живет одна в горе и слезах, лишенная отца, братьев, второго отца — Матвеева; но сын ее — царь, он растет; Софья и все ее приверженцы со страхом смотрели на молодого Петра, следили внимательно, как он ведет себя, что делает. Что же он делает, как воспитывается? У старших братьев его был учитель, монах Симеон Полоцкий, который учил их иностранным языкам и разным наукам; но Петр остался после отца менее четырех лет, и ни при царе Федоре Алексеевиче, ни в правление царевны Софьи о воспитании Петра не заботились, хорошего, ученого наставника ему не прискивали, а у царицы Натальи, в ее печальном положении, не было для этого никаких средств. Петра выучили читать

и писать по-русски и этим покончили. А между тем ребенок был одарен способностями необыкновенными и необыкновенною страстью к познаниям; ни один предмет не ускользал от его внимания, он хотел непременно узнать, и узнать точно и подробно, что это, для чего употребляется, как сделано; но и этого мало, хотел непременно сам сделать. И подле такого-то ребенка нет ни одного человека, ни одного наставника, который бы мог его занять, удовлетворить его любопытство, рассказать, объяснить. Кроме силы духовной, силы разума, ребенок был необыкновенно крепок и силен телом, не мог выносить покоя, бездействия, ему непременно нужно было что-нибудь да делать, и делал он все с необыкновенною быстротою. И в летах зрелых он ходил так скоро, что другим казалось, будто он не ходит, а постоянно бегает, так что все другие с трудом могли поспевать за ним. Такой живой, огненный ребенок не мог сидеть дома; ему нужны были игры, в которых было бы много шума и движения, в которых бы участвовало много народу и которые требовали ловкости и смысла. Поэтому Петр любил играть в военные игры, окружил себя бойкими, ловкими и смелыми людьми, из придворных конюхов составил себе потешное войско, из которого потом вышло настоящее, образцовое войско, первые гвардейские полки. Эти полки своими именами, Преображенский, Семеновский, указывают на те московские места, бывшие тогда подгородными селами, где Петр жил и любил играть со своими потешными в военные игры.

Но одни игры не могли удовлетворять Петра; ему хотелось учиться. Жадно прислушивался он к речам человека, который рассказывал о каком-нибудь любопытном предмете. Однажды он услышал об инструменте, который называется астролябией и употребляется при снятии планов, и захотел непременно иметь этот инструмент. Астролябию купили за границей и привезли ему: но что он с нею будет делать? Не умеет, как взяться, а спросить не у кого, никто из русских не знает. Не знает ли кто из иностранцев? Самый близкий человек из иностранцев, которого прежде всего русские цари стали выписывать к себе из-за границы, это лекарь, дохтур, как тогда говорили. Не знает ли дохтур, как употреблять астролябию. Дохтур говорит, что сам не знает, а сыщет человека знающего, и приводит голландца Тиммермана. Тиммерман показывает, как употреблять астролябию; четырнадцатилетний Петр выпытывает у него, не знает ли он что-нибудь еще, нельзя ли у него поучиться. Оказывается, что можно выучиться у голландца геометрии и фортификации, и Петр начинает учиться этим наукам: Тиммерман при нем беспрестанно. Петр водит его всюду с собою. В селе Измайлове, в сарае, где лежали старые вещи, Петр находит большую лодку особой постройки; сейчас с запросом к Тиммерману, что это за судно? Тиммерман отвечал, что это английский бог. "Чем лучше наших судов?" — спрашивает опять Петр. "Ходит на парусах по ветру и против ветра", — отвечает Тиммерман. Против ветра! быть

не может! Надобно посмотреть: нет ли человека, который бы починил бог и показал его ход? Тиммерман этого сделать не умеет; но он приводит своего земляка, голландца Бранта. Бог спущен на Язу; Петр в изумлении и восторге. Но река узка; бог перетаскивают в Измайловский пруд; но и тут тесно. Петр начал проведывать, где побольше воды: ему отвечали, что ближе нет Переяславского озера, в 120 верстах от Москвы⁵⁹. Петр отправляется в Переяславль и на его озере заводит новую потеху; едут туда голландские мастера: начинается постройка судов, сам Петр — первый работник.

В таких занятиях Петр достиг семнадцати лет. Правительница царевна Софья и близкие к ней люди начали сильно призадумываться и толковать, как быть. Царь Петр вырос, он здоров, силен телом и умом, не знает усталости в работе; пока он занимался потехами военными, строением судов, но не нынче-завтра потехи прекратятся, и Петр спросит сестру, по какому праву она правительствует, и отнимет у нее власть незаконную. Особенно пугало Софью и ее приверженцев то, что у Петра было свое войско, эти потешные, все народ храбрый и ловкий, готовый за Петра в огонь и воду. Против этих потешных Софья видела для себя одну защиту — в стрельцах; она ласкала стрельцов, пугала, что потешные замышляют недоброе против них и против царского дома. 7 августа 1689 года распущен был слух, что ночью придут потешные из села Преображенского, где жил Петр, и побьют царя Ивана Алексеевича и всех его сестер; на этом основании собирают в Кремль стрельцов с заряженными ружьями. Это возбуждает подозрение, что Софья хочет поднять опять стрелецкий бунт против Петра, тем более что главные приверженцы ее и прежде проговаривались, что надобно истребить царицу Наталью и сына ее. Восемь верных стрельцов, не ожидая ничего доброго от этого ночного сбора товарищей своих в Кремль, решились предупредить Петра, и двое из них поскакали в Преображенское. Петр уже спал, когда приехали стрельцы и другие люди из Москвы с известием, что множество стрельцов в Кремле и хотят идти бунтом в Преображенское. Петра разбудили и рассказали ему, в чем дело. Тогда он, не медля ни минуты, поскакал в Троице-Сергиев монастырь, а вслед за ним отправились туда же его родные, вельможи, потешные и стрелецкий Сухарев полк. Через несколько дней Петр прислал в Москву схватить соумышленников Софьи, из которых главным был начальник стрельцов, Шакловитый. Софья начала уговаривать стрельцов и народ заступиться за нее и за близких к ней людей, не выдавать их Петру; но стрельцы и народ не двинулись в пользу Софьи, и наконец сами стрельцы заставили выдать Шакловитого, который был казнен у Троицы вместе с соумышленниками своими; чего Софья больше всего боялась, то исполнилось: она перестала быть правительницею и должна была заключиться в Новодевичьем монастыре. Царь Иоанн Алексеевич скоро после того умер.

Семнадцатилетний Петр продолжал свои прежние занятия. Переяславское озеро стало для него тесно; он съездил на Кубенское озеро (в нынешней Вологодской губернии), но нашел его мелким и отправился в Архангельск, поплавал по Белому морю, налюбовался на иностранные корабли и заложил свой, русский. Мы видели, как он нашел себе учителя между иностранцами, как между ними же нашел и корабельных мастеров. Иностранцев, как мы знаем, стали вызывать в Москву еще с Иоанна III; но особенно много их стало в ней жить с царствования Михаила Федоровича, потому что неудачные войны с поляками и шведами показали, как неискусно было русское войско, и потому стали нанимать иностранное войско, которое и жило подле Москвы в особой слободе — Немецкой; тут же жили и ремесленники-иностранцы. Петр, ища людей, от которых можно было что-нибудь узнать, познакомился с этими иностранцами, стал к ним часто ездить в Немецкую слободу; все это были люди из разных стран Европы, люди бывалые, много странствовавшие, много выдавшие на своем веку, много испытывавшие разных приключений; много любопытного могли они рассказать молодому Петру о том, как что делается в чужих странах, в Западной Европе, какие там чудеса наделаны наукою, искусством. Понятно, как весело было Петру слушать эти рассказы, из которых он узнавал так много нового. Особенно понравился ему между жителями Немецкой слободы один офицер, Лефорт, родом швейцарец из Женевы, человек очень умный, живой, веселый, душа общества. Скоро Лефорт сделался неразлучным спутником, другом Петра.

Но время учения и время потех на сухом пути и на воде, под Москвою и в Архангельске, проходило. Наступило время заняться настоящим делом. В то время, когда Петру было еще только 14 лет и государством управляла царица Софья, начата была война с Турцией в союзе с Польшей, Австрией и Венецией. В правление Софьи русское войско два раза ходило на Крым, и оба раза неудачно⁶⁰, потому что надобно было идти безводными степями, притом же татары выжигали степь, лошади падали от усталости и бескормицы, люди ослабевали от зноя и копоты, поднимавшейся вследствие травяного пожара, и после этих неудачных походов долго не было никаких значительных действий с русской стороны против турок. В 1695 году Петр сам пошел в поход под турецкую крепость Азов, находившуюся при устье реки Дона. Царь плыл из Москвы реками Москвою, Окою и Волгою до Царицына, отсюда сухим путем до Дона и Доном вниз к Азову. После Петр считал свою военную службу с этого похода под Азов, потому что при осаде города он отправлял должность бомбардира, сам чинил гранаты и бомбы, сам стрелял. Но Азов не был взят по недостатку флота и опытных мастеров. Петр возвратился в Москву, но неудачи, которые приводят в отчаяние людей слабых, только возбуждают к бóльшей деятельности людей сильных духом, людей великих.

Всю зиму в Москве, в Воронеже строят суда, и к весне 1696 года они готовы; Петр опять плывет под Азов и берет его.

”По приказу Божию к праотцу Адаму, мы в поте лица едим хлеб свой”, — писал Петр из Воронежа во время приготовлений ко второму Азовскому походу, и писал правду: никто больше его не трудился. После неудачи Петр не отчаивался, но увеличивал труд для того, чтоб как можно скорее поправиться; после удачи не отдыхал, не складывал рук, но также усиленно работал, чтоб воспользоваться плодами успеха. ”Надобно трудиться и все заранее изготавлять, потому что пропущение благоприятного времени смерти невозвратной подобно”, — говорил он. Так и после взятия Азова у него идут совещания с боярами. ”Нельзя, — говорит он, — довольствоваться тем, что Азов взят; надобно его укрепить, устроить; надобно теперь воевать морем, и для этого нужен флот. Прошу порадеть от всего сердца для защиты единовѣрных и для своей бессмертной памяти. Время благоприятное, счастье между нас бежит, никогда оно так близко к нам не бывало: блажен, кто схватит его за волосы”. Государство бедное, в казне денег очень мало; надобно, чтоб все богатые люди подняли необходимую тягость построения флота. Патриарх, архиереи, монастыри и все светские землевладельцы ставят по кораблю с известного числа крестьянских дворов; купцы должны поставить 12 кораблей. Кроме русских плотников строители должны содержать на свой счет мастеров и плотников иностранных, кузнецов, лекарей и других необходимых людей.

Чем больше нового, необходимого дела, тем больше нужды в иностранцах, которых надобно вызывать толпами. Долго ли же так будет? Долго ли смотреть из рук у иностранцев? Русские люди способны, понятливы, могут всему выучиться. Так надобно, чтоб они поскорее выучились и как можно лучше выучились. Но для этого прежде всего нужны самые лучшие учителя, а где их взять? Иностранные государства их не дадут, им самим они нужны. Надобно, следовательно, послать русских людей учиться за границу, и 50 человек отправлены царем в Венецию, Англию, Голландию. Но как они там будут учиться, у кого? Как потом узнать, хорошо ли они выучились, всем ли воспользовались и к чему особенно способны. Надобно, чтоб кто-нибудь из русских прежде их выучился за границею, все узнал; но кто же будет этот первый русский ученик? Кто с малолетства строил суда на Переяславском озере? Кто проходил службу с нижних чинов, кто во флоте был шкипером, а в сухопутном войске бомбардиром? Кто не знал устали? Кто подписывался в письмах к матери: ”Сын твой, в работе пребывающий”? Кто писал из Воронежа, что по заповеди Божьей в поте лица ест хлеб свой? Тот будет и первым русским учеником за границею — все тот же царь Петр.

В 1697 году по Европе разносятся странные вѣсти: при разных дворах является русское посольство, при котором находится удивительный молодой человек: зовут его Петр Михайлов; он часто ездит

отдельно от посольства, останавливается в разных местах, учится, работает, особенно занимается морским делом; но ничто не ускользает от его внимания; страсть к знанию, понятливость, способности необыкновенные. Остановился он в голландском местечке Сардаме и занимается корабельным плотничеством; но ему не долго дали поработать вволю: разнсслась по Сардаму весть, что молодой московский плотник сам царь Петр Алексеевич, и толпы любопытных начали окружать его. Из Сардама Петр перешел на амстердамские верфи. И тут он занимался не одним корабельным плотничеством; его видели повсюду: в госпиталях, воспитательных домах, на фабриках и в мастерских, все ему нужно видеть, обо всем узнать, как делается, и самому поработать; слушал профессорские лекции, которые иногда читались для него на яхте, во время дороги, потому что он дорожил каждою минутою. Из Амстердама Петр писал в Москву к патриарху: "Мы в городе Амстердаме трудимся для приобретения искусства в морском деле, чтоб победить врагов Иисуса Христа, турок и освободить христиан, живущих под их игом, чего до последнего издыхания желать не перестану".

В начале 1698 года Петр уже в Англии, оканчивает здесь кораблестроительную науку. Проведя три месяца в Англии, он опять на твердой земле и направляет путь в Вену, откуда собрался было в Венецию, в южное морское государство; но вместо Венеции должен был поскорее возвратиться в Россию: пришла весть, что бунтуют стрельцы.

ЧТЕНИЕ XII

О делах царя Петра Алексеевича
от возвращения его из-за границы до Полтавской битвы

Мы видели, при каких тяжелых обстоятельствах прожил русский народ восемь с половиною веков. Жил он на большом пространстве, но людей по пространству земли было мало. Жил он на краю Европы, подле Азии, подле степей, откуда выходили грубые, кочевые народы, умевшие только грабить да опустошать, и видели мы, как терпел от них русский народ, как постоянно должен был от них отбиваться; когда народ занят всегда таким тяжелым делом, только и думает об одном, как бы отбиться от врага, то где ж ему заниматься науками, промышленностью, торговлею, всем тем, что прежде всего требует спокойствия, безопасности. Когда русский народ, собравшись около Москвы, немножко вздохнул от татар, стал их одолевать, сейчас же обратился к Западу, где народы, находясь в более счастливом положении, опередили его в науках, искусствах, силе и богатстве. Захотели и русские люди приобрести эти науки и искусства, силу и богатства, захотели сблизиться для этого

с образованными народами, овладеть старыми своими приморскими прибалтийскими областями; а тут Польша и Швеция загородили дорогу, оттолкнули от моря; потом пошла смута, от которой надобно было долго отдыхать; а между тем русские люди все яснее и яснее видели, что необходимо приобрести науку, необходимо бедному государству поразбогатеть, усилиться; стыдно было, что на наш народ не обращают никакого внимания, считают его паравне с азиатскими варварскими народами. В это-то время Бог послал русскому народу великого царя, Петра. Как начал себя помнить, Петр слышал от добрых и умных людей, в каком печальном положении находилась Россия, как она была бедна и слаба в сравнении с другими государствами, не было у нее ни войска настоящего, ни флота, ни торговли, ни промыслов; русский человек не умел ни за что приняться как следует, потому что не было в России науки, училищ. Петр, чуя в себе великую силу, решил помочь беде, дать как можно скорее своему народу то, чего ему недоставало. Просветить русский народ наукою, дать ему средства пользоваться тем, чем Бог наделил его землю, обогатить народ промыслом, торговлею, для распространения которой овладеть морем, улучшить дороги, завести войско и флот — вот что решился сделать Петр. Но легко ли было это сделать? Петр обрек себя на труд постоянный, неутомимый: того же самого он требовал и от всего народа, погребовал, чтоб все на время отказались от покойной и удобной жизни, подняли великую тягость, чтоб вывести родную страну на новую дорогу, сделать русское имя честным и славным на земле. Петр отличался необыкновенною способностью выбирать людей: как взглянет пристально в лицо человеку, даже ребенку, тотчас угадает, что из него будет прок; таким образом, он окружил себя добрыми помощниками, набирая их отовсюду, из вельмож и самых простых людей; как только увидит способного человека, немедленно воспользуется его способностями и поднимет его высоко. Но если он умел награждать, возвышать труд, дарование, то не мог терпеть людей ленивых, тунеядцев, которые хотели жить на чужой счет, сами ничего не делая, не хотели помогать другим в трудной работе, к которой призывал Петр всех.

Стрельцы не только не хотели помогать Петру в этой трудной работе, но прямо пошли против военного преобразования, потому что оно было им невыгодно, лишало их спокойной, привольной жизни и осуждало на тяжелую жизнь солдатскую. Им очень не понравилось, когда они должны были расстаться со своими домами и лавочками в Москве и идти в Азовский поход, а оттуда идти к литовской границе по случаю волнений в Польше. Стрельцы сильно роптали на службу. "Какая наша служба, — говорили они, — скитается третий год!" Некоторые из них убежали в Москву и, возвращаясь оттуда, показали товарищам письмо царевны Софьи из Новодевичьего монастыря. "Теперь вам худо, — писала Софья стрельцам, — а после будет еще хуже,

ступайте к Москве; про государя ничего не слышно”. Стрельцы взбунтовались и пошли к Москве, но были поражены царским войском у Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим). Это было в июне месяце 1698 года, а в августе возвратился Петр в Москву. Бунтовавшие стрельцы были переказнены. Открылась вина царевны Софьи и другой сестры ее, царевны Марфы Алексеевны: обе были пострижены в монахини. Стрелецкое войско было мало-помалу уничтожено, и все русское войско явилось в том виде, в каком находится и теперь: вместо того чтоб всякий раз при начале войны собирать помещиков, которые приводили своих людей, начали делать рекрутские наборы, рекрутов учили, приготавливали к войне⁶¹, помещики также должны были постоянно служить, начиная с солдата, и получали высшие чины в войске по заслугам своим, искусству и храбрости. Войско принимало другой вид, европейский, тогда как прежде мало разнилось от татарского войска; и все служащие русские люди должны были принять другой вид, отказать от длинных бород и одеться в европейское короткое платье, удобное для движения и работы, вместо прежнего широкого азиатского. Еще царь Федор Алексеевич издал указ, чтоб все служащие переменили прежнее длинное платье на короткое; а теперь Петр решительно велит переменить прежний азиатский покрой платья на европейский и не носить бород. В 1699 году Петр учредил первый русский орден — апостола Андрея Первозванного, потому что апостол Андрей проповедовал христианство в тех странах, где теперь Россия. Первым кавалером андреевским был ближний боярин Федор Алексеевич Головин, который заведовал иностранными делами. Царь очень уважал и любил Головина, как человека умного, искусного, поставил его на первое место между вельможами; но больше всех любил он Александра Даниловича Меншикова, человека низкого происхождения, но с необыкновенными способностями. 1700 год, по приказанию Петра, начался с 1 января, тогда как прежде новый год начинался с 1 сентября; Петр велел также вести летосчисление, как велось оно во всей христианской Европе, с Рождества Христова, тогда как до сих пор в России велось оно от сотворения мира. Этот 1700 год был знаменит тем, что в нем началась шведская война, или, как ее обыкновенно называют, великая Северная война. Шведы были тогда самый сильный народ в Северо-Восточной Европе, из-за которого России было не видать. Пользуясь смутным временем, шведы захватили ближайшие к Балтийскому морю русские города, у Польши отняли Ливонию, Данию также обобрали. Все эти государства, обиженные, обобранные шведами, искали случая, как бы соединиться и возвратиться от Швеции то, что она у них отняла. Поляки выбрали тогда себе в короли саксонского князя (курфюрста) Августа II. Когда Петр возвращался из-за границы в Россию, то он видела с Августом, и тот предложил ему воевать со шведами втроем, т. е. вместе с Данией. Петр согласился, тем более что самое пламенное его желание, как и желание

его предшественников, было получить хотя бы одну гавань на Балтийском море. Но Петр объявил, что не начнет новой войны прежде окончания старой, турецкой. Турки, потерпевшие большие потери во время войны, соглашались на мир; Петр отправил своего посланника в Константинополь на русском военном корабле, что удивило и напугало турок: в первый раз русский корабль переплыл Черное море и явился перед Константинополем⁶². Но удивились, испугались не одни турки. До сих пор, боясь турецкой силы, европейские государства уговаривали русских царей к войне с турками, представляли, что Россия должна освободить своих единоверцев, греков и славян, от магометанского ига; а теперь, когда Турция ослабела, а Россия завела флот, то европейские государства заговорили другое, что Россия сильнее Турции, и потому надобно поддерживать Турцию против России, не допускать русских разрушать турецкую империю, а что нужно освободить христиан от магометанского ига, об этом забыли. Русский посланник писал Петру: "От послов христианских держав помощи мне никакой нет; и больше хотят всякого добра туркам, чем тебе, великому государю; завидуют, ненавидят то, что у тебя завелось корабельное строение и морское плавание". Несмотря, однако, на это, турки не могли больше продолжать войны и заключили мир, уступили России Азов и другие городки подле Азовского моря; также было выговорено, что Россия не будет больше отсылать подарков крымскому хану, потому что до тех пор задаривали татар, чтоб они не нападали на русские границы⁶³. Таким образом, только теперь Русское государство перестало откупаться от степных разбойников.

Тотчас по заключении мира с турками началась война со шведами в союзе с польским и датским королями. Петр в этой войне вовсе не искал ни военной славы, ни распространения своих владений. Он считал эту войну необходимою, во-первых, для того, чтоб добиться Балтийского моря, от которого оттолкнули русских немцы, поляки и шведы, и потом он видел в этой европейской войне хорошую школу для русского войска. Он знал, что новособранное русское войско, как бы его ни учили во время мира, не померившись с другим европейским искусным войском, не получит искусства военного, не выйдут из него свои хорошие офицеры и генералы, все будет нужда в иностранцах. Петр заранее знал, что школа будет тяжелая, что сначала будут неудачи, что русскому неопытному войску с первого раза не осилить шведского войска, знаменитого тогда своим искусством и давно привыкшего к победам. Петр знал, что постоянная удача балует, портит человека и самый народ, а неудача учит и укрепляет силы. Начало войны было неудачно: молодой шведский король Карл XII не испугался тройного союза против себя, начал действовать с необыкновенною силою и быстротою; сначала напал на Данию и принудил ее к миру; потом переправился на восточный берег Балтийского моря. Русское войско в это время осаждало Нарву; Карл XII внезапно напал на него

и страшно поразил; русские потеряли много людей, все пушки. Но у них оставался царь Петр, которого никакая беда сломить не могла. Петр не потерял духа и сейчас же воспользовался тем, что Карл XII пошел в Польшу против тамошнего короля Августа II. Как после первого неудачного Азовского похода, так и теперь закипела изумительная деятельность. Через год уже были готовы новые пушки взамен тех, которые потеряли под Нарвою. В этом деле много помогал Петру старик Виниус, из давно поселившихся в Москве, обрусевших иностранцев. Виниус замечателен тем, что указал на богатство Сибири относительно руд. "Такое множество нашел я здесь руд, — писал он царю из Сибири, — что, думаю, до конца мира не выкопать; особенно болит сердце, что иностранцы, продавши высокою ценою шведское железо и побрав русские деньги, за границу поехали, а наше сибирское железо гораздо лучше шведского". Петр очень любил таких людей, у которых болело сердце, что русские о своем не знают и покупают чужое дорогою ценою. Лили пушки; но прежде всего надобно было приготовить людей, искусных на войне; набрано было в школы 250 мальчиков, из которых должны были выйти инженеры, артиллеристы и всякие мастера.

В то время, когда спешили отливать пушки и заводить необходимых школы, русское войско под начальством Бориса Петровича Шереметева вступило в Лифляндию и уже стало с успехом проходить свою школу. В конце 1701 года Шереметев разбил шведского генерала Шлиппенбаха при селении Эрестфер. Эта победа сильно обрадовала, потому что была первой после нарвского поражения; Шереметев был сделан фельдмаршалом. Летом следующего года он одержал над тем же Шлиппенбахом другую победу при мызе Гуммельсофе. Петр смотрел на ливонские походы как на школу для своих войск и как на средство ослабить неприятеля; утверждаться в Ливонии сначала он еще не думал; он хотел прежде всего утвердиться у Финского залива, где море всего ближе подходит к русским землям, где впала в море широкая река Нева, где Александр Невский победил шведов, но потом шведы отняли всю эту страну, овладели и русскою крепостью Орешком, которая находится при истоке Невы из Ладожского озера, так что вся Нева, вся прямая, кратчайшая дорога из русской земли в море, была в их руках. Петр сам взял этот Орешек жестоким приступом и писал к Виниусу: "Жесток был этот орех: однако, слава Богу, счастливо разгрызен"⁶⁴. Взятый город был назван Ключом-городом (Шлиссельбург). Легко было догадаться, что хотел Петр отпереть этим ключом. В апреле 1703 года он добрался до устья Невы. 5 мая появились здесь два шведских корабля: Петр, посадив своих преобразенцев и семеновцев на 30 лодок, окружил шведские корабли и взял их: это был первый успех на море. До моря дошли; но надобно было укрепиться на нем, и 16 мая 1703 года на одном из островов невского устья срубили деревянную крепость: то был Петербург. Добыли новый

морской берег, надобно было строить новый флот, и в Лодейном поле начали строить морские суда; в глубокую осень, когда по Неве уже плавают лед, Петр около Котлина острова меряет глубину: здесь будут укрепления, здесь будет Кронштадт, оборона Петербургу, куда уже пришел первый иностранный купеческий корабль. Но Петр не покидает и старого, Азовского флота; из Петербурга спешит в Воронеж, смотреть, как там идет дело, как там строятся корабли. Весною 1704 года Петр уже опять на западе: здесь берет Дерпт, старый русский Юрьев, и пишет своим: "Сей славный отечественный град паки получен". Еще радостнее писал Петр о взятии крепкой Нарвы: "Где четыре года тому назад Господь оскорбил, тут ныне весельми победителями учинил, ибо сию преславную крепость шпагою в три четверти часа получили".

Так Петр умел воспользоваться уходом Карла XII с главными силами в Польшу. Чтоб легче справиться потом с Россиею, не оставить у себя позади врага в польском короле, Карл хотел непременно свергнуть Августа II с престола и возвести на его место такого короля, который был бы его союзником в войне против России. Действительно, Карл заставил поляков объявить Августа лишенным польской короны и возвести на его место одного из польских вельмож, Станислава Лещинского. Петр не оставил Августа: с помощью русского войска Август отнял опять у шведов Варшаву; русские войска заняли Курляндию и Литву; Меншиков шел дальше и одержал над шведами победу при Калише, какой еще не было до сих пор⁶⁵. Но когда Карл вступил в наследственную землю Августа, в Саксонию, тот, чтоб спасти ее от разорения, помирился со шведским королем и отказался от польской короны. Таким образом, Петр остался один, без союзников, и должен был взять на себя всю тягость войны, должен был принять врага на своей земле. И эта страшная тягость, тягость войны со шведским королем, знаменитым своею храбростью и искусством, — и эта тягость была не одна; к войне внешней присоединилась внутренняя: в тот самый 1708 год, когда Карл XII был уже в русских границах, поднялся башкирский бунт и заволновались донские казаки.

Татары, башкирцы и другие инородцы, входившие в состав прежнего Казанского царства, вместе с Казанью подчинились России, но неохотно, и начинали волноваться при первом удобном случае; особенно были опасны те из них, которые были магометанами, потому что у них были сношения с Крымом и Турцией по единоверию; между ними являлись такие люди, которые внушали им, что магометанам не годится быть под властью христианского царя и что верховный повелитель магометан — это султан турецкий, он освободит всех их из-под христианского подданства. Так и теперь явился башкирец, который выдавал себя за святого, ездил в Крым и Константинополь и успел взбунтовать башкирцев и татар; 300 сел и деревень и с лишком 12 тысяч людей погибли от этого бунта. Но дикари умели только жечь

деревни и бить беззащитных и не могли стоять против даже маленьких отрядов русского войска. Башкирский бунт был потушен⁶⁶, но труднее было тушить бунт на Дону. Мы знаем, что и прежде сюда собирались люди, которые бежали от труда, которым хотелось пожить по своей воле и пожить на чужой счет; мы видели, когда при царе Алексее Михайловиче этих голутвенных людей набралось много на Дону, какой бунт они подняли под предводительством Стеньки Разина. Теперь они начали также там собираться, но Петр не хотел этого терпеть; он сам работал без устали и хотел, чтоб и все другие работали, не терпел тунеядства; особенно сердило его то, что работники, нанятые на казенные работы, заберут вперед деньги, да и убегут в казачьи городки. Царь требовал выдачи беглых, но указы его не исполнялись; тогда он в 1707 году для сыску беглых послал отряд войска; но казаки нечаянно ночью напали на этот отряд и истребили его. Предводителем казаков в этом деле оказался бахмутский атаман Кондратий Булавин, который разослал призывные грамоты: "Приезжайте все, кто хочет с атаманом Булавиным погулять, сладко попить да поесть, все дорожные охотники, воры и разбойники!" В то время как Петр призывал русских людей к честному труду, чтоб овладеть наукою, искусством, возвысить родную страну, Булавин призывал тех, которые хотели погулять, попить и поесть на чужой счет, воров и разбойников! Охотники погулять нашлись; около Булавина, как около Разина, собралось большое войско; он пошел в главный город донских казаков, Черкасск, истребил донского атамана и старших казаков, сам стал атаманом, пошел было на Азов, но потерпел неудачу и возвратился в Черкасск; эта неудача и приближение царского войска ободрили противных ему казаков; они собрались и осадили Булавина в его доме; Булавин, видя, что отбиться нельзя, застрелился. Но с товарищами его царское войско должно было долго управляться, и в то самое время, когда надобно было управляться и со шведами, и с другою изменою⁶⁷.

Гетманом малороссийским был в это время Иван Мазепа, которого царь Петр очень любил и которому вполне доверял; Мазепа был старик умный, ловкий, начитанный, приятный говорун, умел выставиться человеком преданным, а сам думал только о своих выгодах. Карл XII сначала вошел из Польши в Белоруссию, чтоб оттуда идти к Москве; но когда ему насаказали, что в Малороссии много недовольных царем, то ему захотелось прежде войти сюда, поднять недовольных, снестись, по близости, с турками, заключить с ними союз и тогда уже идти на Москву и здесь заставить Петра мириться. Но Петр не думал пропускать Карла к Москве: узнав, что шведский король повернул в Малороссию, а с севера спешит к нему генерал Левенгаупт со свежим войском и большими боевыми запасами, Петр пошел наперерез Левенгаупту, 28 сентября 1708 года нагнал его у деревни Лесной (недалеко от города Пропойска), разбил шведов, истребил у них 10 тысяч человек, взял все пушки, все запасы. Карл XII много потерял,

допустивши Петра разбить Левенгаупта, и ничего не выиграл, вступивши в Малороссию. Мазепа, узнавши о приближении Карла XII с одной стороны, а Петра — с другой, растерялся, не знал, что делать. Честному человеку и верному русскому подданному легко было найтись в таких обстоятельствах: соединиться с царским войском и биться со шведами. Но Мазепа стал раздумывать, кто сильнее, Петр или Карл, и нашел, что Карл сильнее, а если Карл победит, то что станет с ним, Мазепой? Пропадет. И вот Мазепа с небольшим отрядом переходит на сторону Карла⁶⁸. Он думал, что вся Малороссия последует его примеру; но только одни запорожцы взбунтовались, а все другие малороссиане остались верны царю Петру и выбрали себе на место Мазепы другого гетмана — Скоропадского.

Запорожцы не помогли Карлу XII; весной 1709 года Сечь их была взята и разорена царским войском. Турки также не заключили союза с Карлом: они положили ждать, чем кончится дело у шведов с русскими. Дело кончилось 27 июня 1709 года битвою при Полтаве, где Петр решился дать битву шведам, чтоб освободить Полтаву от осады; в четыре часа утра начался бой, и в одиннадцать шведы потерпели совершенное поражение; Карл XII едва спасся бегством в Турцию с Мазепой и маленьким отрядом шведов, все же остальное его войско или было истреблено, или взято в плен. Полтавская победа называлась при Петре "превеликою, преславною викториєю, русским воскресеньем"; 27 июня установлено праздновать навсегда, и справедливо, потому что с этих пор произошла в мире великая перемена в пользу России: Швеция, которая до того времени была главным государством северо-восточной Европы, после Полтавской битвы должна была уступить свое место России; до сих пор России в Европе не знали и знать не хотели, считали ее государством азиатским, наравне с Японией, Персией; но после Полтавской битвы ее узнали, стали обращаться к ней с уважением; ни одно важное дело в Европе без нее решиться не могло.

В начале царствования Петра по Европе ходили слухи, что в России происходят какие-то перемены, сам царь ездит по чужим землям, посылает своих подданных учиться за границу; сначала этим были удивлены и даже некоторые встревожены; но когда Карл XII разбил русское войско под Нарвою, то в Европе стали смеяться над Петром и его преобразованиями, над его флотом и войском. Когда же прогремела Полтавская битва, когда шведский король, считавшийся непобедимым, потерпел такое страшное поражение, то заговорили другое, увидали, что имеют дело с царем и народом, которые в такое короткое время могли выучиться побеждать непобедимые европейские войска. Военная школа была пройдена отлично: русское войско выучилось побеждать. Но одною военною школою Петр ограничиться не мог. Войну нельзя вести, войско нельзя содержать без денег, а Петр получил в наследство государство бедное; надобно было потому прежде всего обогатить государство, обогатить народ распространением торговли,

промыслов, а для этого прежде всего нужно, чтоб торговые и промышленные люди были обеспечены, чтоб их никто не притеснял и чтоб суд был правый и скорый, для всех равный. До Петра бедное государство не могло давать жалованье служащим; вместо денежного жалованья давали ратному человеку землю, поместье; но у иного помещика детей было много, дохода с поместья не доставало, и он просил у государя покормиться, т. е. назначить его правителем, воеводою и вместе судьей в какой-нибудь город. Воевода также жалованья не получал, а город обязан был его кормить; староста, или по-нынешнему градской голова, носил ему съестные припасы и все нужное для хозяйства, также и деньги, дарил в праздники самого воеводу, жену, детей, родных, дворню. Часто воеводы требовали себе большого кормления, не под силу горожанам; иногда целые уезды пустели, народ разбежался от воеводы, который хотел кормиться уже чересчур сытно. Какая же тут будет торговля, какие промыслы? Чтоб поднять торговлю и промыслы, надобно было прежде всего освободить торговых и промышленных людей от тех, которые в отпращивании своей должности правителя и судьи видели только средство кормиться. Поэтому Петр еще в 1699 году велел промышленным людям в городах ведаться во всех своих делах и тяжбах, также и доходы для правительства собирать самим, для чего выбирать из себя людей смелых и честных, которые назывались земскими бурмистрами.

Всю Россию Петр разделил на восемь больших губерний, которые управлялись губернаторами; губернии разделялись на области, которые управлялись воеводами⁶⁹. Губернаторы были подчинены правительствующему Сенату, учрежденному в 1711 году: Сенат должен был смотреть, чтоб суд был правый, наказывать несправедливых людей и ябедников, стараться об умножении государственных доходов и об уменьшении расходов, заботиться, чтоб не было недостатка в людях для службы, стараться об усилении торговли. Но чтоб усилить торговлю, промыслы, чтоб уметь пользоваться богатствами, которые дает природа, надобно знание, умение, приготовление в школе. Петр говорил в манифесте 1702 года: "Мы побуждены были в самом правлении сделать некоторые нужные перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться в торговых делах". В Москве учреждены были школы — математическая, навигаторская. Русских учителей не было, надобно было сначала взять иностранцев, и взяли троих англичан. Но как на войне, так и везде, и в школьном деле старались искать способных русских людей и как можно скорее заменять ими иностранцев. Очень скоро подле англичан мы уже видим русского учителя Магницкого, который в 1703 году издал руководство к арифметике, которое очень долго потом употреблялось. Такие учебники на русском языке по разным наукам были всего нужнее и для детей и для взрослых. Ученье только начиналось, еще очень мало было людей,

которые бы могли составлять учебники, надобно было переводить эти учебники с иностранных языков на русский. Но переводить было чрезвычайно трудно; так как в России науки еще не было, то на русском языке и не было слов для выражения того, что говорилось в науке. Составить новые слова — но они, по своей новостности, так же будут непонятны, как иностранные. Вот почему всякий народ, когда начинает учиться, перенимать науку у других народов, любит употреблять иностранные слова, любит говорить и писать на иностранных языках, потому что это легче: на своем языке еще нет слов и целых выражений, которые есть уже на языке народа образованного, привычного к науке. Наши соседи, немцы, поляки, долго писали на таком странном языке, что одна строка или половина строки немецкая или польская, а другая латинская. Петр очень хорошо знал, какое трудное дело перевести ученую книгу на русский язык, и так как он во всяком трудном деле был помощник своему народу, то занялся усердно и переводами нужных книг: к нему присылали эти переводы, и он, при множестве других занятий, на войне исправлял переводы и посылал переводчикам наставления, как переводить. Книгопечатание усилилось, и прежнее церковнославянское начертание букв было найдено неудобным, было очень пестро, кудряво, потому для светских книг изобретено было новое начертание, простейшее, так называемое гражданское, а прежнее осталось для церковных книг. Новыми буквами начали печатать книги с 1708 года, и первую книгою, таким образом напечатанною, была геометрия.

ЧТЕНИЕ XIII

О делах царя Петра Алексеевича
от Полтавской победы до окончания шведской войны

Известное дело, как темен, необразован бывает человек, который весь свой век живет в каком-нибудь захолустье, в деревне; другое дело человек, который живет в большом городе, где ежедневно встречается с новыми вещами, с разными людьми, от которых может многое узнать; еще лучше, когда человеку самому пришлось попутешествовать, насмотреться разных стран и народов. У народов образованных наука, книги заменяют путешествие, из них человек узнает о самых отдаленных странах, как там люди живут теперь и что делалось прежде за много веков. Но у народов образованных есть средство узнавать очень скоро, что нового произошло в разных странах, даже самых далеких: это средство — ведомости, газеты; не оставляя место своего жительства, человек благодаря печатному листу бумаги знает все, что делается на белом свете; любопытно

ему знать, что делается в далеких странах, важно, необходимо знать, что делается в родной стране. До Петра ведомостей у нас не было; переводили иностранные ведомости для государя, но не печатали, а хранили в тайне; Петр велел с 1703 года издавать в Москве ведомости обо всех делах, достойных знания и памяти, происходящих как в России, так и в других странах, и из первого же листка ведомостей русские люди узнали, что в школах учатся, и прилежно учатся, более 300 человек. Наука была нужна для сохранения жизни, здоровья людей. Учрежден был госпиталь, при котором иностранные лекари обучали своему искусству молодых русских людей. Учреждены были аптеки, сначала в Москве.

Кроме школы и книги важным средством для образования служит театр, разумеется театр хороший, где человек изучает душу человека, которую выказывает перед ним искусный актер, или где выставляются на смех такие дела, такие недостатки, слабости, которые желательно искоренять в обществе и которые скорее всего искореняются насмешкою, представлением их в смешном виде. Петр завел в Москве первый театр, куда доступ был открыт всем. И школа, и книги, и ведомости, и театр, давая благородное, высокое занятие человеку, должны были служить для смягчения нравов. Разумеется, это смягчение могло произойти не вдруг, очень медленно, потому что средства к нему были еще только в зародыше, а грубость нравов затвердела; пьянство было сильное, в пьянстве брань, драка, резались ножами до смерти. Петр запретил носить ножи. Но было еще средство заставить мужчин вести себя приличнее, не буйствовать. До тех пор люди позначительнее и позажиточнее держали своих жен и дочерей взаперти; мужчины и женщины не бывали вместе; при вступлении в брак жених не имел понятия о своей невесте, невеста о женихе, все дело улаживали родные. Жаловались и до Петра на это, указывали, что такие браки вредят семейному благополучию, но не знали, как исправить зло. Петр прекратил затворничество женщин, приказав приглашать их в общественные собрания; велел прежде свадьбы быть обручению за шесть недель, чтоб дать время жениху и невесте познакомиться, и если они в это время не понравятся друг другу, то могли отказываться от брака.

Но все средства, распространяющие образование, людскость, тогда только могут действовать благотельно, когда народ предан вере, когда духовенство, по своему образованию, способно учить народ, поддерживать и укреплять веру. Мы видели, что русское духовенство до Петра оказывалось неспособным к этому по недостатку образования; когда нужно было исправить книги церковные, оно не умело этого сделать, и надобно было призывать ученых греков и малороссиян, не умело и удержат людей от раскола. Опасности были большие для русской церкви: с одной стороны, мутили ее раскольники, а с другой — русские люди сблизались с иностранцами иноверными, католиками, лютеранами; надобно было русским людям быть твердыми

в своей вере православной, чтобы не прельститься чужими учениями, и кто мог утвердить их в православной вере, если духовенство, по своей неучености, само не было в ней твердо? Мы видели, что когда в Западной России надобно было защищать православную веру от католиков, иезуитов, то первым делом было завести училища, иметь священников-ученых, которые бы могли оспаривать ученых-иезуитов, писать против них книги и этим утверждать свой народ в православной вере: теперь то же самое нужно было сделать и в Восточной России.

Петр говорил патриарху Адриану: "Священники ставятся неграмотными; надобно их прежде учить, а потом уже ставить в священники; надобно позаботиться, чтоб и православные христиане, и иноверцы познали Бога и закон его: послать бы для этого хотя несколько десятков человек в Киевскую школу. И здесь в Москве есть школа, можно бы и здесь было об этом позаботиться; но мало учатся, потому что никто не смотрит за школою как надобно. Многие желают детей своих учить и отдают их здесь иноземцам; другие в домах своих держат учителей иностранных, которые малых детей ересям своим учат, тогда как в нашей школе, при искусном обучении, всякому добру учились бы". Патриарх Адриан не мог исполнить царского желания, потому что по необразованности своей не мог смотреть за школою; других великороссийских образованных архиереев также не было, и потому, когда в 1700 году патриарх Адриан умер, другого патриарха не поставили, а управление церковными делами Петр поручил Рязанскому митрополиту Стефану Яворскому. Стефан Яворский был человек ученый и славился своими проповедями, потому что был малороссиянин, учился в Киеве и за границею. Кроме него Петр вызвал много других ученых монахов из Малороссии, которые посвящены были в архиереи на разные епархии и старались об устройстве школ и образования духовенства; больше других знаменит был не ученостью только, но и святостью жизни Димитрий, митрополит Ростовский. Когда к святому Димитрию приходили священнические сыновья ставиться на отцовские места и он их спрашивал, давно ли причащались, то получал в ответ, что и не помнят, когда причащались. Причину такого печального состояния духовенства святой Димитрий находил в невежестве. "Что человека вразумляет, как не учение?" — писал он. Святой Димитрий завел школу при своем доме, но сам должен был исправлять должность учителя, ибо сначала где было взять учителей? Раскол, пользуясь невежеством духовенства, распространялся сильно. "С трудом, — говорит святой Димитрий, — можно было найти истинного сына церкви; почти в каждом городе изобретается особая вера, простые мужики и бабы учат о вере". Чтобы успешно бороться с расколом, надобно было знать, что такое раскол, надобно было знать эти особые веры, которые изобретались в каждом городе, и святой Димитрий описал раскольничьи толки в книге своей "Розыск

о раскольничьей вере". Кроме этой книги после него осталось много сочинений: кто из русских не знает его "Четы-Миней"?

Церковь причла Димитрия Ростовского к лику святых. Но в лике святых Димитрий не один из архиереев, живших при Петре. Церковь прославила также епископа Воронежского Митрофана, знаменитого святостью жизни и усердным радением об Отечестве. Митрофан прославлял намерение Петра завести флот и убеждал народ всеми силами помогать царю в великом деле. Но одними словами он не ограничился: он привез Петру последние, оставшиеся в архиерейской казне 6 тысяч рублей на войну против неверных, турок, и постоянно потом отсылал накопившиеся у него деньги к государю с надписью: "На ратных". Петр сильно тужил о кончине святого старца.

Много было сделано, но много еще оставалось сделать; много было только начато, надобно было окончить, закрепить. Война, тяжелая, долгая война мешала Петру заняться внутренними делами. Он и сотрудники его надеялись, что после Полтавской битвы Швеция заключит мир; чтоб заставить ее мириться как можно скорее и чтоб мир был как можно выгоднее для России, Петр не складывал рук, а продолжал действовать: он прогнал из Польши короля, посаженного Карлом XII, Станислава Лещинского и возвратил польский престол старому союзнику своему, Августу II; Данию уговорил опять пристать к союзу против Швеции⁷⁰. В июне 1710 года взят был у шведов Выборг, в Финляндии; этот город Петр называл "крепкою подушкою Петербургу"; в июле месяце сдалась Рига, в сентябре — Ревель. Но между тем враги, не могли бороться с Россиею прямо, открыто, действовали другим образом: Карл XII, бежавший после Полтавы в Турцию, употреблял все старания, чтоб султан объявил войну России: если Турция, говорили шведы, позволит теперь русскому царю воспользоваться несчастьем Швеции, то он получит страшную силу, и первая от этого потерпит Турция, потому что царь, как только помирится со Швециею, так сейчас нападет на Турцию вместе с польским королем, своим союзником. Кроме шведов то же самое говорили в Константинополе французы, а на французов турки смотрели как на своих друзей, которые дурного им не посоветуют. Франция советовала туркам помочь Швеции и не дать России через меру усилиться, потому что считала Россию естественным врагом Турции, заступницею за православных христиан, славян и греков, живших под турецким игом, а Турция была нужна Франции, потому что Франция всегда ссорилась с Австриею и держалась за Турцию, которая также была врагом Австрии.

Султан послушался шведов и французов и объявил России войну в 1711 году. Легко себе представить, как это огорчило Петра: он спешил кончить шведскую войну на севере, чтоб дать отдохнуть народу и заняться на досуге внутренними делами, а тут новая война, совсем в другой стороне, на юге; надобно оставить север, растянуть

силы; вместо покоя, которого ждал народ, на него должны пасть новые тягости, вместо одной две войны! В мрачном расположении духа, с печальными предчувствиями, большой, отправился Петр в турецкий поход. Большого войска собрать он не мог; поляки не помогали; пришли известия, что наши православные соплеменники, черногорцы, поднялись в пользу России, что и другие христианские народы только ждут русского войска, чтоб действовать с ним заодно, что Молдавия уже объявила себя за русских. По этим вестям, Петр вступил в турецкие владения и 9 июля у реки Прута окружен был турецким войском: у турок было 200 тысяч войска, у русских — около 40 тысяч. Турки, надеясь на свою многочисленность, вздумали было напасть на русских, но были отбиты и потеряли много народу. Но все же положение русского войска было отчаянное: оно было истомлено битвою и зноем, съестных припасов осталось очень немного, помощи ниоткуда. На другой день захваченные в плен турки объявили, что турецкий главнокомандующий, великий визирь, помирится, если ему будут предложены выгодные условия, потому что войско требует мира, не хотят опять нападать на русских, боясь потерпеть такой же урон, как и накануне. Тогда Петр послал к визирю с мирными предложениями, и мир был заключен на тех условиях, что туркам возвращается Азов, а Таганрог и другие построенные Петром крепости будут разорены⁷¹.

Опять неудача, и неудача тем более тяжелая, что случилась после необыкновенного успеха; Петр сильно горевал как человек, но, как великий человек, не позволял горю овладеть собою и спешил опять на север, чтоб продолжать шведскую войну. Союзники только мешали, боясь могущества России, подозревая Петра в властолюбивых замыслах, каких у него вовсе не было. Петр успешно действовал и без союзников. Почти вся Финляндия была уже в его руках; Карл XII, возвратясь из Турции, нашел, что с Россиею нельзя больше воевать, и начал мирные переговоры; но переговоры эти были прерваны его смертью⁷². Сестра его, Ульрика Элеонора, ставши королевою шведскою, понадеялась на обещание английского короля и решилась продолжать войну с Россиею. Английский флот действительно явился в Балтийском море, чтоб испугать Петра и принудить его к миру, не очень тягостному для Швеции; но Петра испугать было нельзя; в глазах англичан русские высаживались на шведские берега и опустошали их. Шведы наконец поняли, что никто не подаст им помощи против Петра, начали опять мирные переговоры, и 30 августа 1721 года, в финляндском городе Ништадте заключен был мир, по которому Швеция уступила России Лифляндию, Эстляндию, Ингрию (нынешнюю Петербургскую губернию), а из Финляндии — Выборг.

Царь получил известие о мире на дороге из Петербурга в Выборг. Он возвратился немедленно в Петербург и прямо в Троицкий собор, к молебну. Народ наполняет площадь около собора, после молебна царь выходит к нему и говорит: "Здравствуйте и благодарите Бога,

православные, что такую долгую войну, которая велась 21 год, всеильный Бог прекратил и даровал нам со Швециею счастливый мир!" Тут Петр берет ковш с вином и пьет за здоровье народа, который плачет и кричит: "Да здравствует государь!" Радость была общая, неопи-санная, потому что война, тянувшаяся с лишком 20 лет, была очень тяжела; радость о прекращении этой тяжести удваивалась тем, что тягости неслись не понапрасну, что война окончилась таким миром, какого в начале никто и вообразить не мог. Сравнивали то положение России, в каком она была 20 лет тому назад, когда она считалась азиатским государством, когда на нее обращали гораздо меньше внимания, чем на Турцию, сравнивали это унижительное положение с настоящим, когда европейские народы должны были расступиться перед Россиею и дать ей среди себя почетное место; представляли себе русские люди, что они были 20 лет тому назад, когда они ничего не знали, что вокруг них делается, и как много теперь узнали нового, какое искусство приобрели в разных делах, о которых прежде и не думали, стали как будто новыми людьми. И все это в какие-нибудь 20 лет! 22 октября Сенат поднес Петру титул отца Отечества, Великого императора всероссийского, за то, что "его неусыпными трудами и руководством русские из тьмы невежества вознесены на театр славы всего света и, так сказать, из небытия в бытие приведены и в общество образованных народов причислены". Петр отвечал простыми словами, но заключающими в себе великий смысл и поучительность: "Желаю русскому народу познать милость Божию к нам в прошедшей войне и при заключении настоящего мира; должно всеми силами благодарить Бога; но, надеясь на мир, не ослабевать в военном деле, чтоб с Россиею не случилось того же, что с Греческою империею; надобно стараться о пользе общей, от чего народ получит облегчение".

Великая Северная война кончилась; вследствие ее вместо неизвестной Московии, как до сих пор называли в Европе нашу страну, явилась могущественная Всероссийская империя, без которой ни одно важное дело в Европе теперь сделаться не могло. Но великий император, который так славно кончил Северную войну, уговаривал свой народ не думать, что все кончено, не складывать рук; только то государство сильно, где все стараются о пользе общей. К этой общей пользе направлены были все внутренние распоряжения Петра, ее заставлял он иметь в виду своих сотрудников. Мы видели, что вначале самым видным из этих сотрудников был Федор Алексеевич Головин, который заведовал иностранными делами. Петр лишился Головина еще в 1706 году и сильно горевал о потере "друга", как называл Головина. Обыкновенно бывает, что когда разные дела только что начинаются, занятий по ним немного, то один человек может заниматься несколькими делами; так, Головин был и адмирал, и министр иностранных дел, и школами новоучрежденными заведовал; но с течением времени каждое ведомство все больше и больше растет, работы

становится больше, и на каждое ведомство нужен уже особый человек, а между тем и люди способные приготавливаются. Так, по смерти Головина адмиралом стал Федор Матвеевич Апраксин, а заведование иностранными делами получил Гаврила Иванович Головкин, который первый начал носить название канцлера; помощником его, или вице-канцлером, был Шафиров. Но кроме этих двух главных дельцов при новом положении России надобилось много способных людей, чтоб быть в послах у иностранных дворов, оберегать выгоды России, своим умом, искусством с честью представлять ее, внушать иностранцам уважение к русским людям: и такие нашлись, благодаря уменью Петра выбирать людей: то были двое князей Долгоруких, Григорий Федорович и Василий Лукич, князь Куракин, Матвеев, сын воспитателя царицы Натальи, Петр Андреевич Толстой, Ягужинский: последний был человек очень незначительного происхождения, но чрезвычайно способный в делах внутренних и внешних. Из иностранцев, вступивших в русскую службу, Петр с первого же раза отличил человека необыкновенно искусного, образованного и неутомимого, то был Остерман; ему Петр поручил вести переговоры, следствием которых был Ништадтский мир. В военном деле кроме фельдмаршалов Шереметева и Меншикова были знамениты имена князей Михаила Михайловича Голицына, Репнина, Василия Владимировича Долгорукого. У хороших мастеров бывают и хорошие ученики, и подле названных сотрудников Петра Великого подрастали молодые деятели, братья Бестужевы-Рюмины, Татищев, Неплюев и другие, которые начали свою службу при Петре, а продолжали ее с пользою и славою после, вплоть до Екатерины II. Сам Петр умел находить способных людей, и сотрудники его, чтоб угодить государю, старались также отыскивать способных людей, учили, как они должны поступать, чтоб заслужить милость царя, внушали им: "Будь исправен, будь проворен и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы что и худо было; государь больше рассердится, если солжешь".

Приготовленные, образованные люди были нужны для новых учреждений. До Петра Великого для управления и суда существовали приказы. Государь п р и к а з ы в а л известному лицу заведовать одним каким-нибудь делом или несколькими делами, иногда сходными, иногда совершенно разными, придавал ему в помощь другого или двоих, для письмоводства назначались так называемые дьяки со своими помощниками, или подьячими; в отличие от служилых, или военных, людей все находившиеся в гражданской службе назывались п р и к а з н ы м и людьми. Как откроется нужда в каком-нибудь новом деле, так и являлся особый приказ. К концу XVII века их было больше сорока; порядка в распределении дел по приказам не было; в иных приказах ведались самые различные дела; также вместе с большими приказами, заведовавшими важными делами, существовали приказы, заведовавшие каким-нибудь самым ничтожным делом. Вместо этих

приказов Петр в 1720 году учредил коллегии, из которых каждая заведовала каким-нибудь одним определенным делом, например коллегия иностранных дел заведовала сношениями с иностранными государствами, коллегия военная, коллегия морская или адмиралтейская, коллегия юстиции для судебных дел, коллегия для торговых дел или коммерц-коллегия и т. д. Коллегии состояли из нескольких членов, старший из которых назывался председателем, или президентом, и все дела обсуждались и решались сообща; для наблюдения, чтоб дела шли правильно, в каждой коллегии находился прокурор, и все эти прокуроры были подчинены генерал-прокурору, находившемуся при Сенате.

Петр хотел улучшить управление и суд в областях, сделать так, чтоб правитель не был вместе судьей; но встретил неодолимое препятствие в недостатке людей и денег, и его добрые намерения остались указаниями для будущих времен, когда можно было исполнить их. Петр завел перечисления народа, или ревизии, которые должны были повторяться через известное число лет, заведены были и метрические книги. По первой ревизии 1722 года в России оказалось податного состояния только около 6 миллионов человек. Несмотря на такое малолюдство, доходы сильно увеличивались: в 1710 году их было 3 миллиона, а в 1725-м — 10 миллионов. Переменен был порядок в сборе податей: прежде собирали с дворов; но при переписи дворов бывали большие злоупотребления; из нескольких дворов жители переходили в один, сламывали отдельные ворота; поэтому при Петре введена была подушная подать, которая вся шла на войско⁷³; войска было до 210 тысяч; во флоте было 48 линейных кораблей и до тысячи других судов. Другие расходы должны были покрываться другими доходами, которые увеличивались от усиления торговли и промышленности. Торговля усиливалась от приобретения морских берегов; в 1724 году к Петербургу уже пришло 240 иностранных кораблей с товарами; русские корабли стали плавать в иностранные гавани; первыми русскими кораблехозяевами были Божениновы и Барсуков. Большою помехою для торговли были плохие дороги, которые трудно было поправлять при таком малолюдстве обширной страны; осенью из Москвы в Петербург ездили по пять недель по причине грязи и полуманных мостов. При этом особенно важен был путь водою, по большим рекам, но надобно было, чтоб этот путь не прерывался, и Петр велел проводить каналы: так, соединено было Каспийское море с Балтийским — каналом между реками Цною и Тверцою; прорыт был Ладожский канал.

Уже говорено было о том, как Петр старался, чтоб, по его словам "Божие благословение под землею втуне не пропадало"; вследствие этого старания большие металлургические заводы явились в разных местах, особенно в странах приуральских. Большие услуги оказали этой промышленности три человека: Виниус, Геннин и Татищев, которого Петр приготовил посылкою за границу для изучения горного дела.

Северная Россия была покрыта лесами, а в Южной был их недостаток: Петр принял меры для сохранения старых лесов и для разведения новых; он же первый указал и на каменный уголь, который должен был заменять дрова. Иностранцы и прежде вывозили из России лен и пеньку; Петр старался усилить льняной и пеньковый промысел "для всенародной пользы", для прибыли крестьянам; много вывозилось из России и кож, но выделка их была плохая, отчего и цена им была малая: Петр велел кожевным промышленникам, по несколько человек от каждого города, ехать в Москву на два года учиться, как лучше выделывать кожи, а в отдаленные губернии отправлены были иностранные мастера учить этому искусству. Заведено было постоянное войско; надобно было его одеть, а где взять сукна? Покупать у иностранных купцов, потому что в России суконных фабрик не было. Петр завел суконные фабрики и с восторгом писал, что дело идет хорошо и что он сшил себе к празднику кафтан из русского сукна. Но для выделки хороших сукон нужна была хорошая шерсть, и Петр выписал из-за границы овчаров, разослал по областям правила, как содержать овец. Для флота требовались парусные фабрики, и они были заведены. До Петра вся употреблявшаяся в России писчая бумага привозилась из-за границы: Петр завел свои фабрики, и в 1723 году во всех присутственных местах употреблялась бумага русского изделия. К концу царствования Петра число фабрик и заводов в России простиралось до 233, и между фабрикантами видим почти все русские имена. Трудно было начинать новые производства, заводить фабрики: нет умения и нет денег. Как мастер сам начнет и потом даст ученику продолжать, так и Петр учреждает казенные фабрики и заводы, но не с тем, чтоб оставить их в казне. Сенат должен был заботиться о том, чтоб казенные фабрики и заводы переходили в частные руки, в руки отдельных лиц и целых компаний, и этой передаче обязаны были своим началом некоторые громадные состояния. Москва стала при Петре главным фабричным городом в России, как Петербург стал главным торговым городом.

ЧТЕНИЕ XIV

О последних делах Петра Великого.
О том, что случилось после его смерти до вступления
на престол дочери его, Елизаветы Петровны,
и о делах императрицы Елизаветы

Петром Великим сделано было все, чтоб бедному, малонаселенному государству дать возможность богать, дать возможность казне иметь больше доходов, больше денег, и на эти деньги содержать войско, флот, которые дают безопасность

и почет народу у других народов. Но не одно богатство, не одни силы военные составляют крепость народа; от богатства и роскоши, от надежды на одну силу военную народы терпят большие беды и погибают. Чтоб народ был крепок, не боялся никого и ничего, для этого надобно, чтоб у него была крепка религия и нравственность, да просвещение, которое бы не мешало крепости веры и нравственности, а помогало бы ей. Петр Великий до конца жизни, и все с большим и большим усердием, не переставал заботиться об устройстве церкви, которая хранит веру и нравственность в народе. Препятствия к избранию достойного патриарха были прежние: не было архиерея ученого и вместе пользовавшегося полным уважением и доверием царя и народа; притом Петр знал из истории, какие бывают неудобства, когда церковь управляется одним человеком. В 1721 году Петр объявил, что для исправления чина духовного не видит лучшего способа, кроме соборного правительства, вследствие чего и учреждалась духовная коллегия (Синод). Синод особенно должен был иметь в виду: устройство духовенства, преимущественно черного, принятие мер против раскола и разных суеверий, распространение религиозно-нравственного просвещения в народе, издание необходимых для этого книг. Многие монастыри владели обширными имениями, и большие доходы привлекали в них людей, которые шли в монахи вовсе не для того, чтоб спастись и служить для мирян примером нравственной чистоты, а для того, чтобы вести покойную и праздную жизнь, тогда как и без того было мало людей для службы и работы. Поэтому ограничено было число монахов и запрещено было постригать молодых людей; часть монахов должна была посвятить себя занятию науками, чтоб было из кого брать образованных архиереев; так как государство было еще не в состоянии давать пенсии престарелым и раненым воинам, то их начали отсылать в монастыри, которые обязаны были их содержать; монахи в некоторых монастырях должны были заниматься воспитанием сирот, в других — рукоделием. В распоряжениях относительно духовенства особенно помогал Петру Псковский архиепископ Феофан Прокопович, человек чрезвычайно способный, ученый и отличный проповедник.

Если надобно было заботиться, чтоб монастыри употребляли излишки своих доходов на доброе дело, то у белого духовенства таких излишков не было, оно было крайне бедно и в заботах о прокормлении своих семейств не могло как следует исполнять своих обязанностей; здесь, наоборот, надобно было подумать, как бы сделать белое духовенство побогаче. Первою причиною бедности белого духовенства была его многочисленность, священников и дьяконов было больше, чем сколько было нужно, и назначались они беспорядочно, без спросу с прихожанами; количество церквей в городах увеличивалось также не по мере потребности; каждый сколько-нибудь достаточный человек хотел иметь свою церковь, не думая о том, может ли он прилично содержать при ней священника с причтом; он знал, что, по обилию

священников, он может нанимать их на площадях (или крестцах), что представляло соблазнительное зрелище, а между тем приходское духовенство было бедно, не получая дохода от самых значительных домов, потому что в них были свои церкви. Поэтому, чтоб увеличить доходы духовенства, запрещено было иметь домовые церкви, а кто хочет иметь их, должен содержать священника, да, кроме того, давать равное содержание и приходскому духовенству; запрещено было строить новые церкви без позволения, посвящать священников и дьяконов лишних; если кто станет просить посвящения и поставления на известное место, то велено допрашивать прихожан, хотят ли они иметь просителя своим священником или дьяконом; наконец, для облегчения белого духовенства снята с него обязанность покупать себе дома; дома для него должны были покупать старосты церковные на сборные церковные деньги. Но главная забота Петра Великого состояла в том, чтоб духовенство было образовано, прежде посвящения прошло школу, знало, чему и как учить народ. Разумеется, этого вдруг сделать было нельзя, положено было только начало.

Петр Великий не забыл и тех русских православных людей, которые жили тогда под польскою державою и терпели сильное гонение от католиков. Польша от внутренних беспорядков становилась все слабее и слабее; но чем слабее становилась Польша и чем сильнее становилась Россия, тем больше поляки боялись России, особенно зная, сколько в их государстве русских православных людей, которые будут всегда желать добра своим. Поэтому поляки употребляли все старания, чтоб как можно скорее ополячить русских, а для этого лучшее средство было сделать их католиками или сначала униатами. Добровольно русские люди, как прежде, так и теперь, ни в унию, ни в католичество не шли, и потому принуждали их к этому всевозможными притеснениями. Этими притеснениями поляки уничтожили все православные епархии, кроме Белорусской, или Могилевской, но и той приходилось очень дурно. Могилевский епископ Сильвестр приехал в Москву с жалобами к Петру на поляков, которые палками обращают православных священников в унию. Петр знал хорошо, что перепискою с королем, который не имел никакой власти в Польше, ничего сделать нельзя, и потому послал своего русского комиссара защищать православных русских от обид, возратить им отнятые монастыри и церкви. Поляки начали страшно кричать. "Лучше бы нам, — говорили они, — отдать церкви туркам или шведам, чем русским". Но Петр не обращал никакого внимания на эти крики, комиссар его остался в Польше, и гонения утихли. Много было православных славян и в других чужих государствах, в Австрии, Турции. Как только Россия, единственное славянское и православное государство, усилилась при Петре, заняв важное почетное место в Европе, так одноплеменные и одноверные народы и стали обращаться к ней со своими нуждами. Приехал к Петру сербский архиепископ с просьбою прислать двоих учителей

и книг церковных. "Просвети и нас, — писали сербы, — как просветил своих людей". В самой России просвещение только начиналось, в учителях был большой недостаток, денег едва доставало на необходимые нужды; но Петр поделился последним со своими, послал двоих учителей с большим жалованьем, послал и книги на 20 церквей.

Петр употребил все старания, чтоб просветить своих людей и положил твердое начало этому просвещению, сблизивши русских с просвещенными народами, доказавши необходимость просвещения для поддержания силы и чести народа. До него только духовенство да люди, занимавшиеся письмоводством, обязаны были знать грамоту, знатный человек, занимавший важную должность, мог не уметь писать. Петр потребовал от всех дворян, от всех людей, поступавших на государственную службу, военную и гражданскую, образования: дворянин неграмотный и не знавший арифметики и геометрии, объявлялся несовершеннолетним, не имел права жениться. Недостаток людей полагаля сильное препятствие и просвещению, ибо где было взять учителей? Посылали за границу молодых людей; Петр сам экзаменовал их по возвращении; высшие правительственные места набирали молодых людей и учили их, приготавливая для отправления дел у себя; но этот набор был труден, некого было брать. В 1722 году многие места в управлении оставались незанятыми, а нельзя было много пускать в гражданскую службу, иначе армия и флот истощились бы. Петр учредил в Петербурге академию, выписал для нее из-за границы отличных ученых⁷⁴, но при этом объявил, что в России нельзя следовать тому, что принято в других государствах; там ученых много; одни составляют общество, которое занимается науками, старается делать в них новые открытия, и такое общество называется академией; другие ученые преподают высшие науки, и эта высшая школа называется университетом; третьи приготавливают молодых людей к высшим наукам, к университету, и эти приготавливаемые школы называются гимназиями. Но у нас, говорил Петр, одну академию нельзя учредить, потому что она не может скоро распространить знания в народе; университеты также не для чего заводить, когда нет еще гимназий и семинарий; надобно, следовательно, основать такое учреждение, которое бы из лучших ученых людей состояло, но эти ученые люди должны также обучать молодых людей наукам публично (т. е. читать лекции, как в университете) и потом некоторых людей должны при себе обучать, чтоб они потом могли в свою очередь обучать первым основаниям всех наук. Таким образом, основанная Петром Великим академия была и академиею, и университетом, и школою для приготовления учителей, или, как мы теперь называем, учительским институтом. Так и должно было быть вначале, когда, по недостатку людей, одни и те же люди должны несколько дел делать; и в учреждениях несколько учреждений соединяются; потом, с течением времени, людей становится больше и дела больше, люди разделяют по себе занятия,

каждый берет себе только одну какую-нибудь часть и ею занимается; из учреждений выделяются также особые части и составляют отдельные учреждения; так, из учрежденной Петром Великим академии выделился потом и университет, и гимназия, и учительский институт. Это называется развитием. Приведем пример. В небольшом местечке одна только лавка, и все в ней продается, и сахар с чаем, и ситец, и лапти, и баранки. Станет местечко увеличиваться, станут его жители богатеть, появятся другие лавки, и в каждой продается отдельный товар, уже нет такого смешения, как прежде; превратится местечко в большой и богатый город, еще больше станет разделение товаров между лавками, в одних станут продавать только шелковые материи, в других — одно полотно и т. д. И купцы получают выгоду, потому что на каждый товар покупателей много; а если бы купцы наехали в маленькое местечко и каждый завел лавку с отдельным товаром, непременно обанкротились бы, потому что этот товар прежде бы сгнил, чем его раскупили. Развитие идет всегда по одному закону, и мудрость состоит в том, чтоб ему не мешать, а с другой стороны, не слишком его подгонять, не заводил ненужных учреждений, не навозить товара, когда покупателей нет. Мудрые слова говорил Петр Великий: "Зачем нам университеты заводить, когда у нас гимназий и семинарий еще нет".

Много было мудрых слов сказано, много великих дел сделано Петром. Таких трудов, какие он совершил, от века не было слыхано. Мы видим издали великие дела, мы им удивляемся, любимся ими, а если посмотреть вблизи, чего все это стоило: какие огорчения, страдания должен был претерпевать Петр, прежде чем мог добиться, чего хотел?" На душу Петру Алексеевичу, — рассказывают современники, — по временам находила такая черная туча, что он запирался и никого не допускал к себе". Много способных людей вывел Петр Великий и заставил их работать с большою пользою; но между этими людьми было много таких, которые не понимали главного, чего хотел Петр, а именно чтоб служить, имея в виду общую пользу, а не частные выгоды; было много таких, которые смотрели на службу как на средство сытно кормиться, смотрели на подчиненных и подсудимых как на людей, обязанных их кормить, смотрели на казенные деньги как на свои. Призывая народ к труду, к бережливости, к пожертвованиям, чтоб вывести Россию на новую, лучшую дорогу, сберегая сам каждую копейку, Петр слышал громкие жалобы, что деньги, собираемые с народа, идут не на общую пользу, а по частным карманам, что народу недостает суда справедливого и скорого. Петр твердил: "Презрение законов равно измене и еще хуже ее, ибо, заслышав об измене, всяк остережется, а этого зла никто вскоре не почувствует, но мало-помалу все разорится. Всеу законы писать, когда их не хранить, или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, чего нигде в свете так нет, как у нас было, и отчасти и еще есть и зело тщатся всякие мины

чинить под фортецию правды” (стараясь всякие подкопы делать под крепость правды). Этих-то людей, которые вели подкопы под крепость правды, Петр преследовал неумолимо и переносил большое горе, потому что ему приходилось преследовать людей близких, любимых.

Но, разумеется, самое большое горе перенес Петр, когда должен был преследовать родного сына. Петра женили в ранней молодости на Евдокии Федоровне Лопухиной, и он испытал на себе ту невыгоду старого обычая, от которого хотел потом освободить своих подданных, назначивши время для знакомства между женихом и невестою. Между Петром и Евдокиею пошли несогласия, и Евдокия была пострижена в монахини, а Петр потом женился в другой раз на Екатерине Алексеевне Скавронской, или Сквородской, родом из западной России, или Литвы; она была взята по бедности на воспитание одним лифляндским пастором и вместе с ним попала в плен к русским. Екатерина отличалась умом, ровностью характера, присутствием духа, неумолимостью, совершенно пришлась по мужу, не отставала от него ни в войне, ни в мире, ездила за ним в его далеких и трудных странствованиях. Но от первого брака осталась сын и наследник, царевич Алексей. Сын вышел не в отца, был тяжел на подъем, неспособен к постоянному, сильному труду, любил покой, любил сидеть дома с людьми, к которым привык. Отец работал без устали, видел, как уже зрели плоды трудов его; но чувствовал приближение старости и слышал страшные голоса: ”Умрет, и все погибнет с ним; Россия возвратится в прежнее ничтожество, потому что сын не только не пойдет по дороге отцовской, но и станет разрушать сделанное отцом”. Петр, разумеется, не требовал от сына таких же способностей, какие имел сам, он требовал только охоты. В тех занятиях, которые были необходимы для продолжения начатого дела, необыкновенных способностей было не нужно, потому что самое трудное дело было сделано, начало было положено. Но в сыне не было охоты к отцовской деятельности, было отвращение от нее. Отец требует от сына, чего после Ништадтского мира требовал от всех русских людей, чтоб, видя успех, не складывали рук, не успокаивались, потому что от такого успокоения государства падают; сын считает мучением этот призыв отцовский к труду, он только тогда и был доволен, когда находился вдали от отца. Алексей был женат на Брауншвейгской принцессе Софье; но жил несогласно с женою, и она скоро умерла, оставив двоих детей, сына и дочь. Алексей продолжал вести себя по-прежнему. Тогда Петр счел своею обязанностью спасти будущность России, пожертвовав сыном. Он писал ему: ”Я за свое Отечество и за людей жизни не жалел и не жалею, то как могу тебя, негодного, пожалеть?” Петр потребовал от сына, чтоб тот или переменял свое поведение, или отрекся от престола и постригся в монахи, иначе на отречение нельзя было полагаться. Алексей обещал исправиться, но вместо того убежал за границу, отдался под покровительство немецкого императора, при-

звал чужого государя в судьи между собою и отцом. Алексея возвратили, и, по его показаниям, вскрылся обширный злой умысел, в котором участвовала и мать Алексея, бывшая царица Евдокия, которая уже сняла с себя монашеское платье и мечтала опять быть царицею, понадеявшись на лживые предсказания, и сестра Петра, царевна Марья Алексеевна, очень значительные духовные и светские люди. Царевич умер в Петербургской крепости; это случилось в 1718 году.

После Ништадтского мира Петр должен был вести новую войну совсем на другом конце. Желая обогатить Россию торговлею, он внимательно следил за тем, что делается на Востоке, в Азии, с которою у России велась торговля, и торговля эта должна была, по мысли Петра, все больше и больше усиливаться. Но вот он получает вести, что Персия, с которою русские купцы вели большую торговлю, готова разрушиться от внутренней слабости, что соседи уже делают добычу и что самая большая доля добычи должна достаться Турции. Петр никак не мог позволить, чтоб турки усилились и утвердились на Каспийском море, и потому сам предпринял поход на берега этого моря⁷⁵. Война кончилась, когда русские войска заняли западный берег Каспийского моря, и персияне уступили его России в 1723 году.

Это был последний военный подвиг Петра Великого. Уже давно страдал он тяжкою болезнью. 6 января 1725 года, при обряде водоосвящения, он простудился и 28-го числа скончался.

Иностранцы говорили, что дело Петра Великого кончится вместе с ним, что он насильно заставил свой народ учиться, что по смерти его русские, сами по себе неспособные к образованности, все бросят, все позабудут, станут жить по-прежнему, как жили до Петра Великого, когда они не знали Европы и Европа их не знала. Но русский народ доказал, что он способен к образованности, к европейской жизни, что дела Петра Великого пошли ему впрок и он от них не откажется и не ослабеет при самых неблагоприятных обстоятельствах. Обстоятельства действительно были неблагоприятны по смерти Петра Великого. После него царствовала супруга его, Екатерина I Алексеевна; но царствовала только два года, скончалась в мае 1727 года в Петербурге, где постоянно жила. После нее вступил на престол Петр II Алексеевич, внук Петра Великого, сын несчастного царевича Алексея, но и Петр II трех лет не процарствовал, скончался в январе 1730 года в Москве, куда приехал на коронацию и где хотел навсегда остаться. Во время болезни Екатерины I и при Петре II, который сам не мог управлять по несовершеннолетию, образовались партии; знатные люди спорили друг с другом, кому быть главным, кому управлять, свергали друг друга, ссылали в ссылку. Так, свергнут был и сослан в Сибирь знаменитый любимец Петра Великого, князь Александр Данилович Меншиков⁷⁶, который забрал себе большую силу в конце царствования Екатерины и в начале царствования Петра II, держал молодого

императора в своем доме и обручил его со своею дочерью; и сам Меншиков, когда был в силе, сослал в ссылку графа Петра Толстого и некоторых других сотрудников Петра Великого. По смерти Петра II из царской фамилии оставались: дочь Петра Великого, цесаревна Елизавета Петровна, внук Петра Великого от старшей дочери его, Анны Петровны, бывшей замужем за герцогом Голштинским, да три племянницы Петра Великого, дочери царя Иоанна Алексеевича. Вельможи обошли дочь и внука Петра Великого и призвали на престол старшую дочь царя Иоанна, Анну, вдовствующую герцогиню Курляндскую, которая, короновавшись в Москве, переехала в Петербург и осталась там до самой кончины своей⁷⁷. Царствование Анны Иоанновны было несчастливо. Самым доверенным у нее человеком был немец Бирон, которого она привезла из Курляндии. Этот Бирон о России не заботился, заботился только о самом себе. Знаменитых русских вельмож, сотрудников Петра Великого, оставалось уже немного; были две самые знатные фамилии, князей Голицыных и князей Долгоруких: самый главный из Голицыных, князь Дмитрий Михайлович, был посажен в крепость, главные из Долгоруких были переказнены или сосланы; казнен был и сотрудник Петра Великого, очень способный человек, Вольнский; дворяне и крестьяне страдали от строгого взыскания недоимок во время неурожая; была война с турками, которая взяла много народу и денег, и хотя ведена была со славою фельдмаршалом Минихом, однако кончилась без пользы для России. От этого царствование Анны Иоанновны, время Бирона, бироновщина, оставило по себе печальную память; было бы еще хуже, если б не умный, искусный министр Остерман, принятый, как и Миних, на службу Петром Великим.

У Анны Иоанновны не было детей, была одна племянница от сестры Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбургской, Анна Леопольдовна. Анну Леопольдовну выдали замуж за принца Антона Брауншвейгского; от этого брака родился Иоанн Антонович в 1740 году, и в том же году умерла императрица Анна, назначив новорожденного Иоанна Антоновича своим преемником, а за его малолетством — Бирона правителем, или регентом. Тут наступили большие смуты: Бирона свергнул Миних и объявил правительницею Анну Леопольдовну⁷⁸; Анна Леопольдовна удалила Миниха, но сама управлять не умела, рассорилась с мужем и с Остерманом. Дела пришли в страшное расстройство; этим хотели воспользоваться шведы и объявили войну России. От таких бед Россия была избавлена дочерью Петра Великого, цесаревною Елизаветою, которая приняла сама начальство над войском и 25 ноября 1741 года провозгласила себя императрицею. Анна Леопольдовна с мужем и детьми отправлена была в ссылку. Императрица Елизавета вызвала из Голштинии племянника своего Петра Федоровича и объявила его наследником русского престола.

До Елизаветы, несмотря на смуты и частые перемены правительственных лиц, сделанное Петром Великим удержалось, с некоторыми, очень незначительными переменами. Со вступлением на престол его дочери все было восстановлено так, как было при нем. Елизавета умела окружать себя способными русскими людьми; тут были немногие оставшиеся от петровского времени старики, хранившие предания великого императора; тут было и новое поколение, которое воспитывалось в этих преданиях и старалось все больше и больше увеличивать силу России средствами, указанными Петром Великим, т. е. просвещением. При Елизавете воспитался, и хорошо воспитался, на военной и гражданской службе целый ряд людей, которые были знамениты и при ней, и после нее.

При Елизавете 30 сентября 1744 года издан был указ — не казнить никого смертью; указ остается в силе до сих пор, кроме случаев государственных преступлений и военного суда. В 1754 году все были обрадованы избавлением от страшной тяжести, от внутренних таможен, которые мешали торговле и разрывали Русскую землю на множество отдельных земель; продавцы необходимых и дешевых товаров при провозе их должны были беспрестанно останавливаться и платить; вместе с внутренними таможами уничтожено 17 мелких сборов. Денег было еще мало в народе; если бы помещик захотел сделать какое-нибудь улучшение в хозяйстве, а своих денег у него не было, то занять было негде; а если бы кто-нибудь и дал, то за большие проценты, за 15—20 процентов, что отнимало всякую охоту заниматься хозяйственными улучшениями; купец, который еще чаще имеет нужду занимать деньги для своих оборотов, также должен был платить большие проценты. Чтоб облегчить помещиков и купцов, заведены были от казны два банка, дворянский и купеческий; из одного дворяне, из другого купцы могли брать займы только за 6 процентов. Большие неприятности были от того, что земли были плохо размежеваны: отсюда споры и сильные, иногда кровопролитные драки на межах: чтоб прекратить это, положено было начало генеральному межеванию.

Для облегчения народа при рекрутских наборах вся Россия была разделена на пять частей, так что очередь поставки рекрутов доходила до каждого общества и селения через пять лет. Народа было мало сравнительно с землею; пустых мест много; нынешние новороссийские губернии — Екатеринославская и Херсонская — представляли тогда пустую степь: здесь на границе с Малороссиею позволили поселиться православным сербам из Австрии; потом тут же позволено селиться и выходцам из Турции, но только людям православного исповедания. Поселения эти были военные, что было и нужно на границе.

ЧТЕНИЕ

XV

О том, что было сделано при императрице Елизавете для просвещения.

О том, какие войны были при императрице Елизавете.

Об императоре Петре III.

О царствовании императрицы Екатерины II

В распоряжениях, о которых говорилось в прошлом чтении, главное участие принимал сенатор граф Петр Иванович Шувалов; родственник его, Иван Иванович Шувалов, отличался своею образованностью и заботами о распространении просвещения в России. По его старанию в 1755 году основан был первый русский университет в Москве и при нем две гимназии. В Москве университет учреждался потому, что город этот находился в середине государства, и потому, что в Москве было жить дешево. Московский университет представил о необходимости учредить Академию художеств в Петербурге и гимназию в самом значительном городе на востоке, в Казани. К царствованию Елизаветы относятся и первые успехи русской словесности. При Петре Великом, когда образование только что начиналось и прежде всего нужны были учебные книги, мы видели, как трудно было составлять их на русском языке или переводить с иностранных языков на русский, потому что науки в России прежде не было и на русском языке ученых книг не писалось, он не был для этого обработан, приготовлен. Мы видели, как Петр Великий заботился о том, чтоб переводы были хороши, понятны; и после него об этом заботились; но чтоб создать хороший язык, на котором можно было бы обо всем хорошо, понятно писать, для этого нужны особенно даровитые писатели и ученые, мастера, художники словесные. В тридцатых годах в московском Заиконоспасском училище, в низших классах, на одной скамье с маленькими мальчиками сидел молодой человек лет двадцати. Маленькие товарищи смеялись над ним, кричали: "Смотри, какой болван лет в двадцать пришел по-латыни учиться". Молодой человек не обращает внимания на насмешки и учится, претерпевая сильную нужду, получая по три копейки в день жалованья: на денежку покупал хлеба, на денежку квасу и этим питался, остальные деньги шли на бумагу, платье и обувь. Отчего же он так поздно поступил в училище? Он родился на крайнем севере, на берегах Белого моря, был крестьянский сын⁷⁹; случайно достал кое-какие книги, пристрастился к науке, захотел во что бы то ни стало быть ученым и тайком из отцовского дома убежал в Москву, в училище, и сел за латинскую грамматику вместе с маленькими мальчиками. То был сын холмогорского рыбака Михаил Васильевич Ломоносов.

Тяжело досталось учение холмогорскому крестьянину; но прежде него уже прошел по России Петр Великий, проповедуя, что России

нужна наука, нужны ученые люди. Уже была Академия наук, которая собирала по училищам способных, прилежно занимавшихся учеников и отправляла их за границу оканчивать там учение. Ломоносов попал в это число, поехал за границу изучать горное дело. И науками он занимался отлично, и когда узнал в 1739 году, что русское войско взяло турецкую крепость Хотин, то написал по этому случаю стихи, оду, и прислал в Петербург. Никто до сих пор не писал таких хороших стихов. Ломоносов возвратился из-за границы и был определен профессором химии при Академии наук. Но Ломоносов не ограничился одною химиею, он занимался и другими естественными науками, и с таким успехом, что знаменитые иностранные ученые дивились редкому уму русского ученого. Но и этого мало: Ломоносов написал русскую грамматику, риторику и, что всего важнее, в своих стихотворениях, речах, которые он говорил в торжественных случаях в академии, в ученых рассуждениях и руководствах он представил образцы русского языка, создал русский язык для науки и литературы.

После Ломоносова в царствование Елизаветы был знаменит другой русский писатель, Сумароков, который преимущественно прославился своими трагедиями и комедиями; за комедии его называли "бичом пороков". Мы видели, что Петр Великий учредил в Москве общенародный театр; но театр этот не мог долго держаться: русских пьес не было и русский язык не был еще обработан для перевода иностранных трагедий и комедий; но теперь, когда явились русские пьесы и язык образовался, то опять явился и утвердился уже и общенародный русский театр. Ярославский купец Волков, набравши охотников, стал играть русские пьесы в своем городе, и с большим успехом. Когда узнали об этом при дворе, то Волкова с товарищами вызвали в Петербург, и здесь в 1756 году учрежден был публичный русский театр, а потом Волков был отправлен в Москву для учреждения и там театра. При Петре Великом начали издаваться первые русские газеты, а при Елизавете Петровне явились первые русские литературные журналы, собрания разных статей для пользы и удовольствия читателям. Первым таким журналом были "Ежемесячные сочинения", которые издавались при Академии наук.

При Елизавете Петровне были две войны, в начале царствования и в конце. Мы видели, что еще до вступления Елизаветы на престол шведы, желая воспользоваться смутами в России, объявили ей войну. Война продолжалась и по вступлении на престол Елизаветы, и с большим успехом для русских, которые брали город за городом в Финляндии. Шведы, начиная войну, надеялись отобрать у России завоевания Петра Великого; а вместо того принуждены были в 1743 году заключить в Абове мир и уступить еще России часть Финляндии по речку Кюмень. Другая война была с Пруссиею. В Пруссии в это время был королем Фридрих II, который хотел во что бы то ни стало увеличить свое государство и сделать его одним из главных в Европе и для

достижения этой цели не разбирал средств; он напал на государыню австрийских земель Марию-Терезию безо всякой причины и отнял у нее одну из самых важных и богатых ее областей — Силезию. Другие государства Европы увидали, что надобно остановить Фридриха II, иначе никто не будет от него безопасен, тем более что он был необыкновенно искусный полководец. Россия видела в Фридрихе II также очень опасного соседа, которому нельзя было давать усиливаться на счет слабых государств, и потому сблизилась с Австриею. Когда в 1756 году Фридрих II, чтоб удобнее воевать с Австриею, напал нечаянно на Саксонию и овладел ею, императрица Елизавета, исполняя союзный договор с Австриею, двинула свое войско в Пруссию и, таким образом, приняла участие в сильной войне, которая называется Семилетнею. Самое замечательное дело русского войска в этой войне было 1 августа 1759 года между Франкфуртом-на-Одере и Кунерсдорфом, где под начальством графа Петра Семеновича Салтыкова оно страшно поразило самого Фридриха II; в следующем, 1760 году русское войско заняло Берлин, столицу прусского государства. Когда Фридрих II, особенно вследствие участия России в войне, доведен был до самого печального положения, императрица Елизавета скончалась 25 декабря 1761 года на 53-м году от рождения.

Преемник Елизаветы, Петр III Федорович, очень любил и уважал Фридриха II и потому не только заключил с ним мир, но и союз, не потребовавши за это никакого вознаграждения. Петр Федорович царствовал только полгода; он отказался от престола в пользу супруги своей, Екатерины Алексеевны (урожденной принцессы Ангальт-Цербстской), вскоре после чего постигла его смерть, 6 июля 1762 года⁸⁰.

Екатерина II взошла на престол при счастливых обстоятельствах: самый умный, искусный и честолюбивый государь в Европе, прусский король Фридрих II, был страшно истощен Семилетнею войною, особенно благодаря участию в ней России; поэтому он не был больше опасен и старался действовать согласно с Россиею; другие сильные государства — Австрия, Франция — были также истощены Семилетнею войною и не были опасны; притом во время Семилетней войны образовались отличные русские генералы — Румянцев, Суворов и другие. К счастью для России, Екатерина II умела пользоваться благоприятными обстоятельствами, возвысила Россию на степень первой державы в Европе и приобрела для России чрезвычайно важные и полезные земли. По восшествии своем на престол Екатерина отказалась от всякой войны, чтоб заняться внутренними важными делами. Сама государыня и лучшие русские люди в это время думали, что самым важным делом было народное воспитание. "Самое надежное средство сделать людей лучшими — это усовершенствовать воспитание", — говорила Екатерина. Ко времени Екатерины русские люди — благодаря распространению просвещения, привычки думать, наблюдать и чи-

тать, что другие народы надумали, — пришли к такому убеждению, что мало человека выучить разным наукам, надобно его воспитать, сделать хорошим человеком, чтоб он свое знание не употребил во зло, а употребил в пользу себе и другим. "Корень всему злу и добру — воспитание, — говорили они. — Один украшенный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина, но во многих случаях даже вреден бывает, если кто от самого детства не воспитан в добродетелях, твердо они в сердце его не вкоренены". Признавши необходимость хорошего воспитания, признали необходимым, чтоб воспитатели были русские, потому что воспитатели должны заменять родителей, а дети не могут признавать иностранцев своими родителями, иностранцы не могут сходиться с воспитанниками своими в религии и обычаях народных. С целью лучшего воспитания были учреждены в Петербурге и в Москве женские институты и обширные воспитательные дома. Больше других занимался воспитательными домами Иван Иванович Бецкий.

Петр Великий указал на необходимость устроить иначе содержание монастырей; после него все больше и больше убеждались, что не монашеское дело управлять деревнями и крестьянами, когда видели большие беспорядки в этом управлении, волнения крестьян монастырских, необходимость усмирять их оружием, жестоко наказывать. Екатерина в первые же годы своего царствования покончила дело. В это время крестьян, принадлежавших монастырям и архиерейским домам, было с лишком 910 тысяч; одна Троицкая лавра владела больше чем 120 тысячами крестьян. Все эти имения были взяты у монастырей и архиерейских домов; доходы с них разделены на две части: одна пошла на содержание монастырей и архиерейских домов, на денежное жалованье архиереям, монахам и служащим в церковном управлении, другая назначена на содержание духовных училищ и благотворительных заведений, госпиталей, инвалидов домов⁸¹.

Для населения пустынных окраин вызваны были иностранные колонисты; для сохранения жизни и здоровья народа увеличено число лекарей и аптекарей; самую губительную болезнью была оспа; изобретено было средство против нее, оспопрививание; но, несмотря на очевидную действительность этого средства, в других европейских государствах оказывалось ему сильное сопротивление, духовенство, сами медики противились его введению. Императрица Екатерина приказала ввести оспопрививание в России и, чтоб подать пример другим, привила оспу себе и четырнадцатилетнему единственному сыну своему, наследнику престола Павлу Петровичу; оспопрививание распространилось по всей России беспрепятственно.

Чтоб лучше познакомиться с обширною Россиею, императрица Екатерина предпринимала далекие путешествия на восток, до Казани. Для ознакомления со своим народом, с его понятиями, образом мыслей она придумала другое средство. Давно уже слышались сильные жало-

бы на неудовлетворительность русских законов; начиная с Петра Великого в каждое царствование принимались разные меры, как бы помочь делу, составить новое уложение, но дело было очень трудное и не шло вперед. Екатерина, отличаясь необыкновенною любознательностью, читала все лучшие книги и переписывалась с их сочинителями, она прочла все, что было написано о законах, о том, какие они должны быть, сама написала наказ, общие правила, каким должно было следовать при составлении уложения; например, императрица требовала, чтоб наказания за преступления не были жестоки, потому что в человеке есть стыд, который действует сильнее бича, бесчестие, соединенное с наказанием, должно считаться хуже всякого наказания, а чтоб это действительно так было, надобно утвердить в народе хорошее воспитание и распространить в нем просвещение. Должно отменить все наказания, которыми можно изуродовать тело человеческое; должно отменить пытку по ее бессмысленности: невинный, но слабый сложением человек не стерпит пытки и признается в том, в чем вовсе не виноват, а крепкий, здоровый злодей вытерпит боль, не признается и избежит наказания.

Чтоб познакомить народ со своим наказом, внушить ему свои правила и в то же время чтоб познакомиться с понятиями и взглядами народа, которые в таком обширном государстве были чрезвычайно различны, Екатерина в 1767 году собрала в Москве депутатов, или выборных, от Сената, Синода, коллегий и других присутственных мест, от дворян каждого уезда, от жителей каждого города, от военных, от крестьян, от народцев, крещеных и некрещеных, каких много на окраинах России; каждый депутат получал от своих избирателей письменное наставление, чего просить, в чем их общество нуждалось. Собрание этих депутатов называлось комиссиею для сочинения плана нового уложения.

Турецкая война помешала работам комиссии, депутаты, между которыми было много военных, поехали к армии⁸². Несмотря на то, императрица была довольна комиссиею. "Комиссия, — говорила Екатерина, — подала мне сведения о всей империи, с кем дело имею и о ком пецишь должно; узнавши наказ, стали знать волю законодателя и по ней поступать".

Война, как обыкновенно бывает, помешала внутренним делам. Началась война с турками, но повод к ней подала Польша. Здесь умер король Август III, а так как правление в Польше было избирательное, то и начались выборы нового короля; начались ссоры между вельможами, одни хотели одного, другие — другого; вмешались чужие государства, потому что им также хотелось одним одного, другим — другого; наконец выбрали в короли своего же польского вельможу, Станислава Понятовского, которого поддерживала Россия. Казалось бы, что будет мир и союз с таким королем, которого хотела Россия и который был ей обязан престолом; но вышло иначе. Мы видели, что

поляки хотели во что бы то ни стало ополячить всех русских в Белоруссии, Литве, в Подолии, на Волыни, в Галиции, ополячить, сделавши их католиками. Петр Великий помешал было этому, отправив в Польшу своего комиссара для защиты православных; но после него такой силы у России не было, комиссар был выведен, и русские государи подавали только польскому правительству жалобы через своих посланников; но на эти жалобы не обращалось никакого внимания, и гонение на православных русских продолжалось. Екатерина II, любившая подражать Петру Великому и умевшая это делать, хотела и в Польше в защите русских людей возобновить его образ действий. Когда в 1763 году православный епископ Белорусский Георгий Конисский подал императрице жалобу на жестокие притеснения православным от католиков, то она потребовала от польского правительства, чтоб гонения прекратились и чтоб православные имели одинаковые права с католиками; Пруссия пристала к России и потребовала, чтоб и протестанты получили также одинаковые права; так как иноверцы в Польше, и православные, и протестанты, назывались латинским словом диссиденты, то все это дело и называется в истории диссидентским делом, диссидентским вопросом. Правительство польское хотя и неохотно, однако уступило требованию России и Пруссии; но несколько частных людей собрали вооруженные толпы, чтобы уничтожить решение правительства, объявляя, что Россия притесняет в Польше веру и свободу. Такие вооруженные сборища в Польше назывались конфедерациями, и члены их — конфедератами. Императрица по просьбе самого польского правительства велела своему войску усмирить этих конфедератов. Конфедераты одни, разумеется, не могли и думать успешно биться с русскими войсками и потому искали помощи у иностранных дворов; им удалось уговорить Турцию объявить России войну, которая началась в 1768 году тем, что крымские татары опустошили Новую Сербию, пограничную область, населенную при императрице Елизавете сербскими выходцами.

Россия никак не ожидала этой войны, не была к ней готова, и, несмотря на то, в следующем же, 1769 году русские взяли крепость Хотин. В 1770 году генерал Петр Александрович Румянцев поразил стотысячное войско крымского хана на берегу речки Ларги, а потом 21 июля одержал блистательную победу и над турецким войском при Кагуле: у Румянцева при этом было не больше 17 тысяч человек, а у турок — 150 тысяч. В то же время русский флот из Балтийского моря переплыл в Средиземное море и архипелаг под начальством графа Алексея Григорьевича Орлова. 24 июня произошел страшный бой в Хиосском заливе; турецкий флот скрылся в Чесменскую гавань, но русский флот напал на него здесь и сжег. В 1771 году оба берега Дуная были заняты русскими войсками; с другой стороны князь Василий Михайлович Долгорукий в две недели занял весь Крым, это разбойничье гнездо, откуда в продолжение стольких веков татары

нападали на Россию, жгли наши города и села, самую Москву, выводили множество пленных. Большая была разница между старою и новою Россиею: бывало, в старину гонец за гонцом скакал в Москву с известиями о приближении страшных крымских татар к Оке; а теперь гонец за гонцом являлся в Петербург к императрице с донесениями о необыкновенных успехах Долгорукого; на рассвете приедет один, в полдень — другой, перед закатом солнца — третий.

Успехи русских в войне с турками отозвались в Польше. Сначала поляки и сам король Станислав в надежде на турок отказались исполнить последнее постановление о равенстве православных с католиками и принуждены были дорого поплатиться за это, должны были уступить России Белоруссию да Пруссии и Австрии отдать несколько областей. Это было в 1773 году; а в следующем, 1774 году кончилась и турецкая война миром в Кючук-Кайнарджи: Россия получила Азов, две важные крепости при выходе из Азовского моря в Черное — Керчь и Еникале, да третью, Кинбурн, — при выходе в Черное море из залива, который при днепровском устье; все эти места были теперь важны потому, что по мирному договору русские купеческие корабли могли свободно плавать из Черного моря в Средиземное; разумеется, мешал этому Крым, но в мирном договоре было также постановлено, что Крым будет совершенно независим от Турции, а без турецкого покровительства Крым был очень слаб перед Россиею, мешать ничему не мог. Румянцев за свои победы, за то, что проложил русскому войску дорогу за Дунай, получил славное прозвание Задунайского, Долгорукий — Крымского, Орлов — Чесменского.

В то время, когда русские войска были еще заняты в областях турецких, на восточной степной границе, на реке Яик, или Урал, в 1773 году казак Емельян Пугачев поднял бунт, выдавая себя за императора Петра III. Дело было не новое в казацких степях, откуда в Смутное время вышла целая толпа самозванцев, где буйствовал Разин в XVII веке, Булавин при Петре Великом; только теперь главное место бунта было перенесено подальше, вместо Дона казаки волновались за Волгою, на Урале. Они воспользовались тем, что в этих местах не было войска, воспользовались турецкою войною и сначала имели успех, Пугачев побрал маленькие крепости, взял из них пушки, и войско его от 300 человек увеличилось до 25 тысяч; кроме яицких казаков татары, башкирцы, калмыки, беглые крестьяне, каторжники и всякий сброд составляли это войско. От главного войска отделялись шайки и ходили в разные стороны, истребляя помещиков, поднимая против них крестьян. Но как бы ни были велики нестройные толпы Пугачева, все же они не могли устоять, когда императрица отправила против них распорядительных начальников, сперва Александра Ильича Бибикова, а по смерти его — Петра Ивановича Панина, когда явилось и войско с хорошими предводителями, между которыми особенно отличился Михельсон; но беда была в том, что надобно было вести войну на

обширных, малонаселенных пространствах, очень трудно было угнаться за Пугачевым, особенно зимою; разобьют его здесь, а он явится в другой стороне опять с большим войском. В 1774 году Михельсон четыре раза разбил его, а он ушел за реку Каму, подошел к Казани и сжег ее; Михельсон нагнал его тут, поразил опять, а он ушел на эту сторону Волги, взял Пензу, Саратов и пошел вниз по Волге. Михельсон нагнал его и нанес окончательное поражение; но Пугачев все же ушел. В это время приехал к войску Суворов и пустился в степь искать Пугачева. Самозванец был теперь отовсюду окружен войсками правительства; сообщники отчаялись и выдали его; Пугачева привезли в Москву и казнили⁸³.

Когда войны прекратились, опять стало можно императрице заниматься внутренними делами. Устроена была судьба дворянского сословия. Мы видели, что прежде дворяне, получая поместья от государя, обязаны были служить, пока были в силах. Так как войско не было постоянно в сборе для учения, то дворяне в мирное время жили по деревням своим. Когда при Петре Великом войско было преобразовано, стало всегда находиться под ружьем, в учении, то дворяне должны были постоянно находиться при войске; и те, которые поступали в гражданскую службу, также были на ней постоянно, отставок им не давали, разве за старостью и болезнями. При императрице Анне срок службы дворянской был сокращен, именно на 25 лет, а по распоряжению императора Петра III дворяне получили свободу служить и не служить вовсе. Но люди были надобны на службу военную и гражданскую; Екатерина II не хотела принуждать дворян к службе, но хотела привлечь их к тому другими побуждениями. Она дала им грамоту, где вычислены их права; они могли служить и не служить, но неслужащие дворяне в каждой губернии и уезде составляли собрания, которые выбирали из себя членов в разные почетные должности и рассуждали о делах своего сословия; присутствовать в собрании мог каждый дворянин, но участвовать в выборах мог только тот, кто в государственной службе дослужился до офицерского чина: это и должно было заставлять дворянина служить.

В одно время с дворянскою грамотой издано было Городовое положение, которое для городских жителей, купцов и мещан дополняло устройство, данное им Петром Великим⁸⁴. Екатерина II исполняла намерения Петра Великого и относительно управления областями, и относительно устройства судов. Петр Великий, как мы видели, разделил Россию на губернии; но этих губерний было немного и были они очень велики; Екатерина II разделила Россию на 50 губерний, причем главное внимание обращалось на число жителей; каждая губерния заключала в себе от 300 до 400 тысяч жителей и разделялась на уезды в 20 и 30 тысяч душ. Петр Великий не хотел, чтоб один человек управлял и судил; но тогда людей было очень мало, и он не мог исполнить свое желание. Теперь людей стало больше, и Екатерина II

отделила в губерниях управление от суда; судебные места были отделены от губернских правлений и мест, которые заведовали доходами и расходами, кроме того, суд гражданский отделен от уголовного, явились особые места: казенная палата, палата гражданского суда, уголовная палата. Для устройства школ, богаделен и сиротских домов учреждены по губерниям Приказы общественного призрения⁸⁵.

ЧТЕНИЕ XVI

Об училищах и писателях русских при Екатерине II;
о второй турецкой, шведской и двух польских войнах при ней.
— О царствовании императора Павла Петровича

До времен Екатерины II по городам, кроме столиц, не было училищ для всех, за очень немногими исключениями; Екатерина положила основать в больших городах главные народные училища, а в уездных — малые; для этих училищ были составлены очень хорошие по тому времени учебники; впрочем, главные народные училища, или, по-нашему, гимназии, успели открыть в немногих городах; а если еще не было достаточного числа училищ, которые бы приготавливали хороших студентов, то не нужно было и много университетов; потому при Екатерине II не было учреждено новых университетов, оставался один старый, Московский. Между тем для охотников читать увеличивалось число русских книг, увеличивалось число русских писателей, к которым принадлежала и сама императрица. Желая хорошо воспитывать свой народ, смягчить его нравы, уменьшить число преступлений и наказаний, Екатерина II сочиняла для детей нравоучительные сказки, для взрослых — исторические представления, где выводила знаменитых людей древнего времени и заставляла их своими действиями и словами учить добру; если она замечала вредных людей, то сочиняла комедии, где выставяла этих людей в смешном виде; она знала, что если раз над чем-нибудь посмеялись, то этому подражать уже не будут. И другие писатели екатерининского времени твердили в своих сочинениях, что мало выучить человека разным наукам, надобно, главное, хорошо его воспитать, сделать честным человеком. Из прежних писателей Ломоносов не долго жил при Екатерине II: он умер в 1765 году; но Сумароков пережил его двенадцатью годами и десять лет не переставал писать с прежним успехом между современниками; но между потомками больше значит другой писатель екатерининского времени, Фонвизин. В своих комедиях Фонвизин осмеивает, с одной стороны, пороки и грубость нравов, оставшиеся от старины, а с другой стороны, выставяет на позор людей, которые не исполнили желаний Петра

Великого и, вместо того чтобы перенимать у иностранцев одно полезное, знания, искусства, вместо того чтобы становиться лучшими от образованности, не переставая быть русскими людьми, уважая и любя больше всего свое и своих, — вместо этого стали перенимать у иностранцев только наружное, употреблять кстати и некстати чужой язык и презирать свой народ и все свое, не разбирая, что хорошо, что дурно. Против старинной грубости нравов и невежества Фонвизин написал свою знаменитую комедию "Недоросль", а против пороков нового времени, против бессмысленного перенимания чужого написал комедию "Бригадир". Из стихотворцев екатерининского времени первое место занимает Державин, который в великолепных одах прославлял знаменитые события своего времени.

Императрица Екатерина оставила после себя не одни только те сочинения, о которых мы говорили; она оставила сочинения и по русской истории, которою занималась очень усердно, любила читать старинные летописи и поэтому мудро поступала, зная, как что произошло, зная, что свое и что чужое, что надобно сохранить или приобщить и что можно уступить. Довольно было сделано при ней и другими для русской истории. Мы уже упоминали, что при Петре Великом трудами своими по горному делу отличался Татищев Василий Никитич; этот Татищев был обязан своим образованием Петру Великому, который посылал его за границу учиться; по возвращении из-за границы он при Петре и после Петра служил по горному ведомству, потом управлял Оренбургским краем, наконец, был астраханским губернатором; но при этих занятиях Татищев успевал заниматься и русскою историею; он составил свод летописей и написал к ним примечания. Этот важный труд не был напечатан при его жизни, не умели его оценить как следует; но при Екатерине II оценили и напечатали⁸⁶. Кроме того, князь Щербатов⁸⁷ написал подробную древнюю русскую историю; так как иностранные писатели отзывались очень дурно о нашей истории, то нашелся русский человек с большим дарованием, который стал защищать ее: то был генерал Болтин⁸⁸. Сначала, разумеется, занимались древнею русскою историею, о ней толковали и спорили; но в царствование Екатерины II собрано было множество известий о делах Петра Великого: это сделал один трудолюбивый человек, Голиков, и издал под названием "Деяния Петра Великого". Изданием исторических бумаг, журналов и книг был знаменит также Новиков.

Середина царствования Екатерины II, от 1775 до 1787 года, прошла спокойно, и Екатерина воспользовалась этим спокойствием, много сделала полезного, как мы видели. С 1787 года опять начинается война с Турциею. Причиною был Крым, который по Кучук-Кайнарджийскому миру был объявлен независимым. Но татары не умели быть независимыми. Турки не хотели отказываться от своего прежнего господства в Крыму, и им было легко иметь там влияние, потому что

они с татарами были одной магометанской веры и султан турецкий считался главою всего магометанства; Россия, разумеется, не могла спокойно смотреть на то, что независимость Крыма была только мнимая; нашлись и из татар люди, которые не хотели подчиниться турецкому влиянию, хотели разных полезных перемен, хотели выйти из прежнего грубого состояния и потому хотели сближения с Россиею. Таким образом, составились здесь две партии — турецкая и русская и начали бороться друг с другом; ханы возводились на престол и свергались смотря по тому, какая партия возьмет верх; Россия должна была поддерживать ханов, ей преданных, Турция поддерживала своих. Императрица нашла невозможным кончить эту неурядицу иначе как присоединением Крыма к России, что и было сделано в апреле 1783 года совершенно спокойно, потому что последний хан сам отказался от престола. Таким образом, покончилось последнее татарское царство. Вспомним, как началось Русское государство и что оно должно было вытерпеть от кочевых, хищных народов, которые занимали всю юго-восточную часть нынешней России: земледельцу нельзя было выехать в поле работать; откуда ни возьмется половчин, убьет его, пленит семью; купцам нельзя было проехать Днепром из Греции в Киев; сами князья с войском должны были встречать и провожать их, чтоб половцы их не пограбили. И от половцев житья не было; а тут пришли татары и запустошили Россию, особенно южную, наконец наложили на нее дань, заставили русских князей ездить к себе в Орду и кланяться своим ханам. Мало-помалу Россия собралась около Москвы, освободилась от татар и взяла их царства — Казанское, Астраханское, Сибирское; но самое злое татарское царство — Крымское — оставалось, и не было от него покоя, сама Москва не раз видела крымских татар под своими стенами, горела от них, а что доставалось от них пограничным городам и селениям! Сколько русского народа было выведено ими в плен, продано на азиатских рынках и погибло без вести! Только при Петре Великом перестали посылать из Москвы в Крым ежегодную дань в виде подарков; но пока Крым существовал, широкая пустыня должна была находиться между ним и Россиею, потому что никто не смел селиться здесь, боясь хищных татар. Наконец Крым был взят, господство хищных степняков в Европе кончилось, и где прежде не видно было жилья человеческого, там вдруг явились большие, богатые города; где жили прежде одни только дикие звери, там процвело земледелие, и пустыня стала житницею для чужих стран, явилась новая Россия, три губернии — Екатеринославская, Херсонская и Таврическая (потому что Крым назывался в старину Тавридою). Главным помощником императрицы Екатерины в этом великом деле присоединения Крыма и создания Новой России был Григорий Александрович Потемкин, который за то и получил название князя Таврического; Потемкин завел и Черноморский, или Севастопольский, флот.

Турция на первых порах признала присоединение Крыма к России; но, разумеется, не могла оставаться спокойною, особенно когда с разных сторон начали толковать ей, как опасно для нее усиление России, как необходимо положить ему предел, и в 1787 году Турция, надумавшись и собравшись с силами, вдруг объявила войну России. Россия была застигнута врасплох; беда пошла за бедой: неурожай, дороговизна, болезни в войске; страшная буря разбила новорожденный Севастопольский флот. Чтоб успешнее действовать против Турции, не иметь помех в Австрии, императрица Екатерина заключила с нею союз; за это рассердились Пруссия и Англия и стали вредить России. Императрица предложила союз Польше; но Польша отвергла предложение и передалась на сторону врагов России, заключила союз с Пруссиею; наконец, шведский король Густав III без всякой причины объявил войну России: он хотел воспользоваться затруднительным положением России, напасть на Петербург, около которого не было войска, и заставить Екатерину II уступить Швеции завоевания Петра Великого⁸⁹. Положение России было крайне тяжелое; но императрица Екатерина не упала духом и писала Потемкину: "Прошу ободриться и подумать, что бодрый дух и неудачу поправить может". Она приказала вести против турок наступательную войну; Потемкин осадил Очаков, который и был взят 6 декабря 1788 года. В следующем году Суворов одержал победу при Фокшанах и особенно блистательную победу при реке Рымнике, за что и получил прозвание Рымникского. На севере опасность от шведов произвела сильное одушевление в народе: дворяне, города, села добровольно выставляли рекрутов; Густав III увидал, что не может иметь никакого успеха в войне, и в августе 1790 года заключил мир, не приобретя ни одной сажени земли от России; мир этот называется Верельским, потому что заключен в Верельской долине, на берегах реки Кюмени. Осталась одна турецкая война; в 1790 году Суворов взял приступом сильную крепость Измаил, недалеко от Дуная, и в следующем году турки должны были согласиться на мир, который и был заключен в Яссах: Крым был утвержден за Россиею и северный берег Черного моря был закреплен за нею приобретением Очакова и лежащей около страны.

Оставалось покончить с Польшею, которая сильно обнаружила свою вражду к России в последнее время, воспользовавшись ее затруднительным положением. Теперь обстоятельства были благоприятны для России: в Польше боролись две партии вельмож, из которых одна сама обратилась к императрице Екатерине с просьбою о помощи; Пруссия, которая сначала обещала полякам защиту и этим ободрила их действовать враждебно против России, теперь обратилась против них же; русскому войску не стоило большого труда пройти до Варшавы и занять ее; война кончилась в 1793 году тем, что Россия получила еще старые русские земли, нынешние губернии Минскую, Вольнскую и Подольскую; Пруссия взяла также значительные

польские земли. Поляки не хотели равнодушно переносить этих потерь и в 1794 году напали врасплох на русский отряд, оставившийся в Варшаве, и истребили из него больше 2 тысяч человек. Они объявили войну и России и Пруссии, и сначала русские с пруссаками действовали вместе: прусским войском командовал сам король Фридрих Вильгельм II, а русским — генерал Ферзен; но прусский король скоро ушел, узнавши, что сзади него вспыхнуло восстание в польских областях, принадлежавших Пруссии. Тогда русским одним надобно было оканчивать дело. В Польшу явился Суворов, которому должно было соединиться с Ферзеном и идти прямо к Варшаве; польский главнокомандующий Костюшко хотел помешать этому соединению и поспешил напасть на Ферзена при местечке Мацевевицах, в 12 милях от Варшавы, 30 сентября 1794 года; здесь поляки потерпели страшное поражение: Костюшко, бросив свою саблю, сказал: "Конец Польше!" — и был взят в плен. После этого Суворов соединился с Ферзеном, пошел к Варшаве и взял ее предместье Прагу. Этим войном кончилась; у Польши не оставалось больше никаких сил; король Станислав Август отказался от престола и переехал в Петербург; Россия получила Литву и Курляндию, а польские земли разобрали Пруссия и Австрия.

Так императрица Екатерина II покончила свое славное дело — дело присоединения Западной России. При великом князе Иоанне Даниловиче Калите начала собираться Русская земля около Москвы; но собиралась только Россия Восточная, а Западная была отхвачена Литвою и поляками; с великого князя Иоанна III Васильевича начала понемногу и западная Россия присоединяться к восточной; потом, при царе Алексее Михайловиче, присоединилась значительная ее часть, и царь Алексей уже принял титул "Всея Великия и Малыя и Белья России самодержца"; но это был только титул, а Екатерина II действительно стала государынею Всея Великия и Малыя и Белья России. Важно было не то, что Россия распространилась, приобрела обширные земли, важно было то, что эти земли были старинные русские, населенные русским православным народом, который избавился от католических гонений, избавился от беды перестать быть русским, ополячиться. Екатерина II любила давать славные прозвания своим полководцам; но самой ей принадлежит славное прозвание Собирательницы русских земель. Мало того, что Екатерина собрала старые русские земли, стала действительно государынею и Малыя и Белья России, она создала еще Новую Россию; из обширной пустыни, где с незапамятных пор не было никакой безопасности для мирного человека, сделала богатую житницу, где в короткое время мог вырасти такой богатый и многолюдный город, как Одесса. Петр Великий дал России Балтийское море, а Екатерина II — Черное, которое в старину называлось Русским.

Знаменитая приобретательница русских земель и русского моря кончила свою славную жизнь 6 ноября 1796 года. Вступивший после нее на престол сын ее, император Павел Петрович, сначала хотел было

царствовать мирно; но тогдашние обстоятельства в Европе не могли ему этого позволить. Еще с 1789 года во Франции начались смуты, дошедшие до того, что король был свергнут и умерщвлен, братья его и множество знатных людей принуждены были бежать; французы учредили у себя республику. Австрия, Пруссия, Испания, хотевшие было остановить их, были побеждены; соседние страны — Нидерланды, Швейцария, Италия — были завоеваны, и по всему было видно, что республика во Франции долго не продержится, что власть перейдет в руки самого победоносного из генералов, а таким был Наполеон Бонапарт. Бонапарт, прославившись победами своими над Австриею, отправился морем на завоевание Египта; Египет принадлежал Турции, Турция стала просить Россию о защите, и русский флот пошел к ней на помощь, а к началу 1799 года составиля союз из России, Австрии, Англии и Турции, чтоб остановить успехи французов, принудить Францию войти в прежние границы и этим восстановить в Европе прочный мир.

Чтоб выгнать французов из Италии, пошло туда русское войско под начальством графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского. Это был самый знаменитый из генералов, оставшихся от екатеринского царствования. Мы видели, что, начавши службу при императрице Елизавете, Суворов особенно прославился при Екатерине в войнах с турками и поляками. Он отличался тем, что умел верно рассчитать, где надобно нанести удар, как появиться внезапно перед неприятелем, напасть на него смело и решительно; правила свои он выражал тремя словами: глазомер, быстрота, натиск. Суворов умел также приобрести любовь солдат в высшей степени: этому помогала необыкновенная его простота и умеренность в жизни, простота в обращении, шутки и прибаутки, чудачество, причем, однако, Суворов умел быть строгим, когда требовал исполнения служебных обязанностей.

Весною 1799 года Суворов приехал к армии в Северную Италию и начал дело тем, что разбил французов в трехдневном бою на берегах реки Адды, после чего занял два главных города Северной Италии — Милан и Турин, — и в полтора месяца почти вся эта страна была уже очищена от французов. На помощь своим пошел из Южной Италии французский генерал Макдональд; Суворов напал на него на реке Треббии. Было начало июня, жар страшный, итальянский, к которому русские солдаты не привыкли; два дня бились они и едва могли держаться от зноя. Суворов сам лежал в истомлении у большого камня; к нему подъехал один генерал и стал говорить, что войско не может более выдерживать, надобно отступить. Суворов отвечал ему: "Попробуйте сдвинуть этот камень... не можете?... Ну так и русские не могут отступить". Семидесятилетний старик поднялся, сел на лошадь и появлением своим заставил и солдат забыть усталость; французы были отброшены за реку со страшным для них уроном. Покончивши с Мак-

дональдом, Суворов пошел на другого французского генерала, Жубера, с которым встретился у Апеннинских гор, подле городка Нови. 4 августа произошла битва: французы потерпели жестокое поражение, генерал Жубер был убит; русские взяли у неприятеля почти все пушки и до 4500 человек пленных. Суворов за свой итальянский поход получил титул князя Итальянского.

Победа при Нови была последнею победою Суворова в Италии. Здесь теперь русские войска и Суворов не были более нужны, здесь и одни австрийцы могли справиться с французами. Русские и Суворов были гораздо нужнее в Швейцарии, где французский генерал Массена бил австрийцев. Положено было, чтоб Суворов шел из Италии в Швейцарию и соединился там с русским генералом Римским-Корсаковым. У Суворова было только 20 тысяч войска, у Корсакова — 24 тысячи, а у французов — 70 тысяч; кроме того, Суворову надобно было переходить чрез высочайшие горы, а русский человек по горам лазить не привык; наконец, время было уже осеннее, ненастное, сентябрь месяц. Русские стали взбираться на высокую гору Сен-Готард с неимоверными усилиями, то подсаживали друг друга, то упирались штыками. На гору взобрались, теперь надобно было спускаться, а внизу французы. К счастью, разостался густой туман; русские просто скатились с горы на французов и обратили их в бегство; но этот тяжелый переход через Сен-Готард стоил Суворову 2 тысяч человек. Беды этим не кончились, а только еще начинались. Надобно было пролезать сквозь узкое и низкое отверстие, пробитое в утесах; надобно было проходить через знаменитый Чертов мост, перекинутый с одного утеса на другой над бездною, на высоте 75 футов, и при этом нужно было сражаться, каждый шаг покупать кровью. Наконец пришли к такому месту, от которого впереди были одни тропинки, в позднее время года доступные только смелым охотникам, привыкшим с малолетства карабкаться по громадным утесам и ледникам. Но Суворов во что бы то ни стало хочет идти дальше, к назначенному месту, чтоб соединиться с Римским-Корсаковым и не отдать его в жертву французам. В воздухе была сырая мгла, так что нельзя было ничего рассмотреть, что наверху, что внизу; солдаты лезут ощупью; обувь у них избилась, сваливается с ног; сухарные мешки совсем опустели, так что нечем подкрепить истощенные силы; а тут страшные вести: Корсаков разбит французами и отступил дальше, а победитель его, Массена, собирается запереть русским дорогу. Массена был твердо уверен, что Суворов со своим 18-тысячным войском положит оружие перед неприятелем, которого было 70 тысяч. 18 сентября Суворов собрал военный совет и объявил, что, с тех пор как Петр Великий был окружен турками при реке Прут, никогда еще русское войско не находилось в таком затруднительном положении, как теперь. "Мы среди гор, — говорил он, — мы окружены неприятелем многочисленным: что нам делать? Идти назад стыдно: никогда еще я не отступал; у нас нет хлеба, нет пушек; помощи ждать

не от кого. Одна надежда на всемогущего Бога да на храбрость войска. Мы русские! С нами Бог! Спасите честь России и государя! Спасите сына нашего императора!”, потому что великий князь Константин Павлович находился при войске. Генералы отвечали, что войско готово идти всюду, куда поведет великий полководец. Решено было пробиваться силою, и пробились. 26 сентября русские вышли из гор в самом печальном виде, изнуренные беспримерным походом, продолжительным голодом, ежедневными битвами, оборванные, босые, большая часть обоза погибла, не на чем было везти раненых.

Суворов, выведя войско из Швейцарии, расположил его сначала в Баварии, а потом перевел в Богемию и дожидался, куда прикажут ему направить поход. Но император Павел решил прекратить войну, потому что был недоволен австрийцами: он приписывал поражение Корсакова тому, что австрийцы поспешили вывести свои войска из Швейцарии и оставили русских одних, тогда как французов было там в три раза больше⁹⁰. Суворов возвратился в Петербург, где и умер 6 мая 1800 года. Между тем во Францию возвратился из Египта Наполеон Бонапарт и овладел верховною властью, назвавши себя Первым Консулом. Он очень обрадовался неудовольствию императора Павла на Австрию, стал искать мира с Россиею и получил его. Скоро после того император Павел скончался, 11 марта 1801 года⁹¹. Самым важным из его внутренних постановлений было учреждение об императорской фамилии, которым определялся порядок преемства престола.

ЧТЕНИЕ

XVII

О царствовании императора
Александра I Павловича до 1814 года

Император Павел Петрович оставил четверых сыновей — Александра, Константина, Николая и Михаила, из которых старший, Александр Павлович, и вступил на престол. В начале его царствования, в 1801 году, учрежден был Государственный совет, а в следующем году вместо коллегий учреждены министерства. Приведено к концу дело императрицы Екатерины II, повсюду учреждены народные училища, и главные из них, находящиеся в губернских городах, названы гимназиями, а малые — уездными училищами; кроме того, для первоначального образования учреждены приходские училища. Основаны были три новых университета — в Казани, Харькове, а потом в Петербурге.

Между тем в Европе продолжалось бурное время, одна война шла за другою, и Россия должна была принимать в них участие. Мы

видели, что во Франции овладел верховною властью генерал Наполеон Бонапарт. Сначала он назывался Первым Консулом, а потом принял титул императора⁹². Так как Наполеон достиг верховной власти потому, что был искусный полководец, прославился победами, то, чтобы удерживаться на престоле и привязывать к себе войско, ему нужно было поддерживать и увеличивать свою военную славу, беспрестанно воевать, побеждать, увеличивать свое государство; он завоевывал соседние земли, свергал с престола законных государей и на их места сажал своих братьев и родственников. Ни один государь не считал себя безопасным, если не хотел быть в совершенной зависимости от Наполеона, исполнять все, чего только он ни потребует. Понятно, что государства, которые поважнее, должны были соединяться, чтоб защитить свою свободу и положить границы честолюбию Наполеона. Но беда была в том, что сначала эти союзы не были общие, не все государства вдруг соединились против Франции, и от этого Наполеон выходил каждый раз победителем, с новою славою и с новою добычею. Так, в 1805 году поднялся против него Австрия; император Александр помогал ей, но как ни уговаривал он прусского короля Фридриха Вильгельма III вступить в союз, тот не согласился, и вышло то, что война кончилась победою Наполеона при Аустерлице, в Моравии, и Австрия должна была помириться на тяжелых для себя условиях. Тогда Наполеон стал очень неуважительно обходиться с Пруссиею, думая, что она теперь одна не посмеет вооружиться против него; Пруссия, однако, решилась на это, надеясь на свое войско и на помощь России и Англии; но теперь Австрия не хотела и не могла, после недавней несчастной войны, пристать к союзу. Прежде чем русское войско пришло на помощь, Наполеон, который отличался быстротою своих движений, успел в один день уничтожить прусское войско, после чего почти все прусское королевство было завоевано в несколько недель. Русские, пришедшие на помощь пруссакам, должны были теперь одни воевать с Наполеоном. В двух битвах; при Пултуске и Прейсиш-Эйлау, они дали ему такой отпор, какого он прежде никогда не встречал, и когда в третьем сражении, при Фридланде, ему удалось взять верх, то он поспешил заключить мир с императором Александром, имел с ним личное свидание, оказывал к нему знаки сильного уважения и дружбы, обещал помогать в исполнении всех его намерений. Мир был заключен в городе Тильзите в 1807 году. Наполеон отнял у Пруссии много земель, хотел притеснить ее и еще больше, да император Александр отстоял. Из польских земель, которые в прошлом веке отошли к Пруссии, Наполеон составил герцогство Варшавское и отдал его союзнику своему, королю саксонскому, которого он усиливал, чтобы иметь опору против Пруссии и Австрии, а Россию хотел страдать поляками, которые надеялись, что он восстановит прежнюю Польшу, и думали, что в образовании герцогства Варшавского уже положено этому начало.

Война шла за войною. Только что кончилась французская война, началась шведская в 1808 году! Русские завоевали всю Финляндию и в начале 1809 года по льду перешли через Ботнический залив в самую Швецию. Война кончилась в этом же году миром во Фридрихсгаме, по которому Россия приобрела всю Финляндию до реки Торнео, также Аландские острова. Но долго тянулась война турецкая, которая началась еще в 1806 году, благодаря тому же Наполеону, который уговаривал турок воевать с Россиею; благодаря ему же война и затягивалась, потому что сам он после Тильзитского мира овладел Испаниею и Португалиею, а не хотел, чтоб России досталось что-нибудь значительное от Турции. В этой турецкой войне отличился граф Каменский, который в 1810 году одержал над турками блистательную победу при Батыне, недалеко от Рущука. В следующем году Каменский умер; начальство над войском принял Кутузов: он заманил турок на левый берег Дуная и нанес им страшное поражение при Слободзее; турецкое войско было уничтожено, и султан согласился на мир, который был заключен в Бухаресте в мае 1812 года; Россия приобрела Бессарабию.

Бухарестский мир был очень выгоден для России тем, что в это время ей было не до турок, она должна была готовиться к войне небывалой, к войне с целою Европой. С Наполеоном императору Александру жить долго в мире было нельзя; Наполеон не мог терпеть равных себе государей, ему хотелось, чтоб все государи ему повиновались и позволяли ему распоряжаться в Европе как угодно. Мешали ему в этом два государства: Россия да Англия. Англию достать ему было нельзя, потому что она на острове; Англия была сильна и богата своим флотом, своею обширною торговлей во всех частях света, своими фабриками и заводами. Что же Наполеон придумал, чтоб ослабить и разорить Англию? Так как все государства в Европе, кроме России, или принадлежали ему, его братьям и родственникам, или боялись его и делали все, что он хотел, то он всюду запретил пропускать английские товары, произведения английских фабрик, также колониальные товары, сахар, кофе и прочее, которые преимущественно Англия доставляла в Европу; где только найдут английские или колониальные товары, провезенные тайком, сейчас жгут, истребляют. И Россия при заключении Тильзитского мира обещала разорвать союз с Англиею и не допускать английских кораблей в свои гавани. И этого было уже очень много, потому что русская торговля сильно потерпела от прекращения торговли с Англиею. Но Наполеон требовал, чтобы Россия не пускала в свои гавани кораблей и таких народов, которые вовсе не были в войне с Франциею, например американских кораблей, на том основании, что на этих кораблях могли привозиться английские товары; одним словом, Наполеон требовал совершенного прекращения русской морской торговли; требовал, чтоб в России пошлины на товары были такие же, как во Франции. Император Александр велел отвечать ему, что он намерен свято сохранять союз с Франциею, но что

пошлины и другие постановления есть дело внутреннее, которым каждое государство распоряжается смотря по тому, как выгоднее для его подданных. Наполеон не мог никак переносить таких ответов, не мог переносить, что есть страна, которой государь равен ему и может не соглашаться на его требования; Наполеон знал, что, пока Россия была сильна, пока ее государь не подчинялся ему, до тех пор у всех других народов, притесненных французами, особенно у немцев, была надежда, что Россия поможет им избавиться от французов. Наполеону поэтому нужно было отнять у них эту последнюю надежду, нужно было ослабить и Россию точно так же, как ослабил Австрию и Пруссию, и заставить ее так же повиноваться себе, как повиновались ему эти страны, Австрия и Пруссия. До сих пор он воевал с русскими на чужой земле, то на австрийской, то на прусской; а теперь, чтоб нанести России самый чувствительный удар, чтоб заставить ее помириться на условиях, каких ему хотелось, ему нужно было победить русское войско в самой России; он привык предписывать мир государствам, овладевши их столицами: поэтому ему хотелось овладеть какою-нибудь русскою столицей, Москвою или Петербургом, если не обеими вместе. Дело было опасное, страна дальняя, суровая, малоизвестная; но Наполеон надеялся на то, что теперь у него будет войско со всей Европы и России нельзя будет с ним бороться, испугается, станет просить мира и примет мир, какой ему будет угодно дать ей.

С 1811 года Наполеон стал собираться на Россию. Летом 1812 года он придвинул к русским границам 600 тысяч войска, в котором были кроме французов итальянцы, голландцы, австрийцы, пруссаки, немцы всех остальных немецких государств, испанцы, португальцы, поляки. 11 июня наполеоновская армия перешла реку Неман между Ковно и Гродно. Император Александр находился в это время в Вильне; узнав о вторжении неприятеля, он дал приказ войскам, в котором говорилось: "Не нужно мне напоминать вождям и воинам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете веру, отечество, свободу. Я с вами. На зачинающего Бог!" Тогда же император Александр объявил: "Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем".

В манифесте государя, изданном 6 июля, русские люди читали: "Да встретит неприятель в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют". Русские люди немедленно откликнулись на этот призыв. В Смоленске дворянство заявило, что выставляет 20 тысяч ратников для земского ополчения. 11 июля государь приехал в Москву: здесь дворянство определило выставить 80 тысяч ратников и пожертвовало до 3 миллионов деньгами, а купечество — до 10 миллионов; и вообще в России выставлено было добровольно до 320 тысяч ратников и пожертвовано не менее 100 миллионов рублей денег.

Число настоящего войска, которое Россия могла выставить вначале против французов, простиралось до 200 тысяч человек. Войско было разделено на две части: одна была под начальством генерала Барклая де Толли, а другая — князя Багратиона; потом обе части соединились. Жестокие битвы у русских с французами были в начале августа месяца за Смоленск. Генералы Раевский, Дохтуров, Коновницын, Неверовский отлично отбивали неприятеля от этого города; но скоро не за что стало биться: от страшной стрельбы, от пожара Смоленск представлял груды развалин. Русские отступили, и французы заняли Смоленск; но здесь из 2250 домов уцелело только 350, улицы были завалены телами убитых и раненых. Наполеон увидал, что война в России вовсе не такая, к какой он привык в других странах, и попытался завести мирные переговоры, толковал, что русские ему вовсе не враги, а император Александр — друг, что не стоит вести войны из-за кофе и сахара, что ничего не выйдет хорошего, когда он займет Москву. Ответа ему не было никакого; а русское войско все отступало; что тут было делать Наполеону? Возвратиться нельзя, стыдно; пошел дальше на Москву.

Император Александр назначил тогда одного главнокомандующего над всем войском, старого, шестидесятилетнего генерала Михаила Илларионовича Кутузова. Кутузов стал известен как отличный генерал при императрице Екатерине; его любили Румянцев и Суворов; недавно прославился он блистательным окончанием турецкой войны. 17 августа приехал к войску новый главнокомандующий. "Приехал Кутузов бить французов", — говорили солдаты. Им тяжело было все отступать, хотя отступать и было нужно; и Кутузов сначала пошел назад, но остановился в 108 верстах от Москвы, в Можайском уезде, у Бородина. Здесь 26 августа на рассвете началось сражение, и к вечеру, когда оно прекратилось, с обеих сторон, у русских и французов, вышло из строя более 100 тысяч человек. Поле сражения осталось за русскими, и Кутузов хотел на другой день опять начать битву; но когда ночью сосчитал урон, то нашел, что биться нельзя, и велел отступить к Москве; французы шли следом.

Узнав о приближении неприятеля, московские жители стали покидать свои дома и уезжать, преимущественно на север и восток; укладывались и увозились дорогие казенные вещи, Оружейная палата, ризницы, архивы; Ярославская и Нижегородская дороги особенно были запружены обозами и экипажами; бедные шли пешком, везли детей на ручных тележках. 1 сентября русское войско расположилось на биваках в двух верстах от Москвы по Смоленской дороге; на Поклонной горе, с которой путешественники, завидев Москву, кланяются ее святыне, — на Поклонной горе сидел старик Кутузов; около него толпились генералы и толковали, что положение невыгодно, нельзя тут давать другого сражения, Москву не спасти, только последнее войско погубится; вечером в деревне Филя, в избе, где остановился Кутузов,

держали военный совет и решили — отдать Москву и войску перейти через нее на Рязанскую дорогу. 2 сентября на рассвете русские войска начали переходить через Москву, а за ними следом явились французы. Наполеон, увидавши Москву с Поклонной горы, сказал: "Так вот он наконец, этот славный город". Подъехав к заставе, Наполеон сошел с лошади и прохаживался взад и вперед, дожидаясь депутации; он по привычке думал, что вот явятся к нему самые знатные жители Москвы, поднесут ключи от города и будут говорить ему приветственные речи. Но он дожидался понапрасну; пришли несколько иностранцев и объявили, что Москва пуста. Наполеон переночевал под городом, в Дорогомиловской слободе, а на другой день, 3-го числа, утром, переехал в Кремль и поместился во дворце. Но еще накануне, 2-го числа, начались пожары, а в ночь с 3-го на 4-е число пламя обхватило большую часть города; в полдень 4-го числа пожар вспыхнул в Кремле, и Наполеон с большим трудом выбрался за город и поместился в Петровском дворце. В продолжение трех суток горело в Москве три четверти домов, большая часть церквей была разрушена или разграблена. Русские, не захотевшие оставить Москву, натерпелись больших бед, почти все были обобраны дочи́ста; хлеба достать было негде, и если где французы прознают про хлеб, сейчас отнимут; собирали овощи по огородам, доставали мокрую муку с барок, севших на дно. Французы ели не вкуснее: у них разложены были костры из дорогой мебели, подтапливались иконами, дорогими книгами и картинами, на кострах кипели котлы, в которых варилась конина; по улицам валялись головы сахару, мешки с кофе, а хлеба не было.

Приближение зимы, которую надобно было встречать в пустой, обгорелой Москве, сильно беспокоило Наполеона. Он не знал, что это такое делается, куда он зашел. Привык он, что как скоро овладевал столицею государства, то война кончена, у него просят мира, соглашались на все его требования; а тут занял он столицу, столица оказалась пустая и сейчас же сгорела, и ниоткуда ни слуху ни духу. Попробовал он опять предложить мир императору Александру — ответа не было; попробовал пригрозить, что пойдет на Петербург, — нет ответа. Император Александр сказал своим, когда узнал о потере Москвы: "Я отращу себе бороду и лучше соглашусь жить в Сибири, чем заключить мир, подписать стыд Отечества и добрых подданных, пожертвования которых умею ценить".

Мы видели, что Кутузов 2 сентября провел войско через Москву на Рязанскую дорогу; но потом свернул на Калужскую и остановился при селе Тарутине за рекою Нарою: он прикрыл Калугу, где находились большие склады съестных припасов, Тулу, где оружейный завод, и удерживал свободное сообщение с хлебородными губерниями. Здесь войска дожидалось, когда начнутся проводы незваных гостей из Москвы; а между тем стали действовать партизаны: так назывались небольшие, легкие отряды войска, которые с необыкновенною быстротой

появлялись, исчезали, знали все и не упускали случая вредить неприятелю, главное, не давали ему собирать съестные припасы; из партизанских вождей особенно прославились Давыдов, Фигнер и Сеславин. Кроме партизан вставали крестьяне и также не упускали случая истреблять французов. Особенно много их было истреблено в Сычевском уезде Смоленской губернии, где жители действовали против неприятеля под начальством майора Емельянова; в Гжатском уезде вооруженными крестьянами предводительствовал гусар Самусь. Были и мученики народного дела: французы расстреляли смоленских помещиков Энгельгардта и Шубина за то, что они участвовали в народной войне против них. Крестьяне Вохненской волости села Павлова действовали против французов на реке Клязьме под начальством своего же крестьянина Курина.

Французам к концу сентября приходилось все хуже и хуже в Москве: стреляли ворон, ели кошек, лошадиную пададь, от чего начались болезни; наступили сырые холодные ночи, а погреться нельзя, дров нет, от этого опять болезни; а к русскому войску при Тарутине с разных сторон шли обозы; благодаря большим пожертвованиям, доставленным жителями подмосковных и южных губерний, солдаты почти ежедневно имели мясо и вино. С каждым днем русская армия усиливалась, а неприятельская ослабевала. 3 октября Наполеон послал к Кутузову с мирными предложениями; фельдмаршал донес об этом императору, и тот отвечал: "В настоящее время никакие предложения неприятеля не побудят меня прервать брань и тем ослабить священную обязанность отомстить за оскорбленное Отечество".

Наступила пора русскому войску действовать. Верстах в десяти от русского тарутинского лагеря, на реке Чернишне, стояла часть французского войска под начальством зятя Наполеона, неаполитанского короля Мюрата; половина русского войска напала на французов, опрокинула их и отняла множество пушек. Наполеон, узнавши об этом, отдал приказ немедленно выходить из Москвы. Сам он выехал из Москвы 7 октября, но оставил здесь одного из своих генералов с приказанием взорвать Кремль и зажечь все общественные здания. В полночь на 11 октября запылал кремлевский арсенал и другие здания, раздался страшный взрыв, за которым следовали еще шесть: разрушены были дворец, часть колокольни Ивана Великого, арсенал, стены были повреждены во многих местах; но соборы уцелели. 11 октября все французы ушли из Москвы.

Между тем Наполеон шел к Калуге, и 11 октября французы заняли Малоярославец; но к этому же городу спешили русские из Тарутина. 12 числа у них с французами начался бой; Малоярославец несколько раз переходил из рук в руки и наконец превратился в кучу развалин. После этого Наполеон пошел по Смоленской дороге; русские преследовали его с тыла и боков. Генерал Милорадович поразил французов при Вязьме; атаман донских казаков Платов на реке Вои, близ

Духовщины. В начале ноября было большое сражение под Красным: здесь русские взяли больше 26 тысяч пленных и 126 пушек. С того же времени, с ноября, наступили морозы и начали истреблять французов, в одну ночь замерзло по 300 человек. Наполеон спешил переправиться за реку Березину, но при этой переправе армия его потеряла 20 тысяч пленных, множество убитыми, почти всю артиллерию и обозы; морозы, доходившие до 30 градусов, довершили истребление французов. Не доезжая Вильны, Наполеон покинул ничтожные остатки своей армии и уехал в Париж.

Император Александр обещал не полагать оружия, пока ни одного неприятельского воина не останется в его царстве. Теперь к концу 1812 года ни одного неприятельского воина не было в России, кроме пленных. Но император Александр не мог и теперь положить оружия, потому что изгнанием французов из России была сделана только половина дела. Наполеон, получивший престол вследствие побед своих, считал войну, победы, завоевания несобходимыми, чтоб держаться на престоле; теперь он потерпел страшное поражение, покрывшись бесславием, и потому престол его был потрясен; чтоб удержаться на престоле, ему нужно было опять воевать, побеждать, завоевывать, нужно было загладить свое поражение, заставить забыть о нем; следовательно, пока Наполеон был на престоле, спокойствия для Европы и для России быть не могло; прекратить теперь войну значило оставить Европу под владычеством Наполеона, значило оставить в его руках все средства тревожить Россию, мстить ей за неудачу и позор. Другие государства и самые главные, Пруссия, Австрия, так боялись Наполеона, что одни не могли тронуться; но готовы были встать, если б русское войско явилось среди них. И вот русские войска 1 января 1813 года перешли границу, реку Неман и в начале февраля дошли до реки Одер. Кутузов, получивший титул князя Смоленского за проводы французов по Смоленской дороге, умер в апреле месяце. Главное начальство после него принял князь Витгенштейн; но сам император Александр постоянно находился при войске. Пруссия перешла на сторону России; Австрия немного помедлила, но потом также присоединилась к России и Пруссии⁹³; кроме этих трех держав в союзе были еще Англия и Швеция. Мы видели, что до двенадцатого года Наполеон выходил всегда победителем, потому что никогда не составлялось против него сильного союза, то одна Австрия с Россиею, то одна Пруссия с Россиею; но теперь, когда Наполеон потерпел такое поражение в России, когда страх перед ним исчез и когда император Александр показал твердую решимость биться с ним до конца, то и составилась такой сильный союз, с которым Наполеону уже нельзя было сладить, хотя сначала он быстро набрал новое войско, явился с ним в Германию и имел большие успехи. Союз держался крепко благодаря императору Александру, который умел ободрить при неудаче, уладить, согласить при разномыслии, поддержать твердость,

уговорить вести дело до конца, не останавливаться на половине дороги. 17 августа в Богемии, при Кульме, французский генерал Вандам был поражен и взят в плен, благодаря стойкости русских войск, бывших под начальством графа Остермана-Толстого и Ермолова. Наконец все союзные армии соединились и дали Наполеону битву в Саксонии, при Лейпциге. Бой продолжался три дня (4, 6 и 7 октября), билось полмиллиона войска, составленного из разных народов, гремело 2 тысячи пушек; Наполеон потерпел страшное поражение, потерял около половины своего войска и ушел во Францию. Германия была освобождена.

ЧТЕНИЕ XVIII

О царствовании императора Александра I
с 1814 года и о царствовании императора Николая Павловича

Мы видели, что в конце 1813 года, после страшной Лейпцигской битвы, которую справедливо называют битвою народов, французы должны были очистить Германию, а в начале 1814 года войска союзных государей уже перешли во Францию. Наполеон, с остатком своего войска, защищался упорно, но принужден был напоследок дать дорогу союзникам к своей столице, к Парижу. Они подошли к этому городу 17 марта, и после жестокой битвы 18-го числа, веденной преимущественно русскими, Париж сдался. 19 марта император Александр, вместе с королем прусским, торжественно вошел в него; на парижской площади был отслужен русский благодарственный молебен за освобождение Европы, и вся Европа признавала, что этим освобождением была обязана русскому государю. Избавление не могло быть верным, пока Наполеон оставался во Франции и назывался императором французов, и потому император Александр в тот же день, 19 марта, объявил, что ни он, ни союзники его не намерены входить ни в какие переговоры с Бонапартом и ни с кем из его родственников. Вследствие этого французы провозгласили государем брата последнего своего короля; Наполеон отрекся от престола, и ему дали во владение небольшой остров Эльбу, подле Италии. Скоро, однако, он ушел с острова Эльбы опять во Францию, возмущил здесь войско, вошел в Париж и опять провозгласил себя императором французов⁹⁴, но был побежден, схвачен англичанами, когда хотел бежать в Америку, и заточен на один из африканских островов — остров Святой Елены⁹⁵.

Император Александр не хотел за Москву мстить в Париже; Париж остался цел и невредим. Москва, отомщенная великодушием в Париже, быстро оправлялась после пожара и разорения и станови-

лась богаче и красивее прежнего. После недавней страшной беды и великой славы вспомнили старую беду и славу, вспомнили, как ровно за двести лет до нашествия французов Москва была захвачена поляками и сожжена, как русские люди, видя такую беду, не отчаялись, но собрались к Москве и очистили ее и все государство от врагов. Император Александр велел в Москве, на Красной площади, поставить памятник: на нем представлен Минин, зовущий князя Пожарского принять начальство над войском и вести его на избавление Москвы и России. Надпись на памятнике говорит: "Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия".

И другой достойный памятник явился, памятник не Минину и Пожарскому только, а всем знаменитым людям древней России: то была "История государства Российского", сочинение Николая Михайловича Карамзина. Карамзин воспитался и начал писать еще при императрице Екатерине и скоро стал первым русским писателем по красоте и легкости своего языка, а в царствование императора Александра I Карамзин посвятил свой талант написанию древней русской истории, которую довел до 1612 года. В царствование же Александра I начал писать величайший из русских стихотворцев — Пушкин. Тогда же Крылов писал свои басни, которые учат наизусть и долго будут учить наизусть русские дети. Между ними есть одна, написанная по поводу событий двенадцатого года. Это басня "Волк на псарне", где чрезвычайно живо представлен Кутузов под видом старого охотника, а Наполеон под видом волка, который, попавшись к врагам, старается завести с ними мирные переговоры.

После свержения Наполеона император Александр был главным государем в Европе; по его мысли, все важнейшие дела между государствами должны были решаться мирно, сообща, на съездах государей и министров их; такие съезды называются конгрессами. Конгрессов было несколько в разных городах; но самый важный был в Вене в 1814 и 1815 годах, на котором было решено, какому государю чем владеть после французского разгрома, потому что у Франции взяли все ее последние завоевания и свели Наполеонову родню со всех престолов. На этом венском конгрессе было решено герцогство Варшавское, которое составил Наполеон из польских областей, принадлежавших Пруссии, и отдал саксонскому королю, присоединить к Российской империи под именем Королевства или Царства Польского. Император Александр хотел облагодетельствовать поляков, дал им особое управление и привел страну в цветущее состояние, в каком она до сих пор никогда не бывала; усилились промыслы, торговля, разбогатели города; но поляки все не были довольны и своими требованиями сильно огорчали императора, а между тем тайком составлялись заговоры, как бы при первом удобном случае отделиться от России.

Много заботы и печали было императору Александру также от турок. Греки, бывшие под их властью с половины XV века, не хотели

больше выносить тяжелого ига иноверных варваров и в 1821 году поднялись в Морее и на островах архипелагских. Турки расшвыряли и стали истреблять и тех греков, которые против них не восставали; Константинопольский патриарх Григорий и два других архиерея были распяты в церкви в самое Светлое Воскресение. Россия начала вступаться за своих единоверцев, образумливать турок; но султан не хотел ничего слышать, он думал, что Россия-то и всему виною, что греки восстали с ее ведома и согласия. Четыре года император Александр терпел; но по всему было видно, что без войны турок образумить нельзя; войны, однако, не было, потому что император Александр скончался во время пребывания своего в Таганроге 19 ноября 1825 года. Он слывет в истории под именем Александра Благословенного; ни один русский государь не имел такой силы в делах целой Европы, и эту силу приобрел он не покорением народов, а их избавлением от французского, наполеоновского ига.

Император Александр не оставил после себя детей; наследником престола считался старший после него брат цесаревич Константин Павлович, находившийся с войском постоянно в Царстве Польском, в Варшаве. Но он, при жизни еще императора Александра, отказался от престола, и потому вступил на него третий брат, великий князь Николай Павлович. С самого начала своего царствования император Николай I должен был вести, одну за другою, три войны. Первая война была персидская. Русские владения за Кавказскими горами распространялись не завоеванием, а добровольным подданством грузинских владельцев; персиянам, разумеется, это не нравилось, и они нападали на новые русские владения, за что и были с ними войны при Екатерине II и при Александре I; в обеих войнах русские были победителями; но персияне не переставали спорить о границах. По вступлении своем на престол император Николай получил известие от генерала Ермолова, который начальствовал тогда на Кавказе, что персияне замышляют недоброе против России, собирают войско. Летом 1826 года персияне действительно перешли границы и устремились к главному городу Грузии — Тифлису; но на дороге им была крепость Шуша, которая так отлично оборонялась, что персияне должны были простоять под нею больше полутора месяцев. Этим временем подоспело русское войско с генералом Паскевичем, который сильно разбил персиян под Елизаветполем и прогнал за границу. В следующем, 1827 году пришел русским черед идти в Персию; персияне надеялись на свою сильную крепость Эривань; но Паскевич взял ее, взял большой город Тавриз и шел на столицу персидскую Тегеран; шах персидский испугался и в начале 1828 года заключил мир в Туркманчае, уступил России две области — Эриванскую и Нахичеванскую. Император за персидскую войну дал Паскевичу название графа Эриванского.

За персидскою войной следовала турецкая. Между турками и греками все шла война, и война страшная; греки никак не хотели идти

в прежнюю неволю, а турки никак не хотели уступить им что-нибудь. Тогда летом 1827 года Россия, Англия и Франция написали договор: предложить султану — пусть Греция остается под его властью, пусть платит ему ежегодную дань, но чтоб не было в ней турецких правителей и чтоб все турки выселились из Греции; если же султан на это не согласится, то воевать с ним. Султан не согласился, и война началась тем, что три флота — русский, английский и французский — встретились с турецким флотом при Наварине и в четыре часа истребили его. Это было в октябре 1827 года.

Сухопутная война началась в следующем году, и вся тяжесть ее пала на одну Россию. Русские войска заняли Молдавию и Валахию и перешли Дунай в присутствии самого государя. Сильные крепости Браилов и Варна были взяты. С другой стороны, в Азии граф Паскевич взял знаменитые турецкие крепости — Карс и Ахалцых. В следующем, 1829 году Паскевич поразил две турецкие армии и овладел важным городом Арзрумом. В Европейской Турции граф Дибич поразил главное турецкое войско при Кулевче, где турки потеряли 5 тысяч человек убитыми, весь обоз, пушки и знамена; а когда сдалась сильная крепость Силистрия, то Дибич перешел Балканские горы и 8 августа занял Адрианополь, самый важный турецкий город после Константинополя. И до Константинополя было уже очень недалеко. Тогда султан Махмуд испугался и стал просить мира. Прежде он не захотел дать Греции особое управление, а теперь согласился, чтоб Греция была совершенно от него независима, и, таким образом, благодаря России Греция освободилась от турецкого ига и составила особое, независимое королевство. По Адрианопольскому же миру получили большие права Молдавия, Валахия и Сербия. Давши так много своим единоверцам и единоплеменникам, Россия почти ничего не взяла себе, потому что четыре крепости, уступленные турками в Азии (Анапу, Потю, Ахалцых и Ахалкалаки) нельзя считать за важное приобретение.

Осенью 1829 года заключен был Адрианопольский мир, а осенью следующего, 1830 года польские заговорщики успели произвести восстание в Варшаве. 17 ноября вечером заговорщики ворвались во дворец, где жил великий князь Константин Павлович, умертвили нескольких близких к нему людей, но сам он успел выйти из дворца и удалиться к войску, находившемуся в окрестностях Варшавы. Польское войско перешло на сторону заговорщиков, и потому великий князь с русским войском должен был оставить Польшу. Благоразумные, умеренные поляки не хотели отделяться от России, изменять императору Николаю, не думали, что Польша может сладить с Россиею, не надеялись на помощь чужих государств; но рьяные заговорщики не хотели их слушаться и кричали, что польское королевство должно быть восстановлено в прежних границах, что Литва, Белоруссия, Волинь, Подолия должны отойти от России опять к Польше. Отправили в Петербург поверенных к императору с разными предложениями, но

император объявил им, что он не войдет в переговоры с бунтовщиками, у которых оружие в руках; если поляки требуют себе русских земель, то он прежде всего русский император и не может возвышать Польшу за счет России. Так как в Варшаве произошли убийства, покушались на жизнь великого князя, то он, император, как царь Польский, обязан подавить возмущение и наказать преступников. Тогда мятежники объявили в Варшаве, что они больше не признают императора Николая своим царем.

Русское войско вступило в Польшу под начальством графа Дибича, который за турецкую войну получил прозвание Забалканского. В начале 1831 года в окрестностях Варшавы, при селе Грохове, он победил поляков; русские войска уже готовились брать Варшаву; но поляки завели переговоры и воспользовались остановкою военных действий, чтоб поправиться и распространить возмущение по Литве, на Волыни и в Подолии. Помогла им также холера, от которой умер граф Дибич. Но возмутители не долго радовались; они были прогнаны из Литвы, из Волыни и Подолии; начальство над русским войском император поручил Паскевичу-Эриванскому, который подступил к Варшаве; перед приступом главнокомандующий послал сказать полякам, что если они сейчас же не признают императора своим королем и не будут требовать литовских и западнорусских губерний, то могут получить желаемые ими льготы. Поляки отвечали, что они подняли оружие за независимость Польши, которая должна быть в прежних границах. "На подобные вещи можно отвечать только пушечными выстрелами", — сказал фельдмаршал. 25 августа под Варшавою раздалась песня: "Ах зачем было огород городить, ах зачем было капусту садить!" С этою песнею русские солдаты пошли на приступ. 26 августа Варшава была взята; много поляков бежало за границу, оставшиеся покорились безусловно, и война кончилась. Граф Паскевич-Эриванский получил от государя новое прозвание князя Варшавского. Польша, вследствие мятежа, потеряла свое прежнее управление, данное ей императором Александром Павловичем, потеряла и свое войско.

Поляки, бежавшие за границу, обрадовались в 1848 году, когда по всей Европе пошли смуты. Им нельзя было ничего сделать прямо в Польше, так они начали действовать около, в австрийских владениях, в дунайских княжествах — Молдавии и Валахии; особенно сильное участие приняли они в возмущении венгров против австрийского императора: если венгры успеют победить Австрию, думали они, то и мы успеем победить Россию. Чтоб разрушить эти замыслы, император Николай ввел свои войска в дунайские княжества, а в 1849 году, по просьбе австрийского императора, отправил к нему на помощь войско против венгерских повстанцев. Это войско спасло Австрию: 1 августа главный венгерский начальник, Гергей, сдался русскому генералу Ридигеру с 30 тысячами войска и 120 пушками.

Из внутренних дел императора Николая Павловича важнее всего было издание Свода законов. После Уложения царя Алексея Михайловича в продолжение почти 200 лет накопилось множество постановлений, но они не были разобраны в каком-нибудь порядке, действующие не отделены от недействующих. От этого происходили страшные затруднения и большие злоупотребления; медленность в решении дел была чрезвычайная. По справкам оказалось, что в разных судах по всей России накопилось 2 миллиона 850 тысяч дел и 120 тысяч подсудимых сидело в заключении. Император Николай Павлович в самом начале своего царствования обратил внимание на это дело и поручил вести его Михаилу Михайловичу Сперанскому; в 1833 году вышел Свод законов действующих, а потом издано Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

На 1850 году, на половине нынешнего века мы остановимся. О восточной войне, о славной защите Севастополя и о делах нынешнего царствования потомки наши напишут много, много книг; но мы, современники, все это хорошо знаем, а младшие, которые чего не помнят, спросят у старших, и те им расскажут не по книгам, а как очевидцы.

¹ Миля — путевая мера длины. 1 миля = 7420 м (здесь и далее комментарии И. В. Волковой).

² После трех разделов Речи Посполитой в XVIII в. ее территория и народонаселение вошли в состав трех государств — России, Пруссии и Австрии.

³ Сербия, Черногория и Болгария получили независимость в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг. (Болгария — ограниченную независимость). Другие славянские народы образовали свои национальные государства только в XX в.

⁴ Опираясь на летопись, Соловьев считал славян выходцами из Азии, первоначально расселявшимися на берегах Дуная. Современная наука не разделяет этой версии.

⁵ В действительности возникновение городов было связано с развитием общественного разделения труда и обмена.

⁶ Рюрик умер в 882 г.

⁷ Олег захватил власть в Киеве в 882 г.

⁸ Хазары — тюркоязычный народ, власть которого распространялась на Северное Причерноморье. Государство хазар существовало за счет грабежа соседних народов. В X в. после победоносных походов русского князя Святослава оно пришло в упадок.

⁹ Игорь княжил в 912—945 гг. В 941 и 944 гг. он совершил походы в Византию.

¹⁰ Печенеги — тюркоязычный народ. В конце X в. занимали огромную территорию между Волгой и Яиком. Византия использовала печенежскую орду против мадьяр, Руси и дунайских болгар.

¹¹ Святослав был убит печенегами в 972 г. во время возвращения на Русь из Болгарии.

¹² Ярослав Мудрый княжил в Киеве в 1019—1054 гг.

¹³ Половцы — тюркоязычный народ, занимавший в XI—XII вв. степи между Дунаем и Волгой.

¹⁴ Владимир Мономах организовал несколько крупных походов против половцев, в результате которых они откочевали за Дон и Волгу, в степи Северного Кавказа и Южного Урала.

¹⁵ Юрий Долгорукий умер в 1157 г.

¹⁶ Андрей Боголюбский (1157—1174) и его брат Всеволод Большое Гнездо (1176—1212) заложили основы могущества Владимиро-Суздальского княжества. При Всеволоде титул Великого князя Владимирского получил широкое признание.

¹⁷ Александр Ярославович Невский княжил во Владимире в 1252—1263 гг.

¹⁸Иван Данилович Калита правил в 1325—1340 гг.

¹⁹Дмитрий Иванович начал княжить в 1359 г.

²⁰Литовский князь Ольгерд находился у власти в 1345—1377 гг. Годы его правления для Литовского великого княжества ознаменовались значительными территориальными приобретениями (были захвачены белорусские, украинские и некоторые русские земли). Литва захватила чернигово-северские княжества и распространила свою власть на область Верхней Волги.

²¹Кроме рязанских отрядов, в войске Дмитрия Донского не были представлены тверские, нижегородские и новгородские воины. Их отсутствие объяснялось разными причинами: тверское и новгородское правительства сознательно не желали поддерживать предприятий московского князя, которые способствовали его популярности и усилению Московского княжества; нижегородские военные силы остались на своей земле для ее обороны на случай движения войск Мамаю в этом направлении.

²²Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, княжил в 1389—1425 гг.

²³Уния Польши и Литвы была закреплена Кревским договором 1385 г., Люблинским договором 1386 г.

²⁴Войска Тимура (Тамерлана) вторглись на Русь в 1395 г.

²⁵Шемьяка умер в 1453 г. в Новгороде, правительство которого оказывало ему поддержку до последних дней. После его смерти в 1456 г. Василий II во главе большого войска совершил поход на Новгород. В результате этих действий был заключен Язельбицкий договор, по которому Новгородская республика фактически лишалась законодательных прав и самостоятельной внешней политики.

²⁶Тверское княжество перешло под власть московского князя в 1485 г.

²⁷Русско-литовский договор, по которому к Русскому государству отходили Вяземское княжество и территория в бассейне верхнего течения Оки, был подписан в 1494 г.

²⁸В результате перехода западнорусских князей православному вероисповеданию на сторону Ивана III к Русскому государству были присоединены земли Новгорода-Северского, Любеча, Чернигова, Стародуба и Гомеля.

²⁹Рязанское княжество было включено в состав Московского в 1521 г.

³⁰После смерти Елены Глинской в 1538 г. власть фактически перешла в руки князей Шуйских и Бельских.

³¹Роль Стоглавого собора 1551 г. не ограничилась только теми постановлениями, которые перечислил Соловьев. На Стоглаве были приведены к единообразию и упорядочены церковные обряды, приемы иконопосия. Были также приняты важные решения, касавшиеся монастырского землевладения: об аннулировании земельных пожертвований в монастыри, сделанных боярами после смерти Василия III, о возвращении светским владельцам земель, насильственно отнятых у них епископами и монастырями, о запрещении дальнейшей продажи земель церковным учреждениям "без доклада" царю, о запрете отдавать земли бывших князей на помин души.

³²Союз, направленный против России, был заключен Ливонским орденом и королем Польши и великим князем Литвы в 1557 г.

³³Анастасия Романовна Захарьина умерла в 1560 г.

³⁴Князь А. М. Курбский перешел на сторону Литвы в апреле 1564 г.

³⁵Иван IV выехал из Москвы на богомолье в декабре 1564 г. В начале 1565 г. была учреждена опричнина.

³⁶Новгород был подвергнут разгрому опричным войском в 1569 г.

³⁷Опричина была отменена в 1572 г., после того как земское войско во главе с М. И. Воротынским одержало победу над крымским ханом Девлет-Гиреем у села Молоди.

³⁸Важнейшим фактором, повлиявшим на исход войны, кроме избрания королем Стефана Батория, было политическое объединение в 1569 г. Литвы и Польши в одно государство (Речь Посполитую). В лице Речи Посполитой Россия получила сильного и опасного противника.

³⁹В январе 1582 г. в Яме Запольском был заключен мирный договор между Россией и Речью Посполитой. Россия отказывалась от Ливонии, к Речи Посполитой отходили также Полоцк и Велиж. В 1583 г. был заключен договор России со Швецией, по которому последней передавались русские города Ям, Копорье, Ивангород. За Россией оставался лишь небольшой участок побережья Финского залива с устьем Невы.

⁴⁰Такие условия крестьянского выхода были установлены еще Судебником 1497 г.

⁴¹Юридическое оформление крепостного права в России было связано не только с необходимостью наделения служилых людей контингентом рабочей силы и обеспечения возможностей их военной службы. Не меньшее значение имели интересы самой государственной власти, стремившейся создать себе надежную социальную опору в лице феодалов-землевладельцев и решить финансовые трудности путем прикрепления и обложения государственным тяглом крестьян. Окончательный запрет на переходы крестьян был установлен Уложением царя Алексея Михайловича в 1649 г.

⁴²Борис Годунов был избран на престол в феврале 1598 г.

⁴³Восстание крестьян и холопов под предводительством Хлопка Косолапого вспыхнуло в 1603 г.

⁴⁴Кроме неуважения к национальным традициям и церковным обрядам непопулярности Лжедмитрия I в народе содействовала также жестокая крепостительная политика.

⁴⁵В тушинском лагере нашли прибежище отнюдь не только одни отбросы общества, как считал Соловьев. В ожидании пожалований и наград в Тушино перешла большая часть бояр, оказавшихся в немилости у царя Василия Шуйского. Среди них находились Романовы и их родственники. Филарет (Ф. Н. Романов) был провозглашен в Тушине патриархом Московским и вся Руси.

⁴⁶Польские войска перешли русскую границу в сентябре 1609 г.

⁴⁷Разгром войска Д. И. Шуйского у села Клушино произошел в июне 1610 г.

⁴⁸В. И. Шуйский был свергнут 17 июня 1610 г.

⁴⁹После свержения Шуйского власть оказалась в руках правительства из семи бояр: Ф. И. Мстиславского, И. М. Воротынского, А. В. Трубецкого, А. В. Голицына, Б. М. Лыкова, И. Н. Романова, Ф. И. Шереметева.

⁵⁰Ополчение двинулось к Москве в начале 1611 г.

⁵¹П. Ляпунов был убит в казачьем кругу в июле 1611 г.

⁵²Причиной городских восстаний середины XVII в. явилось не только недовольство населения деятельностью воспитателя царя боярина Б. И. Морозова, но и возмущение налоговой политикой правительства, лихоимством и продажностью приказного аппарата. Восстание 1648 г. в Москве побудило правительство приступить к составлению нового кодекса права — Соборного уложения 1649 г.

⁵³Соловьев представлял крестьянскую войну под руководством С. Разина в виде разбойных дебошей казаков. В действительности в данном движении,

особенно на его втором этапе, в 1670—1671 гг., принимали активное участие широкие слои трудового народа: крестьяне, холопы, городские низы, работные люди, представители нерусских народов Поволжья. Их выступление отражало сопротивление усилившемуся феодальному гнету.

⁵⁴С. Разин был казнен в июне 1671 г.

⁵⁵Религиозная борьба в ходе Соловецкого восстания 1668—1676 гг. переросла в социальную. Восстание на Соловках было отголоском крестьянской войны под предводительством Разина.

⁵⁶В вопросе об изменении обрядности позиция официальной церкви, ориентировавшейся на греческие образцы, в действительности оказалась неосновательной. Как выяснилось в процессе работы над богослужебными текстами, отступление от обряда допустила не русская церковь, а греческая. На этой почве возникли противоречия между так называемыми ревнителями древнего благочестия и сторонниками патриарха Никона.

⁵⁷Добившись осуждения Никона на церковном соборе 1666—1667 гг., Алексей Михайлович тем не менее продолжил его реформу. Ее проведение привело к возникновению старообрядческого движения в России, объединившего недовольных церковными нововведениями.

⁵⁸Школа в Заиконоспасском монастыре, в которой обучали грамматике и латинскому языку, была открыта несколько раньше — при Алексее Михайловиче в 1665 г.

⁵⁹Верста — русская мера длины. 1 верста = 1,067 км.

⁶⁰Походы в Крым под командованием фаворита царицы Софьи В. В. Голицына были организованы в 1687 и 1689 г.

⁶¹Рекрутские наборы, ставшие основным источником пополнения армии, были введены в 1699 г.

⁶²Русский посол Е. Украинцев прибыл в Константинополь на военном корабле "Крепость" в 1699 г.

⁶³Константинопольский мир с Турцией был заключен в 1700 г.

⁶⁴Древнерусский город Орешек был взят русскими войсками в октябре 1702 г.

⁶⁵Победа при Калише была одержана русскими войсками под командованием А. Д. Меншикова 18 сентября 1706 г.

⁶⁶Башкирское восстание продолжалось с 1705 по 1711 г. Сопротивление башкир вызывали колонизаторская политика русского правительства и тяжелый налоговый гнет.

⁶⁷Восстание крестьян и казаков на Дону было подавлено в 1708 г.

⁶⁸Мазепа перешел на сторону Карла XII осенью 1708 г.

⁶⁹Областная реформа Петра I была проведена в 1708—1710 гг.

⁷⁰Северный союз России с Речью Посполитой и Данией против Швеции был возобновлен в 1710 г.

⁷¹Прутский мирный договор с Турцией был подписан 12 июля 1711 г.

⁷²Карл XII погиб в Норвегии при осаде Фридрихсгаля в 1718 г.

⁷³Подушная подать была установлена для крестьян в размере 74 копеек, для посадских жителей — в размере 1 рубля 14 копеек.

⁷⁴Петербургская академия наук была открыта в 1725 г.

⁷⁵Поход Петра I в Иран был предпринят в 1722 г.

⁷⁶Меншиков А. Д. был сослан в Березов в 1727 г. Умер в 1729 г.

⁷⁷Анна Иоанновна царствовала в 1730—1740 гг.

⁷⁸Э. Бирон был свергнут в результате дворцового переворота в ноябре 1740 г.

⁷⁹М. В. Ломоносов род. в 1711 г. Ум. в 1765 г.

⁸⁰Петр III был свергнут женой Екатериной II в результате дворцового переворота 28 июня 1762 г. 6 июля умер насильственной смертью в Ропшинском замке.

⁸¹Секуляризация церковного землевладения была проведена Екатериной II в 1764 г.

⁸²Начало русско-турецкой войны было лишь предлогом для роспуска Уложенной комиссии. Настоящая причина заключалась в острейших спорах, которые разгорелись между крепостниками-консерваторами и представителями антикрепостнического лагеря на Большом собрании. Напуганная таким поворотом работы комиссии, Екатерина II поспешила ее распустить.

⁸³Движение под руководством Е. Пугачева было последней наиболее крупной по своим масштабам в истории России крестьянской войной. Пугачев был казнен 10 января 1775 г.

⁸⁴Жалованная грамота дворянству и Жалованная грамота городам были опубликованы 21 апреля 1785 г.

⁸⁵Учреждение для управления губерний, вводившее новое областное устройство, было создано в 1775 г.

⁸⁶Татищев В. Н. (1686—1750) был автором многотомного сочинения по истории России, которое было издано в 1768 г.

⁸⁷Щербатов М. М. (1733—1790) был автором многотомного сочинения "История Российская".

⁸⁸И. Н. Болтин (1735—1792) был автором нескольких сочинений по истории, написанных в полемике с критическими отзывами о России французских авторов Леклерка и Левека.

⁸⁹Русско-шведская война шла в 1788—1790 гг.

⁹⁰Павел I разорвал союз с Австрией в 1800 г.

⁹¹Павел I был убит в результате дворцового переворота 11 марта 1801 г.

⁹²Наполеон Бонапарт был провозглашен императором Франции в 1804 г.

⁹³Пруссия порвала с Наполеоном и заключила союз с Россией в феврале 1813 г. Австрия присоединилась к русско-прусской коалиции в августе 1813 г.

⁹⁴Наполеон снова провозгласил себя императором в марте 1815 г.

⁹⁵После окончательного разгрома наполеоновских войск в битве при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Наполеон был сослан на остров Святой Елены.

ЛЕКЦИЯ ОБ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

* * *

Лекция "Об истории Восточной Европы" составляет часть неопубликованного рукописного наследия историка. Она хранится в личном фонде Соловьева (РО ГБЛ Ф. 285. К. 9. Д. 5. С. 1—16). Можно предполагать, что она являлась введением в курс лекций Соловьева по новой русской истории, программа которого предусматривала сравнительный обзор главных черт европейской и отечественной истории (РО ГБЛ Ф. 285. К. 3. Д. 4. С. 1). Текст лекции скорее всего был составлен в начале 50-х годов XIX века. В ней историк обращается к важному для его общеисторической концепции вопросу о роли исходных, исторических и природно-географических, факторов в формировании жизненного уклада народов. Из различия первоначальных условий существования восточных славян и германцев он объясняет и различие путей их развития на протяжении длительного периода — от раннего средневековья до начала нового времени. По тем же первичным признакам он пытается уяснить и различие в судьбах родственных народов — русских и поляков. Лекция привлекает внимание обоснованием теоретических положений, попыткой определения главных критериев плодотворного, интенсивного развития одних народов и, наоборот, выявления причин отставания других.

И.В.Волкова

*Лекция дана в сокращении.

* * *

С конца XVII и начала XVIII века на сцену европейской истории выступают особенно резко и начинают играть важную роль два государства: на западе — Англия, на востоке — Россия. В XVII столетии Англия выдержала две революции¹, и поэтому ей в XVII в. было не до континентальной Европы; мало того, она в это время иногда даже находилась в зависимости от континента — от Франции. Только со времени изгнания Стюартов² Англия начала принимать участие в делах континента, а именно в войне за испанское наследство, когда Людовик XIV был задержан в своем быстром ходе³. В то же время на востоке Европы началась великая Северная война, окончившаяся преобладанием России на востоке Европы.

Но для того, чтобы ясно определить себе, почему выпала на долю России такая роль, мы должны взглянуть на то, что прежде делалось на востоке Европы. На западе Европы мы имеем дело с племенами германскими и романскими; последние произошли от помеси германских народов с римлянами.

На востоке Европы мы имеем дело с племенами славянскими; из них в историческом смысле, по ролям, ими играемым в истории, главными являются три племена: чешское, польское и русское. Из этих трех племен одно русское умело составить и поддержать независимую самостоятельную державу — государство. На карте мы видим, что русское племя, достигнув государства, вознаградило себя при этом с лихвой — огромными пространствами земель. Но нас поражает сначала то, что самостоятельное государство славяне образовали на крайнем востоке Европы. Ближайшее к западу славянское государство — Чешское — теряет свою самостоятельность и входит в состав владений одной из германских династий⁴; Польское государство переживает Чешское, но падает в конце XVIII столетия, и из всех самостоятельным остается одно — Русское. Это явление мы не объясним себе, если не обратимся к началу их истории.

Западные государства, и те именно, которые играли главную роль, образовались в провинциях Римской империи. Здесь они нашли богатое наследство, состоявшее из греко-римской цивилизации; здесь уже была история; новые народы пришли на почву возделанную и оттого получили большие средства жить, и жить хорошо. Но чем далее на

восток и северо-восток, тем менее средств для истории. В собственно Германии и далее на северо-восток греко-римская цивилизация не оставила своих следов; это почва была новая, девственная; для народов, здесь поселившихся, не оставлено было никаких средств для истории, и поэтому мы видим, что в Европе процветали государства, лежащие на западной и разветвленной ее части. Но, кроме исторических причин, здесь для развития истории помогли и географические причины. Известно, что страны приморские скорее развиваются; море усиливает деятельность человека, влечет его к подвигам; известно, как развились в древности Финикия и Греция благодаря своему счастливому географическому положению. Западная Европа имеет еще преимущество перед Восточной: по ней разветвляются горы и вследствие этого дается средство к образованию небольших государств. Небольшие же государства имеют то преимущество, что в них историческая жизнь скорее и лучше зреет. Здесь, конечно, важную роль играет середина, то есть чтобы государство было не слишком малое, малое государство имеет в себе невыгоду ту, что не всегда может иметь средства отражать неблагоприятные условия для своего существования. Близость моря, средняя величина — вот условия для быстрого развития гражданской жизни; сюда входить должны также умеренный климат, плодородная почва; последняя в том смысле, что почва вызывает человека на труд и вознаграждает его. Картичность страны тоже имеет много за собой — она возбуждает в человеке чувство изящного.

Все эти условия находятся в Западной Европе, и благодаря им она процветала и оставила за собой все другие части света и даже Восточную Европу. Чем далее на восток в обширные равнины, не имеющие гор, тем история развивается медленнее. Собственно Германия, во-первых, оттого, что здесь римляне не оставили следов своей цивилизации, и, во-вторых, что она не имеет тех природных преимуществ, какие находятся далее на западе Европы, отстает. Здесь мы видим, как первоначальные племенные условия играют важную роль; здесь на свободе развиваются племенные особенности, и это раздробляет Германию и кладет препятствие к развитию единовластию, чем осуждается Германия на второстепенную роль. У народов нецивилизованных играют важную роль эти условия, но цивилизация уничтожает эти естественные связи и дает другие — общественные. В Галлии кельты жили отдельными племенами, но римляне, покорив кельтов, уничтожили племенные условия и составили одно население с римской цивилизацией⁵. Германцы, пришедши сюда, нашли цивилизацию и объединили племена⁶. В собственно Германии, где не было римлян, в начале средних веков жили под племенными формами; отсюда в Германии племенное деление играет важную роль и даже до сего времени. Но и германские племена, несмотря на то что их положение было менее выгодно, все же имеют преимущество перед восточными славянскими племенами, потому что они рано вошли в сношения

с этими романизованными странами — там Карл Великий, овладев германскими племенами, и потом германские короли, получив императорский титул, вошли в связь с Римом, что имело большое значение для Германии⁷. Немцы, вошедши в связь с Италией, получили римскую цивилизацию; через Германию пошли торговые пути по рекам германским (из южной Европы в северную); города, стоявшие на этих путях, процвели; крестовые походы, образование рыцарских орденов — все это должно было действовать на немцев. Они сохранили свой язык в чистоте, они вошли в связь с народами, цивилизованными римской цивилизацией; усвоив эту цивилизацию, они стали сильнее своих восточных соседей — славян и по известному закону должны были взять преимущество над славянами как народ цивилизованный над нецивилизованным. Всегда эти нравственные силы, которые дает цивилизация, на первом плане, и вот с незапамятных времен племена славянские и немецкие начинают борьбу между собой, причем немцы осиливают славян. Славяне не могли противиться немцам как потому, что разделены сами по себе, так и потому, главное, что не могли противостоять цивилизации. С самых ранних пор видно наступательное движение на славянские племена, еще при Карле Великом некоторые племена славян, жившие под племенными формами, благодаря своей слабости должны были покориться немцам⁸. На беду славян после Карла Великого, когда образовалась Священная Римско-Германская империя⁹, в челе империи находились люди энергичные, талантливые, знаменитые Оттоны, Генрихи¹⁰ — они увеличили силы Германии; славяне, развоенные, слабые, должны были бороться с ними. Самое сильное из славянских племен на западе — племя чешское, оно с начала своей истории борется с немцами, и вся его история состоит в этой борьбе, но наконец Богемия пала¹¹. Чехи одни, другие славянские племена их не поддерживают, а германцы действуют соединенными силами. Для объяснения всего этого представим в кратких чертах историю Богемии, Польши и России.

Древняя русская история состояла в борьбе множества князей, и, наконец, наступает единовластие. Множество этих князей находились между собой в отношениях, совершенно противоположных нынешним. Теперь братья, дяди и племянники государя — подданные его. Но при первоначальном быте не скоро доходят до этих понятий, а живут в естественных формах родового быта.

Так владели наши князья в древней Руси, так же было и в Польше, и в Богемии. На западе этого нет. Но как же образовались тамошние государства? Они образовались вследствие движения дружин; а дружины, эти военные братства, действуют разрушительно на родовые формы. Родовые формы основаны на кровной связи, а дружины образуются искусственно — люди, составляющие их, из разных родов и даже разных племен; в дружине все между собой чужие, но соединившиеся для общего действия; они выбирают себе вождя по таланту

— лучшего человека. Движение дружин, усилившееся в германских племенах, дало средства покорить римские провинции германцам¹²; но в этих провинциях они не находили следов родового быта, ибо эти следы римская цивилизация уже уничтожила. Таким образом, в Западной Европе родовому быту был нанесен удар, и вместо него начала играть [роль] сначала выборность, а потом наследство от отца к сыну. У славян дружинное начало долго не могло взять перевес над родовым, и сами правители страны подчинялись его естественному началу: старший физически должен быть всегда старше. Отсюда в славянских странах происходят одинаковые явления: многие князья ведут усобицы по родовым отношениям. Старшие братья выгоняют, ослепляют и убивают младших — у поляков и у богемцев так же. У нас и у чехов начало этих родовых счетов относится почти к одному времени, а именно к 1054 году¹³. У поляков начинается это дело почти сто лет спустя, в 1139 году, по смерти Болеслава Кривоустого¹⁴. Это позднее начало важно для Польши в отношении к аристократии, которая усиливается. Здесь главное, основное различие польской и русской истории. Сначала кажется, что оба эти племени находятся в одинаковом положении; оба государства земледельческие и вдали от отношений, которые усилили Западную Европу; в том и другом государстве промышленность и торговля не могли скоро подняться. Если в Западной Европе двигаются дружины, которые ищут земли и получают ее, то у нас это явление если и было, то не в такой степени; у нас дружины находятся при князьях, не расходятся по земле, не строят укрепленных мест и поэтому не получают для земли важного значения. Дружины всегда около князя, кормятся от него доходами, им получаемыми, старшие из них составляют его совет, и все здесь живет в первоначальной дружинной форме, хотя князь и поселился уже в известной стране. На Западе, как только князь поселялся в известной стране, то и дружина расходилась по земле. У нас земли так много, что она не имеет почти никакой ценности, и поэтому дружине выгоднее находиться при князьях. У нас совсем другое: по огромным пустынным пространствам кое-где живут роды, и поэтому выгоднее собирать дань с этих родов, чем самим заниматься хозяйством.

Рост городов. В городе князь назначал наместниками старших членов своей дружины. Из этих наместников могла бы составиться аристократия, которая могла бы войти во враждебное отношение к князю. Но потому, что княжеский род начал распложаться и народонаселения и городов мало, а князей много, поэтому по всем городам разошлись князья. Вследствие этого мужам княжьим не пришлось получить важного значения, ибо они уже не могли быть наместниками в известных городах, потому что везде владеют сами князья.

В Польше, несмотря на то что было все сходно с нашей Русью, но там князья не расплозились так, как у нас, и до 1139 года нет многовластия, и это общество дает возможность усилиться началь-

никам отдельных городов, образуется аристократия, которая тотчас же стала ограничивать короля, и чем далее, тем более.

Таким образом, в самом начале польской истории образовалась могущественная аристократия, взявшая верх над княжеской властью.

У нас на Руси при общем владении князей землей власть княжеская ослабела¹⁵ и подняла значение городов, особенно главных. Дружине хорошо жить при князе, и князю она нужна, ибо с ней он все добудет. Для дружины же важно то, что она могла переходить от одного князя к другому, что не считается изменой.

Родовые княжеские отношения уничтожились, когда сцена историческая перенеслась с юго-запада на северо-восток, с Днепра в область Волги, где главным городом являлся Владимир-на-Клязьме. Здесь, благодаря тому, что славянское население пришло недавно и нашло князей, которые своей властью дали населению земли, оно стало смотреть на князей как на полновластных хозяев городов, ими построенных. Эти города вполне зависели от князя, и здесь князь получил значение государя — господина, хозяина. Здесь князья успокаиваются на месте; на юге они кочевали из города в город, занимая их по родовым счетам; а потому и ни один князь...*

*Леския на этом обрывается.

¹ Имются в виду две английские буржуазные революции — 1649 и 1688—1689 гг.

² В январе 1642 г. английский король Карл I Стюарт под давлением растущего народного возмущения был вынужден покинуть Лондон. Через семь лет он был казнен. В 1701 г. Стюарты были окончательно изгнаны из Англии.

³ Война за испанское наследство, в которую оказались втянуты почти все европейские государства, продолжалась с 1701 по 1714 г. Одним из главных виновников ее развязывания был французский король Людовик XIV. Франция, против которой действовала почти вся Европа, была изрядно разорена и истощена в этой войне.

⁴ В 1526 г. Чехия признала власть Габсбургов. В том же году под власть Габсбургов перешла и Словакия.

⁵ Галлия, богатейшая область Западной Европы в античные времена, включавшая позднейшую территорию Франции, Бельгии и части Германии, была приведена в подчинение Риму в 52 г. до н. э.

⁶ Ведущая роль в этом процессе принадлежала франкским племенам, составившим ядро германского государства. Осев на римской территории, они эффективнее других западногерманских племен восприняли достижения римской культуры. Объединение франкских племен, захвативших большую часть Галлии, произошло в 507—511 гг. под главенством основателя франкского государства Хлодвига.

⁷ Король франков Карл Великий (742—814) основал империю, в состав которой вошли как германские, так и романские народности. Росту престижа и влияния империи Карла Великого способствовали тесные связи с папством и коронация Карла в 800 г. императорской короной из рук папы Льва III.

⁸ В VIII—IX вв. особенно сильный натиск франков испытали словенские и моравские племена.

⁹ Священная Римско-Германская империя была создана в 962 г. (просуществовала до 1806 г.).

¹⁰ Оттоны — среди римско-германских императоров было четыре Оттона. Оттон I (912—973) — немецкий король с 936 г., первый император Священной Римской империи с 962 г.; Генрихи — среди немецких королей и римско-германских императоров было семь Генрихов. Генрих I Птицелов (872—936) положил начало Саксонской династии.

¹¹ Богемия — немецкое название Чехии. В 1526 г. после перехода ее престола в руки Габсбургов утратила свою независимость.

¹² В 476 г. был низложен последний римский император Ромул Августул. Римская империя с ее провинциями была разрушена под натиском германских племен.

¹³ В 1054 г. после смерти Ярослава Мудрого намечается тенденция феодальной раздробленности на Руси. Аналогичное явление наблюдалось в Чехии после смерти сильного правителя из рода Пршемысловичей Бржетислава I (1034—1055). Дата его смерти указана Соловьевым неточно.

¹⁴ По статусу о престолонаследии, провозглашенному Болеславом Кривоустым в 1138 г., после его смерти Польша была разделена на уделы между его сыновьями, что знаменовало собой наступление периода феодальной раздробленности.

¹⁵ Имеется в виду ослабление центральной княжеской власти на Руси вследствие распада Киевской Руси на ряд княжеств и феодальных республик.

Содержание

ЛЕТОПИСЦЫ ОТЕЧЕСТВА (<i>Н. И. Павленко</i>)	5
И. В. Волкова. СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ. Очерк жизни и творчества	23
Глава I. ПЕРВЫЕ ШАГИ	24
Глава II. НА ПОДСТУПАХ К ГЛАВНОМУ ТРУДУ	42
Глава III. НЕЗНАКОМАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ	54
Глава IV. ПЕТР I: ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЯ	78
Глава V. ПОСТИГАЯ ДЕНЬ ВЧЕРАШНИЙ	107
Глава VI. ПЕДАГОГ	141
Глава VII. В КРУГУ РОДНЫХ И БЛИЗКИХ	155
Глава VIII. ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА	164
Примечания	172
С. М. Соловьёв. ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ЧТЕНИЯ О РУССКОЙ ИС- ТОРИИ	187
Комментарии	338
С. М. Соловьёв. Лекция об истории Восточной Европы	343
Комментарии	349

Сергей Михайлович Соловьев

ОБЩЕДОСТУПНЫЕ ЧТЕНИЯ О РУССКОЙ ИСТОРИИ

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*

Редакторы *А. С. Кочеткова, Т. Б. Рябикова*

Младшие редакторы *Е. А. Дмитриева, Е. В. Печурова*

Художественный редактор *О. Н. Зайцева*

Технический редактор *Т. Н. Иванова*

ИБ № 8658

Сдано в набор 20.11.91. Подписано в печать 13.07.92. Формат 60x84 ¹/₁₆ .
Бумага офсетная №2. Гарнитура Баскервиль. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 20,46. Уч.- изд.л. 25,46. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 2416. С 077.

Российский Государственный информационно-
издательский Центр "Республика"
Министерства печати и информации Российской Федерации.

Издательство "Республика".

Полиграфическая фирма "Красный пролетарий".
103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

Общедоступные
чтения
о русской истории

С. Соловьев

